

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

К. Г. МЕНГЕС

ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

— ⚡ · В · ⚡ —

«СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1979

Печатается на основе:

Karl Heinrich Menges

THE ORIENTAL ELEMENTS IN THE VOCABULARY
OF THE OLDEST RUSSIAN EPOS,
THE IGOR' TALE «SLOVO O P'YĬLKU IGOREVĚ»

SUPPLEMENT TO «WORD»,
JOURNAL OF THE LINGUISTIC CIRCLE
OF NEW YORK, 1951

Перевел с английского А. А. АЛЕКСЕЕВ

Ответственный редактор А. Н. КОНОНОВ

ОТ РЕДАКТОРА

Историко-культурный интерес исключительного значения представляет изучение общей тюрко-славянской и славяно-тюркской лексики, возникшей в результате взаимовлияния тюркских и славянских языков, порожденной многовековыми контактами и, более того, совместной жизнью их носителей в условиях единого государства. В XI в. на Руси появляются поселения тюркских племен; первые достоверные сведения о поселениях торков приходятся на 1080 г.; в 1097 г. упоминаются вместе с торками и первые поселения берендеев и печенегов. Названные тюркские племена носили на Руси собирательное имя черных клобуков и позднее входили в состав Киевского государства на правах его граждан.¹

Многовековое взаимодействие восточных славян — позднее русских, украинцев, белорусов — и тюрков оставило заметный след во многих проявлениях жизни и деятельности названных славянских народов: в их этногенезе и культуре, архитектуре и орнаменте, в употреблении ими некоторых предметов домашнего обихода и одежды, в отдельных деталях быта и обычаев, в терминологии животноводства и соколиной охоты, в фамилиях и прозвищах, в топонимах и гидронимах и т. п. Посольский церемониал у русских князей и царей вплоть до Петра I «носил в полном,

¹ Р а с о в с к и й Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. — СК 6, 1933, 10—11, 16; Г р е к о в Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 466.

можно сказать, объеме татарский — вернее — азиатский характер».²

Самобытная культура русов впитывала элементы чужой культуры, шедшие с Востока и Запада, и, перерабатывая их, обогащалась, поднималась на новые ступени своего развития.

Первые попытки регистрации и посильного объяснения тюркизмов и, шире, восточных элементов (преимущественно персидской и арабской лексики, проникшей в русский язык, как правило, через посредство тюркских языков Поволжья и Северного Кавказа) были предприняты нашими далекими предками «ранее XI столетия».³

К числу лексикографических опытов, представляющих исключительный интерес для истории регистрации и объяснения тюркской лексики русскими, относятся два словарика: «Се татарский язык» и «Толкование [или Толк] языка половецкого».⁴ Позднее, в XVI—XVIII вв., широко распространяются словари иностранных слов, проникших в лексику русского языка, которые носили название «Азбуковники» или «Алфавиты иностранных речей»; в них иногда приводились толкования слов, заимствованных из восточных языков, в том числе и тюркских.⁵

В «Лексиконе» (СПб., 1793) В. Н. Татищева (1686—1750) приведены на научном уровне того времени толкования значительного числа тюркских по происхождению слов, а до этого Василий Тузов в журнале «Поденщина» (1769) опубликовал списки восточных слов в сопоставлении с русскими.⁶

Русские востоковеды в начале XIX в. включали в планы своих исследований как необходимый элемент изучение тюркизмов в русском языке и русизмов в тюркских языках.

Восточные элементы в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина объясняли Х. Д. Френ (1782—1851) и Я. О. Ярцов (1792—1861).⁷ Талантливый востоковед, ученик Х. Д. Френа, Я. О. Ярцов в 1816 г. для своей диссертации на степень магистра

² Веселовский Н. И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в Московский период русской истории. СПб., 1911, с. 1.

³ Сухомлинов М. И. О языкознании в древней России. — Учен. зап. Второго отделения АН, кн. I, СПб., 1854, с. 5; Булич С. К. Очерк истории языкознания в России, т. I (XIII в. — 1825 г.). СПб., 1904, с. 161—164. О тюркских заимствованиях в славянских и индоевропейских языках см.: Крымский А. Ю. Тюрки, их мови та літератури. — Твори в п'яти томах, т. 4. Київ, 1974, с. 574—583; см. еще сб.: Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974, 300 с.

⁴ Подробнее см.: Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 17.

⁵ См.: там же, с. 20—21.

⁶ Добродомов И. Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). АКД. М., 1966, с. 3.

⁷ См.: Завадовский Ю. Н. К вопросу о восточных словах в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина. 1466—1472. — Тр. Ин-та востоковедения АН УзССР, Ташкент, 1954, вып. III, с. 139—145; Тита-

избрал следующую тему: «De origine vocabularum rossicorum ex linguis orientalibus prolatis» («О русских словах, происходящих из восточных языков»).

Свидетельством возрастающего внимания к этой теме является также доклад проф. Казанского университета И. Ф. Яковкина на тему: «Опыт собрания слов арабских, турецких, персидских и татарских, употребляемых в русском языке», прочитанный 20 января 1817 г. на заседании Академии наук в Петербурге.⁸

В это же время появляются специальные издания, регистрирующие и объясняющие иностранные лексические заимствования в русском языке; к их числу, например, относятся словарь Н. Яновского «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» (ч. 1—3. СПб., 1803, 1804, 1806); «Новый и полный толкователь слов славянских, греческих, латинских, немецких, итальянских, французских, жидовских, турецких и др., употребляемых в русском языке» (Харьков, 1817) и «Корнеслов русского языка, сравнительно со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками» Ф. С. Шимкевича (СПб., 1842).

В этом плане известный интерес представляет также труд С. П. Зелинского «Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» (Тифлис, 1889) и «Новейший полный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранных слов» В. Мартиновского и И. Ковальского (М., 1895).

Методика изучения восточной лексики в русском языке, сложная задача, до сих пор не получившая удовлетворительного решения, привлекла внимание русских востоковедов в первой трети прошлого столетия. Профессор-арабист Казанского университета Ф. И. Эрдман (1793—1863) изложил свои соображения о методах изучения ориентализмов в русском языке в двух имевших одинаковое название статьях «Изъяснения некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский».⁹ Этой же теме посвящена статья И. Н. Березина (1818—1896) «Несколько замечаний об определении иностранных слов в русском языке» (Москвитянин, 1852, № 15). К этим статьям по своей цели и направленности примыкает «Записка (об отношениях русского языка к восточным)» А. К. Казем-бека (1802—1870).¹⁰

ренко Н. А. Восточная лексика в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. — Изв. Воронежского пед. ин-та, т. 126 (Вопросы грамматики и лексики русского языка), 1972, с. 152—170.

⁸ Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960, с. 361.

⁹ 1) Казанский вестник, 1828, ч. 24, кн. IX, сентябрь, с. 33—53; 2) Труды и летописи Общества истории и древностей российских, 1830, ч. V, кн. I, с. 216—245.

¹⁰ ИОРЯС 1, 1852, стб. 125—128 (Приложение к протоколам).

Широко задуманное Отделением русского языка и словесности АН издание «Материалы для словаря русского языка» (Прибавление к ИОРЯС, т. 1, 1852—1853)¹¹ не могло обойтись без регистрации и объяснения многочисленных восточных элементов, давно и прочно закрепившихся в словаре русского языка. В этой трудоемкой работе по отбору и толкованию лексики восточного происхождения приняли участие выдающиеся ученые: В. В. Григорьев. Областные великорусские слова восточного происхождения. Замечания по Опыту областного великорусского языка (указ. соч., тетрадь I, II, стб. 14—21, 68—70); А. К. Казембека. Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков (указ. соч., т. I, тетрадь I, III, стб. 22—37, стб. 71—80; тетрадь 2, XXIX, стб. 385—390); П. Я. Петров. Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными (указ. соч., т. I, тетрадь I, стб. 81—103); И. Н. Березин. Замечание о восточных словах в областном великорусском языке (указ. соч., т. I, тетрадь I, XVI, стб. 186—192; тетрадь 2, XXII, стб. 323—332); А. М. Шёгрэн. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных (указ. соч., т. I, тетрадь I, XIV, стб. 145—165); А. Бобровников. Областные великорусские слова, заимствованные от монголов и калмыков (указ. соч., т. I, тетрадь 2, XVII, стб. 193—197).

Первый опыт этимологического словаря восточных заимствований в польском языке и польских слов в турецком принадлежит А. О. Мухлинскому (1808—1877), профессору факультета восточных языков СПб. университета: A. Muchliński. Źródłosłownik wyrazów, które przeszły wprost czy pośrednio, do naszej mowy z języków wschodnich, tudzież mających zobopólną analogię co do brzmienia lub znaczenia, z dołączeniem zbioru wyrazów, przeniesionych z polskiego do języka tureckiego (St.-Pb., 1858, 158 S.). Этот труд А. О. Мухлинского представляет интерес и для исследователей тюркизмов в русском языке.

В середине XIX в. делаются первые попытки исследовать проблему заимствований русской лексики в словарном составе тюркских языков. Эта тема впервые получила освещение в исследовании П. С. Савельева (1814—1859) «Восточные слова в русском и русские в восточных языках»,¹² за которым последовала обстоятельная статья А. К. Казембека «Об этнографическом исследовании русских слов, усвоенных местными тюркскими наречиями в России».¹³ После значительного перерыва эта тема привлекла внимание Н. Ф. Катанова (1862—1922) в работе «Die aus dem Rus-

¹¹ Второе изд. называлось: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, т. I, вып. I—III. СПб., 1854.

¹² Глава в кн.: Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, с. ССХ—ССХІХ.

¹³ Вестник РГО, т. I, 1852, отд. VI.

sischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialects».¹⁴ Дальнейшее, невиданное по своим масштабам развитие она получила в советское время.¹⁵

Цель дипломного сочинения студента факультета восточных языков СПб. университета, будущего историка Турции и Крыма В. Д. Смирнова (1846—1922) была сформулирована так: «Исследовать, в чем заключалось влияние монгольского владычества на Россию, рассмотрев, насколько оно оставило следы свои в языке русском» (Биографический словарь профессоров и преподавателей СПб. университета, т. II. СПб., 1898, с. 199).

Многовековое тесное общение русских и тюрок оставило, как указывалось выше, глубокий след не только в общеупотребительном и специальном разделах лексики, но и в такой интимной области проявления духа народного, как фольклор.

Почетный академик по разряду изящной словесности В. В. Стасов (1824—1906) в своем известном исследовании «Происхождение русских былин» (Собр. соч., т. III. СПб., 1894) уделил особое внимание ориентализмам в русском фольклоре. О половецком влиянии на русский эпос писал Вс. Ф. Миллер в работе «Эксперименты в область русского народного эпоса» (М., 1892); см. еще: П а р х о м е н к о В. Следы половецкого эпоса в летописях (Проблемы источниковедения, № 3. М.—Л., 1940).

Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) АН в целях глубокого изучения отдельных лексических пластов словаря русского языка неизменное внимание обращало на тюркские заимствования в русской лексике. На трехлетие (1898—1900) ОРЯС АН определило как особую задачу для работ на премию им. М. И. Михельсона¹⁶ тему «Тюркские элементы в русском языке до монгольского нашествия».

Выдающийся памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» — живой и яркий свидетель непосредственного знакомства его автора с жизнью и бытом половцев; он знает имена половецких ханов: Боняк, Кончак, Кобяк, Шарукан, Гза(к); он широко использует тюркские этнонимы, титулатуру и другую терминологию; он знает, по-видимому, половецкие эпические сказы, вот почему «Слово», как давно замечено, дышит ароматом степи — Половецкого поля. Названные реалии тюркского быта и быта и, в особенности, наличие значительного числа тюркских лексических элементов, а также восточных слов, проникших в лексику «Слова» через посредство тюрок [печенегов, торков, берендеев, узов (< гузов < огузов), черных клобуков, половцев],

¹⁴ Bull. de l'Acad., t. XXXII, St.-Ph., 1888, col. 25—49; то же. — Mém. asiat., t. IX, 1888, p. 277—312.

¹⁵ К о н о н о в А. Н. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, с. 33—34; А х у н з я н о в Э. М. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968 (Обстоятельная библиография, с. 347—360).

¹⁶ М. И. Михельсон (1825—1908) — автор известного труда: Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний, т. I—II. СПб., 1912.

являются убедительнейшим аргументом в пользу признания подлинности этого произведения — памятника древнерусской литературы XII века. Подделать тюркскую (восточную) лексику в том виде, в каком она представлена в «Слове», невозможно.¹⁷

Первым русским востоковедом, изучавшим восточные слова в «Слове о полку Игореве», был русский дипломат, посланник в Константинополе (1801—1817) и Риме А. Я. Италинский (1743—1827). Его замечания на эту тему через посредство А. И. Тургенева были известны А. С. Пушкину (см.: Крачковский и И. Ю. Избр. соч., т. V. М.—Л., 1958, с. 71—72).

Первым исследователем ориентализмов в русском языке домонгольского периода на материале «Слова о полку Игореве» и тем самым первым исследователем этого выдающегося памятника древнерусской литературы в плане изучения его иноязычной лексики является упоминавшийся уже арабист Ф. И. Эрджман, выступивший со статьей «Следы азиатизма в „Слове о полку Игореве“» (ЖМНП, ч. 36, 1842, отд. II) и пытавшийся дать объяснения восточным элементам этого памятника с помощью арабского и древнееврейского языков; его попытки толкования восточных элементов «Слова» неудачны.

Позднее эта тема — изучение восточной лексики в «Слове» — надолго (вплоть до наших дней) стала одной из ведущих для русских тюркологов, первым из которых был П. М. Мелиоранский (1869—1906), опубликовавший статью «Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве“»,¹⁸ на которую откликнулся академик славист-востоковед-классик Ф. Е. Корш (1843—1915) статьей «Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве“» (Заметки к исследованию П. М. Мелиоранского).¹⁹

В завязавшейся весьма плодотворной дискуссии слово вновь взял П. М. Мелиоранский, опубликовав «Вторую статью о турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“» (Ответ Ф. Е. Коршу),²⁰ на которую в свою очередь последовал ответ Ф. Е. Корша «По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“». ²¹

П. М. Мелиоранский, продолжая свои исследования в этой трудной области тюркско-славянского языкознания, опубликовал новую статью: «Займствованные восточные слова в памятниках русской письменности домонгольского времени». ²²

¹⁷ Другого мнения придерживается А. А. Зимин; см. его статью «К вопросу о тюркизмах „Слова о полку Игореве“» (Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, вып. 31, Чебоксары, 1966, с. 138—155).

¹⁸ ИОРЯС 7, 2, 1902, 273—302. См.: Попов А. И. П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке. — В кн.: Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 36—50.

¹⁹ ИОРЯС 8, 4, 1903, 1—58.

²⁰ ИОРЯС 10, 2, 1905, 66—92.

²¹ ИОРЯС 11, 1, 1906, 259—315.

²² ИОРЯС 10, 4, 1906, 109—134.

Ф. Е. Корш в своей последней на эту тему статье «О некоторых бытовых словах, заимствованных древними славянами из так называемых урало-алтайских языков»²³ расширил географическую и лингвистическую зону заимствованной лексики.

После значительного по времени перерыва интерес к исследованию тюркских заимствований в «Слове о полку Игореве» вновь возник уже в Советскую эпоху.

С. Е. Малов (1880—1957) в статье «Тюркизмы в языке „Слова о полку Игореве“»²⁴ дополнил и уточнил соображения П. М. Мелиоранского и Ф. Е. Корша о следующих словах и терминах: *олбер, шельбир, топчаки, ревуги, могуты, коган~каган, боярин, быля*.

В. А. Гордлевский (1876—1956) выступил с обстоятельной статьей «Что такое „босый волк“? (К толкованию «Слова о полку Игореве»)»,²⁵ в которой на большом материале осветил важную историко-этнографическую проблему древнейшего культа волка у разных народов, в том числе и у тюрков.

Крупный знаток тюркско-русской лексики А. И. Попов (1899—1973) внес свой вклад в изучение «Слова» двумя статьями: «„Каяла“ и „Канина“ в „Слове о полку Игореве“»²⁶ и «Заметка о „Слове о полку Игореве“»,²⁷ где обстоятельно анализируются слова *каяла, каяти, орьтъмы, япончица, карна, жля*.

Среди ряда статей Н. А. Баскакова, посвященных тюркизмам в русском языке, отметим две работы, непосредственно касающиеся интересующей нас темы: «Половецкие отблески в „Слове о полку Игореве“» (UJb. 48, 1976, 17—31), «Тюркизмы — социальная терминология в „Слове о полку Игореве“» (Turcologica. Л., 1976, с. 225—234).

Много полезных сведений о тюркских лексических заимствованиях в русском языке содержится в исследовании Н. К. Дмитриева (1898—1954) «О тюркских элементах русского словаря»,²⁸ которому предшествовала статья «Тюркские элементы в русском арго».²⁹

В неопубликованной докторской диссертации И. Г. Добродомова «Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках» (М., 1974) сделана попытка выделить среди

²³ Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909, с. 537—546.

²⁴ ИОЛЯ 5, 3, 1946, 129—139.

²⁵ Гордлевский В. А. Избранные сочинения, т. II. М., 1961, с. 482—504.

²⁶ Русская литература, 1967, № 4, с. 217—218.

²⁷ Там же, 1969, № 4, с. 181—186.

²⁸ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 503—569.

²⁹ Там же, с. 483—502. Подробный разбор этих трудов Н. К. Дмитриева см.: Р о р р е N. jr. Studies of Turkic Loan-words in Russian. — Asiatische Forschungen, Bd 34. Wiesbaden, 1971, S. 26—41. Важные дополнения к книге Н. Поппе-младшего содержатся в статье И. Г. Добродомова «К историографии изучения тюркизмов в русском языке» (Советская тюркология, 1974, № 5, с. 72—75). Ср. рецензии на эту же книгу Милана Адамовича (IF 80, 1975, 180—184) и К. Г. Менгеса (CAJ 20, 3, 1976, 222—229).

тюркизмов славянских языков древнейший болгарский пласт заимствований. Интересна также его попытка дать хронологическую стратификацию тюркизмов в статье «Вопросы хронологии тюркских заимствований в славянских языках» (Советская тюркология, 1976, № 6, с. 24—37).

Изучение лексики «Слова» теперь, после выхода в свет труда В. Л. Виноградовой «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“», ³⁰ значительно облегчается.

Ограничиваясь приведенными сведениями об исследовании восточных элементов в «Слове о полку Игореве», достаточно полно характеризующими состояние изученности ориентализмов в «Слове», редактор книги не считает возможным входить в подробное перечисление всех трудов, касающихся этой необъятной темы, и отсылает интересующихся к уже имеющимся библиографическим спискам.³¹

* * *

Наиболее полным по анализируемому материалу, учитывающим весь (или почти весь) предшествующий опыт исследования восточной лексики в «Слове о полку Игореве» является предлагаемый ниже труд Карла Генриха Менгеса, который в последнее время автором был исправлен и дополнен новыми разысканиями.

К. Г. Менгесу принадлежит целый ряд исследований, посвященных восточным и, шире, алтайским заимствованиям в славянских языках. Эти работы, ведущиеся на широкой востоковедческой и славяноведческой основах, включающих данные самых разнообразных источников (вплоть до китайских, с одной стороны, и греческих и латинских, с другой), являются единственными в своем роде как по глубине проникновения в исследуемый материал, так и по количеству привлекаемого подсобного материала. К. Г. Менгес дополняет, уточняет и исправляет истолкования и анализ ориентализмов, предложенных в известных исследованиях и словарях Фр. Миклошича, М. Фасмера, А. Г. Преображенского и многих других ученых, приложивших свои усилия для объяснения ориентализмов в славянских языках.

Особый интерес представляет также вводная статья, сжато освещающая древнюю историю славян и их миграций.

³⁰ Изданы: вып. 1—5. М.—Л., 1965—1978.

³¹ Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с. 10—18 (рец. Н. А. Баскакова и И. Г. Добродомова см.: ВЯ, 1978, № 1, с. 137—140); Рорре Н. jr. Op. cit., p. 63—70; Аюпова Л. Л. Из истории изучения тюркских заимствований в русском языке. — Вопросы башкирского языкознания, Уфа, 1975, с. 191—207 (рец. К. Г. Менгеса см.: ZfslPh, 1978, 41); Оразова О. С. К истории изучения тюркизмов в русском языке. — Изв. ИИ ТССР. Сер. обществ. наук, 1976, № 5, с. 73—79; Добродомов А. Г., Романова Г. Я. Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках (см. наст. изд., с. 211—238).

При всей солидности аргументаций и почти исчерпывающем знании автором исследовательского материала не все его этимологические истолкования и исходные положения бесспорны, оправданием чему может служить сложность исторических судеб многих ориентализмов, а равным образом и то, что сам автор не претендует на непогрешимость, оставляя двери открытыми для дальнейших разысканий в этой сложной и трудоемкой области.

При переводе книги К. Г. Менгеса на русский язык в основном была сохранена авторская оригинальная транскрипция латиницей. Материалы русского и других славянских языков, пользующихся кириллицей, переведены из транскрипции в нормальную орфографию. Поскольку автор широко использует «Словарь» В. В. Радлова, сохранены также названия отдельных тюркских языков и диалектов, представленные там; однако те названия, которые совершенно неупотребительны в современной отечественной тюркологии, заменены на принятые, например, вместо урянхайского, или сойонского, дается тувинский; то же сделано и в отношении номенклатуры ряда других языков: так, вместо лопарского употребляется название саамский язык и т. п. Библиографические ссылки даются как в тексте, так и в подстрочных примечаниях, широко применяются сокращения источников (см. Список сокращений); такая система используется и автором.

В качестве основы исследования К. Г. Менгес привлекает реконструкцию «Слова о полку Игореве», предложенную проф. Р. О. Якобсоном (опубликована в *Geste*, на ее основе также построено Слово Т. Чижевской). Хотя эта реконструкция не имеет достаточно широкого хождения в нашей стране и не является всеобщей и безусловно принятой в среде филологов, редакция не сочла возможным предложить в качестве основы исследования первое издание текста «Слова» (М., 1800) или реконструкцию текста акад. Д. С. Лихачева (опубликована, в частности, в «Словаре-справочнике» В. Л. Виноградовой, вып. 1. М.—Л., 1965), поскольку некоторые содержательные элементы книги получают свое значение только в связи с реконструкцией Р. О. Якобсона. В необходимых случаях в примечаниях редакция указывает на индивидуальные особенности этой реконструкции.

* * *

Профессор Карл Генрих Менгес родился 22 апреля 1908 г. во Франкфурте-на-Майне в семье служащего, начальное и среднее образование (1914—1926) получил в своем родном городе, высшее — в трех немецких университетах: Франкфуртском (1926—1927), Мюнхенском (1927—1928), Берлинском (1928—1932), в которых слушал лекции и посещал семинарские занятия выдающихся славистов М. Фасмера (1886—1962), Э. Бернекера (1874—1937), А. Брюкнера (1856—1939), тюрколога В. Банга (1869—1934), семитолога и тюрколога Г. Бергштрессера (1886—1933). Окончив Берлинский университет с ученой степенью доктора

философии, получив специальности слависта и филолога-тюрколога, К. Г. Менгес в 1933—1936 гг. состоял младшим научным сотрудником Восточного отделения Прусской академии наук в Берлине.

К. Г. Менгес, хорошо владеющий русским языком, еще студентом в 1928—1929 гг. впервые посетил Советский Союз с научной целью; он пробыл в нашей стране более года, слушая лекции в МГУ, изучая славянские рукописи в Государственном Историческом музее в Москве; тогда же он совершил свое первое путешествие по СССР: Мурманск, Средняя Азия, Кавказ. Позднее К. Г. Менгес неоднократно посещал Советский Союз, занимаясь изучением тюркских и тунгусо-маньчжурских языков.

В 1936 г. К. Г. Менгес вынужден был по политическим мотивам покинуть Германию и искать убежища сначала в Чехословакии (Прага, 1936—1937), а затем в Турции (1937—1940), где он в должности профессора преподавал русский язык в Анкаранском университете. В 1940 г. К. Г. Менгес обосновался в США, получив должность лектора в Отделении восточно-европейских языков Колумбийского университета (Нью-Йорк). Позднее здесь же, в Колумбийском университете, К. Г. Менгес читал лекции и вел спецкурсы по древнеуйгурскому, турецкому, «чагатайскому» и тюркским языкам Сибири; в дальнейшем круг привлекаемого материала был значительно расширен, что позволило ему разработать обширный цикл лекций по алтайской филологии. Благодаря своей солидной общефилологической подготовке, знанию ряда восточных, алтайских, славянских и западноевропейских языков К. Г. Менгес быстро приобрел авторитет крупного специалиста по славянской и алтайской филологии, что нашло свое формальное выражение в присвоении ему в 1947 г. звания профессора (Associate Professor) славянских и алтайских языков; в 1956 г. ему было присвоено звание профессора алтайской филологии. В 1976 г. по достижении пенсионного возраста уволен в отставку с пенсией.

Проф. К. Г. Менгес читал лекции по лексике, грамматике, истории и этимологии славянских и алтайских языков, а также по истории, географии, истории культуры стран и народов Ближнего и Среднего Востока в ряде университетов США, Западной Европы и Азии.

К. Г. Менгес состоит членом редакционных комитетов двух востоковедных журналов и избран членом ряда научных обществ.³²

Ленинград
сентябрь 1978 г.

А. Н. Кононов

³² Биография и обзор научных трудов К. Г. Менгеса, составленные С. Н. Муратовым, см.: Советская тюркология, 1978, № 2, с. 95—96; см. также: H a z a i G. Kurzes Schriftverzeichnis von K. H. Menges. 1932—1975. — In: Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. Aus dem Nachlaß von N. Th. Katanov. Hgb. von K. H. Menges. Leipzig, 1976, S. VII—XVI.

ПРЕДИСЛОВИЕ Р. О. ЯКОБСОНА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Несмотря на длительность и интенсивность славяно-алтайского общения, начавшегося по крайней мере в период нашествия гуннов, различные языковые аспекты этих отношений исследованы еще недостаточно. Между тем они представляют собою не только живой интерес для ранней истории славянских и алтайских языков и культур, но дают также чрезвычайно благодарный материал для изучения языковых заимствований вообще. Однако такая работа требует для своего убедительного и исчерпывающего выполнения самой точной и искусной методики и тонкого знания славянских и алтайских языков в их исторической перспективе. Более того, чтобы обнаружить первоисточники и извилистые тропы, которыми восточный вклад вошел в славянский лексический запас, нужно также широкое знакомство с различными соседствующими языками, такими как китайский, иранские и кавказские языки.

Проф. К. Г. Менгес, превосходный знаток этих различных языковых и культурных областей, неутомимо трудится над выделением алтайских и других восточных элементов русского, в особенности древнерусского, языка. Древнейшие стадии этого влияния со времени постепенного распада славянского единства в конце I тысячелетия н. э. до монголо-татарского нашествия в начале XIII в. наиболее запутаны и, я без колебания добавлю, наиболее поучительны и для славянского, и для алтайского исторического языкознания, так же как и для освещения процессов лексического проникновения в целом. С этими вопросами имеет

дело настоящая монография. Вместе с одновременной работой другого выдающегося тюрколога А. Зайончковского «Związki językowe połowiecko—słowiańskie» (Wrocław, 1949) она проливает совершенно новый свет на язык, цивилизацию и историю половцев, и в частности на взаимоотношения этого могущественного народа и восточных славян, насколько это отразилось в словаре.

«Слово о полку Игореве», шедевр самого выдающегося периода в литературном развитии Киевской Руси, особенно подходит для такого исследования. Во-первых, это вполне светское произведение допускает большую примесь народного языка, чем церковные тексты, предполагающие использование более или менее чистого церковнославянского языка; во-вторых, это эпическое произведение близко стоит к устной традиции. Соприкосновение русского героического эпоса, устного и письменного, с ближне-восточным эпическим наследием было правильно уловлено В. В. Стасовым, Г. Н. Потаниным, Вс. Миллером, Ж. Дюмезилем, Н. С. Трубецким, а недавно В. А. Гордлевским и С. П. Толстовым. Согласно правдоподобной догадке В. Пархоменко, следы половецкого эпоса обнаруживаются даже в древнерусских летописях.* Наконец, «Слово» касается борьбы русских с половцами, а при упоминании последних оно использует особенно много алтайских слов. Применительно к кочевникам появляются не только такие половецкие слова, как *орьтѣма* 'покров', *япон(ь)-чица* 'плащ', *чол(ъ)ка* 'кисть на знамени', *чага* 'девушка', *кош-чии* 'хам', но даже более ранние славянские заимствования преимущественно из аваро-монгольского, такие как *телѣга* и *хорюгъвъ*. Древнейшие ориентализмы славянского словаря, которые существовали вне восточнославянских пределов, представляют собою, возможно, самую новую и привлекательную сторону разностороннего исследования К. Менгеса. И более всего заслуживает внимания и дальнейшей разработки однородное в основе исследование некоторых из таких заимствований в различных славянских языках, как например в случаях **xor(j)qgu* и **jaruga* 'овраг', и в то же время выразительные колебания по географическим зонам в вокализме некоторых других заимствований, как например *телѣга* / *талига* и *бълванъ* / *балван* 'чурбан, идол'.

Какие слова, встречающиеся в «Слове о полку Игореве», вошли в древнерусский или в первоначальный славянский язык из алтайских языков или через их посредство? Настоящая монография дает достоверный и исчерпывающий ответ на этот узловый вопрос и прослеживает историю и предысторию всех таких заимствований. Несколько лексем «Слова», обязанных непосредственным славянским сношениям с иранскими и кавказскими языками, будут рассмотрены автором в особом исследовании. Хотя интересы автора — это прежде всего интересы лингвиста, его этимологи-

* См.: Пархоменко В. А. Следы половецкого эпоса в летописях. — Проблемы источниковедения, № 3. М.—Л., 1940.

ческие экскурсии дают широкий обзор области славяно-алтайских культурных отношений. Несколько загадочных образов русской письменной и устной традиции, и особенно в «Слове о полку Игореве», находят убедительное решение; так, например, символика, связанная с образом лебедя, находит ясное объяснение в свете тюркского этнического имени *ковуи*, так же как образ рапсода и чародея «вещего Бояна». «Тьмутороканьский бълванъ», обращение к которому содержится в «Слове», возможно, должен быть соотнесен, в согласии с указанием В. Мавродина, с черкесской традицией названия этого древнего города «местопребыванием богов» (стойбищем, стоянкой).**

Исследователь не ограничивается заимствованными именами собственными и нарицательными, он обращается также к лексическим калькам, как например спорному слову *тълковинъ*. Исследование можно распространить и дальше — на фразеологические кальки. Так, В. А. Гордлевский предположил, что выражение «поле половѣцкое» в «Слове о полку Игореве», возможно, является переводом тюркского топонима *Dešt-i Qurčaq* 'Поле кыпчаков'. Прозвище Игоревы брата Всеволода *буи туръ* буквально соответствует обычному тюркскому, прежде всего половецкому, метафорическому и личному имени *Telebuga*, рассмотренному А. Зайончковским.

Во всяком случае после монографии К. Менгеса становится очевидно, что «Слово о полку Игореве» открывает новые горизонты для тюрколога, но в свою очередь тюрколог, вооруженный славистикой, видит «Слово» в новом свете.

Р. Якобсон

** Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV веках. — Учен. зап. ЛГПИ. Фак. ист. наук, 1938, т. 11, с. 7—49.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Осенью 1967 г. проф. Г. Х. ван Схонефельд предложил мне подготовить второе издание «Восточных элементов в словаре „Слова о полку Игореве“», так же как и «Очерка ранней истории и передвижений славян», чтобы опубликовать их в одном томе. Я охотно принял это любезное предложение, оценив его как отражение интереса со стороны славистов к теме обеих публикаций; к тому же я и сам знал, что обе работы оказались практически неизвестны в Восточной Европе и в СССР. Действительно, «Восточные элементы» быстро разошлись, и я получал время от времени частные запросы на последние остающиеся у меня экземпляры. Напротив, «Очерк» оставался в полном распоряжении Славянского отделения Колумбийского университета (США), где интерес к подобным исследованиям тотчас остыл, как только я освободился от своих обязанностей по этому Отделению и в 1954 г. смог полностью переключиться на работу в Отделении уральских и алтайских языков этого же университета. И поскольку предложение проф. ван Схонефельда было сделано как раз перед моим творческим отпуском, в течение которого я восемь месяцев провел в Европе и Азии, по-настоящему приступить к работе над вторым изданием удалось только через год, осенью 1968 г.

Изменения, которые я внес в «Восточные элементы», носят во всех отношениях второстепенный характер. Во вводной исторической части ничего существенного не было изменено. Вторая часть, состоящая из этимологического анализа восточных элементов «Слова о полку Игореве», потребовала больших изменений лишь в отношении слова *телѣга*, монгольский прототип которого *tälägän* в свое время мне был неизвестен. Примерно через год

после выхода работы д-р Френсис В. Кливз (Гарвардский ун-т) обратил мое внимание на это слово, которое встречается в «Юань-чао би-ши» («Сокровенном сказании монгольской династии»). У меня во время работы над «Восточными элементами» текст «Сокровенного сказания» был лишь в издании С. А. Козина, не свободном от ряда ошибочных чтений, и отсутствовал даже словарь Э. Хэниша к этому тексту. Исправленную этимологию слова *телѣга* я опубликовал в сборнике в честь М. Ф. Кёпрюлю (On some Loanwords from or via Turkic in Old-Russian. — Fuad Köprülü Armağanı. Istanbul, 1953, p. 369—390). Эта статья в той своей части, где рассматривается слово *телѣга*, служит основой соответствующего раздела в настоящем издании.

Несколько изменений я признал необходимым внести в раздел о слове *яруга*. Ни одна другая этимология не была изменена в своей существенной части или подвергнута серьезному сомнению. К сожалению, однако, не было получено и новых свидетельств или сделано новых находок в отношении ряда этимологий, которые должны быть оценены как приближительные или даже темные. Это относится не только к собственным именам, каковы *Овлуръ* (*Влуръ*), *Татранъ*, *Къза* и подобные, но также и к нарицательным, таким как *шереширъ*, обозначающему греческий огонь и упорно сопротивляющемуся любым попыткам четкого, недвусмысленного этимологического производства.

Довольно большой объем «Восточных элементов» обязан главным образом значительному количеству приведенного здесь сравнительного лексикологического материала из алтайских языков. Это совершенно естественно: ведь в течение двух последних десятилетий наш кругозор, охватывающий алтайские и некоторые другие языки, заметно расширился. Кроме того, накопление материала явилось результатом лучшего, более глубокого обследования ряда и алтайских, и других языков, данные которых были преимущественно использованы в настоящем исследовании. Что касается славистической части работы, то полный выход к концу 1958 г. «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера расширил этимологический репертуар, в то время как для первого издания я мог использовать лишь первые пять выпусков. Подобным образом и М. Фасмер не смог использовать целиком первое издание настоящей работы. Второй том «Посмертных трудов» П. Пельо, содержащий его статьи «Notes sur l'histoire de la Horde d'Or» и «Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar», появился в 1950 г. и мог быть использован лишь для нескольких добавлений при корректуре первого издания. Наконец, в 1963—1975 гг. вышли четыре больших тома «Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen» Г. Дёрфера. Эта работа рассматривает этимологии всех заимствований, части из них касаются настоящего исследования.

Этимологическая часть «Восточных элементов» поделена теперь на два отдела: один — ~~значительно больше~~ — содержит этимоны

алтайского происхождения и те, которые проникли к славянам через алтайское посредство, другой — меньший — дает перечень этимонов неалтайского восточного происхождения. Таким образом, *лада*, *меч* и *сабля* были перенесены в неалтайский отдел, который включает большую часть этимологий, рассмотренных в более ранней статье «Этимологические заметки на некоторые неалтайские восточные слова в древнерусском „Слове о полку Игореве“» (Oriens 8, 1956, 86—94). В этой статье также предложен ряд изменений в этимологии таких слов, как, например, *туга* и *туръ*, из которых последнее не является заимствованием в славянских языках, а первое обладает загадочной параллелью за пределами славянских языков.

Новым добавлением оказались слова *сани*, *тисовый* и *хоть*, первое потому, что, как думают некоторые, это уральское по происхождению слово, второе потому, что его родственные связи неясны и оно представляет собою «заимствование из неизвестного языка», по мнению М. Фасмера. Этимология обоих слов полностью рассмотрена в *Orientalia Suecana* (v. 18, Uppsala, 1969) и в *Orbis* (v. 19, 1970), и основные линии их происхождения даны в настоящей работе. *Хоть*, вероятно, было рано воспринято славянами и подверглось смешению с каким-то собственным этимоном.

Иногда в работе рассмотрению алтайского этимона отводится много места, обычно это бывает оправдано важностью затронутого вопроса и для алтаистики. Так сделано, например, для тех случаев, которые, на мой взгляд, доказывают монгольскую природу (разумеется, соответственного протомонгольского периода) языка аваров или по крайней мере большей части из них, тех, которые, несомненно, были политически определяющей группой аварской племенной конфедерации; таким образом контакты древних славян с аваро-монголами в VI в. н. э. объясняют наличие прамонгольских заимствований в праславянском.

В тех случаях, когда в работе без комментария делаются отсылки на предшествующие опыты разработки той или иной этимологии, это не означает, что соответствующие положения принимаются полностью, также не все имеющиеся в науке этимологии подвергаются рассмотрению. В каждом случае мое мнение достаточно ясно выражено в сопроводительных замечаниях.

Переработка книги была завершена к концу 1969 г.

* * *

Во время моего пребывания в Ленинграде летом и осенью 1976 г. акад. Андрей Николаевич Кононов предложил мне издать на русском языке новый вариант моего труда. Предложение Андрея Николаевича я принял с большой радостью не только потому, что издание этой книги, давно уже готовой к печати, безобразно долго задерживалось издательством Mouton в Голландии, но также в особенности потому, что мой труд почти не был известен в СССР

и в социалистических странах, а первое его издание полностью разошлось в течение 15—20 лет. Кроме того, за последние годы в СССР наблюдается возрастание интереса к «Слову о полку Игореве» вообще, а также к частным проблемам, связанным с ним, среди которых древние славяно-тюркские этнические, языковые и культурные отношения занимают выдающееся место.

Переводчиком моей книги Андрей Николаевич Кононов пригласил Анатолия Алексеевича Алексеева, сотрудника Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, что оказалось, как показывает сделанная работа, хорошим выбором. Приблизительно половину всего русского текста я смог проработать вместе с переводчиком еще летом 1977 г., а оставшуюся часть перевода я тщательно просмотрел в Вене в феврале с. г. Дополнения и примечания приходилось вносить вплоть до времени последнего чтения, так как работы, связанные с тематикой «Слова», появляются постоянно. Рядом библиографических указаний, как и подбором новейшей литературы, я обязан любезности А. А. Алексеева.

Считаю приятным долгом выразить искреннюю благодарность акад. А. Н. Кононову за его деятельную заботу о судьбе этого труда, без которой он, может быть, никогда не увидел бы света, А. А. Алексееву за быстрый и тем не менее тщательный перевод и Ленинградскому отделению издательства «Наука» за хорошее техническое исполнение этой книги.

Вена, Австрия
5 марта 1978 г.

Карл Г. Менгес

ОЧЕРК РАННЕЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН

Этот очерк не является исчерпывающей научной разработкой, основанной на новейших исследованиях предмета, это краткое введение, предназначенное в помощь студентам, слушающим мои вводные курсы славянской филологии. Цель работы, следовательно, состоит в том, чтобы представить в сжатой форме наиболее существенные и по возможности наименее противоречивые данные, касающиеся славян и времени, когда они начали выступать из мрака исторической неизвестности. Таким образом, здесь по необходимости содержится известное количество предположений относительно периода, который предшествовал процессу расселения, приведшему в конце концов славян на те земли, где они когда-либо обитали или живут до сих пор.

Вполне вероятно, что некоторые из поздних фаз славянской предыстории, так же как и некоторые факты ранней истории, навсегда останутся покрыты тайной, — в этом отношении я пессимист. Важная часть того, что мы можем реконструировать путем предположений, должна быть связана с вопросом о контактах славян с их восточными соседями, каковыми были, если не вдаваться в детали, иранские народы на юго-востоке, алтайские на востоке и уральские на северо-востоке. Кроме лингвистических исследований в области этимологии и взаимовлияний большое значение в конечном счете получает анализ топонимики, что уже было успешно сделано М. Фасмером.

В великом переселении народов славяне приняли участие поздно, явившись как запоздалые новопришельцы тогда, когда на большей части Европы расселение практически завершилось. Очевидно, что роль славян на последних этапах грандиозных передвижений не будет понятна без обзора главнейших моментов великого переселения и изменений, которые оно произвело в этни-

ческом составе населения Римской империи, как Западной, так и Восточной. Устойчивость, которой пользовалась западная часть империи после утверждения франкского владычества и особенно после коронации Карла Великого, не досталась на долю обширных районов Восточной империи, которая по временам сотрясалась до самых оснований переселениями народов, пока наконец не сдалась под натиском силы, получившей начало в одном из многих и крупных миграционных движений, возникавших на востоке Центральной Азии. Славянский мир оказался подвержен натиску движущихся кочевых отрядов, тогда как прежде он сам принимал участие в великих передвижениях. Один из таких натисков произошел тогда, когда славяне в основном готовы были осесть, и пришлось, таким образом, на самую раннюю пору славянской истории, доступную наблюдениям византийских историков. Этот натиск привел в конце концов к смешению южных славян с алтаеязычными пришельцами, булгарами, и завершился сложением нового народа, который пользовался древнеболгарским языком — древнейшим из известных славянских языков. Ему было суждено стать литературным языком всего первоначального славянства и оказывать далеко идущее и долго длившееся влияние на родственные языки, на языки-потомки и даже на языки-соседи.

В этом очерке неизбежно найдутся спорные места. Здесь содержатся утверждения, основанные на представлениях, которые сформировались у меня в ходе исследования славяно-восточных, и в частности славяно-алтайских, отношений; конечно, они неотделимы от общих воззрений автора.

У меня осталась приятная обязанность поблагодарить А. Греггара и М. Фасмера, великих знатоков в области византийско-славянских штудий самого широкого диапазона. Им я весьма обязан поддержкой и вдохновением, а в частности и тем, что они прошли со мной по всей рукописи, так что у меня была возможность обсудить с ними целый ряд мест и воспользоваться дружеским советом и помощью.

I

В индоевропейском мире славяне, а точнее для древних времен — балтославяне, по многим причинам занимали особое положение. Они были последней группой, вышедшей из доисторического и дописьменного мрака. Первое христианское тысячелетие подходило к концу, когда славяне овладели искусством читать и писать, между тем наиболее удаленные индоевропейские народы, такие как ирландцы, исландцы, арии Центральной Индии, так же как и те, кто находился в сердце Азии у самых границ Китая, — все они имели уже собственную развитую письменность. Прошла еще почти половина тысячелетия, прежде чем стали известны балты как таковые, прежде чем они начали писать на собственных

языках, но как незначительны и отрывочны эти ранние тексты! Если взглянуть на области распространения индоевропейцев по Старому Свету, то можно увидеть славян в центре индоевропейского ареала на обширных равнинах, которые представляют собою главную географическую примету Западной Азии и Восточной Европы, занимая значительную часть Евразии.

Пять природных поясов можно различить на Евразийской равнине: на крайнем севере материка по обе стороны Полярного круга находятся северные моховые степи — тундра.¹ Из деревьев и теперь на южной кромке тундры вплоть до Полярного круга можно встретить лишь березу и лиственницу. Около 64° с. ш. начинается пояс лесов, с различной степенью густоты он простирается до 50—48°. В Европе, включая Скандинавию, он распространяется дальше и к северу, и к югу. Этот лесной пояс тянется через все восточное полушарие от восточной Франции до Тихоокеанского побережья. Юг лесного пояса захватывает степи — бескрайние, поросшие травами земли, которые зелены вплоть до 45° с. ш.; далее к югу степи становятся все суше и суше и в своих наиболее южных и юго-восточных частях заметно перемешаны с обширными пустынями. Именно таковы равнины между 45° с. ш. и высокогорными системами Центральной Азии, западным звеном которых выступает Кавказ. К югу от 45° с. ш. луга бывают сухи и полностью выгорают под безоблачным небом знойного лета в континентальном климате. Подобно тому как северная степь — тундра — бедна растительностью, а на некотором протяжении совершенно бесплодна в своих субарктических и арктических широтах, в известной степени бесплодна и южная степь из-за ничтожных осадков, летней сухости и зноя. Среди хорошо известных условий континентального климата только лесной пояс обладает умеренным климатом. Чем дальше на запад распространяется равнина, тем более отступает степь и расширяются леса, потому что при продвижении на запад, в морской атлантический климат Европы количество осадков увеличивается.

Всюду, где континентальная сухость Центральной Азии с ее чрезмерным потреблением атмосферной влаги не влияет на климат, Евразийская равнина обладает самой превосходной естественной оросительной системой на нашей планете. Относительную нехватку воды испытывает равнина к востоку от Волги и Каспийского бассейна; она тянется до речной системы Иртыша и Оби, а на юг до высокогорных хребтов. С незапамятных времен называют иранцы эту часть Евразии Туранской равниной.

У нас имеются многочисленные исторические свидетельства, указывающие на то, что климат южных и юго-восточных частей

¹ Русск. *тундра* < фин.-уг., например, фин. *tunturi* 'голый холм'. Иного взгляда придерживается М. Рясänen (*Virittäjä*, 1946, 387—390; MSFOu 98, 130). Он выводит слово из эвенк. *dunna*, *dund'a*, *dunda* 'центр, земля, район, лес, горы, север' и т. п. — этимология невероятная. Фасмер производит слово из фин. *tunturi* или саам. *tundar*, *tuoddar* 'то же.'

на юге Евразийской равнины в древности был менее сухой. Сегодня, например, на Туранской равнине мы находим множество разрушенных поселений, часто громадных размеров, расположенных вдоль края степи и пустынь и даже в более удаленных местах в глубине этих степей и пустынь. Хорошо засвидетельствованный исторический факт, что Туранская равнина была в течение долгого времени местом постоянного обитания кочевых племен, говорящих преимущественно на индоиранских языках, указывает на наличие большого числа водных источников и осадков в этих местах. Сегодня приходится говорить об обезвоживании этих мест, так же как и других подобно расположенных мест древнего континента. Обезвоживание в качестве климатического явления имело великое влияние на всю историю этого района и, говоря на языке этногеографии и истории, послужило определяющим фактором распределения этнических групп в этих районах и в изменении этого распределения, которое могло вызвать миграции большого масштаба.

Доисторический и раннеисторический климат более северных частей Евразийской равнины был также заметно более влажным, чем сейчас. Бассейны, которые составляют сегодня бесчисленные озера, громадные многоводные источники, рассекающие равнину во всех направлениях речные системы, теснящие друг друга, указывают на все признаки водного изобилия, характерного для послеледникового периода. Некоторые из речных систем (например Припять—Днепр, Буг—Висла, Неман—Двина) берут начало в обширных заболоченных районах Рокитных болот, или Полесья, поросших лесами; вода в них — ледникового происхождения, так же как во множестве озер и озерных систем этой равнины: Чудском, Ильмень, Ладоге, Онеге, Белом и т. д. Подобные черты свойственны Обской речной системе на северо-западе Сибири. Озерная система Финляндии и Карельского перешейка все еще указывает направление, принятое ледовыми массами, когда они медленно двинулись из Арктики на юг: от северо-запада к юго-востоку. Возможно, что в Гренландии находилась исходная точка оледенения, которое достигло в Европе Альп, а на равнине ушло несколько дальше — до 47—45° с. ш.

Некогда Евразийская равнина представляла собою дно Тифии — третичного моря и потому не располагала плодородными почвами, но в течение четвертичного периода осадки лёсса (род тяжелой глинистой почвы), приносимые сюда восточными ветрами, начали покрывать равнину. Ветры дули из Восточной Азии, где находятся самые мощные известные слои лёсса, обеспечивающие богатство почв Северо-Восточного Китая. С летучими песками и пылью, поднятыми сильными ветрами на крайнем востоке Центральной Азии, частицы кремния продельвали относительно недолгий путь и откладывались песком на обширных равнинах Внутренней Монголии, Восточного Туркестана [Такла-Маканской пустыни], но более легкие вещества разносились по всей Евразии.

зийской равнине, попадая даже в глубь Европы, где, осаживаясь, они образовали не только лёссовые районы Месопотамии, Анатолии и Венгерской пусты (равнины), но также Западной Германии и Иль-де-Франса. Лёсс желтого цвета, но в местах, где гниение богатой растительности продолжалось долгое время, лёсс темнел, становился черным. Это чернозем — черные почвы западной и северо-западной части Черноморско-Каспийских степей, нынешней Украины, и северной части степей Западной Сибири и Северного Казахстана. Это наиболее плодородные из известных почв. Присутствие чернозема указывает, что там, где ныне лишь травянистые степи, некогда были обширные леса. Чернозем обеспечивает при обработке пахотные земли самым высоким естественным плодородием. К северу от 50° с. ш. лёсс становится беднее и тоньше, на юге он встречается повсеместно за исключением пустынь, где он покрыт движущимися песчаными дюнами — барханами (<тюрк. *barhan*).

Климат Евразии, как уже говорилось, континентальный: чем дальше на юго-восток, тем резче контраст между дневной жарой и ночным холодом, знойным летом и холодной зимой, тем ниже минимум осадков. Чем дальше на запад и северо-запад, тем больше климат смягчается соседством морей, Черного и Балтийского, и преобладающим влиянием европейского атлантического климата. Несомненно, что бóльшая влажность и изобилие водных бассейнов и источников в древние эпохи обеспечивали более мягкий характер континентального климата.

II

Западная часть Евразийской равнины обычно рассматривается как прародина индоевропейских народов. Оседлые земледельческие племена, вероятно, занимали крайний юго-запад равнины — примерно территорию современной Западной Украины, включая Киев, и Карпаты или даже земли к западу от Карпат вроде Венгерской пусты (лессовой степи, равнины) на Среднедунайской низменности; те же, кто были кочевниками по преимуществу, кочевали на востоке равнины, т. е. по Черноморско-Каспийским степям, возможно, что и по Туранской равнине.

Нужно думать, что эти индоевропейцы, или протоиндоевропейцы, представляли собою нечто вроде ядерных групп, говоривших на разных, но близкородственных диалектах. С течением времени эти индоевропейские группы приходили и уходили. Приходившие могли быть весьма разнородного происхождения, обладая или даже не обладая, как думают некоторые ученые, языковым родством, но их язык или диалект все более уподоблялся языку индоевропейцев. Уходившие могли сохранять свой индоевропейский диалект, но они также могли пасть жертвой другого

родственного или неродственного языка и поглотиться какой-нибудь группой. В течение периода, когда говорили на этом гипотетическом протоиндоевропейском языке (праязыковой период), такие миграции были постоянным явлением. По временам они могли быть более значительны, по временам — менее значительны или даже отсутствовать, но подобно тому как нет несмешанных рас, нет и несмешанных языков, и каждая этническая или расовая группа была объектом постоянных взаимовлияний и постоянного обмена лексическими элементами. Таким образом, мы можем установить определенное число слов, которые были известны всем диалектам протоязыка, т. е. определенное число слов, бывших известными всем членам ядерных групп. Слова, которые были общи всем ядерным группам, представляют собою, в частности, некоторые земледельческие названия, названия домашних животных, термины родства, обозначение рождения и смерти, дня и ночи, небес, солнца, звезд и луны, числительные до сотни, все личные и другие местоимения, обозначение процессов еды, питья, несения, знания, видения и т. д., т. е. это некоторые важные и основные термины. Существовали также выражения для обозначения божества, но не было еще терминов или имен для отдельных богов и богинь. Они появились позже, когда ядерные группы расселились, а затем уже начали сливаться в новые объединения, этнические и языковые, чтобы образовать различные исторически засвидетельствованные индоевропейские языки. Отсюда совершенно понятно, почему религиозная номенклатура различных европейских народов лишь в небольшой степени индоевропейская. Она или индоевропейского, или местного происхождения; это значит, что такие термины или имена могли иметь два источника: они были созданы индоевропейцами в месте их нового поселения или заимствованы от народов, соседями или завоевателями которых индоевропейцы были. Конечно, из таких вновь усвоенных имен или форм индоевропейцы могли не только воспроизводить формы, которые лучше подходили к их фонетике, но также и такие новые формы, которые были сходны с образованиями в индоевропейских языках: так возникает народная этимология, играющая важную роль при заимствовании понятий и терминов. Ясно, что это наиболее неуловимые элементы, часто так хорошо замаскированные, что, в случае если данный язык стал мертвым или был уничтожен, эти слова совершенно недоступны анализу и установлению достоверной этимологии. Этот пример точно так же имеет отношение ко всем другим номенклатурам. Все современные и известные в истории языки, включая языки индоевропейские, — смешанные; такими же были гипотетические протоязыки; последние мы можем вполне реконструировать с максимально возможной определенностью благодаря языкам, история которых известна в течение долгого периода, таким как индоевропейские и семито-хамитские. Однако для древнего периода невозможно проводить различие между их разными составными элементами.

Наличие общей терминологии родства и земледелия, числительных, местоимений и номенклатуры основных понятий весьма показательна для протоиндоевропейских языков, ибо оно свидетельствует не только об относительно широком распространении и тесном родстве диалектов ядерных индоевропейских групп, но также и о том, что большинство таких ядерных групп было оседло и занималось земледелием. Они также обладали простейшей патриархальной семьей или социальной организацией. Государства не существовало, но кажется, что ядерные группы уже должны были иметь некоторое подобие довольно влиятельных *patres familias*, которые пользовались властью в качестве вождей.

Эти протоиндоевропейцы находились на стадии культурного развития, которое во всяком случае может быть охарактеризовано как неолит; при этом они подвергались сильному влиянию соседних групп, которые находились на культурной ступени эпохи металлов.

Мы думаем, что протоиндоевропейцы жили в части Дунайского бассейна, на Балканах, на Черноморско-Каспийской и Туранской равнинах, и мы допускаем, что наибольшая плотность населения была характерна для оседлых ядер на западе ареала, не столь многочисленные ядра — в большинстве кочевые — располагались на востоке ареала по направлению к Туранской равнине и на ней самой.

Их наиболее могучими и развитыми соседями были кавказско-средиземноморские народы, которых некоторые ученые называют яфетидами. О них мы не можем, однако, сказать, составляли они или нет языковое единство. Индоевропейцам пришлось вступить в контакты с их тогда высоко развитой и разносторонней цивилизацией. На довольно обширных пространствах индоевропейцы и носители кавказско-средиземноморской цивилизации взаимно пропитывают друг друга. В известный период это влияние допускает формы завоевания и поглощения, когда индоевропейские ядерные группы двигались на юг, юго-запад и юго-восток, занимая земли, населенные неиндоевропейскими народами. Это происходило до и после дорийского вторжения в Грецию и на Архипелаг, в течение нескольких передвижений в район Кавказа, в ходе кельтского наступления на всю Центральную, а затем Западную (и островную) Европу, движения германцев на северо-запад после и позади кельтов и широкой экспансии ариев через равнины Турана на плато Ирана и через горы на западе Центральной Азии в Индостан. В ходе этих первых великих завоевательных движений индоевропейцев возникли отдельные исторически засвидетельствованные индоевропейские языки, которые в конце концов к исходу этого расселения начали закрепляться на письме в результате того, что различные индоевропейские группы овладевали искусством письма либо от своих южных соседей, либо от тех, кого они завоевали и поработили.

К западу от этого наиболее значительного средиземноморского элемента индоевропейцы наткнулись, вероятно, на тонкий слой хамитов, проследивавшийся по всему крайнему западу Европы и, возможно, даже в Ирландии (я упомяну только наскальные рисунки и живопись на севере Африки в Атласских горах, в Альтамире [Испания] и в Дордони [Франция], а также некоторые черты мегалитической культуры во Франции и Англии). В северной части Центральной Европы индоевропейцы столкнулись с прото-саамским населением определенного субарктического типа с этническими признаками лопарей, или саамов (рыжеволосые, голубоглазые пигмеиды с белой кожей; оленеводы). На севере и северо-востоке в лесных и болотных зонах Евразийской равнины индоевропейцы встретили племена, говорящие на протоуральских языках, а далее на северо-востоке и прямо на востоке — на прото-алтайских языках. И те, и другие были, видимо, в языковом отношении едва различимы, представляя собою ядерные группы, довольно близкие по родству к индоевропейцам. На юге индоевропейцы вошли в соприкосновение с кавказско-средиземноморскими народами, с которыми, вероятно, в некоторых областях слилось семитоязычное население. Эта гипотеза вызвана некоторыми языковыми фактами, указывающими на родство индоевропейцев и семито-хамитов.

Кроме энергичного поглощения неиндоевропейских групп индоевропейцами, как это произошло на двух южноевропейских полуостровах — Апеннинском и Балканском, имели место частичные поглощения, например, смешение кельтов и иберийцев в Испании и многие другие случаи в Анатолии, Кари, Ликии, Лидии и Фригии. Примечателен неиндоевропейский элемент в целом ряде индоевропейских языков, а именно в лексике греческого и армянского, в фонетике и, возможно, синтаксисе армянского, германских и многих иранских языков, в хеттском и т. д. Ни один индоевропейский язык не свободен от неиндоевропейских языковых слоев или элементов: в некоторых они легко обнаруживаются, в других представляются более скрытыми, в одних языках они сильнее, в других — слабее. Арии вошли в близкие контакты с эламитами (кавказского происхождения?), семитами, а в юго-восточном Иране (как это видно по существующим до сих пор в Белуджистане брагуи), а затем и в Индии с неясным доиндоевропейским темнокожим населением Южной Азии, носителем языков-предков дравидийских и мундийских языков.

Балтославяне не участвовали в этих великих завоевательных движениях индоевропейских народов, происходивших в период начала II тысячелетия до н. э. И прямые и косвенные археологические свидетельства о них у нас отсутствуют. Балтославяне и сегодня занимают большую часть той территории, которая, как можно полагать, была первоначальной родиной индоевропейцев. Видимо, балтославяне передвигались меньше всех других индоевропейцев, если принять во внимание передвижения, которые

они могли бы совершить в ходе первого великого расселения индоевропейцев, известного нам и из их истории, и из истории их соседей. Балтославяне остались в восточной части первоначальной родины оседлых индоевропейцев и, вероятно, несколько распространялись, когда район после ухода множества других индоевропейцев стал более свободным: многие иранцы были в это время уже далеко на юго-востоке, на Туранской равнине, германские племена ушли в противоположном направлении, на северо-запад, фрако-иллирийцы — на юг. Две последние группы скоро достигли морского побережья, естественной преграды для непосредственного продолжения движения. Арии и тохары избрали Азиатский континент. Балтославяне осели на западной части Евразийской равнины. Балтийские и часть славянских племен, по-видимому, двигались позади германских групп, с которыми они соприкасались в районах, прилегающих к юго-восточному побережью Балтийского моря. Подобно германцам, балтославяне вошли в этих районах в соприкосновение с саамами и финнами. Финны, говорившие на одном из уральских языков, должны были занимать обширные районы по крайней мере всего лесного пояса современной Северо-Западной и Центральной России. Они были ближайшие соседи славян; своих западных соседей — саамов (лопарей) — они начали в это время поглощать. Территории, на которых до великого расселения иранцы были соседями финнов, саамов и других уральских народов, теперь постепенно занимают балтославянами. Рано прервавшиеся финно-иранские контакты подтверждаются известным числом заимствований в финском из иранского. В связи с этим стоит упомянуть, что существует некоторое число слов, которые обычно оцениваются как индоевропейские заимствования в финском, они обладают очевидными протоиндоевропейскими признаками. Эти заимствования должны были быть сделаны в течение общеиндоевропейского периода, т. е. раньше, чем иранцы могли отделиться от индоевропейцев; источником их были ядерные индоевропейские группы. Однако в плане выяснения родственных отношений между уральскими и индоевропейскими языками может быть задан вопрос, не являются ли эти слова частью общего лексикона двух больших языковых семей.

Итак, новая родина балтославян должна была, предположительно, располагаться к юго-востоку от германцев, северо-востоку от иллирийцев, северу от фракийцев и неиндоевропейских обитателей Средиземноморья, северо-западу от иранцев и неиндоевропейских обитателей Кавказа, юго-западу и западу от финских, алтайских и к югу от саамских народов. В то время когда большинство других индоевропейцев вошли в тесные отношения с высокоразвитыми цивилизациями и приступили к образованию своих собственных цивилизаций, а также, в конечном счете, собственных литературных языков, балтославяне оставались по преимуществу на той территории, где жили всегда. Они пребывали на крайней северо-восточной части бывшей индоевропейской тер-

ритории, имея непосредственными соседями уральские и саамские народы; в этот ранний период урализация саамов, по-видимому, еще не завершилась. Алтайские народы находились тогда, вероятно, значительно дальше к востоку. Балтославяне находились далеко от средиземноморской цивилизации с ее языками — собственно средиземноморскими, но с течением времени уже индоевропейскими и индоевропеизированными. Даже на закате греческой истории, когда греческие колонии возникали во многих важных пунктах по берегам Средиземного и Черного морей, даже тогда прямые контакты были невозможны, поскольку балтославяне оставались отделены от Средиземноморья другими этническими и языковыми группами: иллирийцами, фракийцами, неизвестными группами, а от Черного моря — могучими скифами. У греков были серьезные знания о скифах, например, у Геродота, но они не знали ничего значительного о балтославянах. Более чем сомнительно рассматривать скифов как иранцев, как это обычно допускают в согласии с утверждениями Геродота. Преобладание иранских собственных имен не является достаточным доказательством, если имена нарицательные скифского языка не подтверждают иранских или индоевропейских этимологий, как например для обозначений кочевой повозки и шатра, предметов очень важных для кочевых народов, каковыми были скифы. Но иранское влияние на скифов было очень сильно, и возможно, что сколоты (Σκόλοτοι-Σκύθαι βασιλῆται) — «царские скифы» — и некоторые другие правящие группы были вполне иранизированы.

Историческая и культурная отдаленность балтославян может служить объяснением сравнительно значительного единства их языков, которое вместе с определенной однородностью отсутствует (точнее, было потеряно) в других индоевропейских языках. Можно, пожалуй, говорить о большей «чистоте» индоевропейской природы у балтославян. Балтославянские языки были удалены от проникновения средиземноморских культур, которые в весьма большой степени затронули индоевропейские языки. Контакты с соседними языками были менее многочисленными, близкими и энергичными, чем контакты у индоевропейских языков в Средиземноморье. Население было менее плотное, сношения более трудные или даже невозможные в некоторые периоды года. Потребность в контактах и обмене была в основном меньше. Тем не менее мы находим у балтославян (и особенно у славян) некоторые черты не индоевропейского, но урало-алтайского происхождения. Некоторые из типично балтославянских и славянских языковых особенностей обязаны своим существованием долгим и интенсивным контактам с уральскими и алтайскими языками.

Балтославянские языки, как и индоиранские, а также индоевропейский слой армянского и иллирийского (албанского), относятся к тем языкам, в которых индоевропейские заднеязычные *k', *g' и *k'ⁱ, *g'ⁱ в результате палатализации перешли соответственно в s, z и š, ž; в других же индоевропейских языках, та-

ких как итало-кельтские, германские, греческий, индоевропейский слой хеттского и тохарский (в Центральной Азии), эти звуки не обнаруживают такого изменения. Индоевропейские языки были разделены на две группы: группу «кентум» и группу «сатем». Название группам было дано в соответствии с отражением числительного «сто» в латинском языке (*centum/kentum*) и древнеиранском, авестийском (*satəm*). В смысле отражения старых палатальных заднеязычных согласных языки «сатем» менее древние, чем «кентум».

III

Итак, балтославяне оказались за пределами земного круга — *Orbis Terrarum* — классического мира, который крепко утвердился на основе средиземноморской цивилизации. Поздние классические историки порою упоминают племена, заброшенные далеко в полуночные страны: Тацит, например, слышал о венетах, эстах и феннах, т. е. славянах и балтийцах, отчасти древних пруссах (племенное название эсты сохранено эстонцами) и финнах, он правильно помещает их далеко на север и восток от германцев. Невозможно определить, которое из славянских племен упоминается раньше других. Некоторые думают, что невры (*νεῦροι, νῆυροι*), упоминаемые Геродотом в рассказе о карательном походе Дария против скифов — Дарий встретил их на обширных равнинах к востоку от Карпат на реке Гипанис (*Ἰπάνις*), т. е. Южном Буге, после переправы через нижнее течение Дуная в 512 г. до н. э., — были славяне. В связи с этим упоминаются будины (*βουδῖνοι*), которые живут в густых лесах еще дальше к востоку или даже северо-востоку. А. А. Шахматов полагал, что невры — это финны (без серьезного сомнения это утверждение принять нельзя); позже, однако, он отказался от этой точки зрения. Это племенное имя звучит скорее как кельтское и может быть сопоставлено с известными нервиями из северо-восточной Галлии (ср. племенное имя венетов *οὐενῆδες*). Но что касается места их распространения, будины вполне могли быть финнами. Скифы-пахари Геродота (*Σκύθαι ἀροτῆρες*) могли быть славянами, поскольку скифы в согласии с типичными чертами, какие им приписываются, были настоящие кочевники степей, а не оседлые земледельцы. Нет оснований сомневаться, что Геродот был способен делать различие между разными северо-восточными варварами не хуже, чем позднейшие авторы. В то время все варвары северо-востока, все кочевники назывались вообще скифами, позже гуннами (*οὐννοι*); точно так китайцы звали своих беспокойных северных соседей сюнну.

В ходе своего далеко зашедшего передвижения на восток на границе между III и II вв. до н. э. кельты на некоторое время вошли в тесное соприкосновение со славянами. Некоторые видят кельтские следы в кельтских названиях рек и городов, дошедших

на восток до южной и юго-восточной Польши, однако эти топонимы могут быть старше и не восходить к недолгому движению кельтов на восток. Примерно в это же время германские бастарны и скиры должны были продвинуться через славянские территории к северному побережью Черного моря.

Видимо, Л. Нидерле неправ, когда предполагает, что суовены (Σουοβηνοί) у Птолемея (ум. в 178 г. н. э.)² означает славян (словѣне); и позже это имя не появляется у историков более пятисот лет. Славяне упоминаются под тремя именами, которые рассматриваются историками как идентичные: склавены (σκλαβηνοί, σθλαβηνοί), венеты и анты. Под именем венеты/венеды (οὐενέδαι) они известны Плинию,³ Тациту,⁴ Птолемею.⁵ Они всегда упоминаются на востоке от германцев в соседстве с финнами, иранцами, скифами и какими-то неотожествляемыми народами. Племенное название венет, без сомнения, относится к хорошо известному западноиндоевропейскому венетскому и кельтскому племенному имени, встречающемуся в различных частях венетского и древнекельтского мира. Оно может быть также искусственной латинизацией прототипа, который допустимо связать с историческим восточнославянским племенным именем вятичей *вятичи*. Этот патроним образован от корня *ват-* < *vent- 'большой', сохранившегося лишь в форме сравнительной степени, ср. цсл. *вацѣ* - 'больше', *μεῖζων*, им. п., м. р., ед. ч. Он, кажется, был известен также арабским и персидским географам и путешественникам Джейхани, Гардизи, Ибн Русте в форме *ونت* [вантит], которая, однако, слишком изменчива в своих различных, чаще неогласованных, написаниях. Родство названий венеты и анты совершенно не ясно, если оно вообще имеется. Некоторые находят отражение имени анты в историческом восточнославянском племенном имени вятичей и в «вантит» арабских и персидских авторов. Фасмер считает это мнение ошибочным, он объясняет анты (ἄνται) через предполагаемый иранский эквивалент санскр. *ántas* 'конец', *ántjas* 'находящийся в конце', осет. *ætt'ijæ* 'сзади' (ср. Абаев ОЭС, под *æddæ/æpdæ* 'снаружи'). Фасмер также отвергает связь венетов и вятичей. Прокопий говорит о «неисчислимом народе антов» (ἔθνη ἀμετρά τῶν Ἀντῶν), которых он упоминает впервые под 512 г. в своем сочинении «Bellum Gothicum» (II, 15). Одновременно с Прокопием в середине VI в., около 550 г., Иордан Мезогот упоминает их в своих «Getica», когда говорит об усиленном объединении готских областей, подавлении восстания герулов и подчинении практически всех народов Восточноевропейской равнины — славян, балтийцев, финнов и других, неотожествленных народов —

² Geographia VI, 14; они здесь названы отдаленными восточными соседями сарматов.

³ Venedi в его Naturalis historia IV, 97 (написана в 77 г.).

⁴ Veneti в его Germania (написана в 98 г.).

⁵ Οὐενέδαι в его Geographia III, 5, 7, 56.

власти могучего короля Германариха. Это событие произошло в 375 г., накануне вторжения гуннов. Германарих умер в 376 г. Иордан пишет: «Внутри них [рек] находится Дакия, огражденная крутизною Альп наподобие венца, вдоль левой стороны которых, там, где они поворачивают на север, от истока Вистулы на безмерном пространстве расселился многолюдный народ венетов. Имена их могут ныне меняться в зависимости от родов и мест, однако в основном они называются склавены и анты. Склавлены обитают от города Новиетунум [Новиодун] и озера, которое называется Мурсиан, вплоть до Данастра [слав. *Дънѣстръ*] и на север до Вислы: там имеются болота и леса вместо городов. Но там, где изгибается Понтийское море, анты — самые могучие среди них — распространяются от Данастра до Данапра [слав. *Дънѣпръ*]; эти реки отстоят друг от друга на много привалов (пути)». ⁶ И далее: «После подавления герулов Германарих снова направил войско на венетов, которые, хотя и недостаточно вооруженные, но сильные числом, вначале оказали сопротивление. Но безоружное множество не устоит, в особенности когда Бог попускает и появляется вооруженное множество. Что до них [венетов], то, как мы предприняли говорить во введении к изложению или в перечне народов [ср.: Иордан. *Getica*, гл. VI], происходя из одного корня, они ныне произвели три имени, то есть венетов, антов, склавлен. Теперь — по грехам нашим — свирепствуют вокруг, тогда всем повелениям Германариха были покорны».⁷

Когда о славянах появились достоверные исторические свидетельства, т. е. когда они распространились по Балканам и Восточной Европе в эпоху владычества аваров, имена антов и венетов исчезли полностью, в употреблении осталось только то, которое до сих пор является их родовым именем. Восточные, западные и южные славяне имеют множество имен в соответствии с их подразделением на племена.

⁶ *Introrsus illis Dacia est, ad coronae speciem arduis Alpibus emunita, iuxta quorum sinistrum latus, qui in aquilone vergit, ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia Venethorum natio populosa consedit, quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur. Sclaveni a civitate Novietunense et laco (некоторые рукописи дают loco, возможно, имеется в виду lacu), qui appellatur Mursiano, usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur: hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt (J o r d a n e s. De rebus Geticis, cap. XVII. Ed. Th. Mommsen. Monumenta Germaniae Historica, vol. I. Berlin, 1882).*

⁷ *Post Herulorum cede item Hermanaricus in Venethos arma commovit, qui, quamvis armis despecti, sed numerositate pollentes, primum resistere conabantur. Sed nihil valet multitudo inbellium, praesertim ubi et Deus permittit et multitudo armata advenerit. Nam hi, ut in initio expositionis vel catalogo gentium dicere coepimus, ab una stirpe exorti, tria nunc nomina ediderunt, id est Venethi, Antes, Sclaveni; qui quamvis nunc, ita facientibus peccatis nostris, ubique desaeiunt, tamen tunc omnes Hermanarici imperiis servierunt (Ibid., cap. XXIII).*

В ранних славянских текстах славяне называют себя *словѣне* (мн. ч.), *словѣнинъ* (ед. ч., образованное с помощью «суффикса сингулятива», по выражению А. Мейе), но в греческих, латинских и других европейских текстах встречаются лишь формы с *a* в корневой морфеме: Σκλαβηνοί, откуда лат. *sclaveni*, ит. *schiaconi*, нем. *s(k)laven(en)* и т. д., а также Σθλαβηνοί. В греческом *κ* или *θ* в качестве вставного звука появлялись между *с* и *λ*, поскольку греческий не имеет начальной группы согласных *сл-*. *Словѣнинъ* представляет собою, по всей вероятности, производное с помощью суффикса **-ēn-*, употребляемого обычно для образования *nomina originis*, от основы *слов-о* (*слов-ес-*) и обозначает «того, кто имеет слово» в противоположность «тем, кто его не имеет», как германские соседи, названные *нѣмьци* «немые». Слав. *слово* — одно из многих образований от и.-е. **K'lou-/K'leu-*, как в греч. *κλέος* < *κλέφος* «слух, слава», санскр. *śrū-* «слышать», *śrūtá-* «услышанное» = греч. *κλῦτος* «славный». Если в каких-либо славянских диалектах и существовало племенное имя, отраженное греч. *σκληβ-/σθλαβ-*, то оно было образовано, как и возникшее позже *словѣнинъ*, от того же и.-е. корня на ступени продления: **K'lou-*, что, очевидно, в слав. *слава* < и.-е. **K'lou-ā-* «слава, слух».⁸

Потребовалась миграция значительного размера, переходящая за пределы Евразии, чтобы вовлечь балтославян в круг средиземноморского мира и тем самым в поле зрения историков. Великие передвижения четвертого и следующего веков и тревожный вопрос о происхождении явно бесконечного потока самых различных народов, идущих с севера и северо-востока, значительно расширили древний исключительно средиземноморский земной круг — *Orbis Terrarum*. Однако славяне стали действительно исто-

⁸ Другого мнения Розвадовский. Ср. также: Niederle L. Manuel de l'antiquité slave. Paris, 1923, p. 36. Это, однако, не убедительно. Фасмер отвергает возможность образования этого этнонима от *слово* — и это несмотря на семантическую параллель в виде алб. *škipëtar*, самоназвания албанцев, и *škipër* «понимать», приводимого им самим — отвергает на том основании, что суффикс *-ѣнинъ*, *-ининъ* встречается только в производных от имен географических, а топонима **Slovu* не существует. Фасмер производит имя от гидронима, ссылаясь на известный, но загадочный патронимический эпоним *Словутичь*, нижнее течение Днепра, встречающийся в «Слове о полку Игореве», а позже в форме *Славути* в укр. фольклоре как имя небольшой реки в системе Припяти и как название города на Горыни (Чижевская 319). Это имя, если оно действительно славянское, восходит к упомянутому слав. и и.-е. корню. Другие гидронимы, указанные Фасмером, обозначают столь ничтожные реки, что вряд ли родовое племенное имя могло быть образовано от них. Племенные имена с суффиксом *-ѣнинъ*, *-ининъ* от топонимов вполне обычны у славян, но, кроме того, этот суффикс известен в образованиях типа *nomina originis*, как *горожанин*, *селянин*, *мещанин*, *дворянин*, *поляне* и т. п. В этих образованиях он начинает стираться и восприниматься подобно суффиксу в *nomina associationis*, *sodalitatis* в таких словах, как *семьянин*, особенно *мирянин* (опущено у Фасмера), *каторжанин* (у Фасмера только *каторжник*), так что не может быть исключена возможность подобного использования суффикса при основе *слов-*. Но вдруг все это уловки ученообразной народной этимологии, и название славян не славянское и даже не индоевропейское?

рическим и цивилизованным народом лишь по окончании великого переселения народов, и лишь они, а не балтийцы стали известны первыми из балтославян. Это лишает нас всяких данных для решения вопроса о времени разделения балтийцев и славян.

IV

Уже в древнейших китайских хрониках династии Цинь (221—207 гг. до н. э.) и Ранней династии Хань (206 г. до н. э.—9 г. н. э.) отмечаются серьезные столкновения в степях Центральной Азии. То были племена, обычно называемые хунну (хьюнну, сюнну). В отдельные периоды Ранней и Поздней (25—220 гг. н. э.) династий Хань они представляли собою большую опасность для империи. Уже Цинь Ши-хуанди (221—210 гг. до н. э.), великий и жестокий правитель династии Цинь, возвел большую часть до сих пор существующей Великой китайской стены, которая не только в те далекие времена, но и позднее имела важное значение для защиты Небесной империи от кочевых народов, хотя хорошо известно, что Великая стена не всегда могла предотвратить вторжение хорошо организованных групп кочевых завоевателей. Были ли эти хунну из хроник китайских династий тождественны с гуннами (Ἰβννοι) западных источников, установить невозможно, если опираться только на исторические тексты. Правдоподобным, однако, будет заключение, что хунну в Китае по меньшей мере близкие родственники и предки гуннов на западе. Некоторые, но далеко не все гуннские слова и имена, упоминаемые в китайских источниках, позволяют видеть в гуннах «алтайцев», хотя и не дают возможности отнести их к одной из пяти «алтайских» групп, т. е. к тюркам, монголам, корейцам, тунгусам и японцам (с Рюкю). По некоторым соображениям, о которых будет сказано позже, можно догадываться, что «алтайский» элемент гуннов мог принадлежать к шестой группе, угасшей на ранних этапах развития.

После долгой борьбы китайцы успешно отразили атаки гуннов и уничтожили недолговечные, пространственно ограниченные гуннские державы, например гуннские Раннюю и Позднюю династии Чжао (304—351 гг. н. э.). Основная масса гуннов откатилась на запад, захватывая земли и добычу, не доставшиеся им в Китае. Это перемещение гуннов на запад вызвало грандиозные передвижения по всей Евразийской равнине, которые в конечном счете существенно изменили этнографическую и лингвистическую карту Европы.

Внешней причиной упадка и окончательного распада западной части Римской империи, географически охватившей земли первой империи римлян, послужили постоянные вторжения на всем протяжении границ (*Limes Romanus*), простертых от нижнего Рейна до Дуная, вдоль которого они шли на юго-восток. Вторжения на-

чались в правление Марка Аврелия, философа на троне: он умер во время превратностей затянувшейся войны с германцами — маркоманнами и квадами (166—180). В конце концов они пробились в Десятинные поля (*Agri Decumates*)⁹ и поселились в Ретии и Норике (современные южная и юго-восточная Бавария и западная Австрия). Первоначально именно германские племена играли ту же роль на границах Римской империи, что гунны в Китайской империи. Но в Римской империи не стали заниматься такими грандиозными сооружениями, как Великая китайская стена, здесь просто исправляли и укрепляли *Limes Romanus*. В начале III столетия, при Каракалле, вторгшиеся алеманны и готы были разбиты (211—217); позже, в 250 г., Деций снова нанес поражение готам, уже во Фракии, но сам был убит при преследовании бегущих орд. А через несколько лет Валериан был вовлечен в свирепую борьбу с варварами на всей территории империи, даже в Северной Италии. Франки уже находятся в Галлии и Испании, алеманны в Цизальпинской Галлии (Северная Италия), в бассейне реки По, а готы — на всем Балканском полуострове и рассеянными группами в Анатолии. Кажется, что и западная, и восточная части империи затоплены варварскими ордами. Аврелиану (270—275) пришлось заключить мир с готами, которые захватили все территории на Балканах к востоку от Нижнего Дуная, но удалось отбить алеманнов, постоянно угрожавших Италии, и тем самым заслужить титул спасителя империи, *restitutor orbis*. При Таците (275—276), преемнике Аврелиана, готы появились на азиатской сцене вместе с аланами, ираноязычной группой племен, и были разбиты. Его наследник Проб (276—282) был еще способен разбить вторгшиеся племена франков, алеманнов и бургундов на Рейне и восстановить *Limes Romanus* между Рейном и Дунаем (через южную Германию). Кар (282—283) победил на Нижнем Дунае новых пришельцев — сарматов, возможно говоривших на иранском языке, но потерял все Десятинные поля.

Хотя в это время сюнну, или гунны, по всей вероятности, еще не пересекли урало-каспийскую линию, большие миграции должны были иметь место по всей Евразийской равнине, первым знаком чего явились передвижения германцев на запад; в этом движении принимали участие и иранцы — аланы и, возможно, сарматы.

При этом отсутствуют упоминания о славянах или племенах и племенных группах, которые мы могли бы отождествить со славянами или балтославянами.

С установлением абсолютистской монархии Диоклетиана (284—305) империя и ее цельность были в значительной степени восстановлены. Константин, ставший императором в 306 г., успешно отбросил бруктеров и франков. Он, единолично правивший с 324 по 337 г., достиг последнего великого сплочения империи. 11 мая

⁹ *Agri Decumates* (Десятинные поля), территория между *Limes Romanus* и действительными границами империи — Рейном и Дунаем.

330 г. столицей империи стал город Византий, получивший название Нового Рима. Вскоре, однако, за ним закрепилось имя Константинополя. Возобновившиеся вторжения франков и алеманнов были отбиты в 357 г. около Аргенторатума (Страсбург) Юлианом, двоюродным братом Константина Великого.

Последняя четверть IV столетия отмечена мощным движением гуннов на запад. Их вторжение в Европу обычно датируется 375 г. Явившись в конце столетия, гунны создали совершенно новую ситуацию: внутри обеих частей империи и вдоль всех ее границ все другие завоеватели снова пришли в движение. Походы гуннов послужили сигналом для последнего натиска на средиземноморские области.

С нарастающей силой западно- и восточногерманские племена начали свое продвижение в пределы империи. Они сделались бесспорными хозяевами большей части Европы. Только собственно Италия, исключая по временам долину реки По (бывшую Цизальпинскую Галлию), прочно оставалась под властью империи, несмотря на частые набеги и периодические вторжения. Летом 476 г. военачальник римских войск Одоакр был провозглашен королем Италии, несмотря на притязания Ореста и его сына Ромула-Августула, и знаки императорского достоинства позднеклассического периода навсегда исчезли с территории западной части империи. В конце того же столетия в Италии стали владычествовать остготы, уже с 456 г. прочно обосновавшиеся в Паннонии. Конец Западной Римской империи был также следствием истощения и распада, вызванных длительными войнами и бесконечными волнами — одна разрушительнее другой — надвигающихся орд. В течение первой половины VI в. вся Европа была покорена германскими конфедерациями — алеманно-бургундами и франками, которые распространили свои владения главным образом в Галлии, а также в Испании и долине реки По, вандалами и вестготами (последние были восточногерманской ветвью).

О языке вандалов мы ничего не знаем, но император Константин Багрянородный говорит, что «готские гепиды и вандалы различаются только именем и больше ничем, они используют один и тот же диалект».¹⁰ Вандалы предшествовали готам в движении на запад, в 401 г. они вошли в Ретию совместно с иранцами-аланами, переправились через Рейн в последние дни 406 г. и прошли через всю Галлию на Пиренейский полуостров (409). В 425 г., при короле Гейзерихе (423—477), они совершали набеги на Балеарские острова, на североафриканское побережье, Сицилию и Сардинию, и в течение почти пятидесяти лет силы вандалов, направляясь главным образом за море, наводили страх на весь юг Средиземноморья. К концу жизни Гейзериха вандалы, действуя часто в союзе с гуннами, стали совершать набеги на берега Греции.

¹⁰ De administrando imperio, libri XXV.

Франки установили свое господство в центре и на севере Галлии, бургунды — на юго-востоке, алеманны — на востоке, адревная Аквитания, юго-восточная часть Галлии, прочно оставалась в руках вестготов. Вместе с вандалами из Прикубанья двигались аланы, но Валия, король вестготов, уничтожил их племена (418) в то время, когда вандалы начали проникать в Испанию. Остатки аланов соединились с вандалами в Испании и в Северной Африке. Во время всех этих передвижений, сопровождаемых почти непрерывной междоусобной борьбой между разными племенами и даже внутри них, на востоке появились гунны — величайшая угроза империи.

На своем пути на запад от западных и северо-западных границ Китайской империи гунны нападали на все встречающиеся оседлые народы и государства и в Центральной Азии, и в Иране, и на Кавказе. Они нигде не осели, нигде не создали державы, как это сделал Атила около середины V в. После случайных вторжений в Армению, Албанию, Грузию (Иберию) и Анатолию главная масса гуннских племен прошла Евразийской равниной севернее Кавказа вдоль побережья Азовского и Черного морей и так вступила в прямое соприкосновение с Восточной Римской империей. Здесь гунны столкнулись с готами, о сражении между ними рассказывает сага о Херваре.

Уже при императоре Грациане (379—383) гунны вместе с союзными войсками аланов, которых они подчинили в Черноморско-Каспийских степях и принудили участвовать в своих походах и передвижениях, заняли Дакию и Фракию. Отдельные группы готов и тайфалы (народ неизвестного происхождения, возможно восточногерманского) были союзниками гуннов. Таким образом, все задунайские земли стали частью державы гуннов, которая распространилась далеко на восток через все Черноморско-Каспийские степи.

Кочевые орды, держась до времени равнин, продвинулись вверх по Дунаю и заняли Венгерскую равнину по Дунаю и Тиссе — пусту, или Паннонию, как называлась эта провинция империи. Несомненно, какое-то количество гуннских орд попало на пусту прямым ходом через Карпаты с Черноморско-Каспийских пастбищ. Венгерская равнина, пуста, представляет собою самую западную часть Евразийского степного пояса. Здесь гунны нашли все условия для кочевой жизни: прежде всего обширные пастбища для скота, без которых они не могли существовать.

Здесь они могли собрать свои силы для решительного, как они ожидали, наступления на великую Западную империю.

Несколько раз гунны изгонялись из Фракии и даже Паннонии, но каждый раз возвращались с еще большими силами. Некоторые группы гуннов по временам были вынуждены склоняться на сторону империи и сражаться в качестве наемников против других ее врагов, например против вестготов в Галлии (437). Такие случаи хорошо известны в римской истории, были они и в китайской:

высшая дипломатия этих государств весьма часто использовала в своих интересах мощь и безмерную алчность кочевников.

Примерно в 432 г., когда великий полководец Западной Римской империи Аэций сделался консулом, гунны начали более серьезно досаждают Восточной Римской империи. В 434 г. их правитель Руас подготовил поход против Византии, но преждевременно скончался. Его племянники, братья Бледа и Аттила, удвоили требуемую от Византии дань, которую к тому времени платила империя.¹¹

Пока Аэций старался восстановить некоторую видимость порядка в западной части империи и сражался с вестготами и бургундами (иногда с помощью гуннских союзников), а вандалы грабили большие города по всему южному берегу Средиземного моря и на его островах, гунны начали наступление на Византию. Могучий приступ 441 г. был повторен с еще большими силами в 447 г. В промежутке между этими двумя походами Аттила убрал своего брата Бледу и остался единоличным правителем. Гунны востребовали непомерную дань со слабого и неудачливого императора Феодосия II (408—450). Как раз во время его правления в 448 г. в ставку Аттилы было отправлено известное посольство, в котором принимал участие историк Приск. Ему мы обязаны самым точным отчетом внимательного наблюдателя и ученого. Другой важный отчет о гуннах принадлежит Аммиану Марцеллину (XXXI, 2, 1—12). Дополнительные сведения содержатся в «Getica» Иордана, который был, как уже говорилось, алано-готского происхождения.

Гунны разграбили все балканские территории Восточной Римской империи с севера до юга и с запада до востока. Они многократно вторгались в Иллирию и разоряли города Адриатического побережья. Одним из условий мира, предложенного Византии, было требование полностью освободить территорию южнее Дуная шириною в пять дневных переходов, с тем чтобы использовать ее — и это типично для сознания кочевников — как охотничьи угодья. Это находит интересную параллель в том факте, что Чингис-хан после разгрома чжурчжэньской династии Цзинь и завоевания Северного Китая (1215) обдумывал, следует ли выселить (или уничтожить) крестьянское население Северного Китая, поскольку монголам могут понадобиться эти плодородные земли как пастбища для их коней и стад. Его премьер-министру Елюй Чуцаю стоило многих трудов убедить Чингис-хана в том, что налоги от миллионов китайских крестьян принесут империи больше пользы, чем пастбищные земли.

¹¹ Оба имени — Бледа и Аттила, кажется, готского происхождения. Первое считается таковым, хотя это и не значит, что его этимология на самом деле готская. Второе, как кажется, уменьшительное образование от готск. *atta* 'отец', т. е. Аттила 'батюшка'. *Ata* 'отец' также в алтайских и тюркских языках, но диминутивы или другие производные с *-il(-a)* здесь неизвестны. Некоторые сопоставляют это имя с названиями Волги: Атил, Эдил, Идил, Итил.

Маркиан, наследник Феодосия II, оказал гуннам сопротивление и смог изгнать их из Иллирии в 451 г.

Аттила колебался, должен ли он покорить прежде Сасанидскую или Римскую империю, и решил ударить вначале по Римской. Ряд обстоятельств определил его решение покончить с ней, начав с запада, поскольку он, очевидно, осознавал, что найдет сильную поддержку в Галлии, в землях между Италией, Испанией и Германией, со стороны многочисленных кельто-романских и германских племен.

Аэций смог привлечь вестготов как союзников против гуннов, бывших в дружбе с вандалами (последние были злейшими врагами вестготов). Но прежде чем римские армии были готовы, Аттила выступил в поход во главе гуннов и множества их союзников, из которых наиболее важными были восточногерманские гепиды и остготы, самые верные и надежные помощники Атилы со времени его крупных успехов против Византии в Восточной Европе. Зимой 450/51 г. гунно-германское воинство переправилось через Рейн, захватило все рейнские города: Августа Тревирурум (нынешний Трир), Меттис (древний Медиомагус, нынешний Мец) — и в канун пасхи 451 г. осадило мощную крепость Аврелианум (Орлеан). Тогда пришла в движение римская армия под предводительством Аэция. Северо-восточнее Орлеана, на Каталаунских полях возле Шалона-на-Марне, в окрестностях Августобона (Трекас, Труа), противники заняли позиции и произошло одно из крупнейших сражений древности и средневековья. В ночь накануне битвы к римлянам, вестготам и аланам Аэция присоединились мятежные группы франков и гепидов из лагеря Атилы: вероятно, они были силой принуждены следовать за Атилой и теперь использовали возможность отомстить. Лучшее описание битвы оставил нам Иордан (*Getica*, гл. 61—66). Гунны были полностью разбиты и обращены в бегство. Однако Аэций не преследовал их и дал им возможность уйти за Рейн. Со своих становищ в Паннонии и на северо-западных Балканах в 452 г. гунны вторглись в Италию, но затем отступили, разрушив, наконец, Аквилею. Через год Аттила умер, отравленный, как полагают, своей последней женой, германской принцессой Бертой.

Империи гуннов пришел конец. Она быстро распалась, и сыновья Атилы Эллак, Денгизих и Эрнак вступили в междоусобную борьбу. Ардарих, король гепидов, возглавил общее восстание союзных и вспомогательных германских частей. После смерти братьев Эрнак отвел свой народ на нижнее течение Дуная, в Малую Скифию. Отсюда гунны время от времени вторгались на Балканы, но они не были уже больше мировой державой. Они все еще могли доставлять неприятности, как это было дважды — в 539 и 540 гг. — во времена Юстиниана Великого и как это было в 557—558 гг., когда под предводительством Забергана гунны-котригуры снова произвели ужасные разрушения. Котригуры Забергана

достигли Фермопил в Греции, Дарданелл и самых пригородов Константинополя.

Главные силы гуннов покинули европейскую сцену и вели борьбу с Сасанидами, которые, как кажется, терпели натиски гуннов в течение всего VI в. Остатки гуннов или племена, близко родственные им, рассеялись по всей Евразийской равнине. Кажется, что большинство из них кочевало по равнине между Днепром и Уральскими горами. Вероятно, это те племена, в состав названия которых входит *-гуры*, *-гирь* (-γουροι, -γῆροι. Алт. -gig; γυг/-gig обычно среди племенных названий у тунгусов, встречается у монголов), а именно: котригуры, кутригуры (κοτρίγυροι [κοτρ-]), кутургуры (κοτοῦργυροι), котрагиры (κοτράγηροι, κοτραγοι), котзагиры (κοτσαγηροι = *Köčä-gig?), сарагуры (σαράγυροι), уннугуры (ὀννογυροι), ун(н)угундуры (ὀννογουνδυροι), утигуры (ὀττιγυροι) и т. д., возможно, также сабиры (σάβιροι). Позже мы увидим, как часть этих племен составит ядерные группы протобулгарских орд в Черноморско-Каспийских степях.

В историческом отчете обо всех этих важных событиях среди множества племенных имен, названий племенных конгломератов и народностей нет ни одного, которое можно было бы отнести к славянам. Факт парадоксальный! Должны ли мы полагать, что славяне не принимали участия во всех этих событиях? Остались ли славяне не затронутыми вторжениями кочевников из монгольских степей? Могло ли быть так, что славяне оказались в состоянии противостоять и не поддаваться давлению гуннов и их многочисленных союзников? Все это совершенно невозможно.

Ни кочевой, ни оседлый образ жизни не мог защитить славян от господства и неистовства гуннов. Следовательно, мы должны полагать, что славянские племена также принимали участие в походах гуннов в качестве союзников или помощников по принуждению. Единственно странно, что ни одно из множества имен, известных нам по гуннским походам и по истории великого переселения народов, не является славянским по происхождению. Для целого ряда племенных групп мы не знаем в действительности, каким народом они были или на каком говорили языке. Так, на основе данных Константина Багрянородного мы полагаем, что гепиды должны были принадлежать к общей с готами племенной конфедерации, т. е. пользоваться восточногерманским языком. Но кроме их племенных и личных имен, у нас нет других данных на этот счет. Это же относится к народам, о которых мы знаем еще меньше, например к тайфалам, карпам, герулам, бастарнам. Этот вопрос может иметь и социологический аспект. Лингвистические свидетельства, как кажется, говорят о ранней сельскохозяйственной структуре славянского общества типа *зэдруги*, но никак не о кочевой. По-видимому, славянам была свойственна высокая степень оседлости и, следовательно, меньшая степень воинственности. Распространение славян протекало без агрессий, т. е. без сколь угодно значительных военных операций. Во времена крайней

опасности, как в случае появления кочевых групп вроде гуннов, такие оседлые сельскохозяйственные группы должны были служить просто объектом грабежа, используя в основном как база для снабжения; их ценность как солдат должна была быть незначительной. Следовательно, славяне не должны были играть в рядах гуннских армий роль германских, иранских и других племен, сражавшихся за гуннов. Даже если им против своей воли и приходилось делать это, т. е. двигаться по принуждению вместе с гуннами, готами и аланами под водительством гуннских военачальников, то и тогда они не должны были особо отмечаться, кем бы ни описывались события.¹² Я сознаю слабость подобных аргументов, но невозможно представить себе, что славяне, расположенные географически между восточногерманскими группами и наступающими гуннами, могли оставаться незатронутыми в эпоху, когда самые стены Рима и Константинополя дрожали перед гунно-германо-аланскими силами. Я нахожу известную поддержку этим взглядам у Иордана в том, что он говорит непосредственно о славянах, хотя и сказано это было в связи с действиями готского короля Германариха против славян-венетов, после того как он разгромил могущественных герулов и ряд балтийских, финских и других неопознанных племен (см. вышеприведенные цитаты).

После того как Небесная империя избавилась от угрозы гуннов, в Восточной Монголии и Западной Маньчжурии образовался союз племен, обычно известный в китайских летописях под именем сяньби (Вэй). В соответствии с данными, которыми мы располагаем, сяньби можно рассматривать как ядерную группу, из которой возникли все позднейшие монгольские племена. Они говорили на монгольском языке, который может быть назван протомонгольским. Кроме титулов, а они алтайские, но не тюркские или монгольские, в династийных хрониках мы не найдем других слов из этого языка.

Из сяньби произошло несколько племенных конфедераций, сыгравших важную роль в истории как Китайской, так и Римской империй. Наиболее важные из них — жуань-жуани и кидани (цидани). Из них жуань-жуаням было суждено основать свою державу на крайнем западе — на землях между Восточной и Западной Римскими империями, а киданям покорить всю северную половину Китая и основать здесь могучую династию Ляо (907—1125), которая управляла всем Северным Китаем, Кореей, районом Амура, Маньчжурией, центральноазиатскими плато и степями,

¹² Славяне и анты упомянуты вместе с гуннами, например, в отрывках, приведенных М. Фасмером (см.: *Die Slaven in Griechenland*. — *APAW*, N 12, 1941, S. 12) из «*Historia Arcana*» (гл. 18) и «*Bellum Goticum*» (кн. 3, гл. 14) Прокопия. Сведения относятся к первым годам правления Юстиниана, т. е. ко времени, когда гуннская держава Атиллы и его сыновей прекратила свое существование.

а по временам районом Лобнора на восточном краю бассейна реки Тарим.

Во время правления Дао Ву, первого императора Северной Вэй (386—409), жуань-жуани напали на группу киданей, так называемых восьмью племен чипоу. О жуань-жуанях ничего не известно до IV в.; затем мы знаем, что они старались распространить свое господство на соседей, вступив в борьбу за первенство с гуннами, табгачами, которые основали династию Тоба-Вэй (386—557), и тюрками. В V в. жуань-жуани по следам гуннов двигались на запад. Они захватывали все города вдоль границ Китайской империи, в бассейне р. Тарим, в Тохаристане и в империи Сасанидов, но были неспособны основать прочную державу, несмотря на крупные военные успехи, которые они одерживали над этими оседлыми государствами.

В 555 г. они достигли Кавказа и Закавказья, где захватили Албанию (Alvan, араб. الران 'Arrān, арм. Աղվանք Alvank'), Азербайджан и Армению. Далее вдоль Кавказских гор они двигались на север по направлению к черноморским владениям Византии и напали на антов, раннее славянское племя, обитавшее на низменностях между Днестром, Днестром и Дунаем, вокруг залива у Одессы. Миролюбивые оседлые анты были легко покорены (558) и должны были содержать жуань-жуаней и их многочисленный скот. Истощенные в долгих походах жуань-жуани, известные на Западе под именем аваров (Араг в орхонских надписях), могли теперь собрать свои силы. Они получили поддержку от вновь прибывших из Центральной Азии групп, большую часть которых, видимо, составляли тюрки, и приготовились к новым походам. Скоро они распространили свою державу за Карпаты и по призыву лангобардов (565) вторглись в Паннонию, равнину между Дунаем и Тиссой. Здесь они по существу заняли то же положение, какое занимали гунны столетием раньше. Несомненно, к аварам присоединялись остатки гуннов и целые гуннские племена, так же как и славянские. Ни китайские, ни западные источники во все времена не делали ясного различия между разными кочевыми группами, часто называя их родовым именем, которое должно было становиться в те времена уничижительным названием, как сюнну и гунны, скифы, а более всего предавались описанию их дикости, жестокости, коварства, кровожадности и нечистоплотности.

На основании исторических свидетельств можно полагать, что авары были той силой, которая, неожиданно явившись в центре славянских масс, привела их в конце концов в движение. Переходя на равнину Дуная и Тиссы, авары принудили двигаться в область королевства остготов (Италию и Далмацию) гепидов и лангобардов. Через несколько лет после уничтожения антских общин (неясно, можно ли в этом случае говорить об антском государстве) славянские группы находились на пути вначале на юг, потом на юго-запад Балканского полуострова. В 576 г. славяне кочевали

по всей Греции, а в 577 г. прочесывали всю Фракию, область, которая подвергалась всем без исключения вторжениям, начиная с готского. Славяне двигались вместе с аварами, которые распространились по всему Балканскому полуострову и полностью предались грабёжам, резне и разрушению. Трудно установить, подчинялись ли при этом славяне аварам. Авары, конечно, принуждали славян к совместным походам, но в своих главных передвижениях славяне действовали самостоятельно.

С 578 г. славяне расселяются в Греции. Они даже проникли на Морейский полуостров, Пелопоннес, и на острова Эгейского моря. В 623 г. они были на Крите, но не стали здесь преобладающим этническим элементом, как это было на севере, северо-западе и в центральной части Балканского полуострова. Только в X в. Византия вполне освободилась от преобладания славян в Греции. Следы их по всей Греции видны до сих пор в таких топонимах, как Гардики, Гардица, Аварикос, Градица (Γαρδίκι, Γαρδίτσα, Ἀβάρικος, Γραδίτσα) и подобные.¹³ Известно название одного из славянских племён, занимавших Пелопоннес, — Езериты (Ἐζερῖται 'озерный народ'). Это имя безусловно славянское, производное от праслав. *ezero 'озеро'. По временам славяне подходили к самым воротам Константинополя, так что Юстиниан II был принуждён что-то делать с этим и расселил их в Вифинии, малоазиатской провинции против столицы. Число славян, поселённых здесь, определяется в 50 тыс. Возможно, что светловолосое население, отмечаемое в относительно большом количестве даже сегодня в северо-западной части Анатолии, это отуреченные потомки тех славян.

Весьма вероятно, что группы славян начали движение уже до нашествия аваров, возможно, после развала империи Атилы и восстания Ардариха и его гепидов. Ардарих и гепиды получили от императора Дакию и Паннонию; часть из них вместе с готами, видимо, отошла на запад к Италии и Галлии, где готы становились все более могучими. Вероятно, готы следовали за германскими племенами, двигавшимися на запад, и входили в земли, которые оставались пустыми после того, как большинство германцев находило себе новую родину в Галлии, Испании, Италии и даже в Северной Африке. Вероятно, в эпоху между крушением могучей империи Атилы и приходом новых узурпаторов, жуаньжуаней — аваров, славяне начали более или менее компактными группами покидать равнину к северу и северо-востоку от Карпат и двигаться к рекам Одеру, Эльбе и Везеру и в Богемию, оказываясь

¹³ Первые два имени очень архаичны и сохраняют праславянские черты: Гардики из *gord-ьк-ъ, формы, предшествующей как метатезе плавных, так и III палатализации; Аварикос — если не содержит племенного названия аваров — восходит к *avor-ьк-ъ. Цсл. формы будут *градьць* 'городок' и *яворьць* 'явор'. О славянском элементе греческой топонимики см. основательный труд М. Фасмера «Die Slaven in Griechenland». Приведённые примеры взяты из этой работы (с. 30, 287 и сл., 146, 262, 267, 301 и сл., 304 и сл.), см. также индекс.

таким образом в Центральной Европе, Германии восточными соседями саксонцев, турингов и франков. Эти славяне были предками современных западных славян. Славяне, которые последовали за этими западными группами, но в более южном направлении, и прошли через Моравские ворота, отделяющие Карпаты от Судет, а затем в южном направлении в бассейн Дуная, прокладывая свой путь через долины правых (южных) притоков Дуная, были предками позднейших южных славян. Эти реки вывели их на Балканский полуостров к Адриатическому побережью, так же как в Грецию и на берега Эгейского моря. Мы знаем больше о славянских передвижениях на Балканах, поскольку они происходили вместе или по крайней мере в одно и то же время с ужасными походами новых врагов империи — аваров.

На Балканском полуострове славяне этнически и лингвистически поглотили иллирийцев (их остатки сохранились в виде албанцев — *škipetárgs*), часть даков, то, что осталось от фракийцев, часть греков и балканороманцев (позднейших арумын) и то, что оставалось от готов (возле Никополя—Ниша готы встречаются еще в IX в.).

Нам известно, что еще до этих передвижений много славян в составе армии Юстиниана I сражалось в Италии против готов. Так, в 538 г. при первой осаде Рима из императорской армии был направлен в Италию отряд из 1600 славянских, антских и гуннских всадников. Здесь под именем славян, несомненно, имеются в виду славяне с Балкан, т. е. южные славяне, а под антами — восточные славяне из областей между Карпатами и Днестром. Славяне сражались также под началом Велисария, великого победителя вандалов. Нам известно о византийском военачальнике Даврагезасе (*Δαβραγέζας*), бывшем, очевидно, славянином, который в чине таксарха выступал против персов на реке Фасис в Колхиде в Западной Иберии (нынешняя река Риони близ города Поти).

Император Юстиниан I (527—565) достиг своей цели — восстановления Римской империи: он разгромил готов и вандалов и восстановил единство империи от крайнего запада Средиземноморского бассейна до границ Сасанидской Персии. Он соорудил пояс военных укреплений от Нумидии (приблизительно современные Алжир и Тунис) до Месопотамии, отпустил деньги на строительство крепостей вдоль вершин восточного Кавказского хребта, что превосходило, хотя и не длиной, Великую китайскую стену. Он ввел кодекс Юстиниана и сделал все для устранения догматической борьбы в восточной церкви, по временам поддерживая православие, но иногда под влиянием Феодоры проявлял терпимое отношение к монофизитам. Он поощрял шелководство, с которым византийцы познакомились через согдийских купцов, водивших торговые караваны между Византией, Ираном и Китаем, учредил торговлю с Индией по Красному морю. Эфиопия (Абиссиния) вошла в близкие отношения с империей. Он построил крупнейший собор эпохи — святую Софию, которая до сих пор остается

величайшим памятником искусства в Константинополе (Стамбуле), и церковь Апостолов, которая не сохранилась.

За несколько лет до смерти Юстиниана появились авары, им было суждено позже потрясти империю. Сасаниды вызывали все большее подозрение у своих западных соседей. К концу правления Юстиниана войска ослабли, богатства истощились. Наследники его проявили неспособность к управлению страной. Славяне, которые начали распространяться на Балканах в то время, когда Юстиниан вззошел на трон, все в большем количестве пересекали границы империи. Авары начали свои грабежи и убийства, не встречая помех; сила их росла, их владения распространились далеко за Дунайскую равнину, западные части империи также страдали от них. Несколько раз во время этих захватнических походов они переправлялись через Рейн, но ни разу не доходили даже до Суассона. Поразительно сходство этих походов с походами гуннов. Правитель аваров носил титул хаганос (Χαγάνος). Именно авары и тугухуни, другая протомонгольская группа, ветвь сяньби, первыми называли своих правителей каганом.

Когда около 566—567 гг. массы аваров заняли равнину между Тиссой и Дунаем (Паннонию), откуда они предприняли свои походы против империи на Балканах, а также в Центральную Европу (Германию и Галлию), анты вступили в союз с империей. В тылу у аваров появилась угроза их естественным связям с возможными источниками людской силы, которая могла прийти, подобно им самим, с Туранской равнины или из Центральной Азии. В 602 г. аварский каган послал огромную армию, чтобы уничтожить антов. Об этом походе ничего не известно, но он был, очевидно, успешен, поскольку с этого времени имя антов как таковых исчезло из истории.

В 610 г. в лице Ираклия, который правил до 641 г., к власти пришла Армянская династия (существовавшая до 711 г.). В правление Ираклия империи пришлось иметь дело с тремя могучими врагами: аварами, сасанидами и арабами.

Авары во время своих многочисленных походов против империи не раз подходили к стенам Константинополя. Дважды, в 619 и 626 г., они осаждали город. В этих походах принимали участие большие отряды герулов, славян и болгар. В 626 г. город, казалось, должен был пасть, так как он был взят в клещи аварами с запада и персами с востока: персы разбили свой лагерь на противоположном берегу Босфора в Хрисополе (теперь Ускюдар [Скутари]). В момент крайней опасности византийцы составили торжественную процессию во главе с патриархом, которого сопровождали множество епископов, архиереев, иереев, монахов, несущих кресты и бесчисленные богато расшитые церковные хоругви; далее следовали вооруженные миряне. Процессия взшла на верх великих Феодосиевых стен как раз в то время, когда персы ждали аварского приступа. Хроники красочно рассказывают, что

при виде вышитой на хоругви громадной иконы Богородицы, взятой в одном из больших соборов, авары, готовившиеся к приступу, начали колебаться и обратились в беспорядочное бегство в уверенности, что даже боги, духи и демоны византийцев готовы к битве с ними. Конечно, это было чудо, и хотя мы теперь скептически относимся к чудесам, все же можно понять, как шаманисты авары из Восточной Монголии поверили, что величайшие духи византийцев вышли на стены для сражения с ними. При известии о бегстве аваров персы немедленно отступили. Ираклий преследовал их и годом позже разгромил в битве при Ниневии. Могущество Сасанидов рухнуло. Авары же снова повернули на запад.

В течение VII в. империя вела тяжелые оборонительные войны с арабами. При этом уже в начале первой «священной войны» мусульман она потеряла земли Сирии и Палестины (634), а через несколько лет — Месопотамии и Египта, самых важных и богатых провинций восточной части империи. Из Месопотамии битвой при Нигавенде (642), во время которой была уничтожена империя Сасанидов, арабы начали завоевание Ирана и Турана. Из Египта арабские армии, спалив Александрийскую библиотеку, богатейшую библиотеку всей древности, начали завоевание Северной Африки и Испании. На западе возникло государство франков (оно стало будущей основой империи), главные интересы его сосредоточились теперь на обороне против арабов и ислама.

VIII в. был отмечен первым великим расколом внутри восточной церкви — иконоборчеством (730—843), движением, которое пришло к концу в результате победы светской партии под руководством императрицы Феодоры, вдовы императора Феофила. Иконоборчество чрезвычайно ослабило империю междоусобной борьбой двух фракций — православных и иконоборцев. Движение это было отчасти религиозное, но отчасти политического и социально-экономического характера. Последнее обстоятельство еще недостаточно изучено. Весь вопрос целиком не получит достаточно полного понимания, если во внимание не будет принято сильное, хотя, вероятно, не прямое воздействие ислама и некоторых течений внутри него (Ср.: *Barnard L. W. The Graeco—Roman and Oriental Background of the Iconoclastic Controversy. Leiden, 1974*).

Хотя главной заботой империи стал теперь ислам и его победы, это не уменьшало аварской угрозы. Авары продолжали в том же духе, как начали: они жили главным образом паразитами за счет соседей, особенно славян, которые окончательно осели в течение VII в. Земли вдоль северных границ вновь подверглись угрозе, на этот раз со стороны булгар, которые появились здесь в конце третьей четверти VII в. Часть булгар вступила в союз с аварами или была принуждена к этому. Только европейская часть империи пользовалась покоем и процветала после долгих веков беспорядка и войн. При Меровингах государство франков крепло все больше и больше.

Тактика «молниеносной войны» раскидала арабов по всему Старому Свету: в 705—715 гг. они завоевали весь Хорасан, включая Бухару и Самарканд, в 711 г. достигли долины Инда, а через несколько лет их западные отряды завоевали Испанию и разгромили готскую армию при Хересе-де-ла-Фронтера. Они захватили Толедо, столицу готов, перешли через Пиренеи, заняли Нарбонскую Галлию и осадили Тулузу. Но здесь, в южной Галлии, слава арабов начала меркнуть. В течение пяти лет, с 673 по 678 г., они подступали к Константинополю с суши, а с моря угрожали своим могучим флотом, но в 678 г. впервые был применен греческий огонь, и они были полностью разбиты. В 717—718 гг. они вновь осадили Константинополь сухопутными и морскими силами. Иконоборец Лев III Исавр разбил их флот и армию в целом ряде сражений. Попытавшись пройти к Туру, центру Франкского государства, арабы были полностью разгромлены в 732 г. возле Пуатье Карлом, майордомом всего Франкского королевства, получившим прозвище Мартелл ('молот'). Это было второе крупное поражение подвижной и легкой арабской кавалерии от тяжелой кавалерии и тяжеловооруженной пехоты франков. Только после 739 г. король Пипин, отец Карла Великого, при поддержке лангобардов, тогдашних — до 774 г. — правителей Италии, принудил арабов навсегда покинуть Франкское государство. Но Испания оставалась за ними в течение долгого времени, а крайний юг ее с королевством Гренада — практически до эпохи открытия Америки. С уничтожением арабской угрозы вырос престиж Франкского королевства.

V

Мы уже видели, что авары, несмотря на рост их мощи и распространяемые всюду ужас и опустошение, не могли полностью господствовать над большей частью Восточной Европы между двумя Римскими империями. Так, например, некоторые группы гуннов все еще кочевали по землям, завоеванным аварами, чем оспаривали аварское превосходство, как это делали котрагиры под водительством Забергана. Однако большая часть гуннских орд бежала и отошла в глубь Черноморско-Каспийских степей и даже вернулась снова в страны Кавказа и Сасанидскую империю. На обширных степях между устьем Дуная и Средней Волгой всегда можно было встретить то одну, то другую мощную кочевую орду.

Племенные группы, известные как булгары (Βούλγαροι), находились вместе с гуннскими племенами и, кажется, сформировались как их часть. Впервые булгары упомянуты под 482 г. в качестве временных союзников императора Зенона, сражающихся в Паннонии против готских групп. В 504 г. они вновь сражались здесь

против войск Теодориха. Видимо, часть болгар осталась на византийских землях на Балканах после приглашения Зенона, хотя ожидалось, что они уйдут на родину в Евразийскую равнину.

В VI в. имя болгар тесно связано с именами оногуров (ὄνγοροι, ὠνόγοροι), маджаров (μάζαροι [мадьяры]) и утургуров (ути-, οὐτόγγοροι, οὐτίγοροι). Все три имени обозначают гуннские группы, кочевавшие по степям Волго-Донского бассейна. В конце столетия эти болгарские группы стали данниками обширной тюркской империи тюркютов, которая в то время простиралась от Алтая до Волги. Таким образом, эти политически мало связанные племена принадлежали частью к державе аваров, частью к державе западных тюркютов, которая принуждала их продолжить свои завоевания на западе. В первой четверти VII в. Кубрат, хан первой группы болгар, удачно объединивший эти племена в сильный союз, известный под названием Великой Булгарии (Μεγάλη Βουλγαρία) на Кубани (Κοβφίς), и изгнавший из своих пределов аваров, был привлечен императором Ираклием к союзу с Византией. Это отвлекло внимание аваров от Византии: они выступили против Кубрата и разгромили его. И молодое государство болгар, и зрелое государство аваров были значительно ослаблены. Кубрат умер во время царствования Константина IV Погоната (668—685). В это время набрали силу хазары (Χάζαροι), жившие на нижнем течении Волги и Дона и в северной части треугольника, образуемого современными городами Волгоградом, Керчью и Махачкалой. Наиболее заметные группы их были оседлы, они начали занимать новые земли на Арало-Каспийской низменности. Этот факт предполагает новое массовое передвижение болгар на запад; так, в начале правления Константина IV многочисленность болгарских групп вдоль всего нижнего течения Дуная приобрела угрожающий характер. В 679 г. при хане Аспарухе (Исперихе) из господствующего племени ун(н)угундуrow они переправились через Дунай, а в 680 г. им было «позволено» заселить равнину между Дунаем и Гемом (Балканским хребтом). Но скоро они потребовали всю Фракию; так эта страна с тех пор стала называться Булгария (Βουλγαρία). Основную массу населения здесь составляли славяне, за исключением городов, где большинство жителей скорее всего все еще были греки и, по крайней мере после Маврикия (590), армяне. Армяне в Восточной Римской империи в значительной степени составляли гражданскую администрацию. Многие из них были религиозными изгнанниками — павликианами, которые могли иметь определенное влияние на возникновение любопытной ереси, обнаружившейся позже в этих местах среди южнославянского населения, — богомилства.

Булгарские племена, оставшиеся в степях Волги, Дона и Кубани, при хане Баяне стали подданными хазар. Часть этих болгар отделилась от соседства хазар, дошла до Волги и поднялась вверх по течению до слияния Волги и Камы. Здесь они могли оставаться независимыми долгое время. В VIII в. болгары-оно-

гуры еще находились на Кубани, так как известно, что здесь существовала византийская оногурская епархия.

Несомненно, прав Маркварт, когда утверждает,¹⁴ что после развала империи Атилы несколько болгарских орд, таких как котраги, кутригуры, всегда оставались в Малой Скифии (иначе Онглос, *Ὠγγλος* < ст.-слав. ѡглаз 'угол' [между Дунаем, Днестром и Черным морем]) и что эти болгары, известные Иордану как жители Северного Причерноморья, были позже покорены хазарами. В 635 г. после вытеснения паннонских болгар в Баварию кутригуры, а также тарнихи и забендеры (орды, возможно, гуннского происхождения или неизвестного вообще), которым приходилось служить в армии аваров, объединились с ордой унугундуров, враждебной аварам. Их вождем был Эрнак, младший и любимый сын Атилы. В годы правления императора Константина IV под давлением расширившейся державы хазаров возобновились под предводительством Аспаруха, сына Кубрата, передвижения черноморских болгар. Они вели к окончательному завоеванию болгарами Мезии и Фракии.

В течение всего VIII в. болгары оставались довольно непоседливым и часто опасным элементом на своей новой родине. В 713 г. они появились у стен Константинополя. Диакон Агафон, описавший это событие, все еще называет их оногуры-болгары (*οὐνογοῦροι βούλγαροι*). Благодаря византийским и римским историкам мы хорошо осведомлены о главных событиях этого и следующего столетий.

Как мы уже упоминали, Франкское королевство в течение VIII в. так развилось и распространилось на западе старой империи, что стало точкой притяжения всех сил Западной Римской империи. Защитники империи и ее цивилизации от арабов и ислама ниспровергли также могущество аваров. Карл, король франков (768—814), разгромил аваров и их державу в ходе двух больших кампаний 791 и 795—796 гг. В первом походе он шел против них севернее Альп и вдоль Дуная, а во втором применил хорошо спланированное охватывающее движение севернее и южнее Альп. Северная группа войск двигалась по маршруту первого похода, южная прошла через Ломбардию, чем предупредила вторжение аваров в Италию, и восточнее Альп через Каринтию и Паннонию. Соединившись, две франкские группы принудили аваров к ряду битв, в которых те были окончательно разгромлены. В древнерусской Начальной летописи используется выражение *погыбоша акы шбрѣ* 'они погибли, как авары'. Так пала империя аваров. Разгромленной аварской армии было позволено удалиться на Дунайско-Тисскую равнину, где и пришлось поселиться остаткам аварских племен. Вне этих земель аварам не позволялось жить. Франкские хроники вместо прежнего *Terra Avarorum* — «земли аваров» — теперь употребляют выражение *Solitudines*

¹⁴ Маркварт. *Chronologie*, 86.

Авагогит — «пустыни аваров». Последняя аварская делегация появилась во Франкфуртском рейхстаге в 822 г.; под 873 г. еще упомянуто об аварах-христианах в Нижней Паннонии. Франкское королевство стало преемником Западной Римской империи, Карл с тех пор был назван Великим и коронован императором в Риме в рождество 800 г.

Благодаря этому важному событию имя Карла стало известно славянам, освобожденным от аваров, и было отождествлено с термином для обозначения королевского достоинства. Имя Карла было заимствовано славянами в форме *korl'ь, и поскольку оно подверглось действию закона метатезы плавных, можно заключить, что в период между разгромом аваров и смертью Карла Великого единство славянских языков было значительным и что закон метатезы плавных проявил свой известный характер в эпоху между этими событиями и первыми старославянскими текстами, созданными Кириллом и Мефодием после 863 г. Так, разные славянские языки имеют следующие формы для имени Карла Великого: ст.-слав. **кѣрѣль**, болг. **кѣрѣль**, с артиклем **кѣрѣль**, сербохорв. **кѣрѣль**, род. **кѣрѣља**, словен. **králj**, др.-русс., русск., укр. **корѣль**, чеш. **král**, словц. **král'**, польск. **król**, в.-луж. **krol**.¹⁵

После уничтожения аварской державы для болгарского государства появились возможности к развитию и расширению. Хан Крум занял Софию (Serdike, Σερδική) в 809 г., позже Ниш (Νάισος, Νικόπολις), Белград и Македонию. Всадник, изображенный на наскальном рельефе с длинной протоболгарской надписью среди развалин Мадары в северо-восточной Болгарии, возможно, хан Крум. В 814 г. во время приготовлений к походу на Константинополь Крум внезапно скончался. Его сын Омуртаг еще более расширил пределы государства, занимавшего важное положение между Франконской империей и Византией. Он перенес столицу из Абобы (Плиска, *Plъska, Πλιζκᾶ) в Преслав (Прѣславъ) на Тыче в северо-восточной Болгарии.

Вполне очевидно, что пока болгары жили на балканских землях, шел постоянный и интенсивный процесс их славянизации. По мере сплочения болгарского государства все большее число болгарских племен переходило на оседлый образ жизни и становилось непосредственными соседями сельскохозяйственного населения, бывшего славянским, подвергаясь этническому, языковому и культурному поглощению со стороны славян, которые при их оседлой жизни стояли выше болгар. При хане Борисе (852—889) Болгарское царство распространилось вплоть до нынешнего Будапешта и Карпат. После захвата соляных полей вдоль реки Марош болгары стали господствовать над соляной торговлей с западом, что имело большую экономическую значимость. Культурное слияние болгар со славянами и византийским миром

¹⁵ Ср.: Фасмер I, 631.

пошло особенно интенсивно после принятия христианства в качестве государственной религии, проведенного в 864 г. Борисом вопреки желанию и деятельному сопротивлению внутренних родов, т. е. правящих кланов древних орд; многие из оппонентов были казнены по приказанию Бориса. Это случилось через год после того, как Кирилл и Мефодий отправились в Моравию для своей великой миссии.

Можно предположить, что при хане Борисе большинство болгар уже говорило по-славянски, т. е. было славянизировано, а двор был по крайней мере двуязычен: консервативные и реакционные внутренние роды, пользовавшиеся экономическими привилегиями, могли сохранить свой болгарский алтайский язык. Их сопротивление христианизации было также сопротивлением славянизации. Уничтожение мощи внутренних родов удалило последние препятствия с пути славянизации болгар, которое и без того шло интенсивно; не более двухсот лет понадобилось для того, чтобы подавляющее большинство болгар стали славянами, т. е. стали говорить на южнославянском языке. Этот язык был хорошо известен Кириллу и Мефодию и вскоре сделался первым литературным языком славян, который по этой причине должен был оказывать и оказывает до сих пор глубокое и длительное влияние на языки и письменности всех славянских народов, принявших христианство из Византии. Древнеболгарская церковнославянская письменность достигла яркого расцвета при царе (этот титул заменил старый титул хана) Симеоне в X в.

До их славянизации болгар обычно называют протоболгарами. Эти протоболгары, или алтайские болгары, оставили известное количество надписей на развалинах строений в северо-восточной Болгарии — в Абобе-Плиске, Преславе и т. д. Все известные до сих пор надписи, за исключением одного фрагмента, сделаны на греческом языке греческим письмом с очень плохой орфографией. Большинство надписей очень фрагментарно и плохой сохранности. Они интересны с точки зрения встречающихся в них алтайских титулов и имен, типичных для всех алтайских завоевателей.

В прямой противоположности к этому исторически засвидетельствованный древнеболгарский язык содержит мало алтайских слов. Это удивительное обстоятельство находит себе объяснение в самой природе древнеболгарских текстов, представляющих собою переводы с греческого исключительно церковного содержания. Даже в светские тексты, такие как хроники или «Физиолог», не допускались алтайские слова, характеризовавшие совершенно иные стороны культурной жизни бывших кочевников. Несомненно, алтайские слова сохранялись в разговорной речи населения, но они изгонялись из церковно ориентированной письменности; более того, многие алтайские болгарские слова могли запрещаться как языческие и варварские.

Судьба волжских булгар, оставшихся алтайцами, покрыта тьмой неизвестности. Великий арабский путешественник и географ Ибн Фадлан, эмиссар багдадского халифа, посетил их в 922 г. и отметил, что они были мусульманами. Их материальная культура обладала определенной степенью развития, но была бедна письменными памятниками. Несколько кратких надписей арабским письмом и на арабском языке, содержащих случайные и краткие пассажи на болгарском языке, сохранились на могильных камнях и развалинах мечетей в городище Болгары при слиянии Волги и Камы. По временам волжские булгары относились дружелюбно, по временам враждебно к древнерусским княжествам. Когда монголы достигли Волги после победы при реке Калке (1223), они потерпели поражение в первой встрече с булгарами, но затем хан Батый разрушил их царство в 1237 г. Часть из них была тюркизована в Золотой Орде, к ним восходит большая часть нынешних казанских татар. Те из булгар, кто не были в тот период тюркизованы или тюркизованы в самой малой степени, сохранились в современных чувашах, представляющих собою, вероятно, последние остатки древних алтайских булгар и гуннов. При обследовании соматического и этнического типа современных болгар в Болгарии можно, к удивлению, обнаружить относительно много индивидов с несомненно алтайскими (монгольскими, среднеазиатскими) чертами.¹⁶ Статистика отсутствует, но кажется, что даже сегодня алтайский этнический тип встречается чаще у болгар, чем у их восточных соседей — турков-османов. Последние говорят на алтайском языке, но в них выявляются черты по большей части восточносредиземноморско-кавказской расы грецизированных жителей Анатолии, которые вскоре после 1071 г. начали принимать ислам и тюркский язык сельджуковских завоевателей.

Из трех славянских групп часть западных и все южные покинули свою прародину и только потомки восточных остаются на землях, которые, видимо, заняты славянами со времени первого великого расселения индоевропейцев.

На старых землях остались также самые восточные группы западных славян, тогда как основная их масса медленно двигалась вслед за германскими племенами, вовлеченными в завоевание новых пространств. Крайними пределами, которых достигли западные славяне, являются южный берег Балтийского моря и реки Эльба и Везер, Заала, Верхний Везер и образующие его Верра и Фульда, Верхний Майн, вся нынешняя Верхняя и Средняя Франкония и левый берег Дуная; возможно, что они пересекли линию Дуная на территории современной Австрии. Первый удар на восток против славян был нанесен расширявшимся при

¹⁶ Ср.: Schwidetzky I. Rassenkunde der Altslawen. Stuttgart. 1938; см. рец. М. Фасмера (ZfslPh 16).

Пипине Франкским государством в 782 г. в Центральной Германии, в Тюрингии. На соборе в Диденгофене (Тионвилле) в 805 г. была установлена демаркационная линия для западных славян — *Limes Sorabicus*. После смерти Карла Великого желание изгнать славян за Эльбу все крепло и ширилось, особенно при саксонских императорах, стремившихся подчинить и германизировать как можно больше славянских племен. Эта политика давления на восток продолжалась более пятисот лет и достигла своего апогея в захвате всего Балтийского побережья.

Многочисленные следы прежнего славянского проникновения на запад можно видеть в большом количестве славянских географических имен в области Эльбы и на восток от нее. В конце XVIII в. небольшое число полабян еще жило в Люнебургских степях, и даже сегодня в Шпреевальде, в ста с небольшим километрах на юг от Берлина, в бывшей прусской провинции Лаузиц (Лужица, Лузация), живут лужицкие сербы, или лужичане, в количестве около 100 тыс. человек. К востоку от Одера трудно провести отчетливую границу между германцами и славянами.

От Линца, современной столицы Верхней Австрии, вся территория к югу от Дуная также была занята славянами — в эпоху великого южнославянского расселения — вплоть до линии Удине—Триест (Тергёстл, Трст), включая также всю долину Дравы. Эта часть «Склавинии» была занята предками словенцев, которые были снова отодвинуты на восток и юго-восток в IX в., когда у Франкского государства и Болгарского царства были общие границы. Еще сегодня словенцы живут в крайних юго-восточных долинах Альп. Венеция, Гиулия, Фриоль стали снова романскими, так же как узкая полоса вдоль западного берега Истрии. От Истрии все Далматинское побережье и большая часть островов Адриатического моря заняты славянами вплоть до самого Дурреса (ит. Дураццо, слав. Драч, у греков и византийцев Диррахιον), где в лице албанцев сохранились остатки иллирийцев. Отсюда граница идет преимущественно в восточном направлении, включает Македонию и подходит к западному побережью Черного моря южнее Бургаса. Как мы уже видели, в VI и VII вв. славяне заходили гораздо дальше на юг по всему Балканскому полуострову. Три неславянских народа размещаются между южными и восточными, отчасти западными славянами: румыны, потомки римских колонистов, заселивших Нижний Дунай, пользующиеся романским языком, хотя церковнославянский язык был у них некогда языком церкви; арумыны, ныне малочисленные рассеянные группы, происходящие от римского проникновения на Балканы, их язык близко родствен румынскому; мадьяры, или венгры, говорящие на финно-угорском уральском языке.

Массы восточных славян остаются на землях, которые, следует полагать, явились местом первоначального обитания славян после великого расселения других индоевропейских народов.

Этнологические и языковые изменения у них могли наступить в ту эпоху, когда великие евразийские переселения побудили и восточных славян к экспансии. К тому времени многие из их первоначальных соседей ушли: скифы и сарматы исчезли в просторах степей, пришли и ушли готы, за ними аланы. Давление гуннов с юго-востока было, вероятно, первым толчком, придавшим их движению северо-восточное направление. Как кажется, славяне в своем большинстве в отличие от восточногерманских родственников не принимали участия в гуннских походах, о балтийцах не известно ничего. Таким образом, славяне, оседлые земледельцы, начали медленное, но упорное продвижение в лесной пояс обширной Восточно-Европейской равнины, приобретая себе все больше и больше земель от финно-угорских народов. Последнее, редко рассеянные по этому обширному, преимущественно лесному пространству, занимались охотой и рыболовством. Пути сообщения в этих районах были прежде всего реки, вдоль которых славяне двигались в ходе своего проникновения на северо-восток. Как показывают географические названия, финно-угорское население распространялось далеко к югу и западу от Москвы. Еще прежде восточнославянского проникновения в эти финские земли врезался большой балтийский клин, представленный племенем галиндов, упомянутых в русской Начальной летописи под именем голяди (*голадъ*). Они протянулись узкой полосой на широте Москвы приблизительно до г. Можайска в 110 км на запад от Москвы. Ко времени, когда восточные славяне вступили в сношения с византийским миром, они дошли на север до южного берега Ладоги, на северо-восток до речной системы Оки, Клязьмы, Верхней Волги, а вдоль Шексны до Белого озера. Балтийцы и часть финнов — либь (ливы, ливонцы) и чудь (эстонцы) — были оттеснены к Балтийскому побережью; меря, печера, мурома, мешера и мордва — на восток, к Верхней и Средней Волге. Они были поглощены славянами, и некоторые из них — печера, мурома — полностью. Мешера сохранились в виде мешеряков, которые были тюркизованы после монгольского нашествия, называют себя мишары и говорят на языке, родственном языку казанских татар. Меря — это современные мари (или черемисы). Весь — современные вепсы — оказались между двух ветвей медленно движущейся восточнославянской экспансии. Киев — в древности Къиевъ, называемый также Самбатас (*Σαμβατάς*), является древнейшим восточнославянским городом, но в историческую эпоху важный колониcтский, экономический и культурный центр на севере — Новгород, позже с эпонимом Великий, имел не меньшее значение. Это город *Holmgårdr* в стране *Gardaríki*, который упоминается в древнескандинавских сагах (ср., например, *Saga af Olafi Tryggvasyni*, гл. 16). Оба города расположены на самом важном торговом пути Восточной Европы — водном пути «из варяг в греки», т. е. из Скандинавии в Византию, поэтому они сохраняли свое значение и для норман-

нов-варягов, северогерманской племенной группы из Скандинавии. Варяги теснейшим образом связаны или даже идентичны с викингами, которые в это же время начали грабить, как кочевники морей, Англию, Исландию, Гренландию, возможно, даже Северную Америку, все атлантическое побережье Европы и Средиземноморье; они основали даже королевство на острове Сицилия. Они часто делали грабительские набеги на прибалтийские земли, проходили в глубь Восточно-Европейской равнины на своих легких подвижных ладьях, совершали случайные нападения на Константинополь и каспийские берега, грабили прилегающие земли. Им удалось установить свое правление у восточных славян основанием династии Рюриковичей — «сыновей Хрёрека». В Начальной летописи эти события изложены под 862 г.¹⁷ Славяне называли варягов *роусь*, византийцы *οἱ ῥῶς*, арабы *рӯс*; именно это слово стало родовым названием у восточных славян — *Русь* (прилагательное *русский*). Даже сегодня финны-суоми называют шведов Ruotsi, эта форма близка к древнескандинавскому термину Rōfs(karlar) 'гребцы на веслах'. Как показал известный датский филолог В. Томсен, образование *роусь* из *гōfs* вполне закономерно.¹⁸ Лингвистические доказательства древнескандинавского, или, скорее, древнешведского, происхождения варягов и их языка дают не только их личные имена, но также и названия днепровских порогов, сохраненные для нас императором Константином Багрянородным в его труде «De administrando imperio» (гл. 9), где он указывает в каждом случае название порога на языке славян (Σκλαβηνοί) и на языке росов ('Ρῶς). Русь пережила ту же судьбу, что и булгары на Балканах, но поскольку варягов было меньше, чем болгарских кочевников, их славянизация заняла меньше времени и стала полной к тому времени, когда Владимир, Киевский каган, — этот восточный титул славяне заимствовали у своих могучих соседей хазар, под чьим господством Киев находился довольно долгое время до варяжского вторжения — принял крещение и крестил свой народ в 988 г.

Великое расселение восточных славян — русских — по всей Восточной Европе и Северной Азии снова расширилось в юго-восточном и восточном направлениях после падения Казанского (1552) и Астраханского ханств (1556), представлявших собою остатки Золотой Орды, тюркской наследницы империи Чингисхана.

Венгры, говорящие на одном из угорских языков финно-угорской группы, как маньси (вогулы) и ханты (остяки) в Северо-Западной Сибири, двигались через Западно-Сибирскую низмен-

¹⁷ Критику норманской теории возникновения Русского государства см.: Ш а с к о л ь с к и й И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965; К о б ы ч е в В. П. В поисках прародины славян. М., 1973 (особо с. 97 и сл.) [примеч. редактора].

¹⁸ Критику данной этимологии см.: P o s p o n d S. Pochodzenie nazwy *Rusь*. — Rocznik Slawistyczny, 1976, 37, 1, с. 35—50 [примеч. редактора].

ность к Волге и Кавказу. Небольшая их группа осталась с хазарами, часть которых, кажется, говорила на финно-угорском языке, но все великое множество двинулось дальше на запад, перешло через Дон около 825 г., прошло под Киевом в 860 г., опустошив страну, и затем вторглось в Паннонию, где обитали остатки гуннов и аваров (860). Во время своей миссии к хазарам св. Кирилл встретил венгров, принадлежавших к Хазарскому царству, возле Херсонеса, близ нынешнего Севастополя в Крыму, называвшегося Корсунь в древнерусских летописях. Со своей новой родины в Паннонии венгры совершали многочисленные грабительские набеги на империю, не только в направлении Рейна (напр., г. Вормс, у римлян *Borbetomagus*), но также в Лотарингию и Центральную Францию. В последние годы IX в. они заняли — «*Nonfoglal*», как об этом говорят венгерские источники, — всю Паннонию, но все еще продолжали грабить империю (например, поход на Мерзбург в 933 г.), пока не потерпели сокрушительного поражения на Лехфельде возле Аугсбурга в юго-западной Баварии в 955 г., где их судьба была подобна судьбе аваров. После этой битвы венгры избрали более оседлый образ жизни на своей новой родине при Дунае и Тиссе, где они сохранили свою национальность до наших дней.

Серединой IX в. отмечено время, когда славяне действительно стали историческим народом в том смысле, что они сами осознали этот факт. В 863 г., когда по просьбе моравского князя Ростислава император Михаил III отправил братьев Кирилла и Мефодия проповедовать христианство среди народа этого маленького славянского государства, единственно и существовавшего тогда, славяне получили основы собственной письменности. Миссия Кирилла и Мефодия имела несколько задач, но две из них были выдающегося и непреходящего значения: проповедь христианства и создание литургического и, следовательно, литературного языка. Избрание братьев Кирилла и Мефодия для этих целей было чрезвычайно счастливым, поскольку вряд ли в то время во всем христианском мире — как западном, так и восточном — существовали другие лица, более способные и подготовленные к выполнению такой миссии. Уже до прихода в Моравию у Кирилла были точные представления о лингвистической стороне этой великой задачи. Он создал специальный алфавит для славянского языка, который был ему знаком и на который он должен был перевести св. Писание и богослужебные тексты. Этот алфавит был глаголица, который Кирилл создал, по-видимому, сознательно избегая сходства его с греческим письмом. Кирилл, прекрасный лингвист, несомненно, знавший помимо еврейского, арабского и, возможно, какого-нибудь алтайского языка некоторые другие языки христианского Востока, имел в своем распоряжении алфавиты, с помощью которых славянские звуки, неизвестные греческому языку, могли быть изображены одной буквой. Поэтому вполне естественно, что рядом с очевидно изобретенными самим

Кириллом буквами мы видим широкое привлечение средств восточных алфавитов, в частности армянского и грузинского, как это может быть немедленно опознано любым востоковедом.¹⁹ Кирилл приобрел свои познания не только в путешествиях; в Константинополе он находился в центре культурных и религиозных интересов всего христианского Востока, здесь он поддерживал постоянные связи с представителями многих языков и литератур. Этот опыт в соединении с знанием славянского языка, необходимым для его миссии, с самого начала обещал необычайный успех, который и был немедленно завоеван в Моравии так же, как позже, после смерти Кирилла, в Македонии, Болгарии и, наконец, на Руси. Трудно сказать, как долго глаголица была в употреблении. Некоторые из древнейших старославянских рукописей уже написаны на кириллице, названной так по ошибке и состоящей из заглавных (унциальных) греческих букв с добавлением 12 (или соответственно 15) особых новых знаков, частично опять же восточного (армянского, грузинского и др.) происхождения. Единственная буква Ш, заимствованная из глаголицы с тем же значением, по происхождению семитская — ее прототип или евр. ש или коптское ψ. Конечно, во многих отношениях кириллица оказалась удобней. Глаголица сохранялась как исключительно церковный алфавит в Далмации до XVIII в., где на ее основе возник прямоугольный шрифт босанчица; в конце концов она была заменена латиницей. Естественно, древнейшая славянская литература на некоторое время остается простым подражанием великим византийским учителям: переводы св. Писания Ветхого и Нового заветов, переводы богослужебных книг, переводы отцов церкви и таких менее церковных, полусветских книг византийской литературы, как хроники или «Физиолог», представляют собою первые шаги славянской литературы. Эта литература, начавшаяся с обращением в христианство княжества Ростислава и продолжившаяся, после того как в Моравии возникли несчастливые политические обстоятельства, на территории Болгарского царства, пережила на новом месте великий расцвет в правление царя Симеона в X в.

На этом выдающемся событии заканчивается предыстория и ранняя история славян. К этому времени славяне в основном расселились на тех землях, которые занимают и сегодня, не

¹⁹ В целом ряде руководств по старославянскому языку излагается ученый миф, согласно которому глаголица представляет собою особое приспособление греческого минускульного шрифта к нуждам славянского письма. Это не более как повторение мнения Лескина (ср.: Leskien A. *Altbulgarische Grammatik*. Heidelberg, 1909, S. XXXIII), отражающего определенную тенденцию в индоевропейском языкознании, приведшую позже к застою в этой области. Кроме того, что гипотеза эта требует слишком много воображения, она ошибочна в палеографическом отношении. Это значит явно недооценивать эрудицию, метод и широту воззрений Кирилла, думать, что он обратился к «эллинофильству» и принял систему письма, совершенно непригодную для нужд славянской фонетики.

считая более поздних передвижений исторической поры, каковы известное отступление на западе и сильное и далеко распространившееся расселение на северо-востоке и востоке.

Мы не рассматриваем в этом разделе более поздние передвижения неславянских племен, вступавших в близкое родство или в тесные сношения со славянами, в данном случае прежде всего восточными славянами. Таким образом, к этому разделу не относятся захваты Черноморско-Каспийских степей и земель, ограниченных с запада течением Днестра, со стороны огузских племен, или печенегов, или поздних могущественных соседей древней Руси — куманов (русские называли их половцы, т. е. «половые, желтые»), или, наконец, монгольских завоевателей.

Мы видим, что большая часть славян оставила за собой — и всегда использовала как основу для дальнейшей экспансии — землю своей изначальной родины в области Днестра, Буга и Вислы, землю, которая в эпоху до разделения индоевропейских ядерных групп на различные подгруппы индоевропейцев более позднего времени должна была быть прародиной большинства этих индоевропейских групп. Не случайно, что именно те славянские группы, которые остались на земле их первоначального обитания, имеют языки, содержащие наибольшее число архаизмов, языки, развивавшиеся значительно медленнее, языки, которым суждено было сохранить более древний этап развития, именно польский и русский. Среди балтийских языков соответствующее положение занимает литовский. Для доисторического и раннего исторического периодов (за исключением данных, представляемых захоронениями и тому подобным археологическим материалом) только языки и языковые факты — в той степени, в какой они обнаруживаются и устанавливаются — дают единственную надежную опору и возможность по существу нащупывать и определять места первоначального расселения народов, а в известных случаях — пути их передвижений.

ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Этот раздел, в котором рассматриваются восточные заимствования алтайского происхождения, а также усвоенные через алтайское посредство, намного обширней второго раздела, где анализируются ориентализмы неалтайского происхождения. Такое соотношение находится в полном согласии с действительным распределением у славян заимствованных с Востока слов, и не только у восточных славян, но также у южных и даже западных. Это и понятно, так как в течение всего исторического времени, как и значительного отрезка доисторического периода, славянские языки и народы были непосредственными западными соседями алтайских языков и народов, что приводило к длительным и интенсивным взаимоотношениям в форме торговли, иногда доходившим даже до известных форм симбиоза. Заимствования из других восточных языков, в том числе кавказских и в меньшей степени иранских, вызывались скорее всего единичными мимолетными контактами, возникавшими во время кратковременных передвижений: переселений, вторжений и военных походов, поездок отдельных путешественников.

Первыми и самыми западными алтайцами были гунны или, по меньшей мере, некоторые из их добровольных или недобровольных спутников; за ними последовали авары и тюрки. В языках народов, находившихся в тесных и длительных контактах с гуннами, каковыми были китайцы, а позже германцы и славяне, неизвестны бесспорно гуннские элементы; исключение составляют несколько терминов, на гуннское происхождение которых указывают китайские и западные исторические источники. Несомненно, некоторые остатки языка гуннов сохранялись в протоволжско-булгарском языке и в его позднейшем историческом наследнике — чувашском; следовательно, отсюда они также могли быть заим-

ствованы славянами, однако мы еще не в состоянии выделить с определенностью исконные гуннские элементы.

В противоположность этому тюркские языки известны нам не только по отдельным словам и терминам, сохранным китайскими династийными хрониками, предшествующими возникновению тюркской письменности и литературы, но и своими древними письменными памятниками, орхонскими надписями 732 и 735 гг.; непрерывная цепь тюркской литературы позволяет нам следить за развитием этих языков.

Контакты славян с монголами были менее интенсивны, чем с тюрками, даже в XIII в., сразу после монгольского нашествия; этот факт свидетельствует о численном преобладании тюркского этно-лингвистического элемента во вторгшихся захватнических монгольских армиях Чингис-хана и его племянника Батыя. Как будет видно при разборе слов *телѣга*, *хорюгъвь* и *Сурожь*, прямые славяно-монгольские контакты имели место значительно раньше монгольского нашествия, и это могло быть только непосредственно после или в течение аварских завоеваний в середине VI в. Прото-монгольские заимствования в славянском доказывают в свою очередь монгольскую природу аваров или по крайней мере некоторых ведущих групп аварских племен, их близкородственные или потомственные связи с жуань-жуанями и родство с племенными конфедерациями шивэй и сяньби, протомонгольская природа которых может быть выведена, как показали П. Пельо и И. Маркварт, из свидетельств китайских источников.

Славянские контакты с дальневосточными алтайскими группами — тунгусо-маньчжурами — произошли при завоевании русскими Центральной и Восточной Сибири во второй половине XVII в., следовательно, за пределами древнеславянского периода. Русские приняли несколько тунгусских слов, в основном из сферы арктической жизни, по преимуществу названия тунгусской одежды и обуви.

* * *

Среди многих особенностей «Слова о полку Игореве», этого единственного в своем роде памятника древнерусской светской литературы, обращает на себя внимание употребление многочисленных ориентализмов. Некоторые из них встречаются лишь в этом тексте и были, кажется, позже утеряны. Причины, объясняющие их наличие только в «Слове», заключаются, разумеется, в природе самого памятника. Для таких слов не было места в церковной письменности. Это большей частью алтайские слова с преобладанием среди них тюркских.

Во времена ранней русской истории, т. е. до монгольского нашествия, на территории Южной России жили следующие племена, говорившие преимущественно на тюркских языках: *торьци* (вероятно, не идентичные с *тобько* Константина Багрянородного,

которые были предками или, по меньшей мере, находились среди главных предков позднейших венгров и говорили на финно-угорском языке), *берендѣи*, могучая орда *печенѣгов* и куманы/команы, или *половцы*, как называли их в Древней Руси. Печенеги серьезно досаждали всем соседним народам, а в конце XI в. готовились даже пленить роскошную столицу Византийской империи, но были в конце концов разбиты и покорены куманами. Последние захватили управление государством побежденных печенегов; несколько сохранившихся печенежских племен спаслись в Пусте, Венгерских степях, как об этом свидетельствуют немногие топонимы.

Позже в древнерусских летописях встречаются названия трех других тюркских племен: *каепичи*,¹ *ковуи*² и *турпѣи*. Когда они

¹ Имя представляет собою патроним на *-ич-ь* в им. п. мн. ч., образовано от сложного слова, вторая часть которого — *ора/ара* 'отец' (Радлов I, 620: чаг., осм., сиб., монг.); *Кашг.* *аба/ара* 'отец', 'мать' (ср. Радлов I, 612: *ара*). Слово встречается также в «Тан-шу», гл. 215а в качестве титула *а-бо* (ср.: *Shavanpess E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux.* — В кн.: Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI. СПб., 1903, с. 164, № 3). Первая часть сложения — племенное название *Qaj* (Кашг.) или *Qaju*; последнему отдает предпочтение Маркварт (*Komanen*, 15, 39). Одно из предшествовавших османам племен называлось *Qaju* (там же, 187).

² Это имя может быть тождественно с названием шорского племени *Qobyl* (ср.: 1) *Potarov L. P., Menges K. H. Materialien zur Volkskunde der Türkvolker des Altaj.* — MSOS 37, 1934, 53 — вслед за Радловым; 2) *Rásonyi L. SK 8, 1936, 293* и сл. — вслед за Аристовым) или может представлять собою форму *qoγu* (Кашг.), *quγu*, *qū* (Радлов) 'лебедь', которая должна быть в северо-зап. **qovu*, **quvu* с типичным изменением *γ/g > v* и с принятым в русской среде окончанием существительного с основой на *-jo*. По имени можно догадываться, что лебедь был тотемным животным этого племени. Соболевский производит имя от скифск. **kauja-*, что невероятно. В связи с этим можно задать вопрос, не находится ли *ковуи* в определенной исторической (и географической) связи с названием страны *Λεβεδία* — родины племени *τοβροί* (правенгры), которое унаследовало его от своего первого вождя, как об этом говорит Константин Багрянородный (*De administrando imperio*, гл. 38; по поводу этого названия ср. также: Моравчик. *Byzantinoturcica*, 2-е изд., II, 177 и сл.). Эта страна Леведия более или менее та же, что *Ἀτελχοῦζου* и *Μεγάλη Βουλγαρία*: венгры здесь были западными соседями хазар и северными соседями алан. Около 860 г. они были изгнаны печенегами из Леvedии (ср.: Маркварт. *Streifzüge*, 74, 155, а также: *Zichy St. Levedia és Etlköz.* — *Ak. Ert.*, XXXVII, 172—184; *Zacharov A., Arendt V. Studia Levedica. Régészeti adatok a magyarság IX. századi történetéhez* [«Археологические исследования по истории Венгрии в IX веке»]. — In: *Archaeologia Hungarica*, XVI. Budapest, 1934). Независимо от того, тождественно или нет *Λεβεδία* с именем вождя племени *Κάβαροι* — *Λιβόντινα* (по мнению Маркварта, вин. п.; по мнению Грегуара, следует читать *Λιβόντινα*), встречающимся в XI в. в форме *Levente* (Маркварт. *Streifzüge*, 52—53), оно может производиться от славянского как «страна лебедей» (Бернекер связывает *лебедь* с праслав. формой с чередованием **olbqđь*; по мнению Фасмера, сходство слов *лебедь* и *Λεβεδία* случайно, в свете тюркских параллелей это мнение теряет основание). Ср. также место из «Слова», намекающее как будто на какое-то историческое событие: «встала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы (творит. п. мн. ч., а не двойств. ч.: крылома!) на синьмъ море у Дону». А. Зайончковский в статье «*Obrona Słowa o wyprawie Igora*» (*Odrodzenie*, 1949, VI, N 2) также

начали переходить к оседлой жизни, древнерусские летописи упоминали о них собирательно под именем *чърнии клобуци*. Рашид ад-дин отмечает их как qaum-i kulāh-i sijāhān 'племя черных шапок' вместе с «урус» — русскими — при описании походов

отстаивает мнение о близкой связи между этими терминами и названием лебедя, знаменитого тотема алтайцев.

Самые ранние следы слова *ковуи* — Qoγu/Quγu, видимо, находятся в племенном имени хупэе («Ши-цзи», вслед за Сыма Цянем, гл. 110, 14а), которые, согласно де Грооту (Groot J. J. M. de. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens, I. Berlin—Leipzig, 1921, S. 79), связаны с хугу. Последние, согласно «Вэй-пу» 103, 26 и «Бэй-ши» 98, 23а, являются племенем гаочэ 'высокие повозки', повелителей юаньхо, или уйгуров. Гаочэ обычно отождествляются с динлинями, жившими к северу от гунов и, видимо, к западу от Байкала в сторону Енисея (ср.: Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society. Liao (907—1125). Philadelphia, 1949, p. 92 ff.). Если 侯 *хоу* < *ʔəu, название одного из племени табгач IV—VI вв. н. э., иначе Тоба Вэй, читать qu, как предлагает Л. Базен (Bazin L. Recherches sur les parlers t'o-ra (5e siècle). — T'P 39, 4—5, 1950, 255 и сл.), его можно понимать как тюрк. qū, означающее имя собственное и выступающее в составе племенного названия ку-манов (*Qu-man). Оно также встречается в 侯莫陳 *хоумочэнь* < *ʔəu-thuod'ien, которое Базен (там же, 256 и сл.) читает *qu bodun 'племя ку'. В то же время можно видеть во второй части предполагаемого композита монг. moǰi/muǰi 'район, территория, провинция' (Базен правильно предполагает, что это монгольское соответствие тюркскому орхонскому bodun, bodun, budun, budun 'племя, народ'), т. е. 'территория лебедей (лебяжьего племени)'. В обоих именах Базен допускает элемент qu как разновидность Qun (ср. ниже), что сомнительно, так как Qun и Hun может быть записан только с помощью знаков для слогов с конечным -n.

Использование у древних тюрков лебедя как тотемного животного можно видеть в рассказе о легендарной двойце пародителей тюрков и их родословной, сохраненном в «Ю ян цза-цзю», до сих пор не изученном историческом сочинении IX в. Здесь говорится, что один из четырех братьев стал быком, другой — лебедем. Похожий рассказ о предке-лебеде находится в «Бэй-ши», гл. 99 (на эти места обратил мое внимание П. А. Будберг, а Ло Чан-пэй снабдил точными цитатами).

Лебедь табуирован у некоторых тунгусских племен. Ср. эвенк. bagdavki (Тутура), baɣdarki (Подкаменная Тунгуска, Верхняя Лена, Сев. Байкал), 'лебедь' (Титов 15; Василевич 1958, 47) [ср., с другой стороны, эвенк. gāγ (Ербогачён, Сым, Хатанга), gaw (Нижняя Непа), gaj (Верхняя Непа) 'лебедь' — последние формы, вероятно, звукоподражательные] — от bagda-ri, -rim, -та 'белый'; подобно табуируется название дикого оленя: bagda-ǰān (Сым) 'белобокий об олене', bagda-kan, -kā (Титов 15), bagdā-kā, bagdavki 'олень' (Василевич 1934, 13; Василевич 1940, 17; Василевич 1958, 47). Ср. аналогичные табу в индоевропейских языках: греч. *κόκλος*, санскр. *śoṣati* 'блестит, сияет', *śubih* 'яркий, сияющий' (Бузак 592); наконец, слав. *olbōdъ, др.-в.-нем. *elbiȝ*, *albiȝ* принадлежат к тому же корню, что и лат. *albus* (ср.: Ключе, s. v. *Eabhs с отсылкой к Остхофу — IF 8.64), — все они значат 'белый'. Ср. также в семитских языках, напр., араб. *laban* 'югурт, кислое молоко', *Lubnān* 'Ливан', собственно 'белый'.

Монгольские племена, называемые «белые лебеди» и «черные лебеди» — Saγaγ Xūlag и Xarā Xūlar (с тюрк. суфф. мн. ч.), все еще находятся среди дархатов на востоке Тувы (ср.: Санжеев Г. Д. Дархаты. Л., 1930, с. 12; Rintchen B. La généalogie des descendants de Djâtak de la race des Cent Cygnes Blancs. — UAJB. 39, 1967). Тюркский суффикс может указывать на их относительно недавнюю монголизацию.

Угедей-хана против западных империй.³ В переводе на тюркский их имя звучит *каракалпак*. Народ с таким именем располагается ныне к югу и юго-востоку от Аральского моря. На территории Южной Руси *чърнии клобуци* жительствовавали в непосредственном соседстве с Киевом, а позже, вероятно, под давлением монголов, переселились полностью или в своем большинстве на юго-восток, в район Аральских степей, возможно, сразу после монгольского нашествия.⁴

За исключением куманского языка нам известно очень немного о языках любого из этих народов. Единственный материал — это личные имена, сохранившиеся в древнерусских летописях, византийских хрониках или случайно обнаруживаемые в древне-венгерских и некоторых других источниках. Мы даже не знаем языка печенегов — орды, могущественной в XI в. Мы располагаем лишь рядом их собственных имен, главным образом из древнерусских летописей и сочинения Константина Багрянородного «*De administrando imperio*», а также из венгерских источников. В общем таковы же наши познания о языке булгар до их обращения в христианство и последующей славянизации.⁵ И только для языка

О словах, обозначающих лебедя и других крупных северных птиц, их евразийском распространении и родственных связях см. ценное исследование: S i n o r D. Autour d'une migration des peuples au Ve siècle. — JA 235, 1946—1947, 1—79. Автор, несомненно, правильно связывает алтайские слова и греч. *χίχνος*, *χίχνος* с семантически загадочным тур., нов.-перс., хинди *qaq-nus*, *qaqnūs*, *quqnus*, *quqnūs* 'феникс; сказочная, легендарная птица' (Радлов II, 897; V u l l e r s J. A. Lexicon persico-latinum etymologicum. . . Bon-nae, 1864, p. 732; F o r b e s. A Dictionary of the Hindustani language, 1864, p. 388). Последнее, очевидно, отражает греческое слово. Ср. также Дёрфер 3, 533 и сл.

Как и динлины (ср.: Минорский. Худūd ал-'алам, 286, № 3), гаоча могут быть (тюркизованным?) енисейско-остяцким племенем, поскольку их имя, возможно, идентично имени коттов, сто лет спустя, во времена Кастрена, еще говоривших на енисейско-остяцком языке. Родственное слово служит племенным названием кетам — таково самоназвание современных енисейских остяков.

³ Ср. в изданном Э. Блоше тексте (E. J. W. Gibb Memorial Series, XVIII, 2. Leyde—London, 1911, p. 14, line 17).

⁴ Происхождение каракалпаков рассмотрено во вводной главе моей работы (см.: M e n g e s K. H. Qaraqalpaq Grammar, I. Phonology. New York, 1947). Их история освещена Д. А. Расовским в статье «О роли черных клобуков в истории Древней Руси» (SK 1, 1927, 93—109).

⁵ Исчерпывающее собрание алтайских и уральских имен, встречающихся в византийских источниках, подготовлено Ю. Моравчиком (см. его работу «Byzantinoturcica»). Здесь в дальнейшем мы используем 1-е изд.; в случаях, когда 2-е изд. отличается от 1-го, мы это отмечаем. См. также следующие работы по кругу затронутых проблем: M e n g e s K. H. 1) Etymological Notes on Some Pācānāg Names. — Byzantion 17, 1944—1945; 2) Altaic Elements in the Proto-Bulgarian Inscriptions. — Ibid., 21, 1951; 3) A Note on the Compound Titles in the Proto-Bulgarian Inscriptions. — Ibid., 28, 1958; 4) Bulgarische Substratfragen. — UAJb. 32, 1960; 5) Problemata etymologica. — In: Studia Sino-Altaica (E. Haenisch-Festschrift). Wiesbaden, 1961; P r i t s a k O. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker. — UAJb. 24, 1952 (некоторые этимологии сомнительны).

куман мы располагаем значительным количеством источников. Среди них имеется несколько кратких глоссариев — куманских, латинских, немецких и персидских, несколько грамматических заметок и даже парадигм, несколько католических гимнов и молитв. Все эти материалы содержатся в одной рукописи 1303 г., так называемом *Codex Cumanicus* (далее сокращенно — СС), довольно обширном источнике для изучения языка куман. Список хранится в *Biblioteca Civica* в Венеции и некогда принадлежал Петрарке. Римско-католические миссионеры итальянского и немецкого происхождения, так же как, по-видимому, и братья францисканцы, развернули свою деятельность сразу после монгольского нашествия в самой восточной части сферы интересов Венецианской купеческой республики. Эта рукопись дошла до нас как свидетель их ревностного и деятельного интереса к куманскому языку. Помимо немногих куманских слов, большей частью личных имен, сохранившихся в древнерусских летописях и других текстах, СС — единственный источник тюркского языка, на котором говорили в эпоху ранней русской истории.⁶ Теперь, конечно, невозможно установить, был ли язык куманов тот же самый и в эпоху, когда они уничтожили могущество печенегов, и во времена монгольского нашествия или еще позже, и в то время, когда итальянские миссионеры готовили свой перевод на куманский язык, отраженный в СС. Если принять во внимание чрезвычайно медленное языковое развитие алтайских языков, известных на длительном промежутке их исторического существования, можно заключить, что в течение тех двухсот лет языковая ситуация оставалась более или менее неизменной. За это время не изменились также социальные институты у куманов. Большое языковое влияние могло оказать лишь монгольское нашествие, поскольку куманы должны были усвоить ряд монгольских лексических и грамматических черт. В действительности, однако, СС содержит несколько заимствованных слов, и никаких других монгольских языковых особенностей обнаружить не удается.

Нет сомнения, что язык СС должен быть отнесен к северо-западной, или кыпчакской, группе тюркских языков. Большинство в монгольских войсках, принявших участие в походе на запад, составляли турки из Центральной Азии; следовательно, если монгольское нашествие оказало бы влияние на язык куманов, последний должен бы был сохранять следы не только монгольского, но также центральноазиатского тюркского языкового воздействия,

⁶ О языке куманов см. многочисленные труды В. Банга (см. библиографию в *Philologiae Turcicae Fundamenta*, I. Wiesbaden, 1959, S. 49). См. также: *Monumenta Linguarum Asiae Maioris*, Vol. I. *Codex Cumanicus*. Copenhagen, 1936. Здесь дано издание факсимиле СС с вводной статьей Кааре Грёнбека, издателя *Monumenta*. См. также статью А. фон Габен в *Fundamenta*, I. Лексический материал СС стал доступен после выхода работы К. Грёнбека «*Komanisches Wörterbuch*» (*Monumenta Linguarum Asiae Maioris. Subsidia*, I, Copenhagen, 1942).

т. е. со стороны языков, родственных классическому уйгурскому или позднейшему чагатайскому языкам. Вообще к северо-западной группе тюркских языков принадлежат язык половцев, или куманов, язык СС, язык кыпчаков, как он представлен в различных кыпчакско-арабских глоссариях и в текстах каменец-подольских армян, язык караимов Крыма, Украины и Литвы (Тракай, Луцк, Галич, Вильнюс), мешеряков, казанских татар, башкир, ногайцев, карачаевцев и балкарцев, кумыков, казахов, каракалпаков и узбеков-кыпчаков. Эта северо-западная группа тюркских языков подразделяется далее на подгруппы, представленные волго-уральской, кавказской, туркестанской и собственно северо-западной подгруппами. Весьма вероятно, что язык печенегов, так же как их предшественников берендеев и торков, относится к собственно северо-западной подгруппе, тогда как язык волжских булгар должен быть, конечно, причислен к древнейшему тюркскому или алтайскому пласту, сохранившемуся до некоторой степени в языке, известном теперь под названием чувашского (это не значит, что я считаю чувашский тюркским по происхождению языком).

Монгольские материалы незначительны и дают свидетельства глубокой древности; подробнее они будут рассмотрены ниже. Другие восточные элементы вошли в древнерусский язык через посредство тюркских и монгольских языков.

Ориентализмы «Слова о полку Игореве» изучались двумя выдающимися русскими учеными: П. М. Мелиоранским и Ф. Е. Коршем. За исключением отрывков преимущественно полемиического характера их четыре статьи могут быть охарактеризованы как превосходный вклад в изучение истории восточных — особенно алтайских — заимствованных слов в русском языке. Некоторые из положений этих статей следует признать устарелыми, некоторые — ошибочными, но целый ряд положений должен быть поддержан как справедливый.⁷

⁷ Кроме того, ориентализмы «Слова» изучались Дж. Д. Принсом «Tatar Material in Old Russian» (Proceedings American Philosophical Society, vol. LVIII, 1919). Принс рассматривает слова *блѣванъ*, *боянъ*, *бояринъ*, *буй тур*, *бус*, *бѣс*, *женьчюг*, *канину*, *юган*, *кощей*, *комонъ*, *кур*, *курган*, *лошадь*, *ногата*, *Оаур*, *Ольбер*, *орътъма*, *салтаны*, *тлѣковин*, *Тьмутаракан*, *топчак*, *Шельбиры*, *шереширъ*, *харалужный*, *тиновы*, *хорюзов*, *япончица*, *яруга*, *яр тур* и *чага*. С большинством этимологий невозможно согласиться, но статьи до сих пор будит исследовательскую мысль. Другая работа Принса «The names Trovan and Bojan in Old Russian» (ibid., vol. LVI, 1917) теперь устарела. Разочаровывает статья С. Е. Малова «Тюркизмы в языке „Слова о полку Игореве“» (ИЮЛЯ 5, 2, 1946). С. Е. Малов пытается рассматривать алтайские собственные имена в «Слове» исключительно как титулы, что особенно странно для слова *топчак*. Ни одно из этих слов не может быть признано титулом. В. Ржиги в своей статье «Восток в „Слове о полку Игореве“» в изыском небольшом сборнике, посвященном «Слову» (Слово о полку Игореве. М., 1947), не дает ничего нового, ограничиваясь выводами Мелиоранского и Корша. Ценным и оригинальным вкладом является статья В. А. Гордлевского «Что такое „босый волк“?» (ИЮЛЯ 6, 4, 1947). Главная мысль статьи состоит в том, чтобы объяснить выражение «босый волк» как результат народной этимоло-

До сих пор не существует всеобъемлющей работы об ориентализмах русского языка.⁸ В немногих этимологических словарях славянских языков, большей частью неполных, содержатся отдельные замечания о заимствованиях из восточных языков, часто недостаточные и ошибочные.⁹ Теперь имеется одно исключение — «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, но даже в такой замечательной работе среди алтайских этимологий время от времени встречаются слабые, обязанные этим своим качеством почти полному отсутствию в алтаистике этимологических разработок. Хорошая, но довольно краткая статья о восточных заимствованиях в русском языке домонгольского периода была написана П. М. Мелиоранским, привлекая для этой цели все древнерусские тексты до 1225 г. В результате объемистой работы были выявлены 27 слов, кратко рассмотренных в статье «Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского вре-

мени на русской почве известного тюркского эпитета этого тотемного животного — *боз* 'серовато-коричневый'. С некоторыми положениями статьи я не согласен, например с толкованием происхождения имени *половцы* (см. об этом ниже). Большую ценность представляет собою работа А. Зайончковского о кумано-славянских отношениях «Związki językowe połowiecko-słowiańskie» (Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, Ser. A, № 34, 1949). Третья глава ее имеет дело непосредственно со «Словом»: *Słowo o wyprawie Igora a sprawa elementów połowieckich*. Зайончковский ссылается на мою, тогда готовившуюся к печати работу, и на слова, рассмотренные Мелиоранским. Он анализирует слова *харалуг*, *шерешир*, *ногата*, *чага* и имена *Гза(к)*, *Кобяк*, *Кончак*, *Шарокань*, *Овлур*, *Каяла*, *Ольбѣры*, *Ревугы*, *Могуты*, *Топчакы* и *Тьлковины*. В своей работе «A Comparative Lexicon of the Igor' Tale and Zadoŋščina» (1963) Т. Чижевская рассматривает слова *Боянъ*, *Диевъ*, *харалужские*, *Хынъ* и *Хыновские*. В дальнейшем изложении учен также ряд новейших работ, посвященных этой тематике. Поразительной особенностью работ, изданных в СССР, является тот факт, что вплоть до последних лет ни одна из весьма многочисленных публикаций по «Слову» — монографий и прочих исследований, появившихся после второй мировой войны, — совершенно не касается вопросов о лексических ориентализмах. — К сожалению, автор оказался недостаточно полно осведомленным о размахе исследовательской деятельности советских лингвистов в области восточных заимствований в русском и славянских языках. См. прилагаемую ниже Библиографию основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках [примеч. редактора].

⁸ П. А. Будберг и К. Г. Менгес (Калифорнийский ун-т, Беркли) планировали издать этимологический словарь ориентализмов древнерусского и современного русского языка, но так и не осуществили свой проект. Об изучении тюркских элементов ср.: Р о р р е N. N. jr. Survey of Studies of Turkic Loan-words in the Russian Language. — CAJ 11, 1966.

⁹ Ср. примеры из «Słownika etymologicznego języka Polskiego» (Wyd. 1. Kraków, 1927) А. Брюкнера, приводимые А. Зайончковским в статье «O potrzebie studiów turkologicznych dla historyka kultury i języka polskiego» (Język Polski, 1934, 19, N2), и мою статью «Türkisches Sprachgut im Serbo-Kroatischen» (UJb. 40, 1—2, 1968, 135—154), основанную на детальном рассмотрении недавних книг А. Кнежевича и А. Шкалича, посвященных соответствующим вопросам (см.: К н е ж е в и ć А. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan, 1962; Š k a l j i ć А. Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine, 1—2. Sarajevo, 1957, 2-е изд.: Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1966, 662 s.).

мени» (ИОРЯС 10, 5, 1905)! В настоящей работе не место анализу этих слов, но следует сказать, что два из них — западного происхождения, одно — греческого, а несколько с темной этимологией. Та же картина наблюдается в «Слове». Большинство заимствованных слов — алтайского происхождения, а среди них преимущество сохраняется за тюркским источником. Интересно, что только одно из обнаруженных Мелиоранским слов, именно *каганъ* в форме *коганъ*, находится в «Слове». Тем не менее общее число восточных слов, собранных Мелиоранским, кажется несоответственно малым. Объяснение снова нужно искать в самой природе древнерусских литературных памятников, почти без исключения церковных. Однако мы знаем, что Древняя Русь была в близких сношениях по крайней мере с тремя народами южнорусских степей, говорившими на тюркских языках, — черными клобуками, половцами и печенегами. Все три народа играли важную роль в древнерусской истории, а в отдельные периоды их деятельное участие определяло ход политических событий Древней Руси. Мы знаем, что многие великие князья Древней Руси имели родственные связи с куманами, причем религия в этих случаях не всегда оказывалась серьезной помехой. О простых людях нам не известно фактов такого рода, но даже если они не вступали во взаимные браки — а такое предположение кажется абсурдным, — они вступали в общение не только в пограничных областях, но на базарах многих городов, даже в столице Киеве, как это известно относительно черных клобуков: те не только кочевали вблизи Киева, но даже играли важную роль в дружине киевского великого князя — в военное время их численность доходила до 30 тыс. человек. Они были самыми верными воинами киевских князей в их борьбе против враждующих русских князей и их куманских союзников.

В обиходном языке Древней Руси должно было использоваться много алтайских заимствований для терминов, имевших светское, внецерковное повседневное применение. Им не было места в церковной письменности, вероятно, их избегали или даже изгоняли ученые писцы и переводчики, осознававшие их внецерковное и даже языческое происхождение.

После монгольского нашествия замечен значительный рост восточных заимствований. Литература должна, по крайней мере иногда, по особым случаям, снисходить до повседневной жизни. Известное влияние оказывала и новая гражданская администрация, оказавшаяся в руках чиновников из империи Чингис-хана и его наследников. Эти чиновники были преимущественно тюркского происхождения и знали монгольский язык, наверное, ничуть не лучше, чем их русские собратья. Со своей стороны, монгольские завоеватели, приняв вместе со значительным числом уйгурских чиновников также их деловую письменность, усвоили точно так же известное число уйгурских технических терминов. Что касается послемонгольских заимствований в языке восточных славян,

то в этой области пока отсутствуют основательные исследования. Диссертация Рихарда Мекелейна представляет собою простую классификацию слов, входящих в словарь современного русского языка, этимологическая часть ее неполна.¹⁰ Работа Луизы Ванстрат имеет главу, посвященную алтайским заимствованиям;¹¹ эта шестая глава, однако, очень слаба, неполна и даже содержит целый ряд серьезных ошибок. Тем не менее, принимая во внимание как посломонгольскую древнерусскую письменность, так и лексику современного русского языка, необходимо сказать, что 200 с лишним лет монголо-татарского ига оставили мало следов в русском языке, в частности и в словаре, особенно если сравнить результаты монгольского господства на Руси, например, с господством арабов в Персии и турков на Балканах. В юго-западные тюркские и персидский языки арабизмы проникли в громадных количествах, вытесняя старые и принося бесчисленные новые понятия и слова. Позже турки внесли в балканские языки тюркские, арабские и персидские элементы. Монголы и татары не прилагали ни малейшего усилия внедрить свою цивилизацию среди покоренных народов, как это делали везде мусульманские завоеватели. Вскоре после монгольского нашествия Золотая Орда, в которую входила и Русь, стала мусульманской, но татары не попытались обратить в мусульманство русских, тогда как турки-османы обратили в ислам часть христианских народов на Балканах. Сравнение арабских заимствований испанского и португальского языков и ориентализмов русского языка могло бы оказаться очень ценным, хотя такое сравнение не исходило бы из одинаковых исторических — т. е. и культурных, и этимологических — условий.

Как уже говорилось, из всех древних языков Южной Руси до нас дошли тексты только на куманском в составе СС 1303 г., отражающего состояние куманского языка сразу после монгольского нашествия. Куманские тексты, кажется, также не отражают сколько-нибудь значительного монгольского влияния. Почти ничего не известно о языке древних каракалпакских племен и печенегов. От печенежского языка сохранилось только незначительное число собственных имен. Из всего этого материала мы можем сделать лишь тот единственный вывод, что все эти языки принадлежат к северо-западной группе тюркских языков, как это совершенно очевидно в отношении куманского в СС и современного каракалпакского. Следовательно, невозможно провести пограничную черту между куманами, каракалпаками и печенегами, нет оснований надеяться на такую возможность и в будущем. Все это действительно и для восточного материала «Слова о полку

¹⁰ M e c k e l e i n R. Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen, I. Die finnisch-ugrischen Elemente im Russischen. Berlin, 1913 (ч. II и III не были опубликованы).

¹¹ W a n s t r a t L. Beiträge zur Charakteristik des russischen Wortschatzes. Berlin, 1933. Л. Ванстрат в предисловии к работе приносит благодарность В. Бангу, однако она слишком редко прибегала к его советам.

Игорева». Учитывая относительно большую общность тюркских языков, мы не найдем во многих из этих слов черт, оправдывающих какую бы то ни было классификацию, если рассматривать эти примеры изолированно, вне определенных географических и исторических условий.

Венгерское название куманов ¹² — Kün-ok (неопределенный п. мн. ч. от Kün), в латинской традиции — Cuni. Это самое имя Маркварт обнаружил (Komanen, 38 и сл.) у Бируни в названии Qün, под которым, полагает Маркварт, скрывается тюркизованное племя монгольского происхождения, пришедшее между 1030 и 1049 гг. в Черноморско-Каспийские степи из Восточной Азии. На прежнем месте племя жило в соседстве с кыргызами, возможно, на восток от них. Кыргызы — гянгунь китайских источников — племенная группа не тюркского, возможно, даже не алтайского происхождения со светлыми волосами и кожей. Это же имя — Qün — находится у Ауфи, который называет его носителей рядом с Qaju или Qaj, представляющими собою, по мнению Маркварта, одно из основных племен-предков позднейших османов. Ауфи приводит также другое имя племени Qün, именно Maqqa, Murgqa или Murgqa.¹³ Имя Qün до сих пор не отождествлено с каким-нибудь

¹² По истории куманов можно настойчиво рекомендовать труд Маркварта. Komanen. См. также две в равной степени ценные рецензии: Pelliot P. A propos des Comans. — JA, 1920, sér. XI, 15; Бартольд В. В. Новый труд о половцах. — Русский исторический журнал, 1921, кн. 7; то же. — Сочинения, т. V. 1968, с. 392—408. Последняя рецензия стала более доступна на Западе благодаря переводу в кн.: Marquart J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938, S. 29—51.

¹³ Исламские источники упоминают также, что к востоку от кыргызов живут Fūḡī или Qūḡī. Ср., например, в «Худūd ал-'алам» и у Гардизи (см.: Минорский. Худūd ал-'алам, 97, 283 и сл.). Вне сомнений, Fūḡī **فوری** есть ошибочное написание вместо Qūḡī **قوری**. В согласии с Минорским Бартольд сравнил их с гулигань «Тан-шу», которые образовали часть тюркского союза Töliḡ к югу от Байкала. Это были, как думает Минорский, несомненно, Üḡ Qıḡuḡan («три К.») орхонских надписей, обычно упоминаемые к востоку от кыргызов. (Перечень племен и держав вокруг Орхонского государства дан в соответствии с видимым вращением солнца). Основываясь на исторических источниках, Минорский рассматривает как тождественные имена Qün и Qūḡī, однако совершенно невозможно определить лингвистические отношения между ними.

Нет оснований настаивать, как это делает Л. Рашоньи в своем политико-историческом сочинении «Тюрки в мировой истории» (Dünya tarihinde Türklük. Ankara, 1942, с. 130), на том, что būri (пишется **بورى**, т. е. тюрк. bōḡū, bōḡi) 'волк' должно читаться вместо Fūḡī (пишется **فوری**), поскольку, добавляет он, племени с именем Qün никогда не существовало, предполагая, таким образом, что Qün, Kün возникло лишь на венгерской почве.

Возможно также, что Fūḡī является поздним отражением Фаḡροι, Фрḡ-ροι, Γρῡḡḡḡ, встречающихся в географических сочинениях III в. до н. э. вместе с Фаḡροι, Фобḡροι — все эти названия обозначают племена, близкие к тохарцам (ср.: Маркварт. Komanen, 64—65). Поэтому Qün может быть неверным написанием вместо Фаḡροι Фобḡροι и т. п. Маркварт не связывает их с этнонимом Qün. В названиях Фаḡροι и Фаḡροι он видит передачу индийских названий Тибета — B'auṭṭa или B'uṭa (там же, 65 и примеч. 1),

названием из китайских источников. Совершенно неясно, кто скрывается за именем *Marqa*. Маркварт связывает его с названием племени *Boat-Kat* (*Bot-Kat*; *Mo-ho*) — бохай, которое можно рассматривать как предка чжурчжэней и других южнотунгусских племен.¹⁴ С другой стороны, Маркварт пытается произвести тогдашних монгольских татар от этих *Boat-Kat* (с. 80 и сл.), затем он связывает (с. 87) *Murqa* в форме *Murqat* с загадочными *Моуркэ* Феофилакта Симокатты,¹⁵ к которым в VI в. присоединилась группа аваров, разбитых тюрками. Следовало бы также подумать, не обозначены ли *Marqa* именем Мугулюй (<**Muk-kuət-ljwo*, прозвище предка правящего клана у аваров или жуань-жуаней) или же именем Юцзюлюй (<**Juk-kjäu-ljwo*), как это представлено в историях Малых династий, предшествовавших династии Тан.¹⁶ В этом случае следует ограничить наши рассуждения конгломератом племен, говоривших на монгольском языке (жуань-жуани, авары¹⁷), и уклониться таким образом от утверждения, что бохай были предками как монголо-татар, так и тунгусов-чжурчжэней. Сама история куманов, однако, полна свидетельствами того, что в одно и то же время племя может принадлежать к различным языковым объединениям.

Идея о монгольском происхождении кунов-куманов пока еще не может быть поддержана находящимися в нашем распоряжении лингвистическими материалами. Два монгольских заимствования — *хогогу* в праславянском и *телъга* в древнерусском — были восприняты славянами задолго до прихода куманов, как это будет показано ниже. Имеется соображение исторического характера, которое может говорить в пользу монгольской родослов-

из них последнее нужно сравнить с тибетским названием Тибета — *Bod-jul*. Возможно, к этому же разряду относится встречающееся у Платона Карпиния название для Тибета или прилегающих областей — *Buri-Thabet* (ср.: Yule H., Burnell A. C. Hobson-Jobson. A glossary of colloquial anglo-indian words and phrases... London, 1903, p. 699). Г. Халун рассматривает названные греческие формы как передачу архаического китайского ***xbroŋ-no* > **xjwoŋ-nuo* > *сон-ну*, имя знаменитой племенной группы, о которой речь пойдет ниже (см.: H a l o u n G. Zur Üe-tsi-Frage. — ZDMG 91, 1937, 306).

Что касается вторжения племени *Qin* в страну *Sāri* (или *Sary*?), то вполне возможно думать вместе с Бартольдом и Минорским, что *Sāri* (или *Sary*) есть название кыпчаков-куманов-половцев и что это есть тюрк. *sary* (сев.-зап. *sary*) 'желтый'. Более того, Минорский задается вопросом, не имеют ли эти *Sary* чего-либо общего с «желтыми» кланами западных тюрков (указ. соч., 317). Очень возможно, что именно так, но 'желтый' здесь могло бы значить не 'светлый, светлокожий' и т. п., а употребляться в своем символическом значении 'земля > центр, императорский', как кит. *huaj* (ср. ниже *Шарокань*).

¹⁴ Ср.: Menges K. H. Tungusen und Ljao. — *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes*, Bd 38, 1. Wiesbaden, 1968, S. 11 и сл.

¹⁵ Ср.: Моравчик. *Byzantinoturcica* II, 169; 2-е изд., II, 193.

¹⁶ Ср.: B o o d b e r g P. A. *Marginalia to the Histories of the Northern Dynasties*. — *HJAS* 4, 1939, 230, 239—240.

¹⁷ Форма жуань-жуань, которую Маркварт (*Komanen*, 87) вслед за де Гроотом хочет отбросить, должна быть поддержана. Ср.: Карлгрэн. *Grammata*, N 238d.

ной. Как *цидань* (орх. *Qytañ*, позднее тюрк. *Qytaǵ* или *Ляо* — в качестве китайской династии) и *шивэй*,¹⁸ так и *си*¹⁹ были потомками тех же предков, имя которых *сяньби*, по мнению П. Пельо, сохранилось в названии крайней северной группировки племен — *шивэй*.²⁰ До эпохи династии Суй *си* назывались *кумоси* (например, в «Вэй-шу») < *K'uo-muo-iei* < **k'o-māg-g'ieg* (Карлгрен. *Grammata*, № 74e, 802a, 876d; *Dict.* № 126) или **k'o-māg-qaj* соответственно. Они были скотоводы. В 388 г. они были разбиты войсками династии Вэй. В орхонских надписях они упомянуты как *Tataby* вместе с *Qytañ* (см.: *Thomson V. Inscriptions de l'Orkhon.* — *MSFOu* 5, 1896, 141; *Radloff W. Die alttürkischen Inschrif-*

¹⁸ Шивэй происходит из *šjēt-jwēi* < **šjēt-giwēr* (ср.: Карлгрен. *Grammata*, № 413j-e, 571a; *Dict.* № 1308).

¹⁹ Си происходит из *hi* < **iei*. (ср.: Карлгрен. *Dict.* № 126). Поскольку в алтайских языках велярные звуки не могут находиться в непосредственном соседстве с палатальными, форма **iei* может отражать вторичное смягчение в китайском более древней формы **äi* < **aj*, происходящей в свою очередь из **qaj* или представляющей собою ее разновидность. Этот этимон *ši* < **iei* сохранял в современном кантонском диалекте свою более древнюю форму *haj* (ср.: Карлгрен. *Dict.* № 126). Тот или иной тип палатализации, кажется, представляет собою определяющую черту в развитии от древнекитайского к среднекитайскому. Алтайские заимствования в китайском, попавшие в него никак не ранее среднекитайского периода, по всей вероятности, указывают на то, что эти типы палатализации появились на более поздних этапах среднекитайского периода: алтайские заимствования предполагают фонологическое состояние языка без — или до — этих палатализаций. Видимо, исследований в этой области еще недостаточно, однако П. Пельо показал (*T'P* 37, 1944, 85, примеч. 4) на примере *šja-ḥan* (< *hja-ḥan* < **ḥa-ḥan* и т. д.) для монг. *qaḥan*, что палатализация этого типа не получили всеобщего распространения в китайском языке даже в монгольский (юаньский) период. Таким образом, народ *си*, возможно, тот же самый, что и *Qaj*. Г. Халун в своей упомянутой содержательной статье отмечает, что палатальный элемент *j*, например в имени *šjuḥ-nu* < **xjuḥ-nu*, указывает на древнее *-l- или *-r-, т. е. на второй начальный согласный в древнекитайском; таким образом, др.-кит. **xjuḥ-nu* должно восходить к форме **xbuḥ-nu*. Эта теория, основанная на сино-тибетских и, вероятно, индоевропейских формах, не может доказываться на алтайских заимствованиях в китайском, которые — с полной очевидностью не заходя далее среднекитайского периода — не имеют и никогда не имели стечения согласных в начале слова.

Если форма *قانى Qany*, обнаруживаемая у Якута (ср.: Минорский, указ. соч., 285), не просто результат неправильной записи, она могла бы указывать на древнее **ñi*: **Qañu*. В таком случае следовало бы более критически отнестись к уравнению *Qaj* = **iei* > *ši*. Однако в древнетюркском, как показывает древнеуйгурский, формы с *ñ* и с *n* сосуществовали как диалектные варианты.

²⁰ Ср.: Pelliot P. *Tokharien et Koutchéen.* — *JA* 224, 3, 1934, 35, п. 3. Извлечения из китайских источников см.: Бичурин Н. Я. (Иакинф). *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* М.—Л., 1950. Т I, с. 370 и сл.; т. II, с. 72 и сл. на основе «Вэй-ши». См. также: Кюнер Н. В. *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.* М., 1961, с. 10, 65 и сл.; с. 302, где *хи* (кай) упоминаются как принадлежащие к шаньжун, юйвэнь и саньвэй или улянха (*Urjaḥxaj*); с. 185, где они упомянуты как тюркюты среди других, в большинстве своем тюркских племен; на с. 305 и сл. Кюнер приводит ряд дополнительных выписок из «Суй-шу» и «Вэй-шу», которые отсутствуют у Бичурина; здесь же даны исправления к изданию последнего.

ten der Mongolei, Lief. I. St.-Pb., 1894). Позже, в 847 г., они были покорены танскими армиями, а в начале X в. киданями. Они продолжали оставаться на юге от киданей и в империи Ляо создали объединение племен бу во главе с правящим семейством цау — цзубу.²¹ Конечно, едва ли теперь возможно узнать, остались ли си целиком после своего разгрома в соседстве с Ляо или же часть из них ушла, что было бы вполне естественно. Но уже в 388 г. или несколько позже определенная (большая?) часть из них могла уйти из ближайшего соседства с Китаем династии Вэй, после того как последний завладел их богатством, состоящим в скоте. Возможно, имя куманов, но не кунов нужно видеть в имени K'uo-tuo-γiei/-qaj, первые два слога которого отражают алтайск. quba (см. ниже). Третий слог не может быть простой транскрипцией суффикса (-γ, -qaj/-γaj?), поскольку позже вряд ли сохранил бы он такое значение, чтобы выжить единственно в форме си (sí < h'i) после полной потери племенного названия. Если последний элемент рассматривать как алтайский суффикс, все слово целиком должно скорее отражать древнюю форму племенного названия Qutuq, Qutux, Qutuq, которое должно находиться в родстве с названием куманов, также восходя к основе quba. Или же — это кажется более вероятным — оно должно рассматриваться как композит, состоящий из k'uo-to < quba и племенного имени Qaj.

Возможную связь с именем гуннов Маркварт отрицает, хотя некоторые древние племена, входившие в конгломерат гуннов, могли быть связаны с кунами, как например кунь-и < Kuən-i (Карлгрен. *Grammata*, 417a, 551a-c) или хунь-и < Gwən-i (там же, 417k, 551a-c). Оба племенных имени можно возвести к древнекитайскому *G'wən-djəg (там же). Хотя конец древнего периода в китайском языке должен приходиться приблизительно на конец эпохи Чжоу, т. е. на середину III в. до н. э., едва ли можно оставить место сомнениям в том, что эти китайские транскрипции, основанные на определенном знании древнекитайского языка у туземных ученых в среднекитайский период, представляют собою попытку относительно точной передачи алтайского племенного имени, хорошо известного по византийским источникам как Οὐννυγῶν/οὐνδοβροί, т. е. гуннские гундуры или же гундуры гуннов. В толковании имени гуннов также имеются определенные трудности из-за начальной мягкости его китайской формы *сунь-ну* < < Xiwoŋ-nuo (Карлгрен. *Grammata*, 1183d, 94l), если сама реконструкция будет удержана в синологии; эта мягкость, однако, может иметь вторичное, собственно китайское происхождение (ср. то, что говорилось выше в примеч. 19 об отношении sí ~ *γiei: ɣaj/qaj). Это же действительно и в отношении другого гуннского

²¹ Ср.: Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. *History of Chinese Society*, p. 94, n. 4. После орхонских надписей имя Tatabu погружается во тьму забвения.

племени хунь-юэ < Xjuen-juk (Карлгрен. *Grammata*, 458h, 1024a). До сих пор, однако, гунны как сложное составное целое слишком мало изучены, чтобы делать окончательные выводы.²²

По лингвистическим основаниям, которые будут приведены в дальнейшем, мы можем принять, что куманы и половцы тождественны, но куны и куманы могут отличаться происхождением, хотя, будучи в близком родстве, они образовали позже единство, известное под именем половцев, или куманов. Маркварт видит след имени кунов в одном личном имени, упомянутом в древнерусской Начальной летописи, — Кунуи (< Qun-uj).²³

Название куманов, как неоднократно подчеркивал Маркварт,²⁴ не получило объяснения. Он подверг суровой и содержательной критике все попытки его этимологии. Куманы в древнерусских источниках называются половцами, но изредка в русских текстах встречается их собственное племенное имя. Ср. в Начальной летописи: «Кумани, рекше половцы» (Лавр. лет. под 1096/6604 г.), или как собственное имя: «половчину, именемь Куману» (там же), «князь Куманъ» (там же, под 1103/6611 г.), или даже в составе собственного имени Куманопа (< Quman-āpa) 'Куман-отец'. Рус. *половци* (им. мн.) является производным от прилагательного *побѣвыи* 'беловатый, беловато-желтый' (см. Срезневский II, 1130 с цитатой из Никоновского списка летописи под 1460 г.), ср. *плавый* (там же, из Остромирова ев.), цсл. *плавъ*, *λευκός*, *albus*, *pallidus flavus* (Миклошич. Л., 568). В западных исторических источниках этот народ имеет название, представляющее собою усвоение или перевод славянского названия.

²² Поскольку литература о гуннах очень обширна, упомянем лишь некоторые из последних работ: Фэн Цзя-шэн. Гунны и их культура. — Юй-гун, 7. Пекин, 1937 (на кит. яз.); Gabaian A. von. Hunnisch-türkische Beziehungen. — In: Zeki Velidi Toğan Armağanı. İstanbul, 1955; Maenchen-Helfen O. 1) The Huns and Hiung-Nu. — Byzantion 17, 1944—1945; 2) The Legend of the Origin of the Huns. — Ibid; 3) Archaistic names of the Hsiung-nu. — CAJ 6, 1961; Pritsak O. 1) Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker. — UAJb. 24, 1952; 2) Kultur und Sprache der Hunnen. — In: Čyževskij-Festschrift. Berlin, 1954; 3) Hun, der Volksname der Hsiung-nu. — CAJ 5, 1959; Jettmar K. 1) The Altai before the Turks. — Bull. Mus. Far East. Antiqu. N 23. Stockholm, 1951; 2) Hunnen und Hsiung-nu — ein archäologisches Problem. — Archiv für Völkerkunde, 6/7, 1952; Samolin W. 1) Hsiung-Nu, Hun, Turk. — CAJ 3, 1957; 2) East Turkistan to the Twelfth century. — Central Asiatic Studies, 9, 1964; Altheim F. 1) Das erste Auftreten der Hunnen. — In: Das Alter der Jesaja-Rolle. Baden-Baden, 1953; 2) Geschichte der Hunnen, Bd I—V. Berlin, 1959—1962 (эту работу следует использовать осмотнительно там, где положения ее выведены на основании конъектур и этимологий); 3) Das Auftreten der Hunnen in Europa. — Acta Archeologica Academiae Scient. Hungariae, 2, 1952. Более полную библиографию о гуннах см.: Sinor D. Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale. Wiesbaden, 1963, p. 217—221, 261—265; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica, 2-е изд., I, 58 и сл. Имя гуннов встречается в «Слове» в форме *хунъ* (см. ниже).

²³ Маркварт. *Komanen*, 57. См. Лаврентьевскую летопись по изд. Археологической комиссии, под г. 1096/6604.

²⁴ Маркварт. *Komanen*, 173—186.

Ср. венг. *Palócz*, др.-чеш. *Plavci*, польск. из чеш. *Plauci* (Хроника Галла), нем. *Falones*, *Phalagi*, *Valvi*, *Valewen*, *Valwen*. Древнейшее немецкое упоминание о них содержится у Адама Бременского (ум. 1076) и впервые обнаружено Марквартом.²⁵ Куманы получили это название, вероятно, по своей светлой коже и светлым волосам. Их этнические черты засвидетельствованы армянским историком Матфеем из Эдессы; им упоминаются *խարտեշք* *hartēšk'(n)* 'светлые',²⁶ которые тождественны с половцами или с *Valwen*, как это показал Маркварт.²⁷ В современном армянском 'светлый' обозначается словами *խարսյաշ* *xardjaš*, *խարսիշահեր* *xardšahēr* в западноармянском произношении.²⁸ Основываясь на историче-

²⁵ Маркварт. *Komanen*, 28 и сл.

²⁶ Маркварт. *Komanen*, 54 и сл.

²⁷ Маркварт. *Komanen*, 54 и сл. О светлом цвете волос у других центральноазиатских и восточноазиатских народов см.: там же, 65—68, 79, 140, примеч. 8; 175, а также в другой работе: Маркварт. *Streifzüge*, 360, п. 1.

²⁸ Ср.: Г а н т а р я н С. В. Словарь франко-армяно-турецкий. Венеция, 1902 (на арм. яз.); К а р а п е т я н Б. З. Большой османско-армянский словарь. Константинополь, 1907 (на арм. яз.).

В рецензии на Чижевскую И. Г. Добродомов и И. С. Улуханов выражают мнение, что др.-русск. *половцы* калькирует не только название куманы, но и сорочины (ВЯ, 1966, 6, 118). Последнее представляет собою одно из двух имен, которые имели или которыми пользовались, согласно летописям, куманы, поскольку они делились на две группы — восточную, на Дону, и западную, на Днепре. Хотя название «сорочины» могло использоваться для куманских племенных групп или конфедераций, по своей семантике оно слишком неопределенно, чтобы ясно указывать на какую-либо одну из таких конфедераций. Эта семантическая неясность — сарацины, арабы, мусульмане — обязана своему происхождению от византийско-греч. *Σαρακηνός* или ср.-лат. *Saracēnus*. Кроме упомянутой др.-русск. формы, существует также русск.-цсл. *сракининъ* (возможно, с пейоративными коннотациями по созвучию с корнем *сра-* < *сър-а* 'сасаге'; Фасмер III, 740), *саракининъ*, др.-болг. *срацине* (им. п., мн. ч.). Как установил Фасмер, форма с -*к-* заимствована непосредственно из греческого, тогда как другая — из средневековой латыни. Др.-русск. *сорочининъ* также может восходить к греч., но подвергнуться изменению по аналогии с русскими полногласными формами. Развитие в славянской среде было гораздо проще, чем в романской, где названный термин, между прочим, лежит в основе собственного имени Понтрезины: ит. *Puntraschigna* (= *Puntražiña* в ретороманском, в Верхней Энгадине) < *Pons* (> ретором. *punt*, ж. р.). *Saracēnogum*, *Saracēni*, *Σαρακηνοί* восходит к араб. *šarqijjīn* 'те, кто на востоке', и мн. ч., м. р. от *šarqijj*, им. п., ед. ч., м. р., по образованию прилагательное («ниоба») от *šarq* 'восток' (ср.: Локоч, № 1856; Мейер-Любке, № 7595). Добродомов и Улуханов, однако, хотели бы вывести др.-русск. форму *сорочины* от тюрк. *saru kūn* (?!), где *kūn*, вероятно, опечатка вместо *kūn* (= *qūn*), но последняя форма не предполагает какой-либо палатализации. Может быть, авторы имеют в виду др.-тюрк. собирательное имя на -*kūn/-gūn* (велярных форм не засвидетельствовано), которое, если оно осталось палатальным после *saγu*, должно было подвергнуться второй, но не первой палатализации? Можно предположить образец вроде **saγu-čun* > **saγ-čun* (сев.-зап.) 'желтоватый', но суфф. -*čun/-žun*, как в монгольском и тунгусском, означает имена ж. р. и/или животных, чаще всего птиц. Едва ли таким образом будет форма *saγu-čuna* 'kleiner Fähler', которую К. Грөнбек устанавливает методом народной этимологии как основу для *sarrakine* в СС при обозначении половцев (ср.: Грөнбек 215). Факты такого рода неизвестны в тюркских язы-

ских свидетельствах, можно полагать, что племенное название этого народа содержит алтайское слово, обозначающее не вполне светлый цвет; это же значение имеют слав. *плавъ*, лат. *flavus*, germ. *falb*, *falw* и т. д. Это слово известно в следующих формах: *quba* (Кашг.) 'цвет между красным и желтым' (в 1066 /67 гг. племя куманов было, кажется, еще неизвестно Махмуду Кашгарскому под этим именем); *quba* 'бледный, сероватый' (Радлов: тел., шор., тув.), с контракцией *qū* 'бледный, желтоватый, желтовато-бурый' (Радлов: казах., куман.?, алтайск., тел., саг., кач.); *qūa* 'бледный' (тат., кюэр.), 'бурый, темно-красный' (тат.). Известны формы с *o* в первом слоге, хотя тат. *qūa* может указывать на более древнее **qowa*. У Радлова (II, 883) третье значение при *qū*¹ неверно, поскольку *сруи* СС, т. е. *qow* или *quv*, представляет собою лабиализованную форму от *qau* 'трут' (ср. Грэнбек 201 и ниже под словом *ковылие*), но не форму *qū*, тождественную сиб. *qū* < *quba*. В тел. засвидетельствовано сосуществование форм с контракцией и без нее — *quba* и *qū*.²⁹ В монг. имеется *xua* < **quwa* 'светло-желтый (о масти лошади)' и 'беловато-желтый (о волосах)' (Ковалевский II, 851);³⁰ кроме того, в монг. отмечено *xuba* < **quba* 'янтарь' (Ковалевский II, 888; Лессинг 976), которое заимствовано из кит. *hу-r'о* < *хуо-r'āk* (Карлгрен. Gram-

ках. Сюда не относится личное имя *Saryū Čur* (или *Saryūčur*), встречающееся в одном из рунических фрагментов сэра А. Стейна (ДТС 488), хотя в монгольском литературном языке имеется *šigaγčün*, халха *šagaγčün* 'желтый (только о самках животных)' (Лессинг 715). Это слово может иметь еще неизвестные параллели в тюркских языках и à la rigueur служить племенным названием (как это в ряде случаев нашел Ю. Немец). Но до тех пор пока в каком-нибудь языке или историческом источнике не найдется параллели к **Saryūčur* как племенному названию, этот тезис не имеет прочного основания. О *Sarasene* см. также П. Пельо (T'P 37, 1944, 173, примеч. 2) с отсылкой к работе Банга «Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus» (Bulletin de l'Académie r. de Belgique, 1911, p. 32—38). [См. также: Д о б р о д о м о в И. Г. 1) Из древней этнонимии. — Советская этнография, 1966, № 3, с. 122—128; 2) О половецких этнонимах в древнерусской литературе. — В кн.: Тюркологический сборник. 1975. М., 1978, с. 102—129 — Примеч. редактора].

²⁹ Именные образования с *-qaj* и *-γaj* имеются в тел.: *quaqqai quzyl* 'алый', *quba-γaj* 'немного бледный' (Радлов).

³⁰ В «Юань-чао би-ши» лошадь названа *qubi* 'hуаη ma, красно-серая' (ср.: Н а е н и с х Е. Untersuchungen über das Yüan-Ch'ao pi-shi. Die Geschichte der Mongolen. Berlin, 1931, S. 6, строка 9; S. 7, строка 20. Ср. также в его *Manghol-un Niuca Tobca'an* (Leipzig, 1941; 2. Aufl., 1949), S. 7, § 55, где в китайском подстрочном переводе стоит *hуаη ma* 'красно-серая лошадь'). В словарях Ковалевского и Лессинга слово не зафиксировано. С. А. Козин («Сокровенное сказание. Юань-чао би-ши», т. I. М.—Л., 1941, § 55) читает *qubi*, но в переводе дает однажды 'скакун' (с. 84—85), а в двух других случаях не переводит совсем; слово не отмечено также в его словаре. П. Пельо (*Histoire secrète des Mongols*. Paris, 1949, p. 11) читает *quby* и переводит 'рыжий' (p. 129).

В бурятском имеется *koa* (Нижнеудинск), *хоа* (Хори), причем это говорится о корове 'светло-рыжей с желтыми пятнами' (Castrén A. Versuch einer burjatischen Sprachlehre. St.-Pb., 1857, S. 113).

mata, 57 и сл.);³¹ возможно, что на основе янтарного цвета произошла контаминация этого слова и другого — хуа < quwa /*quba. Маньчжурский эквивалент — qūwa 'ярко-желтый, соломенного цвета (о лошади, орле)' (Захаров 285) и 'рыжий (о лошади)' (Габеленц 135), тогда как хуба 'янтарь' (Захаров 436, Габеленц 103) — то же самое заимствование из китайского, как и в монгольском.³²

Несомненно, имя куманов было переведено на славянский *плавъныйи*, точно так, как и на армянский хартѣшк'. Помимо сибирских языков слово известно казахскому языку и Махмуду Кашгарскому. Древнейшая его форма должна быть *qoba, *quba. Чередование b/m в начале слога обычно для алтайских языков. Единственную трудность представляет собою конечный -п, который может быть редким именным суффиксом (ср. ниже) или, скорее, древним суффиксом мн. числа или собирательности -ап/-āп, как это имеет место у Кашг. āg 'человек', но āg-āп 'люди'; с другой стороны, его можно сравнить с эфелъцистическим -п монгольских имен.³³

Имя Qūп может, разумеется, представлять собою стяженную форму от quba, которая отмечена в современных языках Сибири (см. выше); конечное -п в таком случае нужно объяснять так же, как в случае с Quma-п. Сходное явление перевода алтайского племенного имени на славянский, кажется, представляет собою пара *тиверьци*—*тѣловини*, о чем речь пойдет ниже.

Можно попытаться вывести название куманов от qum 'песок' как qum-а-п, т. е. имя на -п от глагольного деривата на -а (что все же недостаточно в морфологическом отношении для выражения семантики вроде 'имеющий цвет песка'). Такие формы, как тур., чаг. qumraп 'каштанового цвета' (Радлов), асуq qumraп 'светло-русый', тур. qumgal 'светло-желтый, золотистый (волосы, борода), русый' (именной дериват: qumgal-lyq), предполагают производство от qum-ra-п, qum-ra-l, т. е. это имена на -п и -l от инхотивного глагольного деривата на -га-. Можно вывести это слово также от *qum-taп 'как песок, песочный' (не засвидетельствовано), давшего в результате упрощения удвоенных согласных *qumaп. Чаг. qum-tul 'коричневатый, песочного цвета' (Радлов) — другой дериват от qum с редким именным суффиксом -tul, встречающимся в именах со значением цвета, качества

³¹ Карлгрэн (Grammata, № 782) не дает символа для p'о. Фонетически сочетание аналогично № 782l-q; ср.: Карлгрэн. Dict. 685.

³² То же уйг. qubuyq (Радлов II, 1036). Возможно, слово заимствовано в алтайских языках из китайского, ср.: Laufer B. Sino-Iranica. Chicago, 1919, p. 521—523. Возможность обратного заимствования алтайского по происхождению слова в китайский язык полностью не исключена.

³³ Статья Н. Н. Поппе об этом -п (П о п п е Н. Основы, оканчивающиеся на п в монгольских языках. — Советское языкознание, I. Л. 1935, с. 169—174) была недоступна мне. Ср., однако, его же: 1) Khalkha-Mongolische Grammatik. Wiesbaden, 1951, S. 57, 100; 2) Introduction to Mongolian Comparative Studies. — MSFOu 110, 1955, 185 и сл.

и т. п. Татарские формы *qumsu*, *qumsuman* (должно быть *qömsö*, *qömsö-mán*), отсутствующие у Радлова, приводит Х. К. Кадри (*Türk Lûgati*, III. İstanbul, 1943, 887) со значением 'похожий на песок', хотя неясно, по цвету или по другому качеству, поскольку нет подтверждающих примеров; образованы они от *qum-sy-γ*, *qum-syman* 'как песок'. Разнообразие песка по цвету зависит от геологического слоя, из которого он происходит; этим объясняется широкий диапазон значений — от бежевого до русого. Монгольское слово для песка — **qum*. В монгольском литературном языке обнаруживается только диминутив *xumaq*; калмыцкий язык содержит обе формы — *xum* (<**qum*) и *xum'g* (Рамстедт 196). Значение 'бледность, светлость (волос)', однако, не выражается производными от *qum*, но только словом *quwa* — письм.-монг. *xuwa* (Ковалевский II, 974), калм. *xö* 'бледно-желтый, серовато-желтый' (Рамстедт 194).

Таким образом, для племенного имени куманов лучше принять этимологию от *quba/quwa*, как предложено выше, поскольку она хорошо поддержана армянским, славянским и германским переводом имени. Вполне возможно, что как *qum*, так и *quba/quwa* происходят от одного алтайского корня **qu-*: **qu-m*, **qu-ba/-wa*, чем может объясняться тот факт, что ряд значений некоторых производных от *qum* перекрывается значениями производных от *quba*, *quwa*.

Этимология племенных названий *Quman* и *Qün* уже рассматривалась Ю. Неметом.³⁴ В принципе мы согласны с ним по вопросу о производстве имени *Quman* от *quba*; для последнего, однако, Немет предполагает производство от формы **qub* (?), но мы расходимся во взглядах на значение формы *quba*. По мнению Немета, *quba* скорее обозначает цвет кожи, нежели волос, что трудно допустить, так как ни у одного из племен, шедших на запад из Центральной и Восточной Азии, кожа не имела каких-либо заметных особенностей. Не вполне ясны также природа (собираательный?) и форма (-*an/-än*, -*n*?) суффикса. Из примеров, приведенных Неметом (с. 109), пять имеют суфф.-*n* (*toz-yn/-un*, *qurt-un*, *qoj-un*, *boj-un*, *käl-in*, я не считаю чув. *käžən*), два — этимологически неясны (*alan*, *qulan*), в случае *kökän* имеется отглагольный -*n* (<*kök-ä*+*n*), наконец, в восьми оставшихся случаях употреблен суфф. -*an/-än*. Имена с этим суффиксом, по объяснению В. Банга, приведенному Неметом, большей частью являются диминутивами, а некоторые из них, как показал К. Грёнбек, служат обозначению собирательности и/или множественности.³⁵

³⁴ N é m e t h J. Die Volksnamen quman und qün. — KCSA 3, 1940, 95—109.

³⁵ Ср.: F r a n k l e E. Word Formation in the Turkic Languages. Diss., Columbia, 1948, p. 80 и сл., где суфф. -*an/-än* и -*un/-ün*, -*n* следовало бы рассматривать отдельно; последние не получили рассмотрения вообще. Есть еще два имени на -*n*: *oj-n*, *oj-un* 'игра' и *od-un*, *ot-un* 'дрова'. Последнее нужно производить от *öt* 'огонь', а не от 'дерево' (так! Неверно, вм. 'трава').

Что касается формы Qūp, то здесь не ясно, мог ли куманский язык или какой-нибудь другой из алтайских языков — в это раннее время и в этом частном производном — уже иметь стяженную форму (*quba-n > *qūn?) и одновременно нестяженную форму Qūtap.

* * *

Восточные заимствования, встречающиеся в «Слове», рассматриваются в алфавитном порядке.

Почти невозможно извлечь из материала, насколько он нам известен, законы или общие правила, в согласии с которыми осваиваются слова, когда они попадают к славянам. Что касается вокализма, то тюрк. а в первом слоге обычно усваивается в виде гласного о, если в следующем слоге также находится звук а, — на это явление обратил внимание Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 290). Этой особенности соответствует тот, например, факт, что в современном узбекском языке а в первом слоге, если он сопровождается слогом с а, всегда выступает как ä.³⁶ В большинстве тюркских языков а имеет тенденцию к превращению в ä в любой позиции. В венгерском каждое краткое а есть ä, только при долготе а не получает лабиализации. Фонемы ö и ü, чуждые общеславянской, равно и русской фонетической системе, передавались буквами О, Ю и Ю соответственно, т. е. палатальное качество тюркских гласных фонем перемещалось на предыдущую согласную фонему, за исключением начальной позиции, где они просто замещались через О и У. Тожественные или сходные изменения отмечены в тюркских языках, усвоивших фонологическую систему соседних славянских языков, как например в гагаузском в Молдавии и в караимских наречиях бывшей Галиции. В последних ö и ü сохранились только в начальной позиции, тогда как в середине слова они заменились на о и у с палатализацией предшествующего согласного. Не существует пока достаточного материала, чтобы решить, в каких случаях тюрк. ä или е заменялись в древнерусском на е или ѣ.

В области согласных глубокие заднеязычные передавались славянскими к, г, х, где в таких случаях к и г представляли ч и ѣ. Последний звук был неизвестен ни древнерусскому — по крайней мере на юге древних восточнославянских диалектов, ни старославянскому языку.³⁷ Алтайское ɲ теряло свою велярность при замене на слав. н, так же как соответствующий уральский и германский звуки. Тюркский зубной спирант s, веляризованный в словах с велярными звуками, передавался в некоторых случаях

³⁶ См.: Menges K. H. Drei özbekische Texte. — Der Islam, 21, 1933, S. 152, 172 и сл., 186 и сл.

³⁷ См.: Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. СПб., 1915, § 69, 71, 308—310; ср. также: Trubetzkoy N. S. Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen. — В кн.: Сборник в чест на Л. Милетич. София, 1933, с. 269—272.

слав. *ш* (ср., например, *Шарокань*, если данная этимология верна), как если бы тюрк. *š* воспринимался в Древней Руси ближе к *ш*, чем к *с*. Поскольку, однако, замещение русским *ш* общетюрк. *š* нерегулярно, а скорее носит спорадический характер, этимоны, содержащие *ш* < *š*-, нужно признать тюркизмами, заимствованными через волжскобулгарское посредство, или волжскобулгарскими (проточувашскими) заимствованиями в русском. Появление *š*- на месте общеалтайск. *š*-/s- (видимо, древняя гуннская особенность) наблюдается в чувашском языке во многих случаях, однако не является регулярной передачей алтайского *š*-/s- (ср. ниже при слове *Шарокань*). Особый, до сих пор не объясненный случай представляет собою слово *тюфяк*, белор. *тухвяк* < тюрк., Капшг., казах., тоб. *tüşäk*, в других языках *töšäk*, тур. *döşäk*, *düşäk*,³⁸ этот случай может быть понят через предположение, что *š*, по крайней мере в палатальном положении, обладало сильно развитой дорсальностью в тех сев.-зап. языках, из которых слово было заимствовано в русский, т. е. *š* очень близко к *ħ*, откуда через гиперурбанизацию возникло *f'*, как правильно полагает Л. Ванстрат.³⁹ Труднее объяснить *х* в белор. *бахмаки* (русс. *башмаки* < тюрк. *bašmaq*). Это слово могло контаминироваться с русским названием обуви *бáхоры* 'лапти' и *бахíла*, *бахíлки* (Даль, Фасмер, Дёрфер, 293 и сл., где попытка выведения из тюркского не убедительна).⁴⁰

В некоторых случаях алтайские слова с конечным согласным могли приобретать в древнерусском окончание *-а* и таким образом становиться существительными ж. р. с основами на *-а*, как например *яруга*, *бумага*, *лачуга*, *епанча*, *ватага*, *коврига*, *кърчага* и др.

БОСЫИ⁴¹ (босымъ, тв. п., ед. ч., м. р.; прил.). В выражении *босыи вълкъ* может быть понято как народная русская адаптация тюрк. *boz* 'серовато-коричневый (как степи)'; согласно Радлову, встречается во всех языках, начиная от орх., сиб. рос. Распространено как эпитет животных, например, в сочетаниях *boz böğü*, *boz*

³⁸ Ср. неверное толкование у Ванстрат (указ. соч., с. 76). Слово отсутствует у Срезневского; Фасмер не объясняет фонетическое изменение.

³⁹ По поводу дорсального качества *š* в сев.-зап. тюркских и вообще в тюркских языках см.: PhTFl, 447; Qaraqalpaq Phonology, 20.

⁴⁰ См. также: Pawlowsky I. J. Russisch-deutsches Wörterbuch. Riga, 1875; В а х р с И. С. Наименования обуви в русском языке, I. Древнейшие наименования допетровской эпохи. Хельсинки, 1959, с. 63—64.

⁴¹ В работе за основу принят текст, опубликованный в издании: La Geste du Prince Igor', épopée russe du douzième siècle. New York, 1948 (= Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, VIII) (в дальнейшем — Geste). Ср. рец. К. Г. Менгеса (JAOS 18, 1949, 43—45). На этом тексте основан словарь Чижевской (ср. также текст «Слова» в изд.: Словарь, вып. 1). При указании вариантов: П — текст 1-го изд. «Слова» (1800); Е — Екатерининская копия; М — выписки А. Малиновского.

qurt (табу) 'серый волк', как убедительно показал В. А. Гордлевский в упомянутой статье (ИЮЛЯ 6). Ср. еще при слове *бусовъ*, где поясняется также русск. с на месте тюрк. з. Народная этимология, связавшая с выражением *босой волк* представление о волшебном «белоногом волке», изучена Р. Якобсоном (Geste 261, 381). Дополнительные материалы приводят Фасмер, Чижевская, Словарь (нет ссылки на нашу работу).

БОЯНЪ (Бояне, зват. п.; Бсяню, прил., дат. п., ед. ч., м. р.). Срезневский дает по материалам «Слова» и «Задонщины»; ср. Geste 339 и сл., Фасмер, Чижевская, Словарь. *Боян* как личное имя известен русскому, польскому, чешскому и южнославянскому языкам в средние века.⁴² Ранее в форме *Боян* и *Баян* это имя встречалось среди аваров (один из их ханов носил его в VII в.), а также среди болгар в VIII в. Лиутпранд (X в.) слышал от византийцев, что Баянус,⁴³ сын болгарского царя (хана) Симеона (ум. 927), «изучил магию так хорошо, что мог по своей воле обратиться в волка или другого животного». Очевидно, здесь сказывается старая шаманистская традиция Центральной Азии: названный Баянус обрисован как истинный qubulʻan (или монг. xubilʻan) — по представлениям шаманистов тюрков, гуннов, монголов из Монголии и Южной Сибири, это человек, способный обращаться в животных.⁴⁴

Весьма вероятно, однако, что апеллатив *боянъ* использовался как личное имя. Это не славянское личное имя типа *Стоян*, *Ждан*, но алтайский термин, обозначающий исполнителя древних племенных саг, рапсода, каковые существуют до сих пор у южных и восточных славян в виде гуслиаров или сказителей и среди кочевых и полукочевых алтаеязычных племен Центральной Азии.

⁴² Ср.: Geste 339 и сл., а также: Соловьев А. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — Исторические записки, № 25, 1948, с. 87.

⁴³ Об отношении этого легендарного имени к историческому христианскому имени князя см.: Jakobson R., Szeftel M. The Vseslav Epos. — Memoires of the American Folklore Society, v. 42. 1947, p. 67. О древней связи Бояна с шаманством см.: Мороз Е. Л. Следы шаманских представлений в эпической традиции Древней Руси. — В кн.: Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977, с. 64—72.

⁴⁴ Этот термин по происхождению монгольский. Там он представляет собою помен actionis от xubil- 'менять, быть превращенным, принять иную форму; быть перевоплощенным; стать зараженным, испортиться' (Лессинг 977), тогда как в тюркских языках он также используется как помен astoris; и тут, и там существуют многочисленные производные (см.: Радлов II, 1038 и сл.; Пекарский 1187 и сл.; Лессинг). Как заимствование, хотя редкое, известно тунгусским языкам, ср.: маньч. qūbuli- 'менять, меняться'; эвенк. kuvil'ga- 'превращаться (о шамане)' (Широкогоров), возможно, также имурченское kuvilə- (Титов: 'убегать, уклоняться?'). Слово было заимствовано также через якутское посредство: илимпийское kēvilgēt 'оборотень' (Василевич). Геродот упоминает, что это качество было столь обычно у неврах, что всякий из них обращался в волка на несколько дней ежегодно (кн. IV, 105).

Первый среднеазиатский бард, которого я встретил в Южном Узбекистане в Кашкадарьинской долине, принадлежал к племени катаган, его звали Халбай, и он носил титул баян;⁴⁵ этим титулом называют рапсодов тамошних племен, во всяком случае тех, кто говорит по-узбекски. Если это слово является прототипом древнерусскому *баянь*, то в первом слоге на месте тюркского *a* (=â) в нем обнаруживается *o*, тогда как *a* второго слога, только слегка лабиализованное в современных тюркских языках, передается в древнерусском также через *a*. Слово отсутствует в словарях тюркских языков. Возможно, оно произведено от *baĵ* < *baĵ* 'богатый, могущественный', имеющегося во всех тюркских языках, причем в казах. и тат. с дополнительным значением 'хозяин, владетель', а в казах. также 'вождь, герой' (Радлов). В туркм. и як. слово обладает долготой *baĵ*; следовательно, можно предполагать долготу в прототюрк. **bāĵ*. Мне уже приходилось показывать, что односложные тюркские основы с долготой соответствуют двусложным монгольским основам;⁴⁶ таким образом, естественно монг. *baĵa-n* (Ковалевский). В монгольском, однако, не обнаружено данных об использовании слова для обозначения сказителя. В ордосском диалекте монгольского языка Баян может служить также собственным именем: «богач; имя собственное лица».⁴⁷

Чем больше оснований говорить о связи тюрк. *baĵan* и др.-русск. *баянь*, тем меньше нужды предполагать монгольский источник заимствования, хотя можно думать, что слово было принесено на запад аvaraми, у которых, безусловно, служило собственным именем. Это может относиться к тем из аварских племен, которые были прямыми потомками или близкими родственниками жуань-жуаней и говорили по-монгольски.⁴⁸ Но аварское имя *Baĵan*, известное только в этой форме, может с успехом быть тюркского происхождения, будучи производным от *baĵ*, как уже говорилось выше. В форме *βαεάνος*, *βοάνος* оно отмечено у Константина Багрянородного (*De administrando imperio*, гл. 31, 30), где служит титулом лица вроде губернатора провинции. Дюканж уже связал это слово с *banus*: «*Dignitas apud Servios, Hungaros etc., de quo copiose egimus*».⁴⁹ На южнославянской почве слово претерпело стяжение — *банъ* (Миклошич приводит по летописи Переяславля Суздальского и из Влахо-болгарских документов), серб. *bân* (Бернекер 42) и в этой форме попало в венг. *bán*, рум. *ban*, тур. *ban* (Радлов). Алтайское слово легко подверглось славянизации, так как из-за своего значения 'бард, сказитель' и, следовательно, 'мудрец' оно оказалось связано в результате народной этимоло-

⁴⁵ Ср.: Menges K. H. *Drei özbekische Texte*, S. 180.

⁴⁶ Ср.: Menges K. H. *Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen*. — *Archiv Orientalní*, 11, 1939, S. 16.

⁴⁷ См.: Mostaert A. *Textes Oraux Ordos*. Peip'ing, 1937, p. 619.

⁴⁸ См. ниже при словах *телъга* и *хорюгъвъ*.

⁴⁹ D u c a n g e C. *Glossarium mediae et infimae graecitatis*. Lugduni, 1888.

тии со славянской основой *ба-* в *ба-ја-ти* «μυθεύουσαι, fabulari» (Микл. Л.) и выступило в формах *баянъ* (Палея 1494 г., Срезневский); *баянникъ* (Георгий Амартол, сп. XIV в., «ἐπιδοὺς, incantator» Микл. Л.). Это было тем более легко, что *bajan* 'могущественный' должно было также служить обозначением человека, имеющего власть над духами, как упомянутый выше сын царя Симеона.⁵⁰ Новый «Български етимологичен речник» (София, 1962) оценивает славянскую народную этимологию от *богати са* как «вероятную», указывая вместе с тем, что некоторые отстаивают тюркскую этимологию. Ср. мои возражения в рецензии на первые два выпуска словаря (Zeitschrift für Balkanologie, VII, 1970).

Имя одного из легендарных предков монголов *Dubun-Bajan* или *Dubun-Bujan*, приведенное Мелиоранским (ИОРЯС 7, 2, 1902, 282—283), содержит то же монг. слово *bajan*. Последнее, как указывает Мелиоранский, заменяется в некоторых текстах словом *Märgän* 'меткий стрелок; мудрый, умелый человек', откуда только видно, что оно означает высокую степень качеств человека. Форма *Bujan*, вероятно, позднейшая «подправка» после проникновения буддизма. В монгольский *Bujan* пришло из уйгурского, куда попало из санскр. *puṇja* 'достоинство, достойные дела, заслуги'.

Bajat, приведенное у Кашг. из диалекта аргу со значением 'бог', находит поддержку своему значению в чагатайском и др.-уйгурском (Радлов IV, 1139, 1468) и может рассматриваться как производное от *bāj*: *bāj-a-t* с именным суффиксом *-t*, аналогично *baj-a-n* с именным суффиксом *-n*. Ср. глагольные производные др.-уйг., Кашг. *baj-u-*, уйг., тат., казах. *baj-u-* 'становиться богатым' (Радлов). Ср. также семантическую аналогию в индо-ир. *b'aga-* 'то же' > 'бог'. Но тур. и азерб. *bajat* 'древний, ветхий, несвежий' (Redh. 337) — если это не заимствование из араб. *bā'it* 'оставленный на ночь, несвежий' — скорее должно быть связано с основой **baj* 'раньше, прежде', например, в тур., крым., казах., тат. *baју-* 'пройти, сесть (о солнце)' (Радлов), обнаруживаемой также в производных тат., вост.-тюрк. *baја*, як. *mā* 'недавно' (Радлов); казах., тат., вост.-тюрк., хив. *baјаqu* < *baj-a-qu* 'предшествующий, бывший, вышеупомянутый' (Радлов), туркм. *baјаq*, *baјаqu* 'то же'; казах. *baјапа* и *bāпа* 'то же' (Радлов) вторичного образования; узб. *bajan* 'повествование'; 'доклад, изложение' (Радлов) — из араб. *baјān* 'изложение'. Тунгусским соответствием тюрк. *bāj*, монг. *bajan* является чжур. *bojan* (Грубе 19, 97; на с. 97

⁵⁰ Трудно решить, имеет ли это слово родственные отношения с тур. *baу-/baj-* 'заклинать, заколдовывать; очаровывать' (Redh. 331, 338), у Радлова *baју-*; производные: *baуи* (Redh. 331), *baуу* (Радлов) и *baју* (в *baјузу* 'колдун', Redh. 338), 'колдовство', поскольку оно подкрепляется только в тур. и одним примером в чагатайских текстах из Хивы у Вамбери (*baј*, Радлов IV, 1421; последнее следует читать *baју* < *baj-uу*) и поскольку оно представляет собою производное от *ba-* 'связывать' (Кашг.), но не отмечено туркменскими словарями.

он добавляет: «возможно, следует читать baj-jaп», т. е. bajan, поскольку кит. знак может быть прочтен и 𐰇𐰣 и 𐰇𐰢; ср. Карлгрен. Grammata, 782a-e), маньч. bajan (Захаров 466, Габеленц 18) 'богатый'; нан., ульч., эвенк. bajan, орок., ороц., негид. baja 'богатый, богатство'; эвен. baj 'чистый, прозрачный'. Кроме того, имеется эвенк. подкаменно-тунг., илимп., токминский baj 'богатый, богатство', представляющее собою заимствование из як. bāj, как это полагает Василевич.

Дух — покровитель лесов — называется у якутов bajanaј.⁵¹ Пекарский дает также bajānaј, bajуanaј, сравнивая с тел., туба, леб. Рајана (Радлов IV, 1139: 'добрый дух, одно из высших божеств') и выводя этимологию слова, вероятно вслед за Радловым, от baj (следовало бы bāj) + ānā 'богатая мать', хотя в этом случае как будто бы нет указаний на исконную связь с материнским божеством, как в случае с Рајана. Это больше похоже на народную этимологию. Другая якутская форма с долготой или расщепленным гласным во втором слоге, вероятно, указывает на заимствование в якутском, восходящее к форме *baj-a-γan от глагольного деривата bāj-a, как рассмотрено выше в форме bajat 'бог' и др., с прибавлением двойного вокативного суффикса -a-j (позже он потерял свое чисто вокативное назначение).

БОЯРИНЪ (встарь, им. п., мн. ч.). Ср. Срезневский, Бернекер, Фасмер, Дмитриев 556, БЕР, Чижевская, Словарь. Форма известна др.-русск. текстам, тогда как цел. знает только *болмаринъ* (Срезневский, *бояринъ* не отмечено у Микл. Л.). Как все древние титулы, слово выдвигает серьезные трудности при установлении его этимологии. Я не думаю, что прав Корш,⁵² находя прототип в тюрк. bajar 'наиматель, хозяин, собственник, сановник, дворянин, русский чиновник' (Радлов: азерб., туркм., тат., башк., коканд.-узб.). Судя по значению 'барщина' в азерб. и 'высший сановник, богатый и влиятельный человек' в коканд., это слово, очевидно, происходит из bāj + ār 'богатый, могущественный человек' и должно быть недавнего образования, тогда как в тат., башк. и туркм. слово, видимо, заимствовано — или обратно заимствовано — из русск. *боярин*, как уже предложили Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 283; 10, 2, 82), Каннисто (FUF 17, 144 и сл.), Малов (ОЛЯ 5, 137 и сл.). Тюрк. bajar может быть производным от bāj как помен aoristi от глагола bāj-a-, тогда bajar будет значить только 'являющийся богатым, могущественным', но не 'барщина'. Бернекер сравнивает с тюрк. bajar монг. глагольную основу baja-r- 'быть богатым, могущественным' (Ковалевский 1086), существование которой подвержено сомнению (ср.: Pelliot P. Oeuvres posthumes, v. 2. Paris, 1950, p. 186 и сл.), и, видимо,

⁵¹ См.: Зеленин Д. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. I. Л., 1929, с. 62.

⁵² См.: ИОРЯС 8, 4, 1903, 32—33; AfslPh 9, 492.

поэтому слово не включено в словарь Лессинга, поскольку в монгольском имеется лишь одна хорошо засвидетельствованная именная форма на -г: *baja-g* 'радость'. Следовательно, тюрк. *bajar* 'барщина' не может рассматриваться как заимствование из монгольского. Возможно, однако, что азерб. *bajar* у Радлова является простым эллипсом, так что следовало бы читать, например, *bajar işi*, *bajar ämâgi* 'барщина', т. е. 'работа на богатого' и т. п. Это можно предположить и для кокандского.

Слав. *бояринъ* и *боляринъ* — полные синонимы. Вероятно, что первична форма с -л- и, как думает Брюкнер (KZ 43, 224; 48, 175), она должна быть поставлена в связь с *βοιλάς*, *βοηλάς*, мн. ч. *βοιλάδες* с основой на дентальную (часто у Феофана); позже, возможно, на византийской почве, возникает форма с метатезой *βοιλάδες* (например, у Константина Багрянородного), хотя метатеза плавного подобного рода ⁵³ иногда возникает и на алтайской почве. Форма, засвидетельствованная в греческом языке византийского периода, вполне очевидно отражает древнетюркский титул *bojla*, ⁵⁴ известный уже по орхонским надписям (Радлов IV, 1643), хотя о его содержании определенных данных нет. Труднее объяснить суфф. -ар- в славянском. Маркварт полагает, ⁵⁵ что ед. ч. *боляринъ* с «*suffixe singulatif*», по выражению Мейе, ⁵⁶ представляет собою вторичное образование от мн. ч. *боляре*, включенного в парадигму основ на согласный *nomina actoris* на -ар-. Но в этом случае нет особых оснований допускать образование слав. *nomen actoris*. Видимо, это почувствовал и Маркварт, почему дал другое объяснение формы *боляр-* из тюрк. суффикса множественного числа -lar : *bojla-lar*, что могло подвергнуться упрощению до **bojlar*. Позже в качестве источника, однако менее вероятного, он предложил тюрк. **bojla äri* (Маркварт. *Komanen*, 26). Другую возможность можно видеть в образовании на (гласный +)-г/-z, которое соответствует архаичному суффиксу числа -z в тюркских *nomina dualitatis* (ср.: *Me n g e s* К. Н. *The Turkic Languages and Peoples*. Wiesbaden, 1968, p. 112). Это -z могло быть представлено в протобулгарском как -г, и, следовательно, слово могло быть заимствовано славянами в своей протобулгарской форме.

Решение этой проблемы, кажется, будет найдено, если предположить, что алтайский суффикс, состоящий после основ на согласную из -а/-ä+-г, есть древний или особый *suffixum numeri*, или *suffixum collectivum*. Он будет тождествен со второй частью суфф. мн. ч. -lar/-lär, позже ставшего общим у всех тюрков, с суфф. -г племенных названий, особенно в племенных именах на -gi-г

⁵³ Рассуждение о таких формах см. у Корша (ИОРЯС 8, 4, 35).

⁵⁴ В. Томсен и Г. Рамстедт читают *bujla*. См.: *Thomson V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées*, p. 131; *Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei*. — JSFOu 30, 3, 1913, 5.

⁵⁵ Маркварт. *Chronologie*, 41.

⁵⁶ Очевидно, что суффикс происходит от числит. *иъ* < *oin-oz, ср. лат. *unus* 'один'.

у монголов и тунгусов, возможно, также с суфф. -z тюркских племенных названий и с одним из эвенк. суффиксов мн. ч., именно -г. Как это ясно видно из истории тюркских языков, множественное число представляет собою категорию относительно позднего образования,⁵⁷ но определенно общеалтайского происхождения, так что различные суффиксы множественного числа, которыми так богаты монгольские и тунгусские языки, должны были первоначально обозначать собирательность вроде арабского «ломаного» множественного числа; будучи структурно различной природы, эти суффиксы к концу дописменного периода приобрели функцию числового суффикса. Этот суфф. -г находится не только в названиях современных монгольских и тунгусских племен, но, как уже говорилось, и в исторических названиях многочисленных «последунских» племен, упоминаемых византийскими историками (имена, оканчивающиеся на -γοροι, ср. с. 40), и в племенных названиях протобулгарских надписей, ср.: ΤΖΑΚΑΡΑΡΕΙΣ, ΚΟΥΒΙΑΡΗΣ, ΚΥΡΙΓΗΡ.⁵⁸

Таким образом, слав. *боляринъ* образовано с помощью суффикса единичности -инъ от собирательного тюрк. *bojla*-г. Здесь не место разбирать, связаны ли по происхождению между собой собирательный суффикс -г, тюрк. -z и окаменелое тюрк. -z в *nomina dualitatis*. Это не вероятно.⁵⁹ Эти разные формы могут быть объяснены контаминации заимствований и, конечно, обратных заимствований, в том числе в различные периоды; более того, они могли быть подвержены случайным изменениям на базе народной этимологии. Таким образом, даже две или больше формы могут существовать совместно. Орх. *bojla* не имеет алтайской этимологии. Восточные следы этого титула прослежены мною в статье «*Problemmata etymologica*» (*Studia Sino-Altaica*. E. Haenisch-Festschrift, 1961, 130—140). Последняя по времени этимологическая заметка о данном слове содержится в БЕР. Но так как этот словарь в отношении восточных элементов болгарского языка дает много ошибок-

⁵⁷ Но не такого позднего, как полагает К. Грөнбек, относя его образование только к послеорхонскому времени. См.: G r ö n b e c k К. *Der türkische Sprachbau*, I. Kopenhagen, 1936 (глава о мн. числе).

⁵⁸ См. в моей статье об алтайских элементах протобулгарских надписей (*Byzantion* 21, 1951, 85—118, ср. также 101 и сл.).

⁵⁹ Это не значит, что любой суфф. -г в племенном названии может быть объяснен как суффикс числа. Существует ряд племенных имен на -г, где суффикс может быть донят как древнее слияние с āg 'человек' (< *āg, монг. āgā 'то же'), как уже предложил Маркварт в случае с 'Αχάτζιροι (Komanen, s. v.), а позже разработал М. Ряснен (JSFOu 50, 3 и сл.; замечу, что во многих случаях я не могу согласиться с Рясненем), или же как *nomen aoristi*, что показал П. Пельо для большинства имен, рассмотренных им (см.: P e l l i o t P. *Oeuvres posthumes*, v. 2, 175—233). Его работа была опубликована, когда 1-е изд. настоящей работы было закончено в рукописи (Пельо рассматривает тюрк. *bajar*, но не хочет производить от него *боляринъ*). Неясно также, почему он называет тюрк. аорист «présent duratif», к этому вопросу мы еще вернемся).

ных или просто негодных толкований, то и эта заметка, кроме не-
точного выведения значения слова как 'феодалный господин',
не дает ничего нового, очевидно, основывая свою этимологию
«от ВОІАА, ВОИЛА, ВОІАНА, во мн. ч. -(А)АР(Е)» на сведен-
иях Маркварта, без цитаты из него, но со ссылкой на Вл. Георгиева.

БУСОБЪ (бусово, им.-вин. п., ед. ч., ср. р.; бусси, им. п.,
мн. ч., м. р., в первом изд. и Екатерин. копии бусуви; прил.).
Ср. Преображенский, Бернекер, Фасмер, Чижевская. Современ-
ное русск. *бусый* есть, согласно Далю, диалектное слово со значе-
нием 'темно-голубо-серый, избура-серый, буро-дымчатый, буро-
пепельный, темно-бурый с синевой, сизо-бурый'. И Мелиоранский,
и Корш отказались признать слово производным от тюркского:
орх., юго-зап. и центральноазиатские языки, казах., Кашг. *boz*
'серый, пепельного цвета' (Радлов IV, 1681-2), тат. *buz* 'серый,
беловатый' (Радлов IV, 1866), алтайск., тел. *ros* 'то же' (Рад-
лов IV, 1287) [слово, кажется, отсутствует в якутском, если оно
не сохранилось в *buostuk* 'трава, похожая на осоку (*ükär*)' (Пекар-
ский), оно не значит 'сиро-стальной', 'сиро-голубой', как полагает
Бернекер] — так как объяснение первого и второго гласного
основы, а также конечного согласного связано с трудностями.
Из-за семантического сходства двух слов, распространенных
в той же самой или в соседних областях, нельзя отрицать возмож-
ной связи между ними. Хорошо известное чередование о~у
проходит через все алтайские языки и не есть только современное
явление. Первоначальное тюрк. о в первом слоге стало у во мно-
гих языках северо-запада и запада Сибири, в языках волго-ураль-
ской группы это даже сделалось правилом. Герм. о может также
выступать как у в др.-русском. Однако не видно никаких причин,
почему конечное тюрк. -z (конечное -s отсутствует в исконно
тюркских словах), которое в ряде тюркских языков может или же
должно — например, в языках Сибири — оглушаться в абсолют-
ной конечной позиции, почему оно могло остаться оглушенным
против всех законов тюркской фонетики в интервокальной пози-
ции или хотя бы перед гласным. Можно только предположить,
что *boz/buz*, преимущественно выступая в функции приименного
имени, т. е. прилагательного, в позиции перед именем с началь-
ным согласным было воспринято в форме *bos/bus*. Слово распро-
странено в тюркских языках как эпитет при названиях живот-
ных, ср. казах. *boz qarǵa* (произносится *bos qarǵa*) 'ворон'
(ср. *бусови врани* в «Слове»), *boz torǵaj* (= *bos torǵaj*) 'жаворонок',
boz qurt, *boz qasqur* (= *bos qurt*, *bos qasqur*) 'серый волк', устой-
чивый эпитет табуированного волка, евразийского животного-
тотема. Точно так же и в «Слове» оно служит эпитетом волка.
На основании фонологических данных мы должны предположить,
что тюрк. *boz/buz* вошло в русский язык в составе устойчивых
выражений вроде *bos qarǵa*, *bos qurt* и затем было выделено

из них, но не заимствовано как отдельное слово: для этого не было необходимости, поскольку славянские языки достаточно богаты средствами цветообозначения.⁶⁰

БЪЛВАНЪ. Русск. *болван* 'деревянный чурбан, столб; изображение идола, языческий жертвенник'. Ср. Срезневский, Преображенский, Бернекер, Фасмер, БЕР, Чижевская, Словарь, а также Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 274 и сл.; 10, 2, 68 и сл.), Корш (ИОРЯС 8, 4, 2 и сл.; 11, 1, 266 и сл.), Дмитриев 530. Единственный возможный источник — это нов.-перс. *pahlavān*, *pahlivān* 'промахос, герой, борец, атлет'; первоначально *pahlav* 'передний, передовой' < др.-перс. *Paṛθava-* 'Парфия'.⁶¹ Этот этимон рано проник в тюркский, где засвидетельствован в форме *balbal* орхонских надписей (Радлов IV, 1507). Начальное *p-* заменилось в древнетюркском на *b-*, средний слог исчез под действием закона Банга (*Mittelsilbenschwundgesetz*), а начальное *v* второго слога точно так же заменилось на *b* в древнетюркском, поскольку оно не обычно ни для древних, ни для современных тюркских языков. Конечные звуки обоих слогов подверглись дистактной ассимиляции > *bal-bal*. Подобная ассимиляция конечных слоговых звуков отмечена также в кирг. *balbal*, которое Мелиоранский привел со значением 'небольшой участок земли, окруженный низкой (глиняной) стеной'; это также заимствование из перс. *pulvān* 'то же'.⁶² В орхонских надписях *balbal* обозначает грубо высеченный камень, воздвигнутый в память мертвого, обычно убитого врага.⁶³

⁶⁰ Это находится в резком противоречии с большим числом заимствований из тюркских языков для обозначения мастей домашних животных, особенно лошадей, как например *карий*, *алый*, *чубарый*, *чалый*, *каурый* и т. д. Ср. также: *L a u d e - C i r t a u t a s* I. Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in den Türk-Dialekten. — Ural-Altaische Bibliothek, 10. Wiesbaden, 1961. Ср. также мою рецензию (Anthropos 60, 1965, 825—832).

⁶¹ См.: Horn P. Die neupersische Schriftsprache. — In: Grundriss der iranischen Philologie, Bd I, 2. Abt. Strassburg, 1895, S. 57, 94; Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, S. 869.

⁶² См.: ИОРЯС 10, 1905, 2, 79 (здесь дается ссылка на другую его статью в «Записках Восточного отделения имп. Археологического о-ва», 1904, 12, 4). Эти глиняные стены служат не только границами между владениями или наделами, но также границами (ограждениями) для ирригационных вод, поскольку в Центральной Азии, как и повсюду в засушливых поясах Азии, мы имеем дело почти исключительно с ирригационным земледелием. Когда вода стояла в полях, эти ограждения использовались для пешего передвижения; таким образом, становится понятно производство слова *pulvān* от *pul* 'мост'. И Мелиоранский, и Корш упустили из виду этот простой факт. Ср. сходное производство в русск. *мостовая* от *мост*.

⁶³ Ср.: Thomsen V. 1) Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. — (I E 16, 106; I E 25, 129; II S 7, 9); 2) Altürkische Inschriften aus der Mongolei. — ZDMG 78, 1924, 132, 138, 149; Кызласов Л. Р. О значении термина *бал-бал* древнетюркских надписей. — В кн.: Тюркологический сборник. М., 1966, с. 206 и сл.; Liu Ma-u-t's a i. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ü-Küä), Buch I—II. Wiesbaden, 1958 (Buch I, S. 56; Buch II, S. 500); Ляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. — В кн.: Тюркологический сборник. 1974. М., 1978, с. 251—255.

Таково было особое более узкое значение этого слова у тюркютов, но в других местах или в более поздние времена оно, как кажется, использовалось для обозначения памятников, очень сходных по стилю с теми грубо высеченными каменными статуями, какие находятся по всем необъятным равнинам Юго-Восточной Европы, Юго-Западной и Южной Сибири и зовутся у русских «каменными бабами». *Бъланъ* «Слова», сопровождаемый эпитетом *Тьмутороканьскыи*, персонифицирован и является, несомненно, каменной бабой, стоящей поблизости от древней Тьмуторокани, как полагали уже археолог П. И. Кеппен в 1837 г. и один из основателей русской нумизматики П. С. Савельев. Последний упоминает две каменные статуи на Таманском полуострове, которые были воздвигнуты в IV—III вв. до н. э. Комосарией, женой боспорского царя Перисада (349—344), в честь Санергу и Иштар. Эти две статуи находились здесь до конца XVIII в. (см.: Geste 107 и сл., 184). Несомненно, они играли важную роль в мифах и верованиях.

Непохоже, чтобы славянское слово было непосредственно заимствовано из языка, имевшего ту же форму, что и орхонское *balbal*. Ясно, что слово пришло из того тюркского языка, который сохранил форму, более близкую к персидскому оригиналу, как это видно по начальному и конечному звукам второго слога, но имел другое изменение звуков, чем язык орхонских надписей. Совершенно невероятно, как это предположил Корш, чтобы к славянам персидское слово пришло через посредство казахского языка, поскольку заимствование в тюркский и его вхождение в славянский предшествовали времени возникновения казахского (см. введение в *Qaraqalpaq Phonology*, p. 4 и сл.). С другой стороны, это слово обнаруживается во многих частях Центральной Азии в непосредственном соседстве с персидским языком в форме узб., вост.-тюрк. (=совр. уйг.), таранч. *palvan*, казах. *paluan* (Радлов) со значением 'атлет, борец, силач', в казах. также 'герой', в таранч. еще 'меткий стрелок'. Все это относительно недавние заимствования, как показывает начальное *p*-; более того, ни одно из них не обозначает громадную статую, изображение, памятник в виде человеческой фигуры, воздвигаемые на могилах. Таким образом, этимология Корша должна быть отвергнута в пользу этимологии Мелиоранского, в добавление к которой я бы хотел заметить, что тюркский язык, который должен был, видимо, иметь форму, более близкую к персидскому оригиналу, чем орхонская, мог быть одним из тюркских языков северо-западной группы, существовавших в то время на юге России, возможно, даже куманским. Несомненно, куманы были в более тесных контактах с иранским миром, чем их родственники в Северной Монголии. В согласии с Мелиоранским (ИОРЯС 8, 2, 281—282) Радлов склоняется к выведению *balbal* от кит. *бэй-вэнь* (в статье Мелиоранского очевидная опечатка: *бэй-мэнь*).

Мелиоранский оставляет такую возможность открытой. Однако изучение древних форм двух китайских слов показывает беспоч-

венность такого предположения: для *бэй* см. Карлгрен. *Grammata*, № 874d, *pei* (=бэй) 'столб' < *pjię* < **pjięg* (с. 356—357) и № 475a-g, *вэнь* < *miuən* < **miwən* 'нарисованная линия, узор, украшенная, выписанная буква, письмо' (с. 246). В словаре Радлова, однако, под *balbal* дается отсылка к работе Радлова «*Alttürkische Inschriften der Mongolei*» (с. 234—235), где после дискуссии с В. П. Васильевым автор предлагает этимологию от кит. *байбэй* со значением 'почитаемый камень (с надписью), которому поклоняются в знак почтения, благодарности и т. д.', причем *бай* имеет значение 'поклоняться с почтением, благодарностью' (в согласии с Карлгреном. *Grammata*, № 328, от *rwäj* < **rwäd*). Однако ни *pjię* и *miuən*, ни *rwäj* и *pjię* в том виде, в каком их можно ожидать в среднекитайском языке до начала периода Тан, не могли дать *balbal* в языке орхонских надписей или в родственных языках. Возражения Корша против китайской этимологии основаны на общих соображениях (ИОРЯС 8, 4, 28 и сл.). Г. Рамстедт склонен был видеть в *balbal* заимствование из монгольского, а в монгольском из кор. *pälp-ta* 'наступать, давить',⁶⁴ что исключается значением этимона.

Проф. Р. О. Якобсон обратил мое внимание на форму *балбан*, встречающуюся в Печорских былинах.⁶⁵ Несомненно, это заимствование какой-то архаической тюркской формы, близкой к орх. *bal-bal*. Форма *balbal* отмечена в диалекте г. Килиса (древнего *Kórrhos*) в современной Турции у границы с Сирией, значение ее 'крикун, забияка'. Глагольное производное от нее встречается в Южной Анатолии *balbal-la-* 'кричать, реветь (как верблюд)';⁶⁶ эта форма так же архаична, как и форма орхонских надписей.

Другой современный тюркский язык, в котором, видимо, сохранилась древняя форма *balbal*, — якутский. Ср. *balbāčy*, *balbātčy* 'алиповатый, неуклюжий, некрасивый, грубо обработанный, неотесанный' (Пекарский), что можно возводить к *balbal-suy* 'похожий на *balbal*'. Не исключено, что долгота в якутском все еще отражает долготу в перс. *rahlivān*. Из тюркских это слово попало в енисейские языки, ср.: кет. имб. *bal'baš* 'идол', ср. рядом *ēs kūš* (*ēs* 'бог', *kūš* 'идол, дух'), *kūš* и *kinš* 'дьявол, идол' (из русск. *князь*) и *bal'bäs* 'крест'.⁶⁷ Семантика этого этимона в енисейских языках указывает между прочим на значение 'идол' и 'статуя' в тех тюркских языках (или в том тюркском языке), откуда было произведено заимствование.

Ср. в тюркских языках слова: тур., крым. *balaban* (Радлов) 'большоголовый, большой, толстый; большой барабан' (в этом

⁶⁴ Ramstedt G. J. *Studies in Korean Etymology*. — MSFOu 95, 1949, p. 186.

⁶⁵ О н ч у к о в Н. Печорские былины. СПб., 1904, с. 103.

⁶⁶ Zübeyr H., Refet I. *Anadilden Derlemeler*, I. Ankara, 1932, s. 24 (далее *Anadilden Derlemeler* или AD); DS 2, 1965, 500.

⁶⁷ См.: Castrén M. A. *Versuch einer Jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre*. St.-Pb., 1858, S. 240.

значении заимствовано непосредственно из персидского, ср. Радлов IV, 1495), 'вид охотничьей птицы', тур. 'большой и неуклюжий, большой и сильный; живой; вид сокола', последнее уже известно по «Дивану» Юнуса Эмрэ (XIII—XIV вв., ср. TS 1943, 1, 71; 1945, 2, 100; 1963, 1, 387), в современных турецких диалектах Южной Анатолии 'охотничий сокол; паук; майский жук; большой, крепкий (о растущем ребенке), красивый юноша' (ср. Anadilden Derlemeler 24; DS 2, 1965, 496 и сл.); казах. balapan 'птенец, птичка', куман. balaban 'охотничий сокол' (Грөнбек). В этом значении заимствовано славянами, ср. русск. *балобан* *Falco lanarius*, а также 'дурак, болван' (Бернекер, Фасмер). Все названные тюркские формы не слишком легко этимологизируются, но они могут, как полагал Ф. Е. Корш, восходить к перс. *pahlivān*. П. Хорн также видит в перс. *pahlivān* источник тюрк. *balaban*.⁶⁸ Турецкие диалекты имеют также форму *balaman* 'жирный (человек)' (вил. Джейхан—Сейхан, Киликия, ср. DD 1, 157). Некоторые из этих образований, такие как тур. *balaman* и *bala-r-* 'расти, становиться сильным' (вил. Денизли, Алашехир—Маниса), 'становиться большим, жирным, крупным, увеличиваться; набухать' (вил. Эдремит—Балыкесир, Бурдур, Эскишехир, Кастамону, Чанкыры, Орду, Нигде, Ылгын—Конья), *bala-r-t-*, каузатив от предыдущего (вил. Ичель), могут быть производными и от *bala* (во всех языках Центральной Азии и Сибири) 'дитя, мальчик', которое в свою очередь может быть, как полагает Банг, древним заимствованием из индо-иранского, ср. санскр. *bāla-* 'мальчик, отрок'. Однако словообразовательные связи этих слов не вполне ясны. Так, в качестве производных от *bala* по турецким диалектам можно рассматривать слова *bala-ža* 'дитя, малыш', *balada* (< *ba-la-da*?) 'шестимесячный цыпленок, гусенок', *bala-q*, *bala-γ*, *bala-x* (уменьш.) 'детеныш индийского водяного буйвола, кошки, зайца, лисы и медведя; ухоженное, милое дитя; дитя' (о географическом распространении этих разных значений см.: DD 1, 157, DS 2, 1965, 496 и сл.; см. также под *bala* в Anadilden Derlemeler и Радлов). Другим производным от *bala* может быть тур. *palaz* 'наседка; птенец (утки, голубя, гуся, куропатки); толстый, жирный, большой; дифтерит' (Радлов; последнее значение представляет собою, вероятно, выражение табу или запрета); с глагольным производным *palaz-y-* 'расти (о птенцах)' (Anadilden Derlemeler 307; ср. также DD 3, 1129—1130). Предположение Мелиоранского, что тюрк. *balaban* первоначально значило 'имеющий большую голову', не подтверждается известным материалом.

В других славянских языках имеется форма *балван*, ср. чеш. *balvan* 'глыба камня, брус дерева', сербохорв. *бѣлван* 'бревно, брус'. Они показывают, что слово было заимствовано непосредственно из какого-то алтайского языка и что оно не пришло к сла-

⁶⁸ Horn P. Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893, S. 76.

вянам в праславянскую эпоху.¹ Лит. *balvõnas* близко к этим славянским формам, тогда как лтш. *buļvāns* могло быть заимствовано из др.-русс. или из того алтайского языка, из которого слово пришло на Русь. Русск. *балбес* 'дурак, тупица, увалень' и *балбешка* 'бестолковый, чурбан' выводятся Локочем, Бернекером и Фасмером от казах. *bilbäs* (nomen aoristi) 'незнающий, невежда', как эквивалента тур., тат. *bilmäz* — русск. *бельмес* из тат. *bilmäs*, но не из тур., вопреки Фасмеру, — но это изменение качества корневого слога может быть объяснено только как результат контаминации с русскими словами сходного значения, такими как *болван*, *балда*, *балобан*, *балбера*, *балбук*, *балама* (см. Даль); кроме того, заимствование казахского слова в общерусский язык очень необычно. Дмитриев 525 также возражает против прямого выведения от *bilbäs/bilmäz* и упоминает, что Корш полагал, что *балбес* обязано контаминации с *баловать*.

БЫЛИ (вылами, тв. п., мн. ч.). Здесь, так же как и в Супрасльском сб. 230, 1, 7; 233, 20, слово выступает с основой на *-ja, тогда как Срезневский, Микл. Л. относят его к основам на *-jo — *быль*, на основании большинства цитат. Значение слова у Микл. Л.: ἄρχων, princeps, μεγιστάνος, grandee. Бернекер и Фасмер принимают мнение Тихонравова, Мелиоранского, Корша, Маркварта и связывают слово с древним тюркским (орхонским) титулом *bojla* (Радлов), от которого также должны выводиться *боляринъ* и *бояринъ* (см. выше). В орхонских надписях в слове *bojla* или *buja* выписаны все знаки.⁶⁹ В языке, из которого византийские греки взяли свое *βοιλάς*, *βοηλάς* и т. д., было, несомненно, *bojla*. Это один из не объясненных до сих пор и, возможно, неалтайских титулов, которые встречаются в древних тюркских языках и точное значение которых неизвестно (ср. выше). Невозможно связать это слово с *bojlu* 'высокий' современных юго-западных тюркских языков, как это сделал Корш; его ошибку повторил Орлов (с. 121), Преображенский также приводит *βοιλάς* и тюрк. *bojla* 'высокий'. Из орх. форм только **boz-luγ/-luγ* могла бы соответствовать совре-

⁶⁹ В надписи на золотом сосуде из Надь-Сент-Миклоша встречается *BOYHAA ZQAIAN* (ср.: Thomsen V. Une inscription de la trouvaille d'or de Nagy-Szent-Miklós. — Det. Kgl. Danske Videnskaps Selskaps Hist.-Filol. Mededelser, I, 1, p. 15 ff.). Томсен полагает, что это «имя собственное», но оно также может быть упомянутым титулом, поскольку чередование *o ~ u* хорошо известно в урало-алтайских языках. Лицо, о котором идет речь, могло обладать двойным достоинством, т. е. достоинством *bojla* и достоинством *ZQAIAN* (жупана). Два и больше титула вместе встречаются в прото-българских надписях Абоы (Плиски), как например: *ZQAIAN TAPKANOC*, *BAΓATQP BAΓAIN*, *IZOYPTOY* (= *içürgü*) *KODOBPPOC BOΓOTOP BOHAA KOYAOYBPPOC* и т. п. Ср. статью В. Бешевлиева «Първобългарски надписи. Уводъ, текстъ и коментаръ» (Annuaire de l'Université de Sofia, I, Faculté Hist.-Philol., v. 31. 1934—1935, p. 1—148+XXV); Menges K. H. 1) Altaic Elements in the Proto-Bulgarian Inscriptions, p. 85 и сл.; 2) A Note on the Compound Titles in Proto-Bulgarian Inscriptions. — Byzantion 28, 1958, 441 и сл.

менному юго-зап.-тюрк. *bojlu*, ср. шор., саг., койб., кач. *роз* (Радлов), Кашг. *boð* 'талия, фигура, стан'. Вероятно, на западе эти тюркские титулы первоначально стали известны византийцам, так же как и славянам, через посредство волжских булгар. Судя по вокализму первого слога, слав. *быля* не должно было быть заимствовано непосредственно из тюрк. *bojla*, даже если мы допустим существование тюрк. формы с *u*. Примеров, где бы тюрк. *-uj-* выступало в слав. как *-ы-*, нет,⁷⁰ хотя наши материалы совершенно недостаточны. Фасмер допускает прямое заимствование в славянском из др.-тюрк. *bojla/bujla* на том основании, что византийское посредство в связи с наличием в слав. форме *б-* и *-ы-*, по его мнению, исключено. Поскольку византийцы не имели графического выражения для звука *b*, нужно ли предполагать, что они произносили *v* в таких заимствованных словах, как *βοῦλάδες*, *Βούλγαροι*, *Βοεάνος*, *Κάβαροι*, *Ἀβδελάς* (عبدالله), *Ἀβδεραχέιμ* (عبدالرحيم), *Ἀβελχαμίτ* (عبدالحميد), *Ἀβιμέλεχ* (ابوملك), *Ἀβουβάχαρ* (ابوبكر), *Ἀλογ-ορότουρ*, *Ζουβέρ* (زبير), *Βαγδάδ* (بغداد), *Βενεβενδός* (Beneventum), *Βάρις* (Bari), *Βέρτα* (Berta), *Βονιφάτιος*, *Βορίσης* (все у Константина Багрянородного) и во многих других? Не думаю, чтобы это было так. Проблематичным, однако, остается *-ы-*. На некоторых протобулгарских надписях, открытых около 30 лет назад, встречается титул *BOYΛE*,⁷¹ представляющий собою, очевидно, мягкий вариант к *bojla*, а в связи с невыясненным до сих пор характером произношения сочетания *ow*, возможно, отражающий формы вроде *bölä* или *böjlä*, *bülä* или *büjlä*. Это может быть, конечно, совершенно другой этимон, т. е. вовсе не тождественный с *bojla*. Поскольку в этом случае *-ла* является нормальным славянским соответствием алтайск. *-lä*, слав. *-ы-* может быть передачей для алтайск. *ö* (или *ü*), видоизмененного народной этимологией по связи с основой *бы-* в глаголе *быть*. Слово могло прийти в древнерусский язык если не через посредство какого-нибудь другого языка, то через греческий язык и, как полагает Орлов, через староболгарскую письменность. То же самое может относиться и к слову *бо(л)яринъ*.

ВЛАЪРЪ или **ОВАЪРЪ**, имя собственное половецкого воина. Ср. Чижевская, Словарь. Форма *Влуъръ* (<*Vьлуъгъ) может быть исконной, как показывает аллитерация *Вьлуъръ вьлкѣмъ*. В таком случае *Влуъръ* восходит к *Vьлуъгъ и далее к *Vьлуъгъ. Начальное краткое *й* передается др.-русс. *ъ* с протетическим *в-*. Таким образом, имя можно объяснять как *nomēn aoristi* от тюрк. *ulu-* 'выть (о собаке, волке и т. п.)' в куман., казах., алтайск., тел., кюэр., тув. (Радлов) рядом с вариантами тат., бараб., кыз. *ula-*

⁷⁰ См. материалы о вокализме, приводимые Коршем (ИОРЯС 8, 4, 37 и сл.).

⁷¹ См.: V e n e d i k o v I. Trois inscriptions proto-bulgares. — В кн.: Раскопки и проучвания, т. 4. София, 1950, с. 181; M e n g e s K. H. Problemata etymologica, p. 130 ff.

(Радлов) и саг., койб. ul- (Радлов). Ср. также монг. uli- (Ковалевский). В случае ulur (<ulu-r) нет необходимости предполагать стяжение. Ср. приведенное сравнение с волком. В Ипатьевском списке летописи под 1185 г. это имя заменено фонетически сходным христианским именем *Лаворъ* < *Лавъръ* (греч. Λαβρος). Следует также учесть возможность того, что имя *Овлуръ*/*Вълуръ* могло быть куманизированной формой древнерусского греческого имени, как это предположил Гордлевский. Возможность заимствования половцами русского имени отнюдь не исключается.

Если же принять за исконную форму *Овлуръ*, то ее нужно объяснять следующим образом, а именно через *o* < *ā* в первом слоге и через слияние конечного гласного корня с начальным гласным суффикса: *av-la-ur, помен aoristi > av-lūr 'охотящийся' (ср. Радлов I, 641), предполагая в этом случае образование помен aoristi таким образом, как это имеет место в языках Сибири, например в тофаларском, в котором суффикс помен aoristi всегда имеет форму «гласный+г»: tīr 'говорящий' < ti-ir при der, dār в других тюрк. языках, čir 'вкушающий' < ji-ir и т. п. Это производство может быть, пожалуй, поддержано сходным монгольским именем Ајаі от ajan 'поход, охота', заимствованным из санскр. ājana- 'путь, дорога' (Ковалевский), и Абаі от aba 'охота' = тюрк. ab, av (туркм. āv) 'то же'; последнее имя находится в «Юань-ши гуэ-юй-цзяй», словаре монгольской юаньской династии.⁷² Форма Ајаі отмечена также в «Джāми ат-таварих» Рашид ад-дина (см. с. 102, 115, 118 по изданию Э. Блоше; ср. там же с. 102 и примеч. g).

Не представляются вероятными следующие этимологии: 1) с чередованием v/γ от *aγ-lūr < aγ-la-ur 'находящийся в удалении, одинокий' от глагольной основы *avla-, *aula-/*aγla-, которая, однако, существует в производных от перфектного пассивного причастия на -q, ср. Кашг. aγlaq, aulaq, avlaq (Радлов);⁷³ 2) из *aγla-ur от aγla- 'плакать, кричать' (Кашг., уйг., тур., азерб., крым. у Радлова); 3) с тюрк. o в первом слоге имя может быть произведено от итеративного образования вроде тур. oγ-a-la- 'молоть или растирать каждый раз, размельчать' (Радлов) и его помен aoristi *oγ-a-la-ur > *oγlur со стяжением последних двух слогов и исчезновением среднего; 4) это имя может быть помен aoristi *oγlūr/*ovlūr < *oγly-ur 'умножающийся, скапливающийся', как у Кашг. в переходном или каузативном образовании oγlyt- (<oγly-t-) 'нагромождать, накапливать'; 5) в форме *Овлуръ* могут скрываться формы с метатезой или, вернее, с анаплексисом bol-ur 'становящийся' или bul-ur 'находящийся(ся)' (обе помен aoristi). Этого достаточно, чтобы показать, с какими трудностями сталкивается этимологизация тюркских собственных

⁷² «Языковые пояснения к истории Юань», книга, не заслуживающая доверия, составлена в эпоху императора Хун Ли (Цянь Луна, XVIII в.).

⁷³ Об этом слове и его образовании см.: B a n g W. Sechster Türkologischer Brief. — UJb. 12, 1932, 98—99.

имен. У кочевых племен мы находим имена чрезвычайно различного вида, поскольку многие шаманистские племена имели обычай называть младенца именем первого предмета, который попался на глаза отцу, когда он покидал шатер, где впервые видел новорожденного. Этим обеспечивается широкий диапазон антропонимических средств.

Ср. также Словарь 4, 21, где приводятся сведения из интересной заметки Д. Д. Мальсагова «О некоторых непонятных местах „Слова о полку Игореве“» (Изв. Чечено-Ингушск. НИИИЯЛ, 1959, т. 1, вып. 2, с. 124—129) о существовании в вейнахских языках мужского имени Овлур, собственно 'ягненок зимнего оюта'. Это дает возможность предположить, что Овлур мог быть кавказцем, сражавшимся в рядах половцев, но сомнительно, чтобы половец мог носить вейнахское имя.

ЖЬНЬЧЮГЪ (женьчюгъ, им.-вин. п., ед. ч.; жемчюжнү, прил., ж. р., вин. п., ед. ч.). Ср. Срезневский, Микл., Преображенский, Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 289), Фасмер, Дмитриев 558, Чижевская,⁷⁴ Словарь. Древнейшая форма *жьньчугъ* читается на кресте св. Евфросинии Полоцкой (1161 г.).

Это китайское слово попало к славянам через посредство тюркских языков. Тюрк. орх. *jānčü* (можно также читать *jenčü* или *jīnčü*, поскольку выписано только *jnčü*, Радлов) 'жемчуг' (вопросительная помета Радлова может быть теперь уничтожена). *Jānčü Ögüzü* (читать именно так!) 'Сырдарья' (Радлов),⁷⁵ др.-уйг. *jīnčü*

⁷⁴ И. Г. Добродомов и И. С. Улукханов в своей рецензии (ВЯ, 1966, 6, с. 121) обвиняют автора Т. Чижевскую в неправильном выборе основной древнерусской формы *жьньчугъ* вместо *жьньчугъ* (в рецензии опечатка: вместо конечного *ъ* стоит *ь*). Однако поскольку это тюрко-китайское слово должно было попасть в славянский в довольно раннюю эпоху, вероятно, в то время, когда не только в восточнославянском языке еще сохранялись редуцированные формы, в которой заимствование было обычно у славян, была как раз та, какую приводит Чижевская. Это можно видеть в целом ряде подобных примеров: гласный в середине слова + назализованный согласный + редуцированный гласный + согласный < гласный + назализованный согласный + согласный, например: цсл. *кѣньсъ* < *xñzos* < *cēnsus*, но *кѣньзь* < готск. *ku-ningas*; *цѣта* < лат. *quinta*; *самъчи* < *οἰκονόμος*, *самъчѣ* < протобугл. **zam-čy* (=общетюрк. *zan-čy*), *сан'тъ* (также *санитъ*, Микл. Л., ср. там же *самъфиръ* < *σάφειρος* и *самъпсонъ* < *Σαμψών*) < **sant-* < *sanctus*; ср. также хорватские имена святых, сложенные с *су-* (< **sq-*), а также в топонимах, таких как Супетар (*Su Petar*) < **Sq-Petrъ*, *Sanctus Petrus*, Сут-Иван (*Sutivan*) < **Sqtъ-Ivanъ*, *Sanctus Johannes* (ср.: *Leskien A. Grammatik der serbo-kroatischen Sprache*. Heidelberg, 1914, § 22), Сушак < *Sansego*. По крайней мере такова была графическая форма в цсл. Без поддержки редуцированного группа согласных потеряла бы свой назализованный согласный с развитием носового гласного. Поскольку не засвидетельствовано написание **жачугъ*, но *жьньчугъ* и *жьньчугъ*, правильная орфографическая форма может быть только *жьньчюгъ*.

⁷⁵ Кроме *Xwāžand-rōt* 'река Ходжанд' Сырдарья носит имя *Ažard* в Бундахише, что было уже осознано Э. В. Вестом как неправильное пазендское написание пехлевийской формы *Jaxšart* ('*Ιαξάρτης*'), ср.: Маркварт. *Chronologie*, 5, № 5. На основе тюрк. *Jīnčü Ögüz* Маркварт реконструирует '*Ιαξάρτης*

(ТТ V) 'драгоценности', Кашг. *jīnčü*, а в диалектах гузз и кыпчак *žīnžü* 'жемчуг', чаг. *jānžü* (в первом слогe неопределенный гласный, может быть ä, е или i) (Радлов), тоб. *jīncī*, куманд., леб. *šīnči* (все у Радлова), тур. *inži* и *inžu* (Redh. 309—310), 'жемчуг', таранч. *inčä* 'драгоценный камень'; Радлов приводит *inžu* (не ü), которое следует из армянского произношения этой формы *ինժու* *inžu*. В СС содержится *ingčü*, близкое к последней тур. форме. У Афанасия Никитина имеется *инчи* рядом с *жемчугъ* (Срезневский). Новоуйг. *jünži* 'жемчуг, коралл',⁷⁶ *ünčä* (Русско-уйг. словарь. М., 1956); казах. *inžu* (Русско-казах. словарь. М., 1954); узб. *inžu* (Русско-узб. словарь. М., 1954); туркм. *hünži* (Русско-туркм. словарь. М., 1956; Түркмен дилиниң сөзлүги. Ашхабад, 1962, с. 724), где протетическое *h-*, время возникновения которого неизвестно, по-видимому, указывает на то, что слово ощущалось как чуждое; кирг. *inžu* (Юдахин К. К. Кирг.-русс. словарь. М., 1962); алтайск. *d'ind'i* (< **jīnži*), шор. *nänži*, койб. *nind'i*, *ñend'i*, тув. *t'ind'i* (Кастрен); тат. *enži*, башк. уйу, чув. *ēnt'ē* 'жемчуг' (из тат.).

На то, что тюркское слово имеет китайский источник, было впервые указано, насколько мне известно, Ф. Хиртом.⁷⁷ Как он предположил, китайский прототип соединяет в себе *чжэнь* 'драгоценный, драгоценность' и *чжу* 'жемчуг', при этом *чжэнь* представлено в среднекитайском как *t'jien* (Карлгрен. *Grammata*, 453i) из др.-кит. **tjien*, а *чжу* есть ср.-кит. *tšju* (-éju) из др.-кит. **t'ju* (Карлгрен. *Grammata*, 128e). В монг. отмечено *žīnžü* 'то же' (Лессинг, с производством от тех же китайских слов); в других языках слово встречается редко: монгор. *žīnži* *šū* 'павлин', собственно 'жемчужная птица' (< *žīnžü* *šibaḷun*),⁷⁸ ордос. *žīnžü* *xwār* 'жемчужный цветочек' < 珍珠花兒 *чжэнь-чжу хуа-эр*, женское собственное имя (Mostaert. *Dict. ordos*, 199).

Начальное *ž-* дает форму, более близкую к китайскому источнику, чем любая тюркская форма, известная до сих пор, если полагать, что Кашг. *žīnžü* (кыпчакский диалект принадлежит к северо-зап. группе!) представляет собою вторичное образование и не отражает древней формы. И. Г. Добродомов (см.: О методах

< *jaxša-arta* = *jīnčü* 'самородный жемчуг'. Засвидетельствованное древнее имя реки не только *Хаšart* (ср.: Минорский 210—211), но также *Јахšart*. Р. Н. Фрай указывает на эту форму у Е. Herzfeld'a (см.: «Zoroaster and his World», 2. Princeton, 1947, p. 689), *Јахšart* встречается также у Ибн Хордабеха (ср.: Hirth F. *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk*. — In: R a d l o f f W. *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*. Zweite Folge. St.-Pb., 1899, S. 84, примеч. 1).

⁷⁶ J a r r i n g G. *Wörterverzeichnis zu G. Raquettes Ausgabe von Tāji bilā Zohra*. Lund, 1930, S. 33 (здесь же и другие формы этого слова).

⁷⁷ Hirth F. *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk*, S. 80—83.

⁷⁸ S m e d t A. de, M o s t a e r t A. *Le dialecte Monguor parle par les Mongols du Kansu Occidental*, III. *Dictionnaire Monguor-Français*. Peiping, 1933, p. 88.

исследования древнейших тюркизмов в составе русского словаря. — ИСЛЯ 25, 1966, 57) высказывает мнение, что русская диалектная форма *жемчуг* возникла на базе тюркской формы с *z-*, до сих пор не засвидетельствованной, так как современное тюрк. *z-* возникло из *ž-* очень поздно и только в карачаево-балкарском языке; однако русск. *жемчуг* есть результат диссимиляции анлаутов двух соседних слогов *z- — ч- < дж- (~ж-) — ч-*. Тюркское начальное *j-*, вероятно, представляет собою итог дистактной диссимиляции палатально-альвеолярных начальных согласных обоих слогов (или слов, с точки зрения китайского языка) в тюркском языке, а не последствие правильного развития общеалтайского **ž-*,⁷⁹ поскольку в общеалтайскую эпоху оба китайских слова имели не **ž-*: в древнекитайском (или архаическом китайском, по Карлгрену) они начинались на **tj-* и **t'j-* соответственно. Конец общеалтайского периода имеет, безусловно, более раннюю датировку, чем начало древнекитайской эпохи. Некоторые тюркские языки даже потеряли это начальное *j-*, как показывают тур. *inži* и куманская форма из СС. Таким образом, вероятно, прав Мелиоранский, предполагая, что *женьчугъ* был заимствован не из половецкого языка, но из какого-то более архаичного тюркского языка (ИОРЯС 7, 2, 289, примеч. 2). Можно добавить, что более архаичная форма с начальным палатально-альвеолярным звуком (наподобие Кашг. *žinžü*) могла существовать в половецком языке и до монгольского нашествия, т. е. до времени составления СС, но примечательно, что даже орхонские надписи демонстрируют фонологическое новшество. Возможно, слово было заимствовано славянами из какого-нибудь алтайского языка, предшественника половецкого языка на юге России, из такого, как, например, язык печенегов или волжских булгар, или же из алтайского слоя языка какого-нибудь другого союза племен, пришедших на запад вместе с гуннами или аварами или вскоре после них. Такая древняя форма, возможно, сохранилась у Кашг., если, конечно, она не представляет собою результат упомянутой дистактной ассимиляции начальных согласных двух слогов. Гомбоц предложил считать др.-чув. **žinžü* прототипом и источником современного венг. *d'ön'd* (= *gyöngy* 'жемчуг'); видимо, следуя за ним, Ванстрат считает *женьчугъ* «волжскобулгарским заимствованием» в русском языке.

В средне- и древнекитайском языке в данном словосочетании не было конечного согласного, соответственно не было его и у тюрков; др.-русск. конечное *-гъ* должно было появиться после того, как слово проникло к славянам. Некоторые гипотезы на этот счет были предложены Мелиоранским и Коршем, но они не являются вполне удовлетворительными. Я полагаю, что это окончание появилось по аналогии с другими заимствованиями

⁷⁹ Ср.: Р о р р е N. N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, T. I. Wiesbaden, 1960, S. 27.

в русском, имевшими этимологически оправданное конечное -гъ, как, например, *утюгъ* < *ötüg* 'то же' < кит.;⁸⁰ *терпугъ* < *tör-pü-g* (ср. Капг. *törbä-, törbi-, törbü-* 'строгать, скоблить', помен instrumenti *törbüg, törbü-gü* 'рубанок'; вряд ли нужно видеть в этом окончании отражение тюрк. дат. на -ға /-gä. Русск. уничижительное *башка* не является, вопреки Фасмеру, тюркским дативом *baš-qa*, поскольку последняя форма стала независимым существительным со значением 'другой' (у Радлова нет более ранних источников, чем чаг.; ср. *özgä* 'другой', дат. п. от *öz* 'сам; суть', ср. также куман., тур., азерб.); *башка* является русским уменьшительным образованием на -ка < -ьк-а от тюрк. *baš* 'голова', которое было воспринято в русском как существительное ж. р. с основой на -і **баш-ь*, возможно, под влиянием грамматического рода у слова *голова*. Подобно этому мы можем заметить, что заимствованные слова в современном русском языке могут иметь типично нерусские сочетания согласных на конце, на самом деле отсутствующие у этих слов, но принятые по аналогии с другими словами, имеющими их, например, просторечное *крант* из нидерл. *kraan* или н.-нем. *kran* (Фасмер) с нерусской финалью -нт, встречающейся, к примеру, в *фунт*, диалектное *хунт* < нем. диал. *funt* < *Pfund*. Поскольку в тюркских языках — за исключением юго-западной группы — имена с конечным -ü редкость, это заимствование могло подвергнуться влиянию имен на -ü < *-üv/-*üg, столь обычных в северо-западной, волго-уральской, западносибирской и алтайской группах, где конечное -γ/-g перешло в -w с лабиализацией предшествующего гласного -u/-ü или же исчезло вовсе, дав долготу предшествующему гласному, например, тат. *kelü* 'прихождение' < *kel-üw* < *kel-üg/-ig*, алтайск. *attü* < *at-lyγ* 'с лошастью (лошадьми)', *ittü* < *it-lig* 'с собакой (собаками)'. Другими словами, в эпоху, когда эти слова входили в славянский язык, в тюркском еще не завершилось развитие *-üg/*-üv > -ü, что оставило свои следы в славянских формах: ср., например, формы типа казах. *üšöü* < *üč-äw* < *üč-äg* 'трое', *üšöü* < *üč-äw-ü* < *üč-äg-ü* (посессив 3 л., ед. ч., однако не **üšöüsü!*) 'то же'. В этой связи показательна долгота второго слога в монг. *žinzü*, хотя ее причины остаются неясными. Отмеченное в сербохорв. *žinđuza* (рядом с *žinđuva*) 'бусина' (Вук, не дано Кнежевичем, у Шкалича отсутствует в изд. 1957 г., в изд. 1966 г. есть *žinduce*, ж. р., мн. ч., 242) является древнейшим заимствованием, воспринятым еще до османского завоевания; более новым заимствованием выступает *ѐнције* (Вук 158, отсутствует у Кнежевича, у Шкалича в изд. 1966 приводится композита типа *dvandva ѐнције-дукати* 'жемчуг и дукаты', с. 268 и сл.), которое восходит к тур.

⁸⁰ См.: В о о d b e r g Р. А. (HJAS 4, 1939, 263, примеч. 155); М e n g e s К. Н. The Turkic languages and Peoples, p. 166. Через тюрк. или перс. посредство пришло также груз. *ut'o* 'утюг', *ut'o(v)* — 'гладить утюгом' (см.: Т s c h e n k e l i К. Georgisch-Deutsches Wörterbuch. Zürich, 1960—1974, S. 1394. — Далее грузинские примеры даются по этому словарю).

*enži, являющемуся, вероятно, западнотурецкой формой для inži. Словен. džündž заимствовано из венг. d'önd' (=gyöngy, см. выше).

Проф. П. Будберг обратил мое внимание на чжур. niŋciŋej (Грубе 30, № 572; 96) 'жемчуг'. В качестве параллели Грубе приводит маньч. niŋcihe 'то же' (Захаров 253, Габеленц 156). Эти южнотунгусские слова восходят, без сомнения, к тому же китайскому заимствованию в алтайском. В чжурчжэньском письме niŋci-ŋej передается двумя знаками: первый должен читаться niŋci (Грубе 55, № 180), второй — ŋej (Грубе 69, № 479). Форма ŋej, судя по широкому ее употреблению (ср. № 479), является суффиксом, тождественным маньч. суфф. -хе. Поскольку дошедшие чжурчжэньские тексты не старше XVI в., конечный суффиксальный слог должен читаться -ŋej (или he, -хе), а китайская транскрипция его через ŋej 'черный' < хэк < *xmək (Карлгрен. Grammata, 904a-b) не означает, что его более древняя тунгусская форма имела конечный -k. Таким образом, перед нами суфф. -хе, прежде всего уменьшительный суффикс, соотносимый с общетунг. -kan/-kên/-kon, монг. -qan/-ken > -хән/-хән. Труднее объяснить начальное n- слова. Его нельзя выводить из китайского языка (см. выше), оно должно было образоваться на тунгусской почве. Поэтому его можно объяснять только как результат дистактной ассимиляции начального согласного (ž-, čž-) конечному согласному слогу, т. е. -n или -ŋ: *žin-ŋci > niŋ-ŋci. Эта форма в дальнейшем развитии подверглась в маньчжурском языке диссимиляции, приведшей к исчезновению конечного согласного -n в слоге; так возникла в маньчжурском форма ni-ŋci-хе. Это вполне согласуется с общим развитием в тунгусском алт. *ž- > n-, когда слог закрывается -n или -г или же когда за открытым первым слогом идет n- или г- в начале второго слога. Ср. монг. žir- 'рисовать', маньч. niŋci- 'то же, красить', чув. šir-, тюрк. jaz- 'писать'; монг. žirγuγan 'шесть', эвенк., негид., сол. йиγиγ, эвен. йиγён, ороч., уд. йиγи, нан., ульч. йиγиγиγ, маньч. niŋci < прототунг. *žurγiγiγ < *dyrγiγiγ; монг. žirmaγaj 'рыбная молодь', маньч. nimaха < *žirmaqa/-γaj 'рыба' (Porre N. Vergleichende Grammatik, S. 17). Другой вопрос состоит в том, не следует ли при наличии тунг. n- принять в этих примерах алт. *d- вместо алт. *ž-.⁸¹

Кое-где в тунгусских языках могут быть найдены следы этого этимона, подвергнувшегося обыкновенно воздействию других этимонов. Этот предмет, однако, не может быть здесь рассмотрен.

Грубе (с. 96) приводит по чжурчжэньско-китайскому словарю, включенному в «Цзинь-шу» («Хроника чжурчжэньской династии Цзинь», 1115—1234; составлено до 1344 г.), вариант др.-чжур. формы jin-šu-k'o, фонетически очень близкий орхонской, чагатайской и турецкой формам. В этой форме -k'o является тоже

⁸¹ См.: M e n g e s K. H. Zu einigen Charakteristika des gesprochenen Manžu. — CAJ 15, 1971, 40.

уменьшительным суффиксом, а также наблюдается именно та дистактная диссимиляция начальных согласных двух слогов, которая должна была привести к тюрк. *jīnčü*, если китайское слово было заимствовано тюрками, а не раньше протоалтайцами.

Основываясь на рассматриваемой др.-чжур. форме и еще на одной фонологической параллели *jīn-čžu* 'шестьдесят' (= чжур. *piŋ-čü*, ср. Грубе 96, а также 34, 35, № 641, 659), П. Пельо выводит др.-чжур. форму **iŋguxa* (т. е. **iŋžuxa*) «с чередованием начальных 'i- и pi-»; он объясняет данную маньчжурскую форму, используя термин «деназализация» для того явления, которое названо нами дистактной диссимиляцией.⁸² Это предложение Пельо полностью исключает выдвинутое Захаровым производство маньч. *pičuxa* от *pičü*- 'мигать глазами (от света, снега)' (Захаров 235—236, ср. Габеленц 156); кроме того, чжурчжэньское и монгольское слова не должны рассматриваться как заимствования из древнетюркского, к чему склоняется Пельо. Отмеченное им «чередование начальных 'i- и pi-» существует также в южнотунгусских языках; помимо того, в самом маньчжурском чередуются *i-*, *pi-* и *si-*, ср.: эвенк. *imu-ksê* 'жир, сало, масло', уд. *imohê* 'то же', орок. *simu-t-či-* 'смазывать', ульч. *šim-sê* 'жир, сало', маньч. *nime-ŋgi* 'жир, масло', *ime-ŋgi* 'то же', *sime-ŋgi* 'олифа'; здесь в прототунгусском существовало начальное **h-* или **x-*.⁸³ Однако указанное явление не приложимо к др.-чжур. *jīn-cžu* 'шестьдесят', даже если здесь фонетически было **iŋžu* (= нан. *ŋungingu*), поскольку это всего лишь диссимилятивная форма от *piŋžu* или *piŋžu/piŋčü*, имеющих тот же этимон, как и **ŋiŋun* / **niŋun* 'шесть', где начальный звук восходит к протоалт. **ž-* или **d-*.⁸⁴ Китайское обозначение самородного жемчуга *čžŋ-čžu* было заимствовано либо в протоалтатский, что, как уже говорилось, не вероятно, либо позже, но все же относительно рано, раньше древнетюркской литературной эпохи, независимо в три алтайские группы языков и, вероятно, не сразу и в разных местах.

Как Микл., так и Срезневский сравнивают это слово с греческим византийского периода *ζάμυξ*, *ζάμβυξ*, обозначавшим, согласно Дюканжу (I, 457), не только *lapidis pretiosi species*, но и *vulgo: pascie de perles*. Греческое слово может быть возведено к форме, близкой слав. *жьньчугъ* или даже прямо к этому славянскому слову, но кажется, что на византийской почве оно подверглось контаминации с другими словами, обозначающими драгоценные камни, такими как *ζάφυρος* 'sapphyrus', *ζέρφυρος*, *ζέφυρος* 'eadem notione'. Афг. *žimān*, приведенное Микл. Л. 194, а также и персидское со значением 'жемчуг, серебряный шарик размером с жем-

⁸² Pelliot P. Sur quelques mots d'Asie Centrale attestés dans les textes chinois. — JA, 11-me sér., 1913, p. 467—468.

⁸³ Ср.: Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, § 32, с. 133 и сл.

⁸⁴ Ср.: Menges K. H. Altajische Studien, II. Japanisch und Altajisch. Wiesbaden, 1975, S. 35.

чужину' есть араб. *ṣumān*. Р. Н. Фрай указал мне, что ал-Бируни в своем «*Kitabu 'd-ṣamāhir fī ma'rifati 'd-ṣawāhir*» (с. 112 по изд. Хайдарабад, 1936) говорит, что форма *ṣumān* есть арабизированное персидское *gumān*; она также отмечена у *Ṣawāliqī* (изд. Sachau. Leipzig, 1867, S. 51). Форма *ṣumān* не может быть непосредственно связана с рассмотренными выше формами.

КАЯЛЫ (Каялы, род. п.: на *рѣцѣ* на Каялы, в Каялы *рѣцѣ*, нескл.;⁸⁵ на *рѣцѣ* на Каялѣ, в Каялѣ *рѣцѣ* — предл. п.). Ср. статью Фасмера (ZfslPh 6, 172),⁸⁶ а также Фасмер, Чижевская, Словарь, Geste. В Ипатьевской летописи под 1185 г. находится также более древняя несклоняемая форма *Каялы*. Источник ее, несомненно, тюрк. *qaja-luγ*: чаг. *qaja-liq*, алтайск., тел. *qaja-lū*, шор., леб., саг. *qaja-luγ* 'скалистый' (Радлов) от *qaja* 'скала'. Это слово известно всем тюркским языкам (у Кашг., Радлова), в як. *хаја* 'то же' рядом с *хадаҕа*, заимствованным из бурятского, и *хадар*, заимствованным из эвенкийского. Монг. *qada*, п.-монг., халх. *xada* (Ковалевский); эвенк. *kadar*, мн. ч. *kada-sa-l* (Василевич), *kadār*, мн. ч. *kadana-sa-l* (Титов), по форме собирательное мн. ч. для терминов родства, эвен. *qadar*, южнотунг., орок., уд. *kada*, ороц. *xada*, ульч. *qadali*, нан. *qadar*, маньч. *xada* 'скала' (Захаров 386, Габеленц 91, Цинциус 308). Др.-русс. форма предполагает тюрк. форму с полным отсутствием конечного -γ, как это теперь обычно для языков северо-зап. группы, волго-уральской, западносибирской и алтайской групп: *qaja-lu* или *qaja-lū/-lū*. Как видно по этому примеру, поведение конечного -γ хорошо согласуется с нашими представлениями о половецком языке СС. Ср. следующие примеры из половецких загадок:⁸⁷ *biti* (также *bitiv*) < *biti-g* 'писание, письмо, почерк', *tuv* < *tuγ* 'знамя', *tav* < *taγ* 'гора', *jav* < *jaγ* 'жир, сало', *jabov* < *jab-uγ* 'покрывало, одеяло' (последнее Банг сравнивает с чаг. *jabiγ*, алтайск., тел., леб. *jabū*, карач. *žabū* и як. *sabū* 'то же'), *atli* < *at-luγ* 'с именем, названный', *ulu* < *uluγ* 'великий', *kanli* < *qan-luγ* 'окровашенный', *bašli* < *baš-luγ* 'с головой (головами)', *javli* < *jaγ-luγ* 'жирный, сальный'; пример из гимна на причащение⁸⁸ *tattli* (трижды) < *tat-luγ* 'dulcis'; или из гимна

⁸⁵ Несклоняемые формы дает в своей реконструкции текста «Слова» Р. О. Якобсон, формы предложного падежа содержат первое издание и Екатерининская копия [примеч. перев.].

⁸⁶ Кроме формы *qaja-luγ* Фасмер предлагает в качестве исходной формы тур. *qajan* 'быстрый, поток, водопад' (Радлов). Такое производство невозможно, поскольку *qajan* имеется только в турецком и поскольку оно в качестве перфектного причастия на -an от *qaj-* 'скользить' (Радлов) должно дать в языках за пределами юго-западной группы форму *qaj-γan*. В своем «Словаре» Фасмер сам подверг сомнению это производство.

⁸⁷ См.: Bang W. Über die Rätsel des Codex Cumanicus. — SBAW, 1912, 21, S. 334—353.

⁸⁸ См.: Bang W. Über einen komanischen Kommunionshymnus. — Extraits des Bulletins de l'Académie Royale de Belgique, Classe des Lettres, 1910, N 5, p. 4.

«Vexilla Regis prodeunt»⁸⁹ — Kutlu < qut-luγ 'dignus', algišli < alquš-luγ 'benedictus', ulu < uluγ 'magnus'. Эта фонетическая особенность обнаруживается также в слове *Сулы*, названии небольшой реки, из тюрк. su(v)-laγ (см. ниже). Л. А. Дмитриев отвергает тюркскую этимологию и хочет видеть в названии *Каялы* производное с суфф. -л-а от активного прич. прош. вр., ж. р. от глагола *каяти*.⁹⁰ Это предложение неудовлетворительно в семантическом отношении, к тому же, как тогда объяснить несклоняемую форму на -ы у исконно славянского слова? Неужели как ошибку писца?!

В том месте Ипатьевской летописи, где речь идет о поражении князя Игоря, название этой реки дается как несклоняемое: на рѣцѣ *Каялы*, что просто представляет собою тюрк. qajalu или qajalū. По-видимому, это имя не имело склонения и в первоначальном тексте «Слова» (ср. Geste 325). В Мусин-Пушкинской копии оно склоняется по типу основ на *-а. В упоминавшейся уже рецензии И. Г. Добродомова и И. С. Улуханова высказывается предположение, что форма *Каялы* — ранний пример местн. п. на -ы от основы на *-а, изредка отмечаемого памятниками с XIV в.⁹¹ Это предположение нельзя признать удовлетворительным. Единственный пример дат. п. на -ы в «Слове», где, однако, допустимо видеть и звательную форму, может быть оценен и как ошибка писца. И почему эта частная и редкая аномалия должна проявиться как раз в заимствованном слове *Каялы*, даже если она внесена более поздними переписчиками? Скорее уж она может служить намеком на долготу второго слога в тюрк. форме *Qajalū, которая, будучи еще жива в языке половцев, была так воспринята и русскими.

Попытки географического приурочения этой реки рассмотрены Шефтелем (Geste 110—111) и Орловым (с. 103—104), ср. также Словарь. Они полагают, что это современный Кальмиус, имеющий местами не только крутые, но также и скалистые (!) берега, а Орлов склоняется даже к тому, чтобы отождествить ее с печально знаменитой Калкой, название которой он выводит из араб. ḥalqa 'круг, кружок, окружность', отмеченного Радловым только как тур. ḥalqa (ср. Redh.). Орлов не приводит источники, на основе которых он выводит значение 'воронка' и 'расходиться кругами, кружиться воронкой' для тур. глагольного деривата ḥalqa-la-n- (медиальный залог); на этот счет нет никаких указаний у Радлова или Редхауза. Фасмер, возможно, прав, рассматривая *Калка* как производное от слова *кал*, которое в большинстве славянских языков значит также 'болото, лужа, грязь, тина, слякоть' (см. у Фасмера на *кал*). Как по семантическим, так и историческим причинам не следует видеть в *Калка* возможное отражение

⁸⁹ См.: B a n g W. Zur Kritik des Codex Cumanicus. — Librairie Universitaire des Trois Rois. Louvain, 1910, p. 4, 8, 11.

⁹⁰ Д м и т р и е в Л. А. Глагол *каяти* и река *Каяла* в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 9. М.—Л., 1953, с. 36.

⁹¹ ВЯ, 1966, 6, 119 и сл.

др.-монг. qa'alqa, письм.-монг. хаҗалха, халх. хāлҗа 'дверь, ворота'.⁹² О. Прицак рассматривает *Каялы* и *Калка*, *Калак* как названия одной и той же реки, для которых он выводит протоболгарскую форму *Qal-čyq, связывая *qal с *qaš, встречающимся, например, в qašaḡ (Капг.) 'тростник'⁹³ (можно добавить из того же источника qašḡun 'зеленый тростник, идущий на корм скоту'). В то время как тождество Каялы и Калки едва ли доказуемо, наличие камыша не допускает скал, скалистых берегов. Название реки Каялдерэ встречается в Восточной Болгарии, это верхний левый приток Мандренски — реки, впадающей в юго-западную часть Бургасского залива. Источник названия — тур. Qajaly Dārā 'скалистая долина' (реки восточной и южной Болгарии часто имеют в составе своего названия второй частью тур. dārā со значением 'долина' или же 'ручей').

Н. А. Баскаков в своей статье «Половецкие отблески в „Слове о полку Игореве“» (UJb. 48, 1976, 26) предлагает ряд этимологий, из которых форма *qoḡa-lu от qoḡa 'род камыша' невозможна, ибо группа VγV не переходит в VjV, а форма qujuu невероятна, потому что тюркское -у- не проявляется как -а- на русской почве, в отличие, например, от сербохорватского языка.

М. Т. Сокол в статье «О некоторых древнетюркских словах и топонимах в „Слове о полку Игореве“» (Исследования по русскому и украинскому языкам. Днепрпетровск, 1973, с. 58—68) выводит это слово из тюрк. qaj+jaly '[река] со скользкими берегами', что невозможно, так как тюрк. qaj- — всего лишь глагольная основа (Радлов II, 3), а jaly известно только новым юго-западным тюркским языкам (в тур. и крым., Радлов), где является заимствованием из новогреч. ἡλιός 'морской берег, пляж' < др.-греч. αἰγιαλός 'то же' (ср.: Kahane H., Kahane R., Tietze A. The Lingua Franca in the Levant. Turkish nautical terms of Italian and Greek origin. Urbana, 1958, p. 499, N 756).

КОБЯКЪ (Кобыка, род.-вин. п.; Кобыкова, притяж. прил., род. п., м. р., ед. ч.), имя половецкого хана. Ср. Чижевская, Словарь. Это имя несколько раз встречается в летописи, например, под 1183 г. в Ипатьевском списке: *яша Кобыка Карлыевича*, как отчество под 1223 г. в Лаврентьевском списке: *Даниль Кобыковичь*. Ср. также: *Иоанн Кобык*, дворянин русский (в разных летописях), *Каракобык* (т. е. тюрк. qara köbäk 'черный пес') упоминается как часть племени Üjsün Müjten у каракалпаков,⁹⁴ *Кобыково* как название разрушенного города.⁹⁵ Как уже предположил Корш в своей реконструкции «Слова» (с. XXVIII), это тюркское слово

⁹² Haenisch E. Wörterbuch zu Monghol-un Niuca Tobca'an. Leipzig, 1939, S. 54; Лессинг 906.

⁹³ См.: IJSLP 8, 1964, 61—66.

⁹⁴ См.: Материалы по истории каракалпаков. Сборник. М.—Л., 1935, с. 243 (Труды Ин-та востоковедения, т. VII).

⁹⁵ См.: Расовский Д. А. (SK 10, 169).

со значением 'собака'. Имя нужно восстанавливать в форме *Köbäk, у Радлова включено лишь тур., крым. Köräk 'собака, охотничья собака', азерб. форма не отмечена. В языках юго-западной группы отмечено туркм. köräk 'кобель', но там более употребительно общетюрк. it (Кашг. yt). Как кажется, слово неизвестно другим группам. Одно из алтайских племен, живущее на реке Улаган, притоке Башкауса, одного из истоков Оби, носит имя Köböк (Радлов). По поводу распространенности этого слова в качестве племенного названия (Köböк у акногаев) и личного имени (у сельджуков, османов) см. Гордлевский (с. 324—325). Кроме того, в алтайск., бараб. имеется герой по имени Ақ-Көböк 'Белый пес' (Образцы 4, 45 и сл., Радлов). К этим вариантам названия собаки параллелью является монг. Нохај, сохранившееся в названии ногайских татар в степях Кубани и Терека.⁹⁶ Из приведенных фактов можно заключить, что собака была когда-то тотемом этих племен. С другой стороны, ногайцы могли называться по имени золотоордынского Ногай-хана. Наличие имени Köbäk у половцев, каракалпаков, барабинцев и алтайцев говорит о том, что некогда это слово со значением 'собака' было известно и за пределами языков юго-западной группы. Махмуд Кашгарский приводит только yt 'собака'. Сегодня у алтайцев или каракалпаков Köbäk или Köböк соответственно уже неизвестны в своем первоначальном значении, оставаясь лишь именами. Вероятно, что у алтаеязычных народов формы köräk / köbäk единичны и не связаны с другими основами. Тюркское слово, очевидно, образовано с помощью уменьшительного суффикса -aq/-äk от корня köp-/köb-, который, как это нетрудно заметить, связан с индоевропейским словом, обозначающим собаку. Ср. санскр. вед. śvā-, род. п. śúnaḥ, ир. авест. span-/sün-, арм. šun, род. п. šan, лит. šŭ, род. п. šuĩs, греч. κύνες, род. п. κύωνες, ирл. cú, род. п. cop, лат. canis, готск. hunds. Среди индоевропейских форм незаконномерны армянская и латинская. Ир. spraka-, заимствованное в русский как *собака*, вполне очевидно, того же происхождения, что слав. *сука*, где *су-* индоевропейский корень, а *к-а* словообразовательные элементы. Здесь уместно привести слова Геродота: «ἐπὶ καὶ τῇ κύνα καλέουσι οἱ Μῆδοι» 'мидяне называют суку спак', где указывается точное соответствие слав. *су-ка* (NB: τῇ κύνα!). Эта форма будет соответствовать, пожалуй, позднеавест. spraka-, являющемуся адъективным дериватом от

⁹⁶ Ср. также «Собака Калин-царь» в русских былинах и статью Р. О. Якобсона по этому поводу (Slavia 17, 1939, 82—98; «Собака Калин-царь» — за подписью О. Jansen). По поводу названий животных, используемых в качестве личных имен у монголов и упомянутых за первые 30 лет династии Мин в «Мин ши-лу» («Правдивые записи о правлении династии Мин»), см.: Serruys P. H. The Mongols in China during the Hung-Wu period (1368—1398). Bruges, 1959, p. 162 и примеч.; также: Mostaert A. Sur quelques passages de l'Histoire Secrète des Mongols. Cambridge, Mass., 1953 (Introduction, p. XVII).

sran- (Бартоломэ помещает, однако, мидийскую форму Геродота под прилагательным sрака-).⁹⁷ Слово *сука* и некоторые другие его этимологии рассмотрены Фасмером. Кит. $\acute{s}'\ddot{u}an < k'\ddot{u}an < *k'iwen < *k'iw\acute{e}n$ 'собака' (Карлгрэн. *Grammata*, 479a-d) легко может быть связано как с индоевропейской, так и с алтайской группами.⁹⁸ Русск. *кобель* и *кобѣл*, отсутствующее в других славянских языках, можно рассматривать как заимствование, возникшее на основе того же алтайского корня $k\ddot{o}r-/k\ddot{o}b-$. Суффикс неясного происхождения. Фасмер не дает этимологии слова, но предлагает интересную параллель с осет. $k'\ddot{a}bula$ 'молодая собака' (вероятно, k' опечатка вместо k , т. е. k), для которой В. И. Абаев (Русско-осетинский словарь, М., 1950) дает $k\ddot{a}byl\acute{a}$ $k\ddot{a}bys$ 'то же, щенок'.

В ОЭС (I, 621—622) Абаев приводит с тем же значением еще $k\ddot{a}bys$, $k\ddot{a}bus$, $k\ddot{a}busi$, но не предлагает этимологии; вместо этого он эти слова сравнивает с $q\ddot{u}byl$ 'детеныш', 'поросенок', $q\ddot{a}b\ddot{u}l$ 'дитя, детеныш (животного)', состоящими, по его мнению, из корня $kab-/qab-$ и уменьш. суфф. $-yl/-ul$, а также с афг. $kablai$ 'молодая газель' и русск. *кобель*. Суффиксальные элементы $-us$, $-i$ приведенных выше осетинских форм не объясняются. По мнению Абаева, этот этимон является «неиндоевропейским отложением». Данное осетинское слово, безусловно, заимствовано из северо-западных кавказских языков, ср., например, абаз. $xabz\acute{a}$, кабард. $xabz$, шапс. $zabz\acute{a}$, $xabze$ 'сука'.⁹⁹ Индоевроп. корень для обозначения собаки $*k_{1}wo-n-/*k_{2}we-n-$ также имеет параллели на Кавказе; ср.: северо-восточнокавказское варкун. хое, кубач. хе, хве, кайт. хиа, хвѣ, хај, хюркили хви, хуoi, хха, цахур. хоа, табасаран. хи, хој, будух. хог, джек. хоаг (см. Erskert). А. Шотт полагает, что и.-е. корень находится в родстве с семитским словом, обозначающим гиену; ср., например, сир. $'af'\acute{a}$, араб. dab^{an} , евр. $\acute{s}\acute{a}b\ddot{o}^{a'}$, эфиоп. $z\acute{a}'b$ (с метатезой), аккад. $b\ddot{u}su$ (объяснимое как метатеза 1-го и 2-го радикалов); он реконструирует протоиндоевроп.-сем. $**\acute{g}-p-'\sim**\acute{g}-p-'$ и рассматривает китайское слово, «если оно имеет к этому отношение», как и.-е., но не протоиндоевроп.-сем. заимствование в китайском.¹⁰⁰ Однако, принимая во внимание китайские и другие близкородственные индоевропейским формы, засвидетельствованные в «северных языках», более предпочтительным выглядит предположение о том, что в протоиндоевропейско-семитском, протоурало-

⁹⁷ Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904, S. 1610.

⁹⁸ См.: Conrady A. *Alte westöstliche Kulturwörter*. Leipzig, 1925, а также обзор Г. Юнкера (*Orientalistische Literaturzeitung*, 1926, N 7, стб. 529—530).

⁹⁹ См.: Erskert. *Die Sprachen des Kaukasischen Stammes*. Wien, 1895, S. 86.

¹⁰⁰ Schott A. *Indogermanisch—Semitisch—Sumerisch*. — In: *Germanen und Indogermanen* (Hirt—Festschrift), Bd II. Heidelberg, 1936, S. 68.

алтайском и т. д. существовали два родственных корня, один из которых обозначал собаку, а другой ее южного родственника — гиену. Общесемитское обозначение собаки *kalb-* не находится, однако, в родстве со словом для обозначения гиены,¹⁰¹ но оно может оказаться родственным с русск. *кобель* и другими сходными формами, упомянутыми выше.

КОВЫЛИК (ковылю, дат. п., ед. ч.), собирательная форма от *ковыла* (или *кавыла*), которое присутствовало в «Слове», как об этом свидетельствует «Задонщина», но было искажено писцами: *на канину зелену. . . постла*, вин. п., ед. ч.; *съ тоя же кавылы*, род. п., ед. ч. (см. Geste 84).¹⁰² Ср. Срезневский, Бернекер, Преображенский, Фасмер. Последний считает, что слово родственно готск. *hawī*, др.-в.-нем. *hewī* 'сено' и рассматривает его вместе со слав. *ковати*. Совр. русск. *ковыла*, *ковыль* (или *кавыла*, *кавыль*) означает жесткую степную траву, распространенную по всей Южной России, Центральной Азии, Юго-Западной и Южной Сибири, '*stipa pennata*'. Преображенский первый связал слово с тюркским корнем (см. ниже). Невозможно установить определенную этимологию этого слова, оно может восходить к одному из трех различных тюркских гнезд.

1. Др.-уйг., Кашг. *qom-* 'быть в движении, быть возбужденным, беспокоиться, интересоваться' (Радлов) является глагольным образованием на -у- от имени *qom* 'волна' (Грэнбек, Радлов), сохранившегося в половецком и алтайском. Кашг. *qom-u-* 'быть возбужденным'. Гипотетическое имя на -l от *qom-* вроде **qom-u-l* 'волнение, движение, возбуждение' могло бы дать *ковыла* в др.-русском языке.

2. Ср. далее: алтайск., тел. *qomurɣaj* 'растение с полым стеблем' (>) 'дудка' (Радлов); с чередованием b/m шор. *qoburɣaj* 'дудка' (Радлов); стяженная форма с различными суффиксами имеется в шор., куманд., койб., кач., саг. *qōbraq* 'дудка'; 'растение, из которого делается дудка' (Радлов). Все эти слова родственны др.-уйг. *qobu* (Радлов) 'пустой (> полый ствол?)', тщетный' и куман. СС *quv* < *quv/qav*, нов.-уйг. *qūṣaq*,¹⁰³ карач. *q'ū* 'сухой',¹⁰⁴ чаг. *qoɣla-* 'сушить на огне' (можно прочесть *quɣla-*).¹⁰⁵

3. Преображенский связывает слав. слово с тюрк. *qavla-*, *qavyluq*. Ср. тур. *qavla-* 'терять, сбрасывать кожу, кору, листья',

¹⁰¹ Ibid., S. 69, примеч. 79.

¹⁰² Автор принимает реконструкцию текста «Слова», предложенную Р. О. Якобсоном. Ср. Чижевская, Словарь [примеч. перев.].

¹⁰³ См.: Le Coq A. v. Sprichwörter und Rätsel aus der Gegend von Turfan. — Baessler-Archiv für Völkerkunde, 1911, S. 95. Ср. также уйг. *quvaq* 'пустой' (Уйгурско-русский словарь. М., 1968, с. 617).

¹⁰⁴ Bang W. Über die Rätsel des Codex Cumanicus, S. 338.

¹⁰⁵ Ibid.

глагольное образование на -la- от qav: Кашг., тур. 'трут', крым. 'сброшенная кожа змеи' (Радлов, Redh.). Таким образом, qav-la- означает 'становиться как трут', ср. тур. поговорку, приведенную Радловым; казах., бараб., курдак. qau 'трут', в казах. также 'сухая прошлогодняя трава' (Радлов). Тур. qavuluq (Радлов) 'гладкокожий, облупленный, содранный' является производным от qav: qav-u-l-uq, пассивн. перфектное прич. от глагольной основы qav-u-; тур. qavluc (Радлов, Redh.) 'что-нибудь подходящее, чтобы служить трутом' является именным образованием от qav. Перевод Редхауза для qav-la- сходен с переводом Радлова: '(о коже, коре и т. п.) вздуться волдырями и опадать; о волосах: выпадать неравномерно, клочьями', для qavlaq 'без коры, в волдырях; о том, с чего кожа или кора поднялась волдырями и спешушилась', пассивн. перф. прич. от qav-la- (см. выше), это же относится к производным. См. также в Anadilden Derlemeler 209—211; DD 2, 1941, 849 и сл. турецкие диалектизмы: qav, qavalaq, qavaltac, qavat, qavşar, qavçar, qavdan, qavran, qavlaq, qavlağan, qavlan 'платан', qavla-, qavqaz, qavraq, qavut, qavuz, qavuz. Кашг. qaγul 'свежий ивовый побег, которым подвязывают лозы', возможно, относится сюда же, поскольку первоначальное значение было 'свежие, очищенные от коры ивовые побеги'; qaγ-u-l — имя на -l от глагольного производного на -u- от qaγ/qav.

Как связаны между собой и связаны ли вообще эти три гнезда, решить невозможно. Сомнительно даже, состоят ли между собою в родстве все слова второго гнезда. Например, др.-уйг. qobu, которое, кажется, встречается в довольно поздних текстах, куман. СС quv, карач. q'ū находятся в очевидном родстве со словом qau 'трут' или даже представляют то же самое слово с лабиализацией корневого гласного, что обычно для языков северо-западной и западносибирской групп, но редко бывает в древнеуйгурском. Видимо, из-за лабиализации эта основа была рано смешана с другой основой, выступающей в словах qomurγaj / qoburγaj, основное значение которых 'полюй' или 'имеющий полюй ствол'. Формы, находящиеся в других алтайских языках, возможно, также нужно рассматривать как результат тех же факторов, т. е. лабиализации и смешения двух основ. Ср., например, монг. xobixi 'инструмент для вытачивания деревянных стрел; углубление, впадина' (Ковалевский, Лессинг 251) от *qobu-qu (-qu суффикс, образующий nomina instrumenti), производное xobixida- 'работать инструментом, называемым xobixi'; ср. также xobxol- 'чистить (плоды)' (Ковалевский II, 818; Лессинг) < *qob-qa-l; xobxočisun 'доска, которой счищают шерсть и неровные части шкуры' < *qob-qa-či-sun; xobxoga- 'отделяться', xobxogaγul- (каузатив к предшествующему глаголу 'скрести' < *qob-qa-ra-γul-); xobxola- 'то же' < *qob-qa-la- и т. д. (Ковалевский, Лессинг). Ср. также следующие слова, близкие к тюрк. qau, qū: хобаγaj 'сухой, увядший' (Ковалевский II, 888) < *qob-a-γaj, глагольное производное хобаγajra- 'сохнуть, увядать, ис-

сыхать' и ховіга- (Ковалевский, где в первом слогe читается -и-) 'увядать, сохнуть (о траве), терять сознание, изнуряться, выдыхать; быть опустошенным, разрушенным' (с многочисленными производными) < *qob-y-га-, где функция элемента -у- неясна, — возможно, он играет основообразующую роль. В тунг.-маньч. языках имеется маньч. qobŋi- 'очищать, вычеркивать' (Габеленц), 'сходить, шелушиться (о коре), сходить пузырями (о краске)' (Захаров 280—286); quvala- 'сбрасывать (кожу), очищать' (Габеленц 136, Захаров 287) и qobi 'полный' (Габеленц 134), 'пустота, впадина, углубление' (Захаров 280), причем эта последняя форма близка к др.-уйг. qobu и qav других тюркских языков. В эвенк. отмечены kuba-, kuva-, kuṗnā-; эвен. kuvu-; уд. kua- (с производными) 'снимать стружку (с деревянной палки или доски)' (Василевич), а также многочисленные производные от другой разновидности корня kōṗ и kēṗ 'быть полым, пустым' (Василевич).

Поскольку др.-русск. форма с о в первом слогe может быть образована как от тюрк. формы с а (â) в первом слогe, так и от формы с о в этой позиции, постольку оказывается невозможным определить, какое именно тюрк. слово послужило источником для русск. *ковыла*, *кавыла*. С другой стороны, слова в алтайских языках со значениями 'пустой, полый; впадина', 'сухой; убывать', 'трут', 'шелушиться, сходить' не могут быть с полной определенностью отделены одно от другого, все они вполне очевидно взаимосвязаны или через лабиализацию, или через древний аблаут. И это также не дает нам возможности решить вопрос. Похоже на то, что до тех пор пока у нас не будет дополнительного тюркского лексического материала, слова *ковыла*, *кавыла* нужно связывать с тюркскими образованиями, обозначающими живые растения, и не только такие, которые вянут и засыхают, но и с полым, трубчатым стеблем.¹⁰⁶ Бернекер скептически оценил слово как «темное». Тем не менее мне представляется допустимым вместе с Уленбеком, Бругманном, Леманном (см. цитату у Бернекера) и Фасмером связывать слово с готск. *hawī* 'сено' и со следующими словами, приведенными под вопросом у Бернекера: греч. *καλός* 'стебель, ствол', лат. *caulis*, ирл. *cuaille* 'столб', лит. *kāulas* 'кость', лтш. *kauls* 'то же', а также 'стебель', и далее с лат. *cavus* 'полый'. При этом становится понятно, что слав. слово — возможное заимствование из тюркского или же результат славяно-тюркского смешения, тогда как приведенные и.-е. слова, вероятно, связаны своим происхождением с алтайскими словами (ср. также статью Н. А. Баскакова в UAJb. 48, 1976, 25).

КОГАНЬ (когана, притяж. прил., род. п., м. р., ед. ч.), титул верховного правителя. Срезневский не приводит форм с о

¹⁰⁶ Если русск. *ковылять* образовано от *ковыль*, это могло бы служить указанием на то, что *ковыла* возникло на основе тюрк. qom-y- 'колыхать, качаться'. Фасмер рассматривает такую возможность только как результат народной этимологии и считает слово *ковылять* «темным».

в первом слогѣ, ср. *каганъ*, *канъ*, *хаганъ* (кажется, из поздних текстов), *ханъ* (из Афанасия Никитина). У Преображенского только *каганъ*, у Бернекера *каганъ*, *коганъ* (ср. там же формы из других славянских языков), у Фасмера *каган*, отсутствует *коган*. Ср. также Чижевская, Словарь. Такие древнерусские киевские князья, как Владимир и его сын Ярослав Мудрый, носили титул кагана (см. в «Слове о законе и благодати» митр. Илариона, сер. XI в.). Этот титул никогда не относился к князьям XII в., и в «Слове» выражение *время когана*¹⁰⁷ означает эпоху «старых князей», когда еще были каганы.¹⁰⁸ В форме *коганъ* мы снова встречаем *о* вместо *а* (â) в первом слогѣ. Слово представляет собою хорошо известный алтайский титул, впервые засвидетельствованный китайскими историческими источниками для V и VI вв. н. э. (см. ниже), а на западе, кажется, в «Географии» Мовсеса Хоренаци *𐌕𐌰𐌱𐌰𐌹𐌸𐌰* хак'ан,¹⁰⁹ он хорошо известен старофранконским хроникам как титул Chaganus аварских вождей VII в., опустошивших Юго-Восточную Европу.¹¹⁰ Мое первоначальное предположение, что этот титул встречается уже в пехлевийской надписи в Пайкули (293 г. н. э.) (причем, оставалось сомнение, действительно ли может второй великий в алтайском слове qaγan / ха-γан быть передан в пехлеви смычным глухим палатальным согласным, хотя приходилось полагаться на авторитет Э. Херцфельда,¹¹¹ который читал х'k'n (xākān) и интерпретировал его как этот титул), было опровергнуто В. Б. Хеннингом,¹¹² исправившим ошибку Э. Херцфельда. В китайских источниках титул встречается впервые в форме k'o-ḥan в текстах, касающихся событий IV в.¹¹³ У алтайцев титул засвидетельствован впервые орхонскими надписями в форме qaγan (scriptio defectiva: qγn), а также в древнеуйгурских текстах.¹¹⁴ В уйгурско-китайском словаре он переведен, согласно Радлову II, 71, через древний китайский титул императора — Верховный правитель ḥuaṇ-ḍi (< ṛwāṇ-

¹⁰⁷ Это выражение читается в тексте «Слова» по реконструкции Р. О. Якобсона [примеч. перев.].

¹⁰⁸ О функции кагана в алтайском племенном объединении см.: Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society, p. 191 ff., 426 ff. и др.; Fergenc L. A kagān és családja. — KCsA 3, 1, 1940, 1—39. Здесь рассматривается каган в отношении к своей дружине, непосредственному окружению. О кагане в персидской истории см.: Дёрфер 3, 116.

¹⁰⁹ См.: Marquart J. 1) Streifzüge 58; 2) Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Berlin, 1901, S. 53.

¹¹⁰ См.: Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. 2. Aufl. Heidelberg, 1925, S. 729, 739.

¹¹¹ Herzfeld E. Paikuli. Monument and inscription of the early history of the Sasanian Empire, I. Berlin, 1924, p. 103, примеч. 18; 183.

¹¹² Henning W. B. A Farewell to the Khagan of the Aq-Aqa-tārān. — BOAS 14, 4, 1952, 501—522.

¹¹³ Boodberg P. A. The language of the T'o-pa Wei. — HJAS 1, 1936, 171—172.

¹¹⁴ См.: Bang W., Gabain A. v. Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der türkischen Turfan-Texte. — SBAW, Bd XVII, 1931, S. 34; ДТС 405, 636.

tiei < *g'wân-tieg, ср. Карлгрэн. *Grammata*, 708a-c, 877a-d). Но прежде чем попасть в документы, составленные на алтайских языках, титул *hāqān* впервые появляется в списке «тюркских» нападений на империю Сасанидов, когда ею правил Бахрам V Гур (420—438), как об этом свидетельствуют и Мас'уди, и Себеос,¹¹⁵ т. е. вскоре после Шэлуня, основателя державы жуань-жуаней, изменившего около 402 г. древний титул *šan-jū* на *k'o-ḥan*, как об этом сообщают китайские источники.¹¹⁶ П. А. Будберг, несомненно, прав, предполагая, что орхонские тюрки позаимствовали титул *qaḡan* от жуань-жуаней. Древняя форма титула *šan-jū* должна быть, согласно Карлгрэну (*Grammata*, 147, 97a), *ziān-jū* < *d'ian-giwo. Как явствует из кит. транскрипции *Jü-t'jān* названия города *Xwatan*, нынешнего Хотана в Восточном Туркестане, написание *jū* было использовано для транскрипции первого слога *xwa-*. В качестве алтайского прототипа для *šan-jū* может быть предложена форма вроде *d'an-xwa, *ḍan-qwa (> *jan-qū/-γū). В любом случае эта форма могла бы быть вариантом или соответствием известного титула *jabγu*.¹¹⁷ Титул *šan-jū* употреблялся гуннами, позже уйгурами и встречается изредка в V и VI вв., когда уже вошел в моду титул *qaḡan*.¹¹⁸ Чаг. форма *qa'ān*, которая вместе со стяженной, более поздней, формой *hān* или *хап*, *кашг. хан* 'великий царь' использовалась для обозначения верховного правителя чингизидов, отражает монг. форму XIII в. *ха'ан* или, очевидно, *ха'ān* (ср. чаг. *jaḡan* 'слон' и монг. *ža'ān* из «Словаря» Замахшари),¹¹⁹ как это видно из монг. текстов XIII в. и особенно из кит. транскрипции в «Юань-чао би-ши», где в интервокальной позиции исчезли заднеязычный спирант *γ* и звонкий, несколько продвинутый вперед *g*, но слияния гласных не произошло. Более поздние стяженные тюркские формы алтайск., тел., леб. *qān*, тув. *hān* (Радлов), а также с ранним исчезновением долготы, образовавшейся в результате стяжения, уйг., куман. (в СС всегда стяженная и, как кажется, без долготы, часто в форме *ḥan*), кирг., тат., тоб., казах., кюэр., шор., саг., койб., кач. *qaḡan* (Радлов), др.-уйг. (*Analyt. Index* 35; ДТС 636, 417), чаг., таранч., вост.-тюрк., тур. *хан* (Радлов) обозначают во всех этих языках, за исключением турецкого, правителя, но не верховного, высшего правителя, такого как каган. Только османские

¹¹⁵ См.: Marquart J. *Ērānšahr*..., S. 52.

¹¹⁶ Ibid., S. 53.

¹¹⁷ Об этом загадочном титуле см. статью П. Пельо (ГР, 1944, р. 166—167, примеч. 2), а также упоминаемые им работы Рамстедта и Поппе. По мнению А. фон Габен, этот титул имеет иранское происхождение. Маркварт (*Ērānšahr*..., S. 204) и Банг (*UJb*. 6, 102) склоняются в пользу тохарского источника. Пуллибленк реконструирует форму ***ḍān-huāḥ* (= *ḍān-γuāḡ*), которая не кажется вероятной и не решает вопроса (*Asia Major* 9, 2, 1962, 256).

¹¹⁸ См.: Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society*, p. 102, 105.

¹¹⁹ См.: Монгольский словарь Мукаддима Ал-адаб, I—II. Изд. Н. Поппе. М.—Л., 1938; ср. К. Г. Менгес (*JAOS* 63, 24).

султаны удержали это слово в своем титуле, где оно следует непосредственно вслед за именем (Радлов II, 1662). Эта стяженная и более поздняя тюркская форма отразилась в позднейших русск. формах *канъ* и *ханъ* (см. выше), и только так она известна другим слав. языкам.¹²⁰ Тур. *хаҫап* (Радлов, Редхауз) 'Верховный правитель Турции или Великий хан Монголии' представляет трудности своим интервокальным -q-; форма кажется искусственной, исключительно литературной, созданной, возможно, как табу. Необычны также арм. формы VII в. (Радлов II, 1660 без указания на источник) *խաղախ* хаҫап (в современном зап.-арм. > хаҫап) и более поздняя *խаһап* (из древнего *խաղаխ* хаҫап).¹²¹ В первой из них любопытна замена среднего спиранта задненебным звонким взрывным согласным; во второй вызывает интерес начальный звонкий задненебный спирант, развившийся в собственно армянских словах из древнего твердого ɣ, что напоминает сдвиг начального тюрк. q- к своему звонкому эквиваленту ğ-, явление, хорошо известное современным азерб., туркм., тур. диалектам в районе г. Конья. Для современных языков сдвиг q- > ğ- объясняют как результат иранизации, но совершенно неясно, можно ли говорить об иранском влиянии и его последствиях уже в VII в.¹²² Формы с начальным тюрк. q-, др.-русск. к- относятся, вполне очевидно, к домонгольскому периоду, тогда как со времени монгольского нашествия и установления монгольского правления входят в употребление монгольские термины, т. е. формы с начальным спирантом х- (а также с утраченным γ/g в интервокальной позиции), которые стали преобладать в ряде языков. Уже монг. язык «Юань-чао би-ши» (1240) отмечает начавшийся переход q- > х-.¹²³ Таким образом формы вроде *хаҫанъ*, *ханъ* начали проникать в др.-русск. тексты. Как видно из др.-тюрк. рунических надписей в честь Тоньюкука и енисейских, в тюрк. языках наметилась семантическая специализация форм *qaҫaп* и *qaп*,¹²⁴ позже удержанная монголами в др.-монг. формах *qaҫaп* > ха'ап (Ковалевский) 'верховный правитель' и *хап* 'местный правитель, князь'.

¹²⁰ Маркварт (Komanen, 84, примеч. 1) полагает, что *qaп* уже использовалось эфталитами и дунайскими болгарами. Что касается последних, то ср. KANAS в протобулгарских надписях.

¹²¹ Ср. необычный вокализм в грузинском заимствовании *ჭაქაპი* *qaeṇi* и *ჭაქა* *qeeni*.

¹²² П. Пельо в статье о *qubčiri/qubci'ur* и подобных формах (T'P 37, 1943—1944, 153—164) обратил внимание на арм. транскрипцию с помощью γ-(< ɣ-) монг. слов с начальным q-, но не с γ- (р. 158, примеч. 3).

¹²³ В кит. транскрипциях отражаются тождественно др.-монг. q- (позже > х-) и h- (< протоалт. *p-), давший позже в монг. θ-, за исключением монгол., где образовалось f- или х-. Эти звуки хорошо различаются лишь в «новом письме» Пакба-ламы, как подтвердил Н. Н. Поппе в письме от 4 марта 1951 г. См. также его «Introduction to Mongolian Comparative Studies», p. 129; ср. также: Козин. Сокр. сказ., 23 и сл.

¹²⁴ См.: Thomsen V. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei. — ZDMG 78, 1924, 129.

В маньч. имеется только краткая поздняя форма хап 'император, верховный правитель' (Захаров, Габеленц), но в ее графике есть особенность — отсутствие точки при букве «нун» (см. Захаров 25, сверху). Форма с точкой обозначает зависимого правителя, вассального хана. В других тунгусских языках она теперь редка, ср. эвенк. кап 'хан, русский император' (Нерча, Борзя), кăп 'то же' (Кастрен); она также встречается в именах духов в качестве второго компонента (Широкогоров I, 135); ср., наконец, эвенк. тунгирское каṯankān 'русский император' (Василевич). После монгольских походов этот титул проник в большинство восточных языков. В Иране и Афганистане титул хān со временем сильно обесценился, как и многие другие титулы, например султан. В Иране он обозначает теперь просто землевладельца, лицо благородного происхождения или любого, кто претендует на такое происхождение, тогда как хāqān до сих пор обозначает императора, верховного правителя, преимущественно Могола.

Происхождение этого титула пока неизвестно. Как по фонологическим, так и по семантическим причинам не стоит рассматривать всерьез возможность китайской этимологии от ке 'великий' + kuan 'правитель, управляющий', предложенной Рамstedтом¹²⁵ и принятой Фасмером. Исчерпывающий обзор всех случаев употребления и функционирования титула в персидских источниках дан Дёрфером (3, 141—183), возводящим его к жуань-жуаньскому (протомонгольскому сянбийскому) источнику. Совершенно неприемлема этимология Пулблибенка (*Asia Major* 9, 1962, p. 91, 260).

КОНЧАКЪ (Кончака, род.-вин. п., Кончаку, Кончакови, дат. п., Кончакомъ, тв. п.; разнотчение **Конъчакъ**), имя половецкого хана, встречается также в Лаврентьевском и Ипатьевском списках летописи под 1172—1224 гг., в Ипатьевском также под 1280 г. и в Лаврентьевском под 1317 г.; как имя известно также у владимирских бояр XIV—XV вв.¹²⁶ У Фасмера имя не рассмотрено, Корш возводил его к тюрк. қонсақ 'смельчак, герой',¹²⁷ ср. чаг. қонсақ, обозначающее между прочим 'oḡlan, jigit, gānǰ, dāliqanly, köprā vā pāvḡuvān, bāǰā' (последнее отражает персидскую форму баџа), т. е. 'мальчик, юноша, смельчак, смелый, отважный; мягкий, нежный и юный; мальчик' (Радлов II, 547).¹²⁸ По своему образованию и этимологии слово это в тюркских языках не вполне прозрачно. У Радлова для чаг. қонсақ даны два различных зна-

¹²⁵ Ramstedt G. J. Alte türkische und mongolische Titel. — JSFOu 55, 1951, 62.

¹²⁶ См.: Rásonyi-Nagy L. Valacho-Turcica. Berlin—Leipzig, 1927.

¹²⁷ См. реконструкцию Корша (Слово, с. XXVIII); ср.: Орлов 102.

¹²⁸ Радлов ссылается здесь на «Чагатайско-турецкий словарь» Шейха Сулеймана (Константинополь, 1881), опуская, однако, часть приведенных нами переводов значения.

чения. Первое из них приведено выше, второе — 'продолговатое блюдо, чаша', однако это совершенно другое слово и должно быть помещено под чаг. qolčaq, от которого оно образовалось путем ассимилятивного перехода lč > nč. Последнее слово представляет собою именное образование на -čaq (функции этого -čaq пока неясны) от qol, означающего, например, у Кашг. 'низина, русло', являющегося эквивалентом монг. γōl 'река'. Ср. возражения Гордлевского (с. 325 и примеч. 62) против выведения имени от тюрк. qančur 'собака, сука', как это предлагал Березин. Пельо, не упоминая работы Корша, читает Kōnčāk,¹²⁹ основывая, очевидно, эту палатальную форму на кит. K'uan-č'ě, встречающемся в «Юань-ши» как имя четырех лиц. Первый слог оставался неизменным — ср.-кит. и др.-кит. *k'uān (Карлгрен. Grammata, № 165b), второй слог в китайском определенно мягкий — ср.-кит. *d'īāt < *d'jat (Карлгрен. Grammata, № 286) > яп. тессу. Затем Пельо приводит из Рашид ад-дина имя кыпчакского вождя, современника Чингис-хана, كونچاك, которое можно читать только как Kōnžāk или Kōnčāk (~Künžāk, Künčāk). Палатальная природа исходной тюркской формы не может быть установлена на основе русской формы, хотя, например, тюрк. kōbāk 'собака', выступая как отчество *Кобяковичь* (см. выше), сохраняет мягкость второго слога. Однако вариант *Коньчакъ*, если он восходит к оригиналу «Слова», мог бы отражать палатальную природу тюркского слова. Пельо производит это имя из половецкого нарицательного kōnčāk 'штаны' (ср. Грөнбек, у Радлова kōncāk), сохранившегося в караим. (г. Луцк) kencaklar '(мужское) нижнее белье' (Грөнбек). Других замечаний об этом слове Пельо не делает. Его можно рассматривать как производное на -čaq/-čāk от kōn '(дубленая) кожа' (Радлов: бар., казах., тел., леб., вост.-тюрк. 'голенище', тат. kün 'кожа', тур. gön, туркм. gōn 'то же'); следовательно, оно могло обозначать 'кожаные штаны'. В этом нет ничего странного, если принять во внимание тюркский обычай давания имен новорожденным. Вероятно, предположение Пельо справедливо. В его пользу говорит и тот факт, что это имя встречается среди половецких имен Венгрии в виде Kunchegh (под 1333 г.), comes Kumcheg (под 1347 г.) и как топоним Kōncsög (АОН 20, 1966, 143).

Слово Kōnčāk может служить также женским именем. Так, мы имеем *Кончака*, образование ad hoc, ж. р., имя сестры Узбек-хана из Золотой Орды, дочери Тогрулджи, сына Джучида Менгу-Тимура. Перед своим обручением с московским князем Юрием Даниловичем III она была крещена Агафой (ЯГИА). Позже она оказалась пленницей тверского князя, умертвившего ее в тюрьме.¹³⁰

¹²⁹ См.: Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949 (Oeuvres posthumes, 2), p. 95.

¹³⁰ См.: Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953, p. 199.

Н. А. Баскаков,¹³¹ рассматривая вариантность этого имени в тюркском, отдает предпочтение форме *Könčäk*, которую он берет из карачаево-балкарского языка в двух ее разновидностях *qončaq / könčäk* 'кожаные штаны'. Видимо, Баскакову осталась неизвестна этимология Пельо. В тур. диалекте Аданы встречается *qončiq* 'брюки, штаны' (DD 1941, 954), что можно рассматривать как твердый эквивалент к *könčäk* (ср. пример Баскакова) или же как уменьшительное на *-Vq/-Vk* от *qonč* 'голенище'.

КОЩИИ (кощѣй, кощѣа, род.-вин. п.; кощинево, прил. притяж., им.-вин. п., ед. ч.). Ср.: Срезневский, Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 290—293), Бернекер, Преображенский, Фасмер, Дмитриев 561, Чижевская, Словарь. Преображенский считает слово «не вполне ясным». Это может значить только то, что ему было неясно словообразование, поскольку *кошь* он правильно возводил к тюрк. *qoş*. Мнение Ванстрат неясно, поскольку в тюркском не существует «суффикса -še, -či», а -ša/-šā и -şu/-ši — два разных суффикса с совершенно разными функциями. Непосредственный источник слова Мелиоранский, Бернекер и Фасмер справедливо усматривали в тюрк. *qoş-şu*, не засвидетельствованном Радловым в этой форме, но лишь в форме казах. *qoşşū* (< *qoş-şu*, *qoş-şu*) 'погонщик вьючных лошадей', ср. также узб. *qoşşu*, *qişşu* 'пахарь, земледелец, крестьянин', *nomen actoris* от *qoş*; см.: др.-уйг., чаг., вост.-тюрк., таранч., кирг., крым., тел., шор., кюзр., кач. 'вместе, соединенный, пара (о запряженном тягловом скоте), упряжка', чаг., тар. 'плуг; лагерь, войско', кирг., вост.-тюрк. 'небольшие временные шалаши, хижины', вост.-тюрк., сиб. 'вьючный груз животного; стадо', у Кашг. имеется лишь *qoş* 'пара', *qoş at* 'запасная лошадь султана'. Як. хос (Бётлингк) означает 'двойной', монг. хос (< **qoş*) 'двойной, пара' (Ковалевский). Тюрк. *qoş* заимствовано русским, украинским и польским языками (см. Бернекер, Фасмер), в белорусском имеется лишь производное *кошѣваць* 'разбивать лагерь'. Половецкая форма, послужившая основой др.-русск. *кошчи*, должна была выглядеть *qoş-şu*, т. е. быть подобной узб. форме, а не казах. *qoş-şū* с лабиальной гармонией в суффиксе. Значение этого слова у древних половцев в связи с их кочевым, неземледельческим образом жизни, можно думать, было тождественно или очень близко к тому значению, какое Радлов приводит для казахского языка. Позже, на русской почве или даже у тюркских племен, перешедших к оседлой жизни, слово *qoşşu / кошчи* приобрело то же значение, какое оно имело у земледельческих тюркских народов — 'земле-

¹³¹ Баскаков Н. А. К этимологии половецких собственных имен в «Слове о полку Игореве» (Шарокань, Кончак, Гзак, Кобяк, Овлур). — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1970, с. 42 и сл.

делец, пахарь', как это видно из былины о Кощее Бессмертном.¹³² Весьма вероятно, что *кошчи* было прозвищем или уничижительным обозначением половцев — 'всадник-головорез, конный работник, конное пугало' и т. п. В «Слове» хан Кончак назван однажды «кощей поганый» (ср. Geste 129 и сл.). Фасмер прав, возражая против сближения А. И. Соболевским (ЖМНП, 1886, № 9, с. 152) этого слова с глаголом *костить* 'бранить'. Он скорее склоняется к тому, чтобы видеть в современном русск. *кощей* производное от *кость*, но это особое значение 'худой, тощий человек, ходячий скелет', как обыкновенно изображается Кощей Бессмертный, несомненно, возникло на основе позднейшей русской народной этимологии, связавшей тюркское слово с родным корнем.

Этому слову посвящен также довольно большой пассаж в статье А. И. Попова «П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке»,¹³³ где автор в односторонней и резко полемической манере критикует этимологические работы, в особенности те, в которых усматривается в слове значение 'раб'. Это верно, что в известных употреблениях этого слова отсутствуют случаи, где бы с определенностью выступило значение 'раб', однако А. И. Попов проглядел употребление его в качестве уничижительного обозначения половцев вообще, как это видно из приводимого им отрывка о том, что «отрок кощей» был при князе Андрее Боголюбском в момент убийства последнего в 1174 г., в связи с чем А. И. Попов даже упоминает, что Андрей Боголюбский был наполовину половцем, так как мать его была половчанка. Кроме того, А. И. Попов вовсе не видит в имени Кощея Бессмертного русской народной этимологии. Таким образом, разработка А. И. Попова не дает чего-либо нового. Открытым остается также вопрос об использовании и положении военнопленных половцев, которых также называли «кощей», что А. И. Попов толкует как «пахарь на русских полях». Звучит это довольно идиллически, но на самом деле за этим может скрываться положение крепостного или даже просто раба. Красноречивым подтверждением тому может быть место из «Слова» *была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ*, которое приводит и А. И. Попов в примеч. 28.

КЪЗА, ГЪЗА (Гза или Гзакъ, им. п., Гзѣ, дат. п., ср. Чижевская), имя половецкого хана. В древнерусских летописях встречаются Кза, Коза, Козя и отчество Кзичъ. Ср. также Козей-Ногай, имя бухарского посла в Москве в 1643 г., или Алакозъ (Алыкозъ), имя посла Кафы в Москве (ПСРЛ 8, 237), Козла (род.-вин. п.), имя половецкого хана из Ипатьевского списка под 1180 г. Къза также встречается как название реки, ср. в Лав-

¹³² О роли Кощея Бессмертного в славянском фольклоре см.: Р о л і в к а J. Slovanské pohádky, I. Praha, 1932, с. 191—194.

¹³³ Тюркологический сборник. 1972. М., 1975, с. 44 и сл.

рентьевском списке под 1177 г. и Кзѣ (местн. п.) в Суздальской летописи по Академическому списку под 1216 г. Козя и позднейшие имена могут быть произведены от тюрк. köz 'глаз', ср. Közäi в Közäi-Noṛai, Ala-köz (Ala-göz, в этой форме известно также имя горы Арагац в Армении), Köz-lü(g)?, но для имен типа Гза(кь), Коза, предполагающих велярную природу тюркского слова, нужно искать другой этимон. Возможно, они происходят от основы quz-, означающей в тур., азерб., крым., куман., тат., казах. 'становиться горячим, красным, раскаленным' (Радлов). У Радлова отмечено лишь одно именное производное с суффиксом -уq: казах., тат. quz-uq 'теплый, горячий, пылающий; приятный, привлекательный, милый', но эта форма вряд ли могла послужить основой для форм Кза, Кзичь. Так же не годится для этого и племенное название казахов — qazaq. Точно так же невозможно связать это имя, как это делает Корш, с тюрк. хожа < перс. хwāḡa 'мастер, хозяин, учитель', несмотря на русск. *хозяин*, форма которого объяснима только чувашским посредством.¹³⁴ Это слово может быть связано с тюркским обозначением охотничьей птицы, ср. шор. quza 'вид коршуна' (Радлов), у Кашг. quz-quṣ 'птица, которая смотрит на человека так, как если бы хотела напасть на него'. Упомянутая форма *Козла* предполагает, видимо, им. п. *Козьлъ*, т. е. кальку тюрк. tākā '(дикий, горный) козел', встречающегося как личное имя, а также как название известной федерации туркменских племен.¹³⁵ Вариант *Гзакъ* в «Слове» обязан аналогии с именами *Кончакъ*, *Кобякъ*, поскольку в «Слове» все они тесно связаны между собой.

В своей статье о собственных именах в «Слове» Н. А. Баскаков предлагает еще несколько прототипов, не делая, однако, окончательного выбора; среди них он называет qozy 'ягненок', входящее в имя знаменитого персонажа казахских эпических песен или баллад Qozy Körpöš. Баскаков рассматривает его как наиболее вероятный прототип для прозвища gözi aq 'чьи глаза (глаз) белы (бел), т. е. поражены бельмом или катарактой', огузскую форму он объясняет тем, что кыпчакизированные огузы составляли часть куманов-половцев. Поскольку не приводятся, однако, материалы из источников или какие-нибудь иные подтверждения, этимология эта остается недоказанной.

Аналогично этому Баскаков производит имя *Бонякъ* от обычной собачьей клички bojn' aq < bojni aq 'тот, кто имеет белую шею'. И здесь также русская форма не обнаруживает исходные фонетические черты. Слово может быть велярным — baḡaq, baḡaq 'помет' (отсутствует в СС, ср. Кашг. bajnaq, Guzz, фонетически как baḡaq / *maḡaq 'помет', у Кашг. также есть тајаq 'по-

¹³⁴ Относительно русск. *а'* на месте *ž* других языков см.: Menges K. H. Qaraqalpaq Phonology, p. 95 и сл., примеч. 71; Räsänen M. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Helsinki, 1949, S. 183.

¹³⁵ Об алт. tākā см.: Menges K. H. Etymologika. — In: W. B. Henning Memorial Volum. London, 1970, p. 307—316.

мет верблюда, перен. овцы', др.-уйг. *majaq* (ДТС), вост.-тюрк. *majaq* (Радлов), карагас. *mujaq* (Образцы X, 617), *miñak* (Кастрен) 'то же'; Рясянен 322, приводит только *majaq* без этимологии), или же палатальным — **bön-äk* (**böŋ-äk*?), уменьш. от *bön* (*böŋ*?) 'глупый' (встречается как личное имя *Böŋäk* в поздних уйгурских документах, ср. ДТС 118); тур. *bön* и *böŋ* 'глупый, тупой, простой и т. п.' (Радлов, Редхауз дает *böŋ* 'то же', 405, предпочтительно перед *bön*, 410); в ранних турецких текстах выступает только в форме на -п (см. TS 1, 1963, 665—667; *bön* 'saf, ahmak' засвидетельствовано с XIV в.). Этимология этого слова не ясна: Рясянен помещает тур. *bön* под **muŋ/buŋ*, так же как под *mün*, кроме того, он приводит *bön* из др.-тюрк. и Абу Хайяна; у Кашг. имеется *böŋ* 'толстый, жирный' (ДТС 118), *böj* и *bök* (наверное, вместо *bög*) 'глупость', видимо, от того же корня. Относительно метатезы *j*+плавный > плавный+*j* в **bonjaq* < **bojn(u) aq* (ср. например, в др.-уйг. *buŋruq* > *burjuq*, ДТС 125 или *aŋraŋ* > казах. *aŋraŋ*, что встречается спорадически, но чаще в северо-западных тюркских языках) еще неизвестно, допустима ли она была в XII в.

Можно было бы сильно колебаться, предлагая этимологии в этом духе, если бы у нас не было достаточно свидетельств о том, что половцы, как и другие алтайские народы, руководствовались совершенно иными критериями при выборе имени младенцу, чем классический мир и большинство азиатских и европейских народов. Кроме *Кобяка* русские летописи сохранили и другие имена такого типа: *Итона* из *It-äpa* 'Собака-отец', *Тонузона* из *Topuz-äpa* 'Свинья-отец', причем *она* всегда пишется в одно слово с предшествующей частью, или *Котянъ* из *Köt-än*, уменьш. от *köt* < **köt*/**göt* 'ягодина, зад' (Рясянен 294); у Радлова только чаг. *kötän* 'то же' и 'стул, сиденье', извлеченное из Калькуттского словаря, который дает двусмысленное араб. *maq'ad*, что в данном случае означает часть тела; кроме того, Радлов приводит алтайск. *ködön*, тат. *kütän*, тур. *gödän*. Среди имен половецких правителей в Венгрии также встречается *Kötän*: *Kuthen*, *Cumanorum rex*.¹³⁶ Тождественно с упомянутым половецким именем может быть также имя второго сына Угедей-хана, которое обычно читается *Gödän* (*Göden*), но можно допустить формы *Götän*, *Güdän* и т. п.

КЪРСУНЬ (Корсуню, дат. п., м. р., основа на *-jo), название города Херсона (Χερσών). Ср. Фасмер, Чижевская, Словарь. Нет оснований считать, что греч. *Χερσών* дало непосредственно слав. *Корсунь*; следует учесть лишь то, что в древнейший период за твердыми согласными никогда не следовали гласные переднего ряда, иначе наступила первая палатализация. Долгое *ō* других языков обычно соответствует слав. *и*. Деспирантизация *х* — явление неславянское, поскольку у славян *х* выступало в любой

¹³⁶ См.: R á s o n y i L. Les anthroponymes comans de Hongrie. — АОН 20, 1966, 143. Автор также производит это имя от *köt-än*.

позиции, за исключением позиции перед гласным переднего ряда в древнейший период. Но звук *x* искони не известен тюркским языкам, особенно древним, так что нетюрк. *x* всегда замещалась через *q* (или *k* в палатальном слове). Этот факт вместе с последовательностью гласных *o—u*, очевидно, указывает на тюркское посредство между греческим и славянским языками в форме **Qorsun*. Конечное *-ь* можно рассматривать как суффикс притяжательного прилагательного при подразумеваемом слове *градъ*. С другой стороны, можно думать, что нерусское конечное *-n* передавалось как *-нь*, *n'* в русском еще долго после того, как образование прилагательных на *-ь* вышло из употребления, ср.: например, *Алазань* — река в Восточной Грузии, *Аргунь*, *Амгунь* — восточносибирские реки, *Кубань*, тогда как образования *Тамань*, *Казань*, *Астрахань*, вероятно, весьма древние. Во всех этих случаях оригинальные формы не имели конечной мягкости.

МОГУТЬ (могуты, тв. п., мн. ч.), название племени, племенной касты или титул (?). Срезневский, приведя цитату из «Слова», рассматривает это имя как нарицательное.¹³⁷ Ср. также Фасмер, Чижевская, Словарь. Это слово могло бы быть славянского происхождения, будучи образовано от основы *мог-* 'мочь, быть способным' (см. Бернекер, прилож., с. 67 и сл.) и суфф. *-ont-* активного причастия настоящего времени: **mog-qt-* > **mog-ut-*. Ср. Срезневский: *могутъ, могутъ* (δωνάτης, dominus). Однако это слово нельзя рассматривать как причастие, поскольку отсутствует вторичный суффикс *-jo-/-ja*, с помощью которого образуется им. п. ж. р. и все косвенные падежи. В данном случае это скорее титул, чем племенное название: Грегуар переводит 'вельможами' (Geste 64), Чижевская — 'воевода, витязь'. С другой стороны, можно сравнить это слово, как делает Л. Рашоньи (SK 8, 1936, 293), с др.-уйг. *тауи* и глагольным производным *таут-* от куман., чаг., сиб., *таq* 'хвала' (Радлов, для куман. Грэнбек дает только *тахта-*). В монг. имеется, кажется, лишь глагольное производное *таqта-* 'хвалить' (Ковалевский, Лессинг) и многочисленные дальнейшие производные. Тунг., маньч. *таqта-* 'хвалить', эвенк. *макта-* нерч. 'любить', нерч., урм. 'хвалить', урм., сым. 'благодарить' (Василевич), нан. *таqта-* 'хвалить, одобрять' и уд. *макта-* 'хвалить' являются, вероятно, заимствованиями из монгольского или тюркского (якутского) соответственно. Можно также предполагать, что это тюрко-монг. множественное число на *-t* от *таq* или *тауи* > *тауи-t* или *тау-ut*;¹³⁸ но это не-

¹³⁷ Перевод 'вельможами', 'храбрыми рыцарями', 'воеводами' дает Geste 61, 167, 193. В этой связи небезынтересны северно-русские формы *могут*, *могутай* (Псков), *могут*, *магут* (сиб.) 'сильный человек, герой, великан, волот; сильный и высокий человек' (Даль, см. здесь также *волот*).

¹³⁸ Так полагает Рашоньи (SK 8, 1936, 7). Имея в виду только монгольские формы, *таут* можно было бы рассматривать как множественное от *тауи* 'плохой' (Ковалевский, Лессинг) вместо обычного множественного *тауус*.

сильный аргумент, поскольку ожидалось бы, что племенное название будет именным производным от таq, тауи 'хвала'. Следовательно, вместе с Фасмером я склоняюсь в пользу славянского происхождения слова. В орхонских надписях встречается название крепости Мауу-Qurγan (Радлов), которое могло бы быть тождественно с племенным именем,¹³⁹ но по вышеприведенной причине я не думаю, что оно тождественно с тюрк. таq, тауи.¹⁴⁰ Могуты, несомненно, тождественны с племенем Māqūt, упоминаемым Рашид ад-дином в связи с походами монгольского князя Qd'n (Qadān) на запад, т. е. против кыпчаков, включая Русь и Хорасан.

А. Зайончковский предлагает этимологию от meŋgü, möŋgü 'вечный' (в СС имеется meŋi, meŋü, Грёнбек), причем он допускает переход η, ηg > γ, что, однако, незакономерно в палатальном окружении.¹⁴¹ Он мог бы объяснить мн. ч. *Möŋgüt > др.-русск. *могут*- только на основе замещения русскими о и у тюркских ö и ü и необычным замещением несвойственного русскому языку η через г. СС не знает, однако, форм с лабиализованным корневым слогом вроде *möŋgü, так что появление регрессивной лабиальной гармонии или лабиализации этого типа не известно ни одному северо-западному тюркскому языку. Такие племенные названия, как Мауγut и Муγγat (< монг. miŋγat, мн. ч. от miŋγan «тысяча»), обнаруживаемые по всему Туркестану (возможные предки племени Хазара в Афганистане), можно рассматривать как прототипы, несмотря на то, что они, как указывает Зайончковский, засвидетельствованы только в поздних источниках.

Н. А. Баскаков задается вопросом, не могло ли бы имя печенежского князя Мог, известное из венгерских источников, послужить основой для образования в качестве племенного названия формы *могуты*, т. е. формы мн. ч. на -ut от Моγ (см.: UAJb. 48, 1976, 25).

Т. М. Сокол в названной выше статье «О некоторых древнетюркских словах и топонимах в „Слове“» предлагает тюркские этимологии имен *могуты*, *ревуγы*, *топчаκъ* и *шельбиры* без малейшего внимания к фонологическим и фонетическим фактам славянских и тюркских языков, как это ясно видно, например, в случае с формой *хоти*, выводимой из др.-уйг хоṣti 'учитель, наставник' (< согд., ДТС 638) и далее из перс. خواجه.

НОГАТА (ногaтѣ, дат. п., ед. ч.), мелкая монета, согласно Срезневскому, «1/20 гривны», бывшей денежной и весовой единицей, «драхма». Ср. Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 293; 10, 2, 86—87),

¹³⁹ Однако возможно также чтение Амауу-Qurγan, Амγу-Qurγan.

¹⁴⁰ См. доводы В. Банга в приложении к работе Маркварта Chronologie, S. 99—101.

¹⁴¹ Z a j a c z k o w s k i А. Związki językowe połowiecko-słowiańskie, p. 59.

Корш (ИОРЯС 8, 4, 45—47), Ванстрат 62, Geste 126 и сл., Фасмер, Чижевская, Словарь. Производить это слово можно только от араб. *naqd*, мн. ч. *nuqūd* 'деньги', которое служило также обозначением — это показывает Мелиоранский по словарю Р. Дози — серебряной монеты как синоним слова *dirham* «*درهم*». В турецком слово известно в форме *naqt* (Радлов, Редхауз, в Турции, особенно в Анатолии, можно также слышать форму *naqut*), в крым. *naht* 'то же' (Радлов). Согласно Мелиоранскому и Грёнбеку, в СС отмечена форма *naqt*, которая приводится Радловым как *naqt*, а Грёнбеком как *naqt* (*naht*?) с значением 'деньги, *sīm* — серебро; монета, *aqša* — деньги'. В большинстве тюркских языков в конечном слоге не появляются два смычных согласных; в некоторых, как например турецком, в таком случае между ними возникает вспомогательный гласный, который вновь выпадает при последующем вокальном анлауте суффикса; в других языках развивается диссимиляция смычных, как например в азерб. *naht*; в языках третьей группы может опускаться второй смычный, как например в таранч. и совр. уйг. *waх*, *gaх* 'время' из араб. *waqt*, перед суффиксом с вокальным анлаутом второй смычный может вновь появляться. Вспомогательный гласный должен быть той же природы, что и окружающие звуки, т. е. или велярным, или палатальным и он может быть либо *a*, *y*, либо *ä*, *i*. Иными словами, форма **naʔat* так же возможна на тюркской почве, как и *naʔut*.¹⁴² Мелиоранский (ИОРЯС 10, 2, 86—87) привел целый ряд примеров такого рода, он мог бы добавить также, что перс. *šahr* 'город' отразилось в разных тюркских языках как тур. *šāhir*, узб. *šāhär*; араб. *lafz* 'слово' — как тур. *lafz*, *lafyz* или казах. *lepäs*; араб. *qadr* 'количество, сила' — не приведенное Мелиоранским — всегда как *qadar* в тур., узб., казах. и др. Если принять во внимание, что тюрк. *a* (= *ä*) в первом слоге могло проявляться как русск. *o*, то такое производство не вызовет никаких трудностей. Конечный *-a*, несомненно, русского происхождения, потому что если бы он был тюркского происхождения, предшествующий смычный снова бы стал звонким. Оформление слова через категорию женского рода было обязано, очевидно, аналогии с другими словами женского рода, обозначающими денежные единицы. Глухой смычный *q* в положении между гласными стал звонким спирантом, как это обычно для многих языков северо-западной группы и закономерно во всех языках Сибири, ср. бараб. и др. *tāqt*, *taxt*, *taxyt* и *taʔut*¹⁴³ из перс. *taxt* 'трон'. Названия монет всегда подвергаются сильному воздействию со стороны того языка, в котором они становятся заимствованиями,

¹⁴² Вспомогательный гласный появляется на тюркской почве, а не на славянской, как ошибочно предполагает Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 293). В древнейший период русского языка в такой позиции могли возникать лишь редуцированные гласные, а не гласные полного образования.

¹⁴³ См.: B a n g W. Zu der Moskauer Polowzischen Wörterliste. — Bulletin de L'Académie royale de Belgique, 1911, N 4, p. 100—101.

ср. англ. *dime* 'монета' из лат. *decimum*, франц. *sou* 'су' из лат. *solidum*, тур. *quruş* из нов.-в.-нем. *groschen* < ит. *grosso* < ср.-лат. *grossum*; совр. уйг. *sār* < согд. < греч. *στατήρ*; русск. *деньга*, тюрк. *tängä*,¹⁴⁴ перс. *tān(ä)kā*, *dāng* из санскр. *ṭaṇka-*, дравид., тамил., малаям. *ṭaṇkam* 'чистое золото'. Об употреблении слова *ногата* в тесной связи со словом *чага* в «Слове» см. Geste 311. Трудно угадать, как воспринимает сообщество говорящих или отдельный ее представитель заимствованное слово или иностранный термин; по всей вероятности, происходит какое-то сопоставление с уже известными конкретными предметами, что обычно ведет к народной этимологии и связанному с ней изменению формы заимствованного слова. Конечно, слова вроде *ногата* или *мордка* (см. Фасмер) связываются говорящими с исконными словами *нога* и *морда*, но это не более чем народная этимология. Таким образом, я присоединяюсь к выведению слова *мордка* от др.-норв. *mordr*, шв. *mård* 'куница', предложенному с некоторым колебанием М. Ряшененом, и поддерживаю вопреки В. Кипарскому (ВЯ, 1965, 5, 135) арабское происхождение слова *ногата*, в пользу которого говорит распространение его в тюркских языках.

ОВАРЬСКИЕ, прил. (оварьскими, им. п., мн. ч., м. р.), аварский. Ср. Фасмер, Чижевская, Словарь. Здесь имеются в виду кавказские авары Дагестана, говорящие на одном из группы андийско-дидойских языков. Эта форма снова показывает типичное *o* на месте алтайского *a* (~*ä*) в первом слоге. Конечно, это то самое имя, что и монгольских аваров, которые в 50-х гг. VI в. приблизились к древним становищам или, скорее, общинам славян на западном берегу Днепра. Эти монгольские авары появляются в древнерусской летописи как легендарные завоеватели, называемые также *объре*, *объри*, ед. ч. *объринъ* (ср. вводную главу к «Начальной летописи» по изд. Археографической комиссии. СПб., 1910, с. 11, а также Фасмер). Остатки монгольских аваров, спасаясь от угрозы покорения или уничтожения со стороны тюркских (огузских) групп, позже отошли на юг, в глубокие долины Дагестана, где в конце концов были поглощены местным населением. О монгольских аварах и их отношениях со славянством см. также при словах *телъга* и *хорюгъвъ*. Шлемы названы аварскими, потому что они аваро-дагестанского происхождения, что говорит о их хорошем качестве. Табасаран, юго-восточная часть Кавказа, и район Кубачи (*Uṭbug*) были, вероятно, с доисторического периода крупнейшими поставщиками оружия для всего западного мира. Что касается отражения этого в «Слове», то см. в статье Шефтеля (Geste 112—114) и несколько поправок к ней в моей рецензии (JAOS, 1949, 43—45).

¹⁴⁴ Тюрк. *tängä* не развилось из *tijin*, *tijŋ*, *tɪn*, *tɪŋ* 'белка' > 'копейка', как полагает И. Г. Добродомов (Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке. — Учен. зап. МГПИ, 1967, № 264, с. 368 и сл.).

Происхождение названия аваров не ясно. Др.-русская форма указывает на алтайское (монг.) *Abar, тогда как орхонские надписи имеют PR, смысл которого в течение некоторого времени оставался невыясненным, но теперь это обычно читают Араг 'авар(ы)', что хорошо укладывается в контексты с перечнями племен и государств.¹⁴⁵ В качестве этимона этого племенного имени Немет (см. у Фасмера) предлагает помен aoristi aba-r, ava-r от тюрк. aba- 'быть упорствующим, сопротивляющимся', к чему можно также добавить тунгусскую параллель žürçen, вероятно, из маньч. žürçe- 'сопротивляться, отказывать в почтении', но из тюркских языков слово отмечено лишь в тур. и чаг. (Радлов), отсутствуя в монг. и тунг. По мнению Пельо,¹⁴⁶ можно привлечь к рассмотрению тюрк. av- 'окружать' (напр., у Кашг.; кроме того, äv- 'то же'), при этом av-ar будет помен aoristi; в дальнейшем, однако, он подчеркивает, что продолжает считать аваров монголами. Выведение формы Авар из крым. караим. аага, крым., тур. аага, тур., азерб. аага (Радлов, в чаг. и тур. также 'беспокойство, суматоха'), как это предлагает П. Услар (приведено у Маркварта, Команен, 74), а за ним Дирр (см. у Фасмера под *аварец*), имеет самое большее ценность народной этимологии, поскольку тюркское слово имеет очевидную персидскую этимологию: āvāgā 'заброшенный, потерянный, заблудший; странник, бродяга'; в пользу āvāgā можно было бы привести еще пехлев. ārāg 'то же' (ср. орхонскую форму!), заимствованную в мандейск. 'w'g 'опустошение', ārag, ārag(i)šn 'грабеж', āpartan, āpartan 'грабить', в белуджи āwār 'добыча, грабеж', в арм. авар 'то же', авар-ем 'грабля' (см.: Н о r n Р. Grundriss, S. 13, № 53; Хюбшман. Арм. грам. I, 112, № 80). В этих случаях показательна семантика слов в пехлевийском и других языках 'грабеж, ограбление, опустошение', так хорошо приложимая к деятельности аваров, появившихся на северо-восточных границах империи Сасанидов тогда, когда пехлеви был языком империи. Китайская форма, которая могла бы отражать Авар, Араг, как кажется, выступает в виде А-ҳо, А-һа, приведенной в «Пэй вэнь юнь-фу» [Словарь рифм, 1711 г.] на основе главы о тюркютах в «Бэйши» (за цитату из этого текста я признателен д-ру В. Самолину).¹⁴⁷ Г-жа Л. Киссельгоф любезно обратила мое внимание на одно место в «Документах» Шаванна (с. 88), где говорится, что эту китайскую форму, если чтение ее верно, можно признать тождественной форме

¹⁴⁵ См.: Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées, p. 98, 140, примеч. 8.

¹⁴⁶ См.: Oeuvres posthumes, 2, p. 232, примеч. 1.

¹⁴⁷ Средне- и древнекитайские конечные зубные смычные и / или плавные соответственно доказываются кантонскими, японскими, вьетнамскими и корейскими формами. Ср., например, из словаря Джайльса следующие формы: № 8527 — сев.-кит. Һа, , кантонское Һет, Һат, яп. Һассу (< Һат'у), Һај, кор. Һал, Һ'е, вьет. Һат; № 9386 — сев.-кит. Һо (Bej-Čziŋ: Һа), кантонское Һут, Һет, яп. Һассу, Һаі (< Һат'у, Һат'и), кор. Һал, вьет. Һат (см.: Giles H. A. A Chinese-English dictionary. London, 1912).

Авар орхонских надписей и ᲘАваро византийцев. Очевидно, эти А-фо или А-фа представляют собою племенную группу, составляющую часть объединения Töliš или же находящуюся под господством последнего. Позже Шаванн (его Addenda et Corrigenda, с. 309), однако, отказался от своего прежнего утверждения, поскольку, отмечает он, В. Томсен склоняется к отождествлению аваров с жуань-жуанями. Несмотря на такое отождествление (см., например, Минорский. Худūd ал-‘āлам, 447 и сл., 455; W i t t f o g e l К. А., F ê n g C h i a - s h ê n g. History, 85), мы можем принять как возможное положение, что имя аваров отмечено в приведенной китайской форме. Это может быть подтверждено или опровергнуто дальнейшими исследованиями.¹⁴⁸

ОЛЪБЪРЪ (олъберы, олѣтры, тв. п., мн. ч.). Ср. Фасмер, Чижевская, Словарь. Это имя племенной группы, гнезда или, скорее всего, касты, оно встречается в летописи под 1159 г.: Мстислав послал к ним (Берендичам) «Олбыря Шерошевича»; в былинах, собранных Киришей Даниловым, встречается царство Алыберское. С др.-русск. о на месте тюрк. а(=â) это слово должно возводиться к тюрк. алр — у Кашг. ‘герой’, др.-уйг., тур., чаг. ‘то же’ (Радлов), в куман., тат., караим. встречается в производном алр-а-γūt ‘благородные, землевладельцы(-лец)’ (Радлов), Кашг. ‘герой’; его эквивалент в монг. албаγун, обычно во мн. ч. албаγут ‘слуга, раб, свита вельможи’ (Ковалевский, Лессинг). Это слово в форме *албаγут, кажется, тождественно киданьскому личному имени Абаоцзи (阿保機) Ляо Тайцзу, первого императора Киданьской династии;¹⁴⁹ его также можно узнать в др.-русск. алпaumъ (см. Фасмер). Итак, в основе формы олѣбѣръ лежит тюрк. алр + âr ‘мужчина, муж, герой’ (Радлов дает материал из всех языков). Было ли у др.-русск. формы окончание -ѣръ или же -еръ? Форма на -ѣръ должна бы, видимо, указывать на тюрк. ег, форма на -еръ на тюрк. âr; в действительности встречаются оба варианта, но большинство северо-западных и сибирских языков имеют не âr, а ег. Кроме алр известно тат. и сиб. алур со значением ‘герой’, а в тат. также со значением ‘великан’ (Радлов); чув. ұлар имеет оба значения — ‘герой’ и ‘великан’. Согласно Кашг., выражение алр âr является устойчивым эпитетом среднеазиатского

¹⁴⁸ По вопросу об аварах см. также следующие работы: R e i n e s k e P. Die archäologische Hinterlassenschaft der Avaren. — Germania, XII, 1928, S. 87—98; D e é r J. Karl der Grosse und der Untergang des Avarenreiches: Karl der Grosse, Lebenswerk und Nachleben, hrsg. W. Braunsfels. I. Persönlichkeit und Geschichte, hrsg. H. Baumann. Düsseldorf, 1965, S. 719—791; W e r n e r J. Zum Stand der Forschung über die archäologische Hinterlassenschaft der Avaren. — Beiträge zur Südosteuropa-Forschung, München, 1966, S. 307—315; T o m k a P. Le problème de la survivance des avars dans la littérature archéologique hongroise. — АОН 24, 1971, 217—252 (здесь библиографические указания на новую, в основном венгерскую, литературу).

¹⁴⁹ См.: M e n g e s K. H. Tungusen und Ljao, S. 26 и сл.

героя Афрасиаба.¹⁵⁰ В своем этимологическом словаре Миклошич высказывает мнение, что это слово тождественно слову *объръ*, славянскому названию аваров.¹⁵¹ Если принять мнение Миклошича, можно будет оценить форму *олбъръ* как результат тюркской народной этимологии имени аваров. Однако мы не примем это мнение, потому что авары достаточно хорошо определяются в древнерусских летописях, а об *олбѣрах* неизвестно, ни откуда они происходили, ни к какой народности принадлежали. С несколькими большими историческими подробностями это имя рассмотрел Зайончковский (с. 56—58) и, основываясь на материалах Рашоньи, показал, что первоначально социальное обозначение *alp är* 'герой, витязь, один из *alpaüt*'ов' становится этническим: исламский историк Нувайри упоминает кыпчакское племя *Alperli (ärli)* (начало XII в.), которое также в форме *Оперълюеве* встречается под 1152 г. в Ипатьевском списке летописи. Исходной формой является тюрк. *är-erlü (ärlü)* < *alp-erlü (ärlü)* с исчезновением в северо-западных языках звука *l* перед смычным, как это обычно для казахского и каракалпакского языков.¹⁵²

Племя с таким названием, кажется, существовало во времена монгольских походов на запад под водительством Угедей-хана (1229—1242). Похоже на то, что название этого племени скрывается в «Джāми' ат-таварих» Рашид ад-дина в форме *اوبرق*, по чтению Блоше (с. 55), тогда как рукописи дают написание без диакритики. Эта форма, если восстанавливать ее как *البرق*, окажется собирательным (мн. ч.) на -q, отмеченным у Камг., от **Albyr*, т. е. **Albyruq*, **Albyraq*, где второй элемент композита *er/är* подвергся ассимиляции по закону гармонии гласных. Это построение находит себе известную поддержку в тексте Рашид ад-дина, где упоминание *اوبرق* оказывается в непосредственном соседстве с *Māqūt* — могутами (см. выше). Бретшнейдер, следуя за д'Оссоном, приводит данное племенное название в форме *Olerlik* под вопросом.¹⁵³ Это название встречается у Рашид ад-дина дважды: один раз в истории Угедей (с. 44 внизу), другой раз в истории Менгу(Мункэ)-хана (с. 275, последняя строка). В обоих случаях Блоше восстанавливает чтение *اوليرليک*, но поскольку рукописи без диакритики, точно так же можно читать *اولبرليک*. С другой стороны, вполне правдоподобно, что это не полно написанное слово воспроизводит название загадочного народа *Itbaraq*, которое без труда восстанавливается из приведен-

¹⁵⁰ См. также: Velidi A. Zeki. On Mubarakshāh Ghūrī. — BSOS 6, 852.

¹⁵¹ Ср. польск. *olbrzym*, чеш. *obr* 'великан' (Фасмер).

¹⁵² Menges K. Qaraqalpaq Grammar, I, p. 52.

¹⁵³ Bretschneider E. Mediaval Researches from Eastern Asiatic Sources, v. I. London, 1888, p. 310; cp.: D'Osson C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguizkhan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan, t. II. Tientsin, 1940, p. 623.

ных арабских форм, — этот народ победил монголов во время их первых движений в направлении Средней Волги.¹⁵⁴ К сожалению, в настоящее время я не имею возможности сравнить отрывок из Рашид ад-дина, приведенный Марквартом по неполной публикации текста Радловым, с упомянутым местом по изданию Блоше (с. 55). Имя *итбарақ* подробно проанализировано Марквартом.¹⁵⁵ По поводу *baraq* см. у Кашг.: «длинношерстная собака, которая, согласно народным представлениям, родилась из одного из последних двух яиц старой орлицы».¹⁵⁶ У табгачей слово *baraq* служило обозначением одного из их племен, что, по мнению Л. Базена (Т'Р 39, 272), передавалось в кит. 撥略 бо-люэ < ср.-кит. *puât-liak. Форма *baraq* также обнаруживается среди половецких имен в Венгрии, например Demetrius Barag, упомянутый под 1521 г.¹⁵⁷

ОРЬТЪИЯ (срътьмами, срътмами, тв. п., мн. ч.). Ср.: Срезневский, Преображенский, Ванстрат 62, Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 293 и сл.), Фасмер, Чижевская, Словарь. Этимология этого слова от тюрк. ört- 'закрывать, покрывать' (уйг., куман., таранч., тур., азерб. — Радлов, и у Кашг.) была указана около ста лет назад востоковедом И. Н. Березиным. По др.-русс. форме можно

¹⁵⁴ Маркварт. Komanen, 245, примеч. 1.

¹⁵⁵ Маркварт. Komanen, 146, строки 42—46.

¹⁵⁶ Радлов дает *baraq* только для тур. (вариант *braq* 'ищейка', обратное заимствование из европейских языков, возможно, французского) и казах. ср. еще кирг. *baraq* (Юдахин) и узб. *baraq* 'то же'. Ср. с формой *baraq* собаку Кубай-кус сагайцев (Образцы 9, 298—300), а затем сходную традицию у бурят (C a s t r é n М. А. Versuch einer burjatischen Sprachlehre, 235). Это слово распространилось и в других языках, в том числе и западных, как название особого вида охотничьих собак: арм. *baraq* (варианты *p'arak*, *p'arag*) в составе выражения *baraq otsakan* 'охотничья собака' (у Египсе, ср. Хюбшман. Арм. грам. I, 343); изредка в совр. перс., очевидно, сохранившись в *baraqis* (Штайнгасс, 'арабская кличка собаки'), ит. *barasso*, *brasso* 'ищейка, охотничья собака', нов.-в.-нем. *Brascke*, ново-англ. *brach*. Мейер—Любке выводит романское слово из герм. *brakko* 'гончая сука'; так же дает Клюге: ит. *brasso*, ст.-фр. *bras*, фр. *brachet*, *braque*, ср.-лат. *brasso*, 'охотничья собака', *brambrassus* 'комнатная собачка', фр. > англ. *brach*. Не подозревая о связи с тюрк. *baraq* *yt*, он предлагает этимологию из и.-е.: ср.-в.-нем. *braehen* 'пахнуть' и лат. *fragrāre* 'сильно пахнуть' < и.-е. *b^hrag^h-os 'пахнущий, душистый', что чревато серьезными трудностями в отношении семантики, поскольку эти непереходные глаголы связаны не с обозначением «пахнущей, вонючей собаки», а собаки, наделенной особо тонким чутьем. От тюрков слово было заимствовано в калмыцкий, персидский, армянский, сербохорватский и болгарский языки (см. выше и у Дёрфера II, 280); от славян, видимо, в германские и далее в романские. Неизвестно, однако, действительно ли *baraq* тюркское по происхождению слово. Слово встречается также в качестве имени собственного, часто неправильно читаемого как *Burāq*; таково, например, имя первого правителя династии Кара-кытай в Кермане, которое, по указанию Пелло, следует читать *Barag* (ср.: Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society, p. 626, 655, 664, 671; Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, p. 57; Juwayni. The Ta'rikh-i-Jahān-gushā of. . . — E. J. W. Gibb Memorial Series, v. XVI, 2. Leiden—London, 1916, p. 211.

¹⁵⁷ См.: R á s o n y i L. Les anthroponymes comans de Hongrie, p. 137.

восстановить производное от *ört-* *nomen verbale* **ört-mä*, которое, однако, до сих пор не засвидетельствовано в тюркских языках, хотя известны некоторые другие производные, например тур., азерб., крым. *ört-ü*, др.-уйг., чаг. *örtük* 'покрывало, покрывало, вуаль' (Радлов) < *ört-üg* (с суффиксом активного прич. наст. вр.).¹⁵⁸ Кашг. *örtük* следует читать *örtüg* 'то же', Кашг. приводит производное с редким суффиксом *-män*: *ört-män* 'кровля', также неизвестное в современных тюркских языках. Более тщательные исследования словаря современных турецких диалектов, в особенности Анатолийских, предпринятые в Турции за последние годы, принесли упомянутую форму *ört-mä* с основным значением 'место, строение с покрытой верхней частью и открытой передней; веранда, беседка; укрытие для мелкого скота; кухня'; лишь в некоторых диалектах это слово имеет значение '(женская) вуаль'. Производное *ört-män* отмечено только в самсунском диалекте со значением 'satih, yüz; плоскость, поверхность'.¹⁵⁹ Что касается фонологии, то здесь можно увидеть то же развитие, какое наблюдается в тюркских языках, подвергшихся сильной славянизации, каковы, например, гагаузский и караимский. В соответствии с тем фактом, что славяне не имеют *ö* или *ü*, в этих тюркских языках *ö* в начальной позиции заменено на *o*. До падения редуцированных в славянских языках сочетание согласных *-рѣм-*, обладавших исконной мягкостью, было невозможно и между ними появлялись два неорганических редуцированных *-ръѣм-*, подвергшихся позже веляризации *-ръѣм-*. Поскольку, однако, глухой *ѣ* в середине слова был непривычен писцам XVIII в., они либо опускали его, либо заменяли на *ь*, поэтому, восстанавливая чтение *орѣтъмами* в своем издании «Слова» (Geste 44, 154), Р. О. Якобсон опирается на формы в выписках Малиновского (Geste 20). Тем не менее, исходя из палатальной природы тюрк. *örtmä*, древнейшей формой на русской почве нужно считать форму **огьѣма* или даже **огьѣма*. В дальнейшем мягкость др.-русс. слова могла быть полностью утрачена, поскольку мягкость первого и последнего слогов была утрачена в самом начале и поскольку исчезли редуцированные в слабой позиции. Вероятно, поэтому Фасмер дает слово в форме *ортъма*.

Употребление тюркского слова здесь хорошо мотивировано, как это заметил Шефтель (Geste 109), уничижительным противопоставлением грубых половецких тканей роскошным парчам, ввозимым из Византии (см. в «Слове»: «помчаша. . . злато, и паволоки, и драгя оксамиты»).

¹⁵⁸ Естественно, что у Радлова приводится форма *ördük*. Что же касается второго значения, то слово нужно читать *örtük*, т. е. как пассивное перфектное причастие *ört-ük*.

¹⁵⁹ О распространении слова и различных его значениях см.: DD 3, 1116—1117, а также: A k s o y Ö. A. Gaziantep ağzı, III. Sözlük ve kullanılmıyan kelimeler. İstanbul, 1946, S. 540.

В упоминавшейся уже статье «П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке» А. И. Попов выступает также с полемикой против Мелиоранского, выведившего слово *орьтма* из тюрк. *örtmä*, еще не известного в эпоху Мелиоранского. Не будучи зафиксировано Радловым, это слово было обнаружено в «Кутадгу билиг» и у Махмуда Кашгарского. Как известно, Максимович сравнивал слово *орьтма* с куман. *artmaq* 'двойной вьючный мешок' (Грөнбек 41), по поводу чего Мелиоранский совершенно справедливо задавал вопрос о том, куда исчезло конечное -q и как появился ь в русской форме. Приведя эти возражения Мелиоранского и приняв сторону Максимовича, Попов полагает, что сомнения Мелиоранского относительно исчезновения -q неосновательны, ибо он не заметил (!), что в самом «Слове», а равно и в современных ему летописях, одно из половецких имен появляется то в форме *Коза*, то в форме *Гзакъ*.

Что же касается ь в этом слове, то, продолжает Попов, он вполне мог появиться на русской почве вместо ъ, как это имеет место в параллельных написаниях *истъба* и *истьба*, *тълковины* и *тълковины*, *Мъста* и *Мьста*; впрочем, эти написания, заключает он, можно рассматривать как ошибки писцов. Однако нужно сказать, что формы *Коза* / *Гзакъ* не следовало бы использовать как параллель, поскольку дошли они до нас в плохо сохранившемся и, вероятно, искаженном виде, тогда как относительно природы редуцированного гласного в исконной форме нельзя делать каких-либо утверждений без предварительных этимологических разысканий. Утверждая, что слово *орьтма* происходит от куман. *artmaq*, это последнее Попов производит от *art* 'зад' (!), тогда как на самом деле оно представляет собою производное от *art*- 'грузить, накладывать, добавлять и т. п.' (Рясянен 27; Радлов ошибочно относит сюда же як. *ärtuq* 'горный перевал', связанное в действительности с туркм. *ärt* и формой *art* в остальных тюркских языках 'пространство позади, заднее, зад', в географических именах также 'горный перевал', возводимой к древнему локативу **är-t*, как в *üs-t*, *al-t*, *as-t*, от корня **är*). Производные на -*maq* от имен или именных основ в тюркских языках отсутствуют.

Производное на -*maq*, предполагающее существование исконного тюрк. *art*-, закономерно проявившегося бы в древнерусском языке в виде *орт*-, является обычно отглагольным *nomen concretum*, как это зафиксировано у Радлова в куман., чаг., тоб. *artmaq* 'вьюки', тогда как производное на -*та* является отглагольным *nomen abstractum*, ср. у Радлова тур. *artma* 'увеличение', которое может также значить 'действие нагружения, добавления и т. п.', что не отмечено у Радлова. Только это последнее могло бы быть тем тюркским словом, на основе которого появилась бы форма **орьтма*, выведенная Поповым. Но даже если этимология Попова окажется таким образом оправдана, принять ее все же не позволит контекст, поскольку вместе с «япончицами, кожухы»

и «всякими узорочьи Половецкими», которыми победители «начаша мосты мостити», хорошо идут ковры, покрывала и прочие подобные вещи, но едва ли вьючные грузы. Тем самым получает дополнительную поддержку чтение с редуцированным звуком переднего ряда по крайней мере между *p* и *m*: *орьтъма* или же *орьтъма*.

ПОЛОВЕЧИНЪ (половчине, зват. п., ед. ч.; полсвѣци, полсвѣци им. п., мн. ч.). См. выше, гл. I. Ср. Фасмер, Чижевская, Словарь (Удивительно, что в то время как некоторые другие места из 1-го изд. этой книги приводятся здесь в виде пространных цитат, составитель не обратил внимания на Введение к этимологической части, где я прослеживаю историю половцев вплоть до китайских источников). Ср. также статью А. Н. Кононова «К этимологии этнонимов *кыпчак*, *куман*, *кумык*» (UJb. 48, 1976, 159—166).

РӨВӨГӢ (рөвүгы, тв. п., мн. ч.). Ср. Фасмер, Чижевская. Корш (ИОРЯС 8, 4, 39) производит это имя племени или клана от тюрк. *äg-bügä, где äg 'человек' и бүгä 'герой', т. е. синонима к *олбѣрь*. Если начальная метатеза на славянской почве (в алтайском начальное *г*- не встречается), а также непалатальность второго и третьего слогов объясняется легко, то труднее объяснить *g* в *bügä, поскольку алтайские формы в этом случае имеют -к-, ср.: тур. бүкä 'атлет' (Радлов: в тур. диалектах преимущественно бөкä и реже бүкä 'то же; сильный; вождь, командир; человек, который любит командовать; диктатор; задира', см. DD 1, 1939, 225, 238; DS 2, 1965, 767, 816), др.-уйг. бөкä 'сильный' (но не рөгä, как дает Радлов), чаг., таранч. бөкä 'силач, атлет, борец' (Радлов), кирг. бөкө 'сильный' (Радлов), алтайск., тел., леб., шор. рөкө (должно быть рөккө) 'сильный, атлет' (Радлов), саг., койб. төкө (должно быть төккө) 'сильный' (Радлов), бараб. рөгө 'сильный, герой' (Радлов); Кашг. бүкä 'большая змея' — это, вероятно, то же самое слово. Монг. бүкä, бүкү (или бөкä — так у Лессинга, бөкү) имеет то же значение (Ковалевский). Барабинская форма рөгө кажется очень недостоверной. Хотя начальное *b*- стало глухим в барабинском, так же как и в других южносибирских языках (алтайском, хакасском, тофаларском, тувинском), использование интервокального звонкого смычного согласного представляет, пожалуй, исключение в нем, поскольку все южносибирские языки указывают на сохранение интервокального глухого смычного в этом случае, подтверждая тем самым, что прототюркская форма была *bökkä или *bökä. Как общее правило, общетюркские интервокальные смычные глухие согласные стали в сибирских языках звонкими.¹⁶⁰

¹⁶⁰ См. главу об удвоенных согласных в моей Qaraqalpaq Phonology, p. 37 и сл.; ср.: R ä s ä n e n M. Materialien zur Lautgeschichte. ..., S. 137 и сл., 143 и сл.

Вероятно, можно связывать *ревугъ* с *bögä* 'мудрый, шаман' в качестве второй части композита, ср. др.-уйг. *bögä*, *bögü* (Радлов, где *rögä*, *rögü*), *bögü* и *bügü*, Кашг. *bögü* или *bügü* (но не *bükü*, как читает Брокельман) 'умный, мудрый', куман. *bügü* 'мудрец, пророк' (Радлов, Грөнбек), чаг. *bügi* 'колдовство' (Радлов), тур. *büjü* (от *bügü*) 'то же' (Редхауз 407); тур. форма *büj* в арабском написании *بوي*, как приводит Радлов (IV, 1874), не существует; это неграмотное арабское написание вместо *بوكو*, *بوكى*; правильной формой является *büjü*, как это дано в приведенных примерах, т. е. accusat. indefin. и тур. *büjüjü* 'колдун'. Слово также имеет интервокальный звонкий смычный в монг. *büga* 'шаман, колдун' (Ковалевский), *bögä* (Лессинг), откуда стяжение в халх. и бур. *bö* 'шаман, чародей'. Название племени или клана может, следовательно, значить: 'мужчина (самец, мужеподобный) шаман'.

Рашоньи (SK 8, 1936, 298) связывает вторую часть этого слова с *buḡa* 'бык, тур' (др.-уйг., чаг., Радлов), др.-тюрк., вост.-тюрк. таранч., казах. *buqa* (Радлов), тур. *buḡa* (вокализированное *boḡa* у Редхауза 402), сиб. *puḡa* (Радлов), монг. *buxa* (< *buqa*) 'то же' (Ковалевский, Лессинг). Это слово также было заимствовано в русский язык как *бугай* (см. Фасмер), польск. *buhaḡ* указывает на заимствование из украинского, в болг. *буга* заимствовано из современного турецкого языка (Бернекер). Этимология Рашоньи более приемлема в фонетическом и удобна в семантическом отношении, к тому же он приводит аналогичные имена из современных тюркских языков. Более того, не исключено, что это имя подверглось народной этимологии на славянской почве и связалось с основой *рев-*, ср. *rěv*, *реветь*.

Зайончковский (58—60) задается вопросом, не связано ли это слово с известным *ҮВИГІ* протобулгарских надписей (как «*eḡivig?*»), что, однако, вряд ли возможно, поскольку, как добавляет сам Зайончковский, слово *ҮВИГІ* всегда относится к хану и встречается в устойчивом выражении *KANAC ҮВИГІ* + личное имя хана.

САЛТАНЪ (салътани Е, салтани II, вин. п., мн. ч.), это арабский титул *sulṭān*, как установил Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 294). Ср. Фасмер, Чижевская. Слово это редкое в др.-русс. языке: Срезневский приводит пример из «Слова» и «Хождения» Афанасия Никитина, где встречается *султанъ* и *солтанъ*. Трудно объяснить *a* в первом слоге. Возможно, этот звук возник в результате ранней ассимиляции гласного гласному следующего слога, что предполагает в качестве исходной формы **soltanъ*. Ср. виз.-греч. *Σολδαῖνος* из араб. *sulṭān*, например, у Константина Багрянородного в «*De administrando imperio*» (гл. 29) и «*De thematibus*» (гл. 11).¹⁶¹ Формы с ассимиляцией гласных известны былинам:

¹⁶¹ См.: Моравчик II, s. vv. *солδαῖνος*, *солтанъ*, *сουλтанος* и мадьяризированное *Залтас* > совр. венг. *Zoltán*.

Салтан, Салтанович.¹⁶² В тюркских языках имеется крым. *soltan* (Радлов) и тел. *solton* из *soltan* (Радлов) с выравниванием по признаку лабиальности,¹⁶³ тогда как в тур. *sultan* (Радлов) и *sültān* (у Редхауза в согласии с тогдашним произношением образованного Константинополя). Этот титул проник также в монг. *soltan* (Ковалевский); *sultan* > халх. *sol'ton* и даже в тунгусский язык, где встречается в качестве титула эпического героя Соду Сордончѳ Солданы;¹⁶⁴ возможно, этот титул значит 'султан согдийский (и) сартакчынский (туркестанский)'. В «Слове» этот титул отнесен к сельджукам и сельджукским султанам.

САПОГЪ встречается в «Слове» только в составе производного *засапожникъ* с основой на *-о (*засапожники*, тв. п., мн. ч.) 'нож, носимый за голенищем'. Ср. Чижевская; Фасмер не дает этого слова. Микл. Л. сравнивает основу с санскр. *sap- 'ligare'*, у Бернекера без замечаний сравнение с лит. *sarogas*, лтш. *zābaks* (<? < слав.). Слово *сапог* отмечено Срезневским и Фасмером, засвидетельствовано начиная от Остромирова ев. В переводе Евангелия слово *сапогъ* передает греч. *ὀπόδημα* 'сандалии', но в светских текстах обозначает ту же обувь, что и теперь — ботинки с голенищами. Слово *сапогъ* известно только древнеболгарскому и восточнославянским языкам, не имеет славянской или индоевропейской этимологии; возможно, оно имеет алтайское происхождение. Параллели находятся только в тунгусских: чжур. *sa-bu* (*sāh-pūh*, Грубе 98) и маньч. *sabu* 'обувь, тапочки' (Габеленц 169, Захаров 562). Ни в монгольских, ни в тюркских языках не отмечены параллели со значением обуви. Русск. *сапогъ* следует выводить от проточувашского (протоболгарского) или др.-тюрк. (печенежского, половецкого) **sap-a-γ*, **sap-yγ*, **sap-uγ*, т. е. глагольного имени (активного прич. наст. вр.) от **sap-a* > *sab-a* 'работать инструментами' (Радлов) или же *sap-* (Радлов; *sap*⁸ у Ряснянена 401 не отделено от араб. заимствования *ṣaff* > *sar* 'последовательность'); к гнезду *sap-* принадлежит маньч. *sabqa* 'палочки для еды', *sabta* 'хрящ или косточка в суставах колена, плеча и локтя; помазок для мазанья клеем' и *sabsi-* 'делаю строчку на сапогах или чепраках, прострачиваю, прошиваю насквозь подошву сапога и бацмака; кладу клеймо на лицо преступника, клеймлю, таврю; прижигаю иглою, делаю иглоукалывание на большом месте' (Захаров), др.-уйг., вост.-тюрк., чаг., тат. 'вставлять, надевать' (ср., напр., тат. *baş sarqan itik* 'сапог с головкою'),

¹⁶² См., например: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, с. 346; Сборник Кириши Данилова. СПб., 1901, с. 131—132. Ср. также Салтан Бекетович (Рыбников П. Песни, т. II. М., 1909, с. 335) и форму с метатезой Турец—Сантал (там же, т. I, с. 261).

¹⁶³ Ср. в Qaqaqlraq Phonology главу о лабиальной гармонии и лабиальной аттракции, с. 59 и сл.

¹⁶⁴ См.: Василевич Г. М. Материалы по эвенкийскому фольклору, I. Л., 1936, с. 99 и сл.

‘починять, прививать, делать прививку’. Видимо, та же алтайская основа находится в монг. *saba* (< **sap-á*) ‘сосуд, вместилище, пузырь, кишечник и т. п.’, а также в чжур. и маньч. *sabu*. Тюрк., тел. *sarbq* (Радлов) ‘сапог’ и курдак. *sābük* (Радлов) ‘то же’ — недавние обратные заимствования из русского языка старого тюркизма. Это один из многих случаев, когда исконно алтайское слово, утерянное алтайскими языками, может быть восстановлено из славянского, в частности русского, языка.

Слова вроде сербохорв. *ципела*, венг. *cipő*, *cipellő* (этимологически неясное, см. *Bárczi* 33), совр. греч. *τσερβούλια* ‘обувь’ с обширным родственным гнездом в дравидийских языках, напр. каннада *keṛru*, *keṛavu*, тамил. *ṣeṇṇurru* ‘то же’,¹⁶⁵ и романские слова, возводимые, несомненно, ошибочно (Мейер-Любке, № 7653) к греч. *σκαφά* ‘лодка, корыто, таз’, должны быть отделены от славяно-алтайского слова. Все они, по-видимому, средиземноморского происхождения, вышедшие далеко за пределы этой области. Южнотунг. чжур. и маньч. *sabu* ‘обувь, туфли’ могло бы иметь некоторое родство с фр. *sabot* ‘деревянная обувь’, отмеченным с XII—XIII вв. Последнее, однако, рассматривается как результат контаминации слов *savate* ‘обувь, туфли’ и ст.-фр. *bot* (м. р.) ‘обувь, ботинок’, позже в форме *botte* (ж. р.) ‘то же’, — так предлагает, например, Доза 644, 653, причем первая часть композита *savate* относится к тому же гнезду, что исп. *zapata*, порт. *ṣapato*, ит. *ciabatta* и т. д., возводимому Мейер-Любке, № 2448 к тюрк., перс. *ṣabata*, Локоч 379 дает перс. *ṣābāt*. До сих пор невозможно определить, каково было направление движения этого трудного этимона. В персидском это слово может быть заимствованием из тюркского; в тюркском оно известно по тат. *ṣabata* ‘лапоть’, заимствованному в чув. *ṣāḇaḍa* (Егоров 208), а также по башк. *sabata* и казахско-каракалпакскому *ṣabata* ‘то же’; но в других тюркских языках оно, вероятно, неизвестно, так что возникает вопрос об отношении его с русск. *чобот*, *цебот* ‘сапог с каблуком и загнутым носком, сапог с высоким голенищем’, несмотря на несходство значений.¹⁶⁶ Перс. *چاباداتان*, приведенное Радловым, вероятно, по Будагову I, 451, сомнительно, — это, конечно, заимствование. Оно не отмечено ни Штайнгассом, ни в «Бурхāн-и қāti». Фасмер оставил этимологию слова *чобот* открытой, отметив только, что тюркское происхождение его весьма вероятно (так же у Бернекера). Вахрос, довольно подробно рассмотрев слово, приходит к выводу, что оно восточного происхождения, но также не может указать ни источника, ни путей миграции. Родственная связь слов *чобот* и *сапог* исключается, как указывает Фасмер, но очень легко могла произойти контаминация тюрк.

¹⁶⁵ См.: Burrow Th., E m e n e a u M. B. A Dravidian etymological dictionary. Oxford, 1960, N 1633; Menges K. H. West-östliche Lehnbeziehungen. — Byzantion 35, 1965, 495—503.

¹⁶⁶ См.: Фасмер, а также Вахрос И. Наименования обуви в русском языке, I, с. 188 и сл.

šabata, русск. *чобот* и романского гнезда с тесно связанным, но этимологически не родственным алтайским (южнотунг.) šabu, русск. *сапогъ*.

В письм.-монг. существует слово šabur 'обувь, поношенная туфля' (Лессинг, Ковалевский). Голстунский (II, 369) приводит šabur šaqaj 'обувь, ботинок без голенища', отмеченное также и в халха, но с долготой šavar šāxaj 'то же'.¹⁸⁷ Н. Н. Поппе, любезно указавший мне на этот последний источник, производит šavar от šīabur, отмеченного Голстунским со значением 'колотушка', от глагола šīa- 'вставлять, вбивать, вдавливать', рассматривая при этом письм.-монг. šaqaj, халх. šāxaj 'туфли' как заимствование из китайского (письмо от 18 янв. 1969 г.).

В своей статье «Две русские этимологии» (см.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. 4. М., 1963, с. 70 и сл.) А. С. Львов пытается отклонить этимологию М. Фасмера, причем мою этимологию, изложенную ранее, он просто не принимает в расчет, что не позволительно в серьезной работе.

Предложенная О. Н. Трубачевым иранская этимология слова *сапогъ* (см.: Этимология. 1965. М., 1967, с. 40) — заимствование из ср.-ир. *saraga- < *sar-aka-, восходящего к древнеиранскому названию копыта *sāra- — неприемлема по семантическим, фонологическим и историческим соображениям.

В вышеупомянутую группу этимонов для обуви входят и груз. ზარულა č'ar'ula 'низкая плоская обувь' и ზარხატი č'ar'xati 'род сандалий'.

СЪЛА (Сүли, дат. п., Сүлсү, тв. п., ед. ч.), левый, восточный приток Днепра. Ср. Фасмер, Чижевская. Название этой реки, встречающееся еще в четырех случаях, может быть либо того же образования, что и название реки Каялы (см. выше), т. е. из su-luγ, где первая часть su 'вода' (Радлов) из более старого sū (как это в казах., тат. — Радлов), suv, sub (др.-уйг. — Радлов), sub (орх., Радлов), тогда как суфф. -luγ после потери конечного -γ дал в русском *-ла*; или же от su с суфф. -laq/-laγ (< -la-q, -la-γ), обозначающим наличие или полноту того, что указано основой, т. е. sulaγ или sūlaγ 'полноводный', ср. Капг. suvlay 'водопой, водоем', Suvlay, топоним, курдак. sulau 'водоной; место, обильное водой' (Радлов), чаг. sulaq 'водопой', тур. sulaq 'водянистый, влажный; место, обильное водой' (Радлов). В связи с его распространенностью Фасмер полагает, что это название реки может быть исконно славянского происхождения, добавляя несколько и.-е. параллелей, таких как готск. bi-sauljan 'марать, загрязнять', норв. söula (søyla) 'грязь, ил, топь', лит. sulà 'сок дерева', греч. ὕλη 'ил'. Возможно, однако, что восточные славяне в ходе своего распространения по Восточно-Европейской равнине принесли это тюркское имя с юга и применили его к дру-

¹⁸⁷ Ц э в э л Я, Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаан-баатар, 1966.

гим рекам сходного размера и вида; так, например, появились в Сибири Ока и Белая, Уда встречается в Сибири не менее трех раз; в случае с другими реками сам Фасмер допускает такую возможность, так же повторяются и переносятся названия городов (например, Новгорода, Владимира, Сурожа, Ростова и др.). В случае такого простого образования, как Сула, может быть допущено сосуществование омонимических, но гетерогенных форм (см., например, у Фасмера слова *Сура, Чечора*).

Н. А. Баскаков предпочитает производство *su-ly < *suw-lyŭ (см.: UAJb. 48, 1976, 26).

СҮРҮДЖЬ (СҮрҮжү, дат. п., ед. ч., сущ. м. р., основа на *-jo). Ср. Фасмер, Чижевская. Греки называли этот город Σουρδαία, арабы Sūdāq, Şurḍāq, современное название Судак (Фасмер), на что указал уже Ф. Брун (Черноморье, I—II. Одесса, 1879—1880).¹⁶⁸ В средневековых итальянских источниках встречаются формы с «ротацизмом», такие как Sardaya (в «Numerus Provinciarum et Custodiarum Ordinis Minorum», 1314 г.) и Sodaŷa (тесно связанный с предыдущим текст 1400 г., см. Ваддинг 9, 234), а также Soldaia, Soldadia.¹⁶⁹ Греческие и арабские формы тесно связаны с племенным названием сугди, содержащимся в 16 гл. паннонского жития Кирилла, за которым Маркварт видит аланов из города Σουρδαία в Крыму.¹⁷⁰ В связи с передвижениями названия кочевых племен распространялись на обширных просторах (например, тюркские и монгольские племенные имена найман, татар, ногай известны от Маньчжурии до Волги и Дуная), так что эти аланы могли носить как раз то племенное имя Soŷd, которое стало названием целой оседлой восточноиранской народности Восточного и Западного Туркестана. Что же касается араб. Şurḍāq, то оно находится в заметном сходстве с Soŷdaq орхонских надписей (Радлов); последнее вместе с Soŷd (Радлов читает Soŷad, Soŷat), возможно, относится к согдийцам. Функции и происхождение суффикса -aq в Soŷdaq орхонских надписей могут быть те же, что и у особого собирательного множественного, но разумеется, это другой суффикс, чем в названии города Surḍāq.

Фасмер связывает Σουρδαία с осетинским (можно сказать, современным аланским, поскольку осетины рассматриваются как потомки

¹⁶⁸ Привожу по одной из прежних моих выписок. В настоящее время книга недоступна мне, поэтому я не могу привести из нее более подробных сведений. Точно известно с этим топонимом, вероятно, название рыбы тюрк. чаг. sudaq (Радлов не указывает источник, возможно, это словарь Будагова I, 642, где значение 'рыба в Сырдарье' приведено по работе Вамбери (V á m b é r y Н. Čagataische Sprachstudien. Leipzig, 1867)), которое известно не только в чаг., а также русск. *судак* (у Фасмера без этимологии).

¹⁶⁹ Литературу о Sardaya, Sodaŷa см.: B a n g W. Über die Herkunft des Codex Cumanicus. — SBAW, Philos.-hist. Kl., 1913, S. 245; V a s m e r M. Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923, S. 71.

¹⁷⁰ См.: Маркварт. Streifzüge, 190—191.

древних аланов) *suɣdæg* 'священный',¹⁷¹ что, возможно, является прототипом для *Sudaq*, *Sūdaq* < *Šuɣdaq*. Ротацизм формы *Сурожь* получит законные основания, если предположить, что имя попало в др.-русск. язык непосредственно от (или же через посредство) волго-булгар (протобулгар, проточувашей).¹⁷² Византийские источники дают достаточно свидетельств того, что волгобулгары по крайней мере в течение столетия после разгрома хана Кубрата аварами и до занятия областей на Балканах, ставших впоследствии Болгарией, распространились и обитали вдоль северного побережья Черного моря. Фонологическое затруднение, связанное с тем, что в данном случае мы имеем дело не просто с интервокальным *-d̥-*, но с *-ɣd̥-* *>* *-*ɣd̥-*, может быть устранено, коль скоро речь идет о волжско-булгарском ротацизме,¹⁷³ сравнением со следующими примерами, которыми я обязан проф. Н. Н. Поппе: чув. *xuɣa* 'старая сухая трава' = монг. *qayda* 'то же', где чув. *xuɣa* < **qada* < **qayda* < **qayda* (см.: Поппе N. N. *Vergleichende Grammatik*, 17, 58, 89; не отмечено Егоровым), или чув. *pəɣi*, *pəɣi* 'полба'¹⁷⁴ = монг.

¹⁷¹ Осет. дигор. *suɣdæg* 'чистый' (см.: H ü b s c h m a n n Н. *Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache*. Strassburg, 1887, S. 56) с отсылкой к «Словарю» Вс. Миллера. См. также: V a s m e r М. 1) *Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven*. Leipzig, 1923, S. 71; 2) *Die Urheimat der Slaven*. — In: *Der ostdeutsche Volksboden*, 1926—1939, S. 131, а также в его *Словаре* (Фасмер III, 49).

¹⁷² Это решение предложил мне Н. Н. Поппе в письме от 1 дек. 1950 г.

¹⁷³ Относительно ротацизма в чувашском языке см. статью Шахматова А. А. (Сборник Музея антропологии и этнографии, т. V, 1. Пр., 1918); об особенностях его проявления в гунно-булгарском и чувашском см. также: M a r q u a r t J. *Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten*, II. — *UJb.* 9, 1, 1929, 79—81; B e n z i n g J. *Das Tschuwaschische*. — *PhTf* I, 693, 710; Поппе N. N. *Vergleichende Grammatik*, p. 78 и сл.; P r i t s a k O. *Der «Rhotazismus» und «Lambdazismus»*. — *UJb.* 35, «Д», 1964, 337—349; M e n g e s K. H. 1) *The Turkic Languages and Peoples*, p. 94 и сл.; 2) *Altajische Studien*, II, p. 36—67; T e k i n T. *Zetacism and sigmatism in Proto-Turkic*. — *АОН* 22, 1, 1969, 51—80 (содержит ряд ошибочных предположений).

¹⁷⁴ См.: Ашмарин 10, 132, 139; P a a s o n e n Н. *Csuvas szójegyzék* (Csuvas szözlüğü). İstanbul, 1950, p. 100. Егоров (148) замечает, что литер. чув. *pəɣi* имеет соответствия в некоторых и.-е. языках, приводит балтийские, славянские, греческие параллели и сравнивает с монг. *būdaɣ* (< письм.-монг. *buɣudaɣ*) и араб. *buɣɣ*^{un}. Фасмер под словом *пырей* приводит и.-е. гнездо с включением еще нескольких балтийских и славянских слов, англос. *fyr*s 'пырей' и санскр. *pūṣas* 'пырог' и справедливо отвергает утверждения Рясянена о том, что слав. слово заимствовано из тюрк. Алт. *buɣdaɣ*, *buɣdaɣ* является древним заимствованием, как таковое оно не может быть отделено от и.-е. форм, но ни то, ни другое не могло быть общим источником. А. Йоки (J o k i A. J. *Die Lehnwörter des Sajansamojedischen*. — *MSFOu* 103, 1952, 106 и сл.) признает его заимствованием из кит. **m^wək-lāj/m^wək-lāj*, которое может быть источником для нескольких родственных форм в ближневосточных языках; кроме араб. *buɣɣ*^{un}, это ингийское *puɣ* 'пшеница', картв. *dikis purč* 'рожь', лаз. *butkuži* 'пшеница' (см.: E r s c k e r t. *Die Sprachen*, 118, 149), впрочем, здесь не место рассматривать их подробно. В то время как *buɣdaɣ*, несомненно, древнее кит. заимствование, *pəɣi*, вероятно, отпрыск семито-индоевропейско-картвельского гнезда, подвергшийся смешению с алт. *buɣdaɣ*.

buɣudaj, тюрк., Камг. и др. boɣdaj, buɣdaj 'пшеница', где чув. pəɣi, pəɣi < *buraj — в этой форме слово попало в тат. bəɣaj (Радлов), башк. bəɣaj 'то же' (Башкирско-русск. словарь. М., 1958) — < *būdaj < *buɣdaj. В этих и подобных случаях группа согласных -ɣd/-gd- ведет себя как простое d, так что звонкий зубной смычный согласный в положении после ɣ/g подвергнулся спонантизации, вероятно, возникавшей после ɣ, т. е. в позиции с глубоким заднеязычным, тогда как ɣ/g, должно быть, были утрачены на раннем этапе волжскобулгарского (проточувашского) языка. В чув. переход а корневого слога в ɥ, даже и тогда, когда ɣ/g (которые в положении после согласного могли переходить в w, как в северо-западных языках, [см. выше]) не следуют за ним, происходит регулярно, ср., напр., ɥga < aɣaɣ 'нога', šurǎ < sāɣuɣ 'белый', juɣ < *qyan < *qān 'кровь'. Точно так же для перехода от осет. suɣdǎg/syɣdǎg к Suɣdaj/Syɣdaq и т. п. следует допустить спонантизацию смычного d. Таким образом, *Сурожь* будет выведено из волжскобулг. (проточув.) *suraɣ (*surǎɣ) < *suɣdaj¹⁷⁵ < алан. *suɣdag, осет. suɣdǎg с прибавлением славянского суффикса притяжательного прилагательного (или *adjectivum originis*) на -jь, что обычно для древних топонимов и других географических терминов. Остается одна трудность, а именно: в форме современного названия города Судак (тюрк. Sudaq), скорее монгольского по своему облику, присутствует звонкий зубной смычный на месте древнего *ɣd/*ɣd̪. В этом случае Н. Н. Поппе допускает существование некоторых волжскобулгарских диалектов, где не развился ротацизм. Говорившие на таком диалекте, вероятно, оставались некоторое время в этих местах и после того, как в последней четверти VII в. массы волгобулгар (проточувашей) устремились на запад, на Балканы. Однако имея в виду фонологическую значимость такой черты, как ротацизм, возможно ли утверждать, что этот диалект без ротацизма был действительно волжскобулгарским (проточувашским)? В таком случае вспомним о протомонгольских языковых особенностях и постараемся объяснить форму типа sudaq через протомонгольское, т. е. для этого ареала и в это время — а в а р с к о е, посредство. В орхонских надписях согдийцы упомянуты несколько раз, например, Soɣdaq KТб. 31, 39 (R a d l o f f W. Die alttürkische Inschriften, I, 1894, 19, 23; T h o m s e n V., MSFOu 5, 108, 110, 154, примеч. 38; ZDMG 78, 151, 153) и Soɣd KТ 12 (R a d l o f f, там же, 29; T h o m s e n V., MSFOu 5, 114; ZDMG 78, 156). В первых двух случаях имя согдийцев не было опознано Радловым, который неправильно истолковал этот довольно трудный пассаж, поскольку прочел soɣad, soɣat 'подарки' и, возможно, поэтому также beɣilār 'дарители, приносители' (вместо br̥kɣr, как в надписи), что, конечно, совершенно неверно. В написании swɣd Радлов распознал др.-уйг., чар., азерб., казах. soɣat 'подарки', кирг. sōɣat, чар. soɣa,

¹⁷⁵ См.: Маркварт. Команен, 96, примеч. 17; 140, стк. 22; 143, примеч. 3.

казах., крым. *sauça*, чар., азерб. *sauçat* 'то же' (Радлов); кирг. *sōça* и *sōçat* (Юдахин) это, возможно, заимствование из монг. в тюрк., где должна была существовать вариантная форма **sajçat*, заимствованная в др.-русск. *саугать* (засвидетельствована летописями, начиная с Ипатьевского списка под 1174 г., 'военная добыча, трофей', см. Срезневский, Фасмер, Мелиоранский. — ИОРЯС 10, 4, 125—127). Почти через десять лет в своем «Опыте словаря» вместо прежнего чтения Радлов дал *Sogdaq* (явная опечатка вместо *Soçdaq*) 'Согдаки (народность)', тогда как форму *Soçad* он поместил с вопросом. Словом *Soçdaq* Махмуд Кашгарский обозначает тюркизованных согдийцев в Баласагуне. В. Томсен полагает, что это согдийцы (см. ZDMG 78, 154. Примеч.) несмотря на скептицизм Бартольда,¹⁷⁶ тогда как после Маркварта (*Chronologie*, особенно с. 32 и сл.; 56 и сл.) не остается места сомнениям в этом вопросе. Возможно, что Согдиана в раннюю эпоху принадлежала Сасанидской империи.¹⁷⁷ Основное значение форм *sauça*, *sauçat* и т. п. 'подарок из военной или охотничьей добычи', а также 'подарок друзьям или родственникам, привезенный из путешествия' (см. Радлов, Юдахин, Менгес. Glossar 113). Слегка искаженная форма имеется в СС: *sajçat* 'доля армии', т. е. 'военная добыча' (Грёнбек 212): ей в точности соответствует упомянутая др.-русск. форма *саугать*. В монг. слово засвидетельствовано в форме письм.-монг. *sauça*, *sauçat* (мн. ч.) и *sauха* (Лессинг) 'дар, подарок', отраженной в «Юань-чао би-ши» как 掃花 *сао-хуа*. П. Пельо рассматривает это этимологически неясное слово, исходя из того, что др.-русск. *саугать* могло быть заимствовано только из тюрк., как тюркское, произведенное с помощью монг. суфф. мн. ч. -t, взятого из языка аваров (Т'Р 32, 1936, 230—237). Последнее предположение, однако, неубедительно, поскольку суфф. мн. числа -t является также и тюркским, хотя он рано вышел из употребления и был заменен суфф. -lar. Дёрфер 1, 345 полагает, что формы *sauça*, *sauçat* — монгольские, тогда слово могло быть заимствовано в др.-русский из аварского в вариантной форме **sajçat*. Поскольку нет никаких исторических свидетельств о походах или передвижениях найманов на запад до областей современной Украины ни до, ни после вторжения Чингис-хана, то и половцы, и восточные славяне не могли заимствовать от них это слово; поэтому, несмотря на полное отсутствие данных о языке (или диалекте) найманов, которых Дёрфер рассматривает как альтернативу аврам в теории Пельо, предположение о проникновении аварской формы **sajçat* к половцам, так же как и к русским, представляется все же более приемлемым как в данном случае, так и в отно-

¹⁷⁶ См.: Barthold W. Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. — In: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften, II, S. 26—27. [перепечатано: Бартольд В. В. Древнетюркские надписи и арабские источники. — В кн.: Бартольд В. В. Собр. соч. Т. 5. М., 1968, с. 299—300].

¹⁷⁷ См.: Herzfeld E. Paikuli, I, 38, 224, N 710.

шении слов *Судак, хорюгъвъ, телъга*. Дёрфер, вероятно, прав, рассматривая это слово как монгольское, а зап. ср.-монг. *sauqa, sauqat* как источник заимствования в новоперсидский; из монгольского слово попало также в китайский язык. Следовательно, являются ошибочными прежние попытки произвести тюрк. *sauqat* от **sav-γa-t* 'послание и т. п.'¹⁷⁸ Не касаясь общих взглядов Дёрфера на лексический взаимообмен тюрков и монголов, которые представляются мне в корне ошибочными, я считаю очень полезной для решения вопроса об этимологии слова *sauqat* и др. ссылку Дёрфера на др.-ир. *saoka-* (ср. р.), *saokā-* (ж. р.) 'выгода, пригодность', являющуюся производным от глагола *sav-* (синонимы *sava-* [м. и ср. р.], *savā-* [ж. р.], *savah-* [ср. р.] 'то же' и другие производные см. Бартоломэ 1594, 1561 и сл.). Это позднеавест. производное *saoka-*, *saokā-* легко может быть источником монг. *sauqa, sauqat*, авар. **sajqat* и отсюда половецкой и древнерусской форм.

Как параллель к чередованию *au/aj* в этом этимоне Дёрфер приводит бараб. *saudaq* 'колчан с луком и стрелами', откуда он выводит *сайдак* (см. у Фасмера). Это последнее слово не может рассматриваться в одном фонологическом ряду с *sauqat / sajqat*, поскольку оно восходит не к бараб. *saudaq*, а к стяженной форме от **saγajdaq*, которая, хотя и не отмечена в тюрк., надежно восстанавливается на основе русск. *сагайдак*, укр. *сагайдак* с вариантной разновидностью др.-русс. *сагадакъ* из тюрк. **saγadaq* > осет. *sāγadāq* 'то же'. Не учтенная Дёрфером форма **saγajdaq* является тюрко-монгольским словом неизвестного происхождения, ср. тюрк. *saγdaq, sāγidaq*, письм.-монг. *saγadaq/-γ* (Радлов IV, 238, 274, 279), калм. *sādeḡ* (Рамстедт 316 и сл.); ордос. *sādaq* 'колчан для лука' и производные (Mostaert. Dict. ordos 590), в монгорском слово отсутствует (ср. Menges. CAJ 18, 55 и сл.); она не может рассматриваться в том же фонетическом ряду, что и *саугать, sa-jqat*.

Этот этимон проник в иранские, кавказские языки (см. Дёрфер) и, как показал Пельо, из персидского попал в романские: исп. *saguate*, порт. *sauguate* (XVI в.), *saugate, saguate*, фр. *sagoada*, ит. *shiaguti*, последние четыре формы относятся к XVII в.; ни одна из них не отмечена Мейер-Любке.

ТАТРАНИЪ (Татраны, тв. п., мн. ч.), имя собственное. Ср. Фасмер, Чижевская. Встречается лишь однажды в цепочке слов, из которых несколько первых являются титулами сановников (*быля, могутъ*), а следующие названием племен или кланов. Производство этого слова от *татар*, знаменитого монгольского (позже тюркского) племенного объединения, исключено не только по лингвистическим, но и историческим причинам. *Татранъ* появляется около 1090 г. у Анны Комнины как имя «скифских» (вероятно,

¹⁷⁸ См.: Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, S. 140; Menges. Glossar 113.

как полагает Моравчик, печенежских) беженцев в форме *Tat-ráñç*.¹⁷⁹ Рашоньи оценивает это слово как тюркское племенное имя (SK 8, 1936, 293—299). В «Слове» *тапранъ* не личное имя, а название племенного или кастового достоинства. Личные имена, тождественные с названиями достоинств, должностей и т. п., могут быть указаны практически во всех языках и на протяжении всей их письменной истории. Но могут ли названия достоинств и должностей использоваться как племенные имена и используются ли они в таком качестве, решить нам здесь не удастся, это нуждается в дополнительном исследовании. *Тапранъ* можно рассматривать как обозначение достоинства со значением 'такой (или такие), кто попробовал', т. е. 'опытный', и как семантическую аналогию с тат., тоб. *tatymal* 'зрелый и опытный человек' (тат.), 'способный, превосходный человек' (тоб., Радлов). Истоком этого значения является значение 'опытный' < 'тот, кто попробовал', по форме — это производное от *tat-*, *tat-y-* 'пробовать' (ср. *tat* 'вкус' — Радлов). Форма *тапранъ*, в которой *a* (=ā) первого слога не перешло в *o*, может быть произведена либо (1) от **tat-ra-n*, т. е. имени на -n от глагола инхоативного или повторного вида *tat-ra-* от *tat-* (или *tat-y-ra-* от *tat-y-*) 'действие повторного пробования', либо (2) представлять собою имя мн. числа или собирательное на -an от *tat-yr* (или *tat-y-r*), *nomen aoristi* от *tat-(tat-y)* 'пробующий(-ие)'. Производство от *tat-yr-γan* (или *tat-y-r-γan*) как *nomen perfecti* на -γan от каузатива *tat-y-r-* (*tat-yr*) исключено, поскольку начальный согласный суффикса *γ-/g-* всегда сохраняется в языках северо-западной группы. Некоторые другие имена, встречающиеся у византийских историков, также могут быть произведены от *tat-*, *tat-y-*, если, конечно, они тюркского происхождения. Речь идет о следующих личных именах: 1) *Tatpós* (*Tatpós*), имя военачальника «скифов» (=печенегов), ок. 1070 г. из тюрк. *tat-u-γ* (*tat-y-γ*), а если правильна форма *Tatpós*, то из тюрк. *tat-yr-yγ* (*tat-y-r-yγ*) и 2) *Tatíkiος*, имя византийского военачальника, вождя вардариотов (1085 г.), который мог бы быть, по предположению Ю. Моравчика, тюрком по происхождению. Во всяком случае его имя, если оно тюркского происхождения, могло бы восходить к тюрк. *tat-y-q* (*taty-q*) с суффиксом *nomen perfecti passivi*. Эти имена могли бы также иметь значение 'испытанный, опытный'. Таким образом, в «Слове» можно было бы видеть три группы сановников: *быля*, *могутъ* 'магнат, вельможа', *тапранъ* 'опытный, советник, старейший'.

ТӨЛҒҒА (төлҒҒы II, төлҒҒы Е, им. п., мн. ч., ж. р.). Ср. Срезневский, Миклошич Л., Фасмер, Чижевская.¹⁸⁰ Ближайшим род-

¹⁷⁹ См.: Моравчик II, 255.

¹⁸⁰ Две последние работы не упоминают мою статью, посвященную этому слову и опубликованную в «*Mélanges Fuad Köprülü*» (Istanbul, 1953); она составляет существенную часть настоящего раздела.

ственником алтайского слова является др.-монг. *tälägän* 'повозка', встречающееся в «Юань-чао би-ши». Я весьма признателен моему коллеге д-ру Фр. В. Кливзу за то, что он обратил мое внимание на эту форму и на соответствующее место из «Юань-чао би-ши» (Продолжение, 2.54 а1)¹⁸¹ с производным *tälägätü* 'имеющий повозку(-ки), с повозкой(-ками)' в обоих случаях в выражении *tāmür tälägätü* 'с железными повозками' (Юань-чао би-ши, § 199, 236, Продолжение, 8. 6 а3 и 10. 11 а5), причем наиболее общим словом со значением 'повозка' в «Юань-чао би-ши» выступает *tärgän* (§ 118, 121, 278, 280, по изд. Пельо с. 30, 31, 116, 149; ср. Хениш 23, 24, 99, 102; Козин. Сокр. сказ., 227, 425, 229, 426, 317, 516, 319, 518),¹⁸² так же как в письм.-монг. (Ковалевский, Шмидт, Лессинг) и в современном монг. языках, ср. халх. *tärgän* (Ринчинэ А. Краткий монгольско-русский словарь. М., 1947, 296), ордос. *t'erge* (Mostaert A. Textes oraux ordos, 743; Dict. ordos 660), монгол. *t'iërge*. (Smedt A. de, Mostaert A. Le dialecte, III, 417 и сл.), калм. *t'ergn* (Рамстедт 393), но форма *tälägän* не сохранилась ни в одном из них.

Китайская транскрипция ясно различает эти два слова: *tälägän* передается как *те-ле-цзянь*, например 帖列堅突稅 *те-ле-цзянь-ту-эр*, т. е. *tälägäntür* (дат.-мест. п.),¹⁸³ тогда как *tärgän* пишется 帖稅格 *те-эр-гэ* или 帖稅干 *те-эр-гань*,¹⁸⁴ где средний слог и соответственно буква-иероглиф обозначает чуждый китайскому языку вибрант г.¹⁸⁵

Для той эпохи пока не может быть установлена семантическая разница между двумя словами, поскольку, как это отмечает д-р Кливз, ее не обнаруживают китайские глоссы, но мы можем допустить, что эти два слова обозначают разные типы повозок или

¹⁸¹ Ср. в издании Пельо (Oeuvres posthumes, 1) § 199, 236, 280, с. 74, 93, 119; а также Хениш 61, 78, 102; ср. также в рецензии Н. Н. Поппе на 1-е изд. настоящей книги (Word, 1953, 97 и сл.), где приводится этот самый случай.

¹⁸² Ср., например, в гл. 118, 121 в форме *tergan*; она же, очевидно, дана в китайской транскрипции в «Хуа-и и-юй» (см.: Lewicki M. La langue mongole. . . le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław, 1949, p. 94: *tärgän*, но мн. ч. *tärgät*, 278); в изд. Козина с. 227, 425, 229, 426, 317, 516. В гл. 278 это слово входит в состав выражения *ordo ger tergen*, переведенного Козиным 'дворцовая юрта-телега'. Как и многие другие, слово отсутствует в словаре к работе. Пельо, однако, читает его неизменно *tärgän* (Oeuvres posthumes, 1, p. 30, 31, 116).

¹⁸³ В тексте 帖列格禿宜 *те-ле-гэ-ту-и*, т. е. *tälägätü* (например, № 199, с. 373, § 236, с. 465 по факсимильному изданию «Секретной истории монголов». М., 1962); ср. также 帖列堅突稅 *те-ле-цзянь-ту-эр*, т. е. *tälägäntür*, дат.-местн. п. (например, § 280, с. 597; ср. изд. Пельо, 119).

¹⁸⁴ В тексте 帖稅干 *те-эр-гань*, т. е. *tärgän* или *tärgän* (например, § 121 по факсимильному изд. 1962 г., с. 158) или же 帖稅格惕 *те-эр-гэ-ти* для мн. ч. *tärgät* (например, § 118, там же, с. 150, ср. там же, § 280, с. 597; по изд. Пельо с. 30, 119).

¹⁸⁵ См.: Lewicki M. La langue mongole, p. 31, примеч. 48, 53; p. 50, примеч. 463, 464.

колесниц, поскольку они встречаются вместе в одном и том же предложении (например, § 280, Пельо 119; Хениш 102; Козин 319, 518; перевод, 198, ср. также *tälägätü* с определением в обоих случаях через *tämür*, § 99, 236; ср. выше). Козин не осознает существование двух разных этимонов и чтений, через весь текст у него проходит форма *terge(n)*, за исключением § 280, где дано *teregen-tur*; как видно (с. 518), он рассматривает их как разночтения, из которых лишь форму *tergen* признает правильной. В переводе Пельо опубликованы, к сожалению, лишь первые шесть глав «Юань-чао би-ши»; Хениш переводит оба слова одинаково «Карген, повозка».¹⁸⁶

Прототипом др.-русск. *телѣга* явилось др.-монг. *tälägän*. Это слово впервые появляется в Повести временных лет при упоминании о жестокостях аваров в отношении восточнославянских племен (см. цитату ниже при слове *хорюгъвь*, с. 161). Буква *ѣ* во втором слоге слова *телѣга* может указывать не на *ä*, но на закрытое *e*, существовавшее у восточных славян до XVI в.; формы с *ѣ* в первом слоге встречаются также, но они не являются всеобщепринятыми и могут просто отражать индивидуальный навык писца или, что менее вероятно, орфографические колебания в передаче не вполне усвоенного заимствованного слова. Поскольку употребление *e* и *ѣ* в алтайских словах еще не исследовано, вывести какую-либо фонетическую или фонологическую закономерность на основании этих форм пока невозможно.

В рецензии на мою работу «*Tungusen und Ljao*» Г. Дёрфер возражает против возведения др.-русск. *телѣга* к алтайскому прототипу типа **täg-il-gän* на том основании, что я не объясняю *ѣ*, который «по происхождению был дифтонгическим».¹⁸⁷ Здесь нет нужды повторять основные факты из истории славянской фонологии, а именно, что *ѣ* отражает три и.-е. фонемы **ē*, **ai* и **oi*. Каких-либо свидетельств о дифтонгической природе звука *ѣ* у восточных славян нет в противоположность позднему вторичному развитию *ѣ* в восточной Болгарии в среднеболгарский период (в *'a*, возможно *ea*, ср. рум. *ea*, передаваемое на письме через *ѣ*) и на западе сербохорватского ареала: *ѣ* > **ie* > *ije/je* (аналогично в словацком). В общем в церковнославянских текстах и восточных, и южных славян наблюдается постоянное колебание при использовании *ѣ* для передачи алтайских заимствований (ср. *бѣлѣгъ* / *белегъ* «знак» из тюрк. *bälgä* / *bälgü* // **belge* «то же», *зѣнь* / *зень* «карман» через древневолгобулгарское посредство из араб. جَيْءٌ *ǧajb*^{un} «залив; карман» и т. д.). Слово *телѣга* имело разную судьбу в славянских языках: у западных славян оно отсутствует, у южных присутствует в фонетически искаженном облике (см. ниже), и поскольку позднее его заимствование полностью

¹⁸⁶ См.: Haenisch E. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1948, S. 87, 111, 146 (*tälägän*); 30—32, 142 (*tärgän*).

¹⁸⁷ См.: Oriens N 23/24, 1970/71, p. 592.

исключено, оно могло быть заимствовано, без сомнения, лишь православнославянами, от которых позже перешло в другие славянские языки, отчасти через посредство венгерского и румынского. Древние восточнославянские племена получили слово от своих угнетателей — аваров. Ниже, при рассмотрении слова *хорюгъвь*, будет отмечено, что в настоящее время существует достаточно археологических и антропологических данных для определения этнической характеристики аваров, так же как их главных расовых родственных связей.

Другой вопрос состоит в том, как определить происхождение и отношение между двумя монгольскими словами, обозначающими повозку, — *tälägän* и *tärgän*.

* До того, как мне удалось установить существование др.-монг. слова *tälägän*, которое нужно рассматривать как непосредственный источник др.-русского слова или по крайней мере как исторически засвидетельствованное монгольское слово, находящееся в ближайшем родстве с прототипом др.-русского слова, я видел в форме *телѣга* отражение протомонг., точнее аварского, **tälgän*. Эту последнюю форму я восстанавливал как параллельную или вариантную с предполагаемой протомонг. формой **tärgän*, поскольку я рассматривал монг. *tärgän* как выражение, обозначающее часть вместо целого (*pars pro toto*), заимствованное из тюрк. *täg-ir-gän* с семантическим развитием 'колесо' > 'повозка', а по форме представляющее собою *poen perfecti* от переходного глагола *täg-ir* 'поворачивать (кругом)', и — точно таким образом — **tälgän* могло бы легко объясняться как *poen perfecti* от пассивного глагола *täg-il* < *täg-*, непереходного глагола 'поворачиваться (кругом)' (ср. в первом изд. с. 50 и сл.).

Однако, по мнению Н. Н. Поппе, изложенному в упомянутой выше рецензии, ценность такой этимологии оставалась сомнительной, поскольку важное фонологическое затруднение заключалось в том факте, осознававшемся также и мною (см. там же, с. 50), что ни одна монгольская форма ни фонологически, ни в исторически засвидетельствованной орфографии не сохранила в корневом слого никаких следов возместительной долготы, возникшей в результате стяжения. Монгорская форма *t'iêrgê* (см. выше) должна рассматриваться как вторичная, ее огласовка *iê* появилась как результат обычного развития в первом закрытом слого. Действительно, было бы очень рискованно допускать, что сокращение стяженной долготы на месте тюркской двусложности произошло в монгольском в течение древнемонгольской или протомонгольской эпохи, т. е. по крайней мере за полтысячелетия до появления «Юань-чао би-ши»: ведь мы не имеем ничего, кроме самых общих представлений о фонологическом и грамматическом состоянии древнемонгольского и протомонгольского языков. В тюркских языках стяжения типа *VɿV/VgV* ограничены регионально Южной Сибирью и частью Центральной Азии, а хронологически они не восходят далее конца среднетюркского периода, т. е. они относи-

тельно молоды, по-видимому, не старше пятисот лет. Однако тенденция интервокального γ/g и даже b/w к исчезновению была довольно сильна уже в протомонгольском, по крайней мере в некоторых южных районах. Так, мы находим в 116 гл. «Ляо-ши», содержащей киданьский глоссарий, формы вроде 𐰽 𐰺𐰍 *чжао* '100' = письм.-монг. *жауи*, в «Хуа-и и-юй» *жа'и*¹⁸⁸ или 𐰽𐰺 *тао*'5' (гл. 53 по изд. Бо на бэнь, с. 13а; указанием на это место я обязан д-ру Г. Сэрройсу) = письм.-монг. *tabun*, — эти примеры достаточно выразительны. Вообще говоря, можно исходить из предположения, что один и тот же фонологический закон может действовать одинаково в разные исторические эпохи одной и той же языковой группы, но до сих пор у нас нет других подобных примеров, чтобы подкрепить вышеизложенные теории. *Mutatis mutandis*, др.-монг. *tälägän* не может быть связано с тюрк. **tälgän* < *täg-il-gän*, поскольку когда бисиллабема в монгольском находится на месте одного слога в тюркском и этот слог есть корневой, он сохраняет первичную долготу в тюркском, регулярно выявляемую туркменским и якутским языками, тогда как в других языках прототюркская долгота сокращается до нормальной.

Таким образом, этимология др.-монг. слов *tälägän* и *tärgän* остается неизвестной. Это не заимствования из тюркского, однако их родственные монгольские формы отсутствуют. Рамстедт (393) связывает *tärgän* с тюркским словом, имеющим значение 'бежать, спешить, торопиться, избегать': орх., др.-уйг., Кашг. *täz-* (в качестве глагольной и именной основы, см. Радлов), чув. *tar-* 'то же'. При этом др.-уйг. глагол *täzgin-* не значит 'быстро поворачиваться', как полагает Рамстедт, но вместе с орх., Кашг. *täzgin-*, чаг. *täzgün-*, куман. *tärgän-* он имеет непереходное значение 'поворачиваться кругом' и представляет собою форму с метатезой от *täg-z-in*, являющейся в свою очередь медиальной и каузативной от непереходного глагола *täg-* 'поворачиваться'. Отсюда открывается определенная возможность рассматривать форму **tär-gän* как производное имя со значением 'бегун', что предложил уже и Н. Н. Поппе в вышеупомянутой рецензии (с. 98; ср. также его *Vergleichende Grammatik*, 14, 104). Однако ожидаемый монг. эквивалент **tär-*, кажется, не отмечен в монгольском, разве что в немногих производных от производной формы на *-gi-*: *tär-gi-* и т. п. с основным значением 'лететь, бежать'. В качестве семантической параллели ср. общесемитский корень *g-r-g* 'бежать', в аккад. *ma-garru* 'колесо; повозка; бежать', шумер. ⁵*gir*, ⁴*kir*, ¹⁰*gur*, ⁴ 'бежать', *gigir* (< **gir-gir?*) 'повозка'.¹⁸⁹

Кроме *täz*, *täz-* в тюркских языках существуют также формы вроде др.-уйг., Кашг., куман., караим. (Луцк) *tärk* 'быстро, скоро,

¹⁸⁸ Lewicki M. *La langue mongole*. . . , p. 96, 124.

¹⁸⁹ См.: Schott A. *Indogermanisch—Semitisch—Sumerisch*, S. 84, примеч. 196.

непременно' (Радлов, Грёнбек) и куман. *tärčä* 'то же', происходящее от формы с суффиксом сравнительной степени *tärk-čä*, а также производные др.-уйг., Кашг. *tärgin* (не следует ли читать *tärkin*?) 'то же' (Радлов). Все эти формы тесно связаны с *täz-*, *täz* и, возможно, восходят к корню **tä-*, от которого *tä-z* будет *nomen verbale* на *-z* (ср. аналогичные образования *jal-a-z*, *qutu-z* [Кашг.], *burn-a-z*, *sö-z*), *tä-z-* — производный глагол на *-z-*, по происхождению каузатив, но *tä-r-* — производный глагол на *-r-*, обычно каузатив и / или транзитив; *tärk* образовано от перфектного (пассивного) прич. **tär-ik*, др.-уйгур., Кашг. *tärgin* (*tärkin*) является либо активным причастием наст. вр. на *-γun/-gin* от *tär-* или же *instrumentalis-adverbialis* от *tärk*.

Это уравнение, предложенное здесь со всеми предосторожностями, могло бы также указать другое направление для поисков этимологии монг. *tälägän* и *tärgän*. Н. Поппе также думает, что *tälägän* и *tärgän* «могут быть произведены от одной и той же первичной основы (корня) **te-*» (рец., с. 98) с помощью *-lä-* и *-r-* как различных морфологических элементов. Он также совершенно прав, предполагая, что *tälägän* и *tärgän* не являются «фонетическими вариантами одного и того же слова», особенно учитывая точное различие этих двух слов в китайской передаче, как это отмечено выше. Эта основа **tä-* могла бы служить исходной базой для глагольной основы *tele-*, указанной Поппе в бурятском и халха, но не обнаруженной в других языках и имеющей значение 'нести на носилках, перемещать'. От этой основы Поппе производит *tälägän* в качестве отглагольного имени на *-γan/-gän*.

Радлов (III, 886) приводит тур. *talyqa* (из различных арабских написаний только одно может читаться *talyqa*) 'небольшая крытая повозка для одной лошади'; Редхауз (478, 480) дает *talyqa*, *talyqa* 'легкая крытая колесница, открытая с боков'. Слово не кажется старым, оно не отмечено до сих пор в «*Tarama sözlüğü*», где могло быть опущено как нетюркское. Слово, безусловно, не является прямым заимствованием из славянского, как это допускает Радлов; скорее оно должно быть связано с формами, имеющимися в венгерском и некоторых балканских языках, которые точно так же нельзя рассматривать как прямые заимствования алтайских форм или их эквивалентов из древнерусского или восточнославянского языка. Должно быть, эти формы обязаны какому-то другому посредничеству, отразившемуся также в болг. *тáлига*, *таlíга*, востболг. *талѣг*, *талиги* (ср. выше) и рум. *teleagă*, что очень близко к др.-русск. и болг. формам. Тур. *talyqa*, *talyqa* могли бы быть заимствованием из венгерского в относительно недавнее время, а именно в эпоху турецкого господства в Венгрии после 1526 г. Ср. венг. *tálíga* (форма *taliga* впервые отмечена в др.-венг. памятнике Besztercei Szójegyzék, ср. Bárczi 299, где оно рассматривается как заимствование из славянского), *tál'igá* (современное произношение для *talyiga* — *tájigá*), которое является также источником, видимо, для болг. *тáлига* и безуслов-

ным источником сербохорв. *та́лига*, *те́лига*, словен. *toliga*, *taliga*, *tolíge* (ж. р., мн. ч.) и чеш. *taliga*. Младенов (628 и сл.) не объясняет разницу между современными болг. и др.-болг. формами и объявляет этот этимон 'культурным словом арио-алтайского происхождения'. Такие болг. формы, как *та́лѣгъ*, т. е. востболг. *та́лѣг*, *талиги*, *теленги* (ж. р., мн. ч.), производное *телингар*, приведенное Миклошичем Л., отсутствуют у Младенова. Приведенные турецкие формы отсутствуют в армяно-турецких и турецко-армянских словарях, таких как словарь С. В. Ганта-ряна или Б. З. Карапетяна.

В современных турецких диалектах этот этимон встречается в следующих формах: *taliğa* 'конная повозка' (Яр-Хысар, Биледжик, Измит), *təliğa* 'крытая длинная повозка' (Бергама, Измир, Кырларели, Измит, Коджаэли); *taliğa* в значении 'блюдо, тарелка' представляет собою другой этимон, заимствованный из рус. *тарелка* (отмечен в Шингите, округ Пазарский, вил. Ризе, близ советско-турецкой границы; в других диалектах, например в румелийском, не отмечен), ср. DD 1947, 1307. Слово *talağa* отмечено в AD 1932, 366 со значением 'uaysız tek atlı araba', т. е. 'одноконная безрессорная повозка' (Йозгат, Чорум), но, согласно DD 1947, 1305, это слово обозначает четырехколесную повозку для тяжелых грузов, повозку с рессорами (Чорум, Эрегли, вил. Конья; Аванос, Кыршехир, Анкара, Чанкыры, Кайсери, Ылы-Су, вил. Амасья; Йозмат). В «Türkçe sözlük», отражающем только современный литературный язык, слово *taliğa* (с указанием ударения) помещено со значением 'легкая четырехколесная повозка для путешествий' (см., например, 2-е изд., 1955, с. 701). Подобным образом Штойервальд ставит ударение на втором слоге, возможно, следуя за «Türkçe sözlük», но значение здесь слегка отлочно: 'легкая четырехколесная одноконная повозка для перевозки людей или грузов'.¹⁹⁰ Это ударение, происхождение которого неизвестно, могло бы указывать на заимствование слова из славянских или румынского языков, но не из венгерского; оно могло быть также вторичным заимствованием того же самого этимона.

Монг. *tälägän*, несомненно, сохранилось как военный термин в чаг. *tälgän* 'деревянная военная машина' (у Радлова вслед за Паве де Куртейлем). Будагов (I, 374) дает его как чаг. *tälgin* 'род телеги (артиллерийской?)' в согласии с Ценкером نوعی از عراده 'вид аррады, баллиста, военная повозка, лафет' (Штайнгасс), приведя в качестве источника «Санглях». Лучший известный список этого словаря, опубликованный сэром Дж. Клосоном (Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammed Mahdi Xān. London, 1960), содержит слово на л. 160 об., строка 9 снизу, в форме بفتح لام و كاف تجمی مسکون ذون نام с пояснением: تلکين

¹⁹⁰ См.: St e u e r w a l d K, Türkisch-Deutsch. Langenscheidts Taschenwörterbuch, Bd. I. 1966, S. 454.

يكنوع عراده ايست كه از چوب ساخته مى شود tälägän — ничего не говорится о качестве гласного в первом слове — 'с фатхой лама и с персидским кафом, глухим нуном, название чего-то вроде аррады, что делается из дерева', важнейшим словом здесь является 'arṛāda, смысловой диапазон которого распространяется от баллисты до лафета. Но какое бы военное орудие ни имелось в виду, оно, как кажется, обязательно должно было быть на колесах. В связи с этим стоит вспомнить термин tāmür tälägätü в «Юань-чао би-ши», о котором уже шла речь. Поскольку форма tälägän известна чагатайскому словарю XVIII в., она должна была быть в употреблении по крайней мере в среднемонгольский период, если не позже. В связи с этим заметим, что в монгольских языках — калмыцком, монгольском письменно-литературном и халха — синоним tergen обозначает ладью в шахматах (см. Рамстедт, Лессинг, это особое значение не отмечено Ковалевским), откуда оно заимствуется тюркскими, например сиб., тув. tǝrgä 'телега; шахматная ладья' (Тувинско-русский словарь. М., 1955, с. 394).

Для обозначения повозки в маньчжурском языке известны два слова: 1) terge (Габеленц, Хауер 904: «[Монг.] тачка, повозка», Захаров приводит только *nomen actoris terge-či* 'возчик'), очевидно, заимствованное из монг.; 2) sežen (Габеленц, Хауер 776: «тачка, двухосная повозка» и производные у Захарова), что представляет собою, вероятно, собственный маньчжурский эквивалент монг. terge(n), поскольку происходит от *särgän и являет один из редких образцов соответствия s- в одном языке звуку t- другого языка: ср. общетунг. tunṣa '5' ~ маньч. sunṣa (ср. также общетунг. *goti «горький», эвенк. got'i, goči, gēči, эвен. got, уд. gua-č'i, нан. gočēši, ульч. gotuli, маньч. gosixan, монг. ṡašiṡun 'то же', см. Цинциус 233, 301; Широкогоров I, 101; Василевич 101). В эвенском языке в говорах Саккырыра имеется hērga 'сани' (Цинциус В. И., Ришес Л. Д. Русско-эвенский словарь. М., 1952, 548), что точно соответствует маньч. *särgän > sežen, но может представлять собою заимствование из як. syṡa 'сани' (Бётлингк; Пекарский приводит syṡa, syarṡa, sāṡa, что равно [или происходит от?] монг. čirṡa 'сани'). Ср. в других тунгусских языках: эвенк. (Баргузин, Нерча) tērgē 'повозка', tērga (Нерча) 'сани', (Баргузин, Аян) 'повозка, телега' (Василевич 1958, 424), tērgan 'телега, крестьянская повозка' (Василевич 1940, 136), torgo 'то же' (Титов) и с наращением tērgē-ka-kan «тележища» (Титов) — все это заимствования из монг. Собственно эвенкийское слово irṡ и irṡ-wṡn 'повозка, волокуша' (Василевич 1940, 60; 1958, 178) от irṡ < *yṡu-w- (каузатив—транзитив) 'нести, тащить'.

Родственное др.-монг. tälägän слово выступает в тунгусских с аблаутом: tolgo- 'везти на санях, ехать на санях', как и в эвенк. tolgoki 'низкие сани для перевозки грузов; собачьи сани; охотничьи сани', негид. tolgoki, эвен. turki, эвен. арман. torki,

ороч., уд. *tuki*, нан. *toqi*, ульч. *tuči* 'то же' (Василевич; Цинциус — Рипшес 548).

Как более далекие родственники монг. *tärgän* могут быть приведены дравидийские слова: тамильск. *tēr* 'повозка, колесница', малаялам *tēr* 'колесница, храмовая повозка', каннада *tēr(u)* 'колесница, повозка для идолов', телугу *tēru* 'повозка, колесница', тулу *tērū* 'повозка для идолов, праздничная повозка', ср. также кота *dēr* 'бог, божественная одержимость предсказателя', *tēr* 'божественная одержимость предсказателя' с несколько искаженной авторским употреблением семантикой (материалы приведены по «*Dravidian etymological dictionary*, № 2847). Этот этимон присутствует в четырех главных дравидийских литературных языках, причем в малаялам и каннада он имеет специфическое значение 'храмовая повозка, повозка для идолов' — и то, и другое свидетельствует о его большой древности.

С. Н. Муратов, рассматривая в своей статье «Некоторые наименования сухопутных средств передвижения и их деталей в алтайских языках» монг. *tergen*, принимает указанное выше производство от алтайского **tār-* 'бежать' и добавляет кор. *talguži* 'повозка' (по работе Рамстедта «*Studies in Korean Etymology*», с. 233, который также связывает это слово с кор. *tar-/tal-* 'бежать' и алт. **tār-*).¹⁹¹ Муратов прав, рассматривая маньч. *sežen* как родственное монг. *tergen*, но не заимствованное из монг. Что касается слова *telǵa*, то он полагает, что оно должно иметь отношение к тюрк. (уйг.) *tilgän* 'диск, колесо', и пробует произвести слово от формы вроде **tegilägän* и т. п., приблизительно так, как я делал в первом изд. настоящей работы, что осталось неизвестно Муратову. Чаг. *tälgän* 'военная машина', приведенное по Радлову, должно читаться, как сказано выше в приведенном отрывке из «Санглиях», *tälägän*, оно представляет собою др.-монг. *tälägän*.

ТОПЧАКЪ (Топчаки, тв. п., мн. ч.) название племени или клана. Корш (ИОРЯС 8, 4, 39) считает слово тождественным с тюрк. *torčaq* 'особый вид лошадей'; так же Фасмер, Чижевская. Радлов (III, 1230) приводит чаг. *torčaq* 'жирная, красивая лошадь' с цитатой из «Бабур-наме» и 'круглый, как шар'; далее (III, 1233) он приводит уйг. *tobučaq* 'большая лошадь с запада' (по уйгурско-китайскому словарю). В «Бабур-наме» (по изд. Беверидж, л. 41, строка 11) встречается написание *توبچاق آتی*, что может быть прочтено *tobžaq*, *torčaq*, *tobužaq*, *tobužaq* *aty* и др.-монг. *tobičaq* 'лошадь(-ди) с запада'.¹⁹² Слово представляет собою производное на -čaq от *tor* — чаг., таранч., тур., крым., караим., вост.-тюрк. 'куча, шар, что-нибудь круглое' (Радлов); ср. также

¹⁹¹ Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 338 и сл.

¹⁹² См.: Р о р р е N. Monumenta Serica, t. 26, 1967, p. 515.

совр. уйг. *topsaq* 'красивый', *topsaq at* 'красивая, статная, толстая, упитанная лошадь'.¹⁹³ Топчаки, очевидно, назывались так по своим откормленным лошадям (ср. также: *Z a j a s z k o w s k i* A. *Związki*, 60; *Р а ш о н ь и*. SK 8, 4 и сл.). Это слово было заимствовано в др.-монг.; ср. в «Юань-чао би-ши» *tobiṣaṣ* 'то же'.¹⁹⁴ В своем докладе на Международной конференции славистов в г. Банфе (пров. Альберта, Канада), в сент. 1975 г. О. Прицак предложил в качестве источника форму с метатезой *tabuṣaṣ*, служившую названием китайцев периода Тан в орхонских надписях, но использованную в данном случае для обозначения определенной породы лошадей. Это, однако, невозможно, потому что тюрки сами поставляли в больших количествах лошадей в Китай, но не наоборот; этому также препятствует значение слова. Кроме того, ничего не известно об алтайском (или тюркском) племени табгач, отличавшемся бы своим коневодством.

ТЪЛКОВИНЪ (П *тълковинъ*, ЕМ *тълковинъ*, род. п., мн. ч.). Срезневский приводит без объяснений соответствующее место из «Слова» и летописи под 907 г. Ср. Фасмер, Чижевская. Отрывок из летописи читается следующим образом: «Въ лѣто 6415 иде Олегъ на Греку, . . . поя. . . и Хорваты и Дулѣбы и Тиверьци, яже суть толковины» (по Лаврентьевскому сп.). Слово *толковины* относится, как кажется, только к тиверцам, для которых является эпонимом. Возможно, это синоним сл. *тлъковъникъ* 'переводчик', тогда как глагол *тлъковати* является производным от *тлъкъ* 'ἐρμηνεία, interpretatio' (Микл. J.). Здесь происходит на память название шестой из восьми групп печенегов,¹⁹⁵ представители которой, очевидно, исполняли должности чиновников, назначаемых вождями.¹⁹⁶ Имя *Тълмач* передает тюрк. **talmaṣ*, *tylmaṣ* 'переводчик'; это слово является производным от тюрк. *tyl* 'язык'.¹⁹⁷ Таким образом, вероятно, тиверцы названы пере-

¹⁹³ См.: J a r r i n g G. *Wörterverzeichnis zu G. Raquettes Ausgabe von Tāji bilä Zohra*. Lund, 1930 (1967), S. 57.

¹⁹⁴ См.: P o p p e N. *Monumenta Serica*, t. 26, p. 515.

¹⁹⁵ См.: *De administrando imperio*, кн. 37.

¹⁹⁶ См.: статью Ю. Немета (UJb. 10, 1—34); ср.: M e n g e s K. H. *Etymological Notes on Some Păcănăg Names*, p. 256.

¹⁹⁷ Более подробно см. в статье К. Г. Менгеса (Byzantion 17, 1944—1945, 261 и сл.); здесь также замечание, касающееся возможной неалтайской природы этого слова, восходящего, по всей вероятности, к еврейско-арамейскому *targūm* 'перевод, толкование'. Ю. Намет рассматривает его как тюркское по происхождению (АОН 8, 1958, 1 и сл.), так же как и Дёрфер (2, 664), что не убеждает в случае с этим культурным словом. Фасмер приводит вслед за Клюге-Гётце и Юркянкалино слово из языка митанни *talami* 'переводчик, толмач' как возможный источник. Эта форма, возможно, связана с одним из нескольких древнеанатолийских прототипов еврейско-арам. *targūm*. Странно видеть, с какой легкостью дотошные индоевропейцы вроде Ф. Клюге и В. Митика возводят тюрк. *tylmaṣ* к митанни *talami*. Нем. *Dolmetscher*, ср.-нем. *tolmetsche* (с XIII в.), оцениваемые ими как заимствование из венг. *tólmás* (*tolmács*) 'то же', могут с таким же успехом выводиться от западных славян или непосредственно от тюрков. Одна из двух форм этого слова,

водчиками. Возможно, как пограничный народ, они владели двумя или более языками и могли, таким образом, быть переводчиками.¹⁹⁸ Р. Якобсон допускает, что племенное имя тиверцев, поскольку они названы «переводчиками», может иметь тождественное значение и на другом языке.

Маркварт полагает, что имя тиверцев, обитавших в бассейне Днестра, называвшегося в древности Тѳрас, должно быть производным от названия реки; именно так же он рассматривал имя скифов Τυραγῆται (из *Tyragé-tai со «скифо-аланским множественным числом на -ta, -t'a, -t'ä») или Τυρῆται (с греч. suffixum originis). Таким образом, и тиверьци (со слав. suffixum originis -ьци) должны производиться от названия Тѳрас,¹⁹⁹ которое в свою очередь имеет иранское происхождение: др.-ир. tūra- 'быстрый' = санскр. tivrā- 'то же', т. е. река получила свое название от ираноязычного высшего сословия скифов. Подобным образом Фасмер рассматривает название народа как производное от названия реки *Tivrgъ, что является иранским эквивалентом санскр. tivrā- и др.-инд. названия реки Tivṛā. Название реки Тѳрас засвидетельствовано в печенежской форме Τρολλας²⁰⁰ и в совр. тур. Turla (Радлов). Маркварт считает тождественным с тиверцами народ туръси из Жития Кирилла²⁰¹ и форму طرشکین из арабских отчетов еврейского путешественника Ибрагима бен Якуба.²⁰² Маркварт пола-

представленных в СС, tolmač 'torcimannus' (Грөнбек 248), могла быть вполне заимствована вновь из славянского, как думает и Дёрфер. Персидским эквивалентом в СС является talamači (M o n c h i - Z a d e h D. Das Persische im Codex Cumanicus. Uppsala, 1969, S. 63).

¹⁹⁸ В связи с этой семантикой ср. известный у тоба, т. е. табгачей (IV—VI вв.), титул ци-вань-чжэнь — 乞萬真 из *k'jæt-mjwæn-t'šjĕn, что может иметь в основе монг. kälmar-či(n) «переводчик», согласно П. Будбергу (HJAS, 1936, 170 и сл.); ср. Л. Базен (T'P 39, 1950, 302). Этот титул — письм.-монг. kälämürči(n) — встречается еще в 1451 г. в «Korjä sä» [«История Кореи»] (см.: Pelliot P. — JA, 1930, 258) в форме k'jä-li-ma-č'ĕ.

¹⁹⁹ Маркварт. Streifzüge, 189—190. Аналогично у Шахматова в его работе «Древнейшие судьбы русского племени» (Русский исторический журнал. Пг., 1919, с. 34).

²⁰⁰ См.: De administrando imperio, кн. 37.

²⁰¹ Маркварт. Streifzüge, 190—191.

²⁰² Относятся к 965 г. Упомянутый бен Якубом народ причислен им к племенам, говорящим по-славянски, вместе с главными северными племенами, такими как انقليبين طرشکین (=Οὐλτινοι Константина Багрянородного или уличи [угличи] др.-русск. летописей [Маркварт, 192]), печенегами, русскими (Rūs) и хазарами. Это может значить только то, как полагают Маркварт и Вестберг (его мнение у Маркварта, с. 192), что кроме собственного своего языка эти племена использовали славянский для торговли и общения. Ошибка бен Якуба объясняется тем, что в то время земли уличей и большая часть земель тиверцев находились под властью печенегов. Правда, отрывок довольно труден для понимания. Позже, после спора с Вестбергом, Маркварт изменил свою точку зрения и пришел к заключению, что طرشکین представляет собою неправильное написание вместо طدشکین «германцы»

гает, что тиверцы вместе с уличами и дулебами относились к племенам антов.²⁰³ Тиверцы первоначально обитали по течению Нижнего Днестра вплоть до Черного моря и устья Дуная; др.-русские летописи утверждают, что прежде они жили на Буге и Днепре, распространяясь до побережья. Позже под давлением печенегов они отошли на запад, и, возможно, часть тиверцев была тюркизована последними. Шахматов полагает, что по происхождению они были восточными славянами и входили в объединение с уличами.²⁰⁴ Уличи упоминаются в летописи дважды: первый раз вместе с тиверцами в этнографической части вступительной главы Начальной летописи, второй раз под 885 г. как перенесшие нападение кн. Олега. А. И. Соболевский, основываясь на вышеприведенном отрывке из летописи с упоминанием толковинов, зашел слишком далеко и предположил, что тиверцы были не славяне, но скорее тюрко-печенеги, отождествив с тиверцами печенежское племя *Tálmæt* (или *Воро-Тálmæt*).²⁰⁵ Эти последние, однако, в середине X в., когда Константин Багрянородный составлял свое сочинение, были еще на востоке от Днепра. Таким образом, прав Шахматов, полагая, что тиверцы летописи, названные толковины, были тюркизованными или частью тюркизованными группами уличей, они понимали тюркский язык и поэтому назывались «переводчиками».²⁰⁶ Равным образом в «Слове» этот термин прилагается к неславянским племенам, понимавшим славянский язык или бывшим частично славянизированными и, следовательно, способным служить в качестве переводчиков.

Р. Якобсон первым поднял вопрос о том, не может ли *тиверцы* быть тюркским переводом слав. *толковины*. Можно предложить следующий опыт установления тюркской этимологии. Если отбросить слав. суффикс *-ьць*, основу *тивер-* можно представить как композит *tiv+är*, где второй элемент — тюрк. *är/er* (из прототюрк. **är, *ēr*) ‘мужчина, человек’. В *tiv* обнаруживается глагольная основа *ti-/tä-/de-/dä-*, ср. др.-уйг., Камг. *ti-*, бараб. *ti-* (Радлов), орх., др.-уйг., куман.,²⁰⁷ сиб. *tä-* (Радлов), чар., таранч., кирг., тур., крым., караим. *dä-*, казах. *de-*, тат. *di-* (Радлов), где гласный основы *ä/e/í* может варьироваться даже внутри одной и той же группы, как видно из примеров. Тат. и бараб. имеют *i* в этой основе, как это обычно для языков западносибирской, волго-уральской и частью северо-западной групп. Конечное *-v*

через ит. *Tedeschi* и что *انقليين* передаёт *'Unqlijn*, т. е. угры, венгры (*Streifzüge* 503—511).

²⁰³ Доказательства см.: Маркварт. *Streifzüge*, 193—194.

²⁰⁴ Шахматова А. А. 1) Очерк древнейшего периода истории русского языка. СПб., 1915, с. 20; 2) Древнейшие судьбы русского племени, с. 32.

²⁰⁵ См.: *De administrando imperio*, кн. 37; ср. *Nemeth Gy.* — *UJb.* 10, 27, 33; *Menges K.* *Byzantion* 17, 1944—1945, 268. Мнение Соболевского излагает Шахматов (Древнейшие судьбы русского племени, с. 32).

²⁰⁶ Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени, 32.

²⁰⁷ В СС слово встречается в гимне *Vexilla Regis prodeunt*. См.: *Bang W.* *Zur Kritik des Codex Cumanicus*. Louvain, 1910, S. 6.

представляет собою суффикс отглагольного имени, имеющий форму -yu/-gü в большинстве языков, но в языках северо-западной группы он подвергается типичному чередованию γ/g: v и поэтому получает -v после гласных и -uv/-üv, -u/-ü после согласных. Таким образом, ti-v (или ti-v) могло бы значить 'действие говорения', а *tiv-är соответственно *tiv-är-i 'человек говорения; тот, кто говорит; тот, чьим занятием, обязанностью и т. д. является говорение'. Это, конечно, чистая реконструкция, производное *tiv-är, *tiv-äri неизвестно, но эта реконструкция дает параллель к слав. *тълковинъ*.

Слово *тълковинъ* подвергалось рассмотрению неоднократно. Подробный обзор разборов приведен в статье Д. Расовского «Тълковины» (SK 8, 1936, 307—313). Расовский, однако, отправляется от цсл. *тлакъ*, *тлака* (Миклошич), русск. *толба*, болг. *тлъка* 'взаимопомощь; барщина' (так же как тюрк. *kömək* 'взаимопомощь на время уборки урожая'), ср. также Даль, Фасмер. Но, как было показано, необходимо отправляться от формы *tълkъ, и к тому же имеется достаточно примеров относительно ее значения 'ἐπιμευέας'. Пренебрегая лингвистическими данными и существованием печенежского племени с названием Tǫlmat (Tułmač), Расовский полагает, что это «странное занятие» для целого племени — «быть переводчиками», и принимает мнение Дубенского и Григоровича о вспомогательном племени («помощниках»). Фасмер характеризует это сближение с *толба* как «менее приемлемое». Расовский, конечно, прав, когда допускает, вопреки Вс. Миллеру, Григоровичу и др., что *тълковины* были не половцы, но остатки торков, берендеев, ковуев и т. д., которые позже в совокупности назывались черными клобуками и которые в середине XI в. оказались под защитой Киевского государства, после того как половцы в жестокой битве при Марице 29 апреля 1091 г. уничтожили раз и навсегда могущество печенежской орды. Не лишено интереса заметить, что в Москве некогда существовал район под названием Толмачи (ср.: С о л о в ь е в Ф. Московская Николаевская в Толмачах церковь. М., 1870).

В моей рецензии на книгу Н. Н. Поппе-младшего «Studies of Turkic Loan Words in Russian» (CAJ 20, 1976, 225 и сл.) содержится более подробный разбор производства этого слова от *толока*, предложенного А. И. Поповым, а также других славянских этимологий, помещенных А. И. Поповым в сборнике «Этимология. 1967» (М., 1969).

И. Г. Добродомов в статье «Два булгаризма в древнерусской этнонимии» (Этнонимы. М., 1970, с. 160—163) рассматривает два имени — *тиверьци* и *тълковины* — и пытается найти в первом этнониме Türk, а во втором — производное от тюрк. *tyl-qa, уменьшительного образования от tyl 'язык, речь'. Для *тиверьци* Добродомов предполагает исходную форму *tūrik, в которой на месте ū в проточувашском (волжскобулгарском) возникло *-ivъ-, как это наблюдается в случаях kōk > kēvak 'синий',

*tūz (< *tūr) > tāvar 'соль' и т. д. Однако такое расщепление гласного, когда редуцируется первый гласный, а не второй, было невозможно в столь ранние эпохи, как волгобулгарская, о чем говорит отсутствие этой черты в надписях и в древнейших волжско-булгарских заимствованиях венгерского языка; более того, этноним *türk* не имеет долгого гласного и вообще неизвестен в чувашском языке. Сделанная Добродомовым *ad hoc* реконструкция вспомогательного гласного между *г* и *к* совершенно неубедительна, поскольку вторичная возместительная долгота имеет место только при редукции следующего слога и никогда не бывает вместе с появлением вспомогательного гласного. Наконец, сомнительно, происходила ли в ту эпоху чувашская делабиализация *ü* и *ĩ*, которая, между прочим, не была повсеместной. Тюрк. *ü* и *ĩ* при заимствовании передаются в славянском обычно губными гласными *ou* (*y*) или *ю*, изредка *о* (*торъци*, *Тоъркои*, *Türk*, но венг. *Török*) или другими гласными.

Касаясь производства *тълковины* от слав. корня *тълк-*, И. Г. Добродомов отмечает, что последний «не имеет ясной этимологии на славянской почве, но может легко быть объяснен на основе тюркских языков», поэтому он реконструирует от тюрк. *tyl*, *til* с уменьшительным суффиксом *-ka* форму типа **tyl-qa*, которую он находит в чув. *čelxe* как прототипе славянского заимствования. Эта реконструкция неудовлетворительна, во-первых, потому, что хотя форма *тълк-* и не представлена во всех славянских языках, она имеет прекрасную и.-е. этимологию, как отмечает Фасмер, с ирландской, латинской и санскритской параллелями; во-вторых, чув. *čelxe* предполагает мягкую форму **til-kä* и ни при каких обстоятельствах не могла быть воспринята славянским языком как твердая основа *тълк-*; но даже если она и восходит к более древней форме **tĭlk-*, отсутствуют основания для объяснения редуцированного гласного. Следовательно, допуская **tyl-qa*, Добродомов не должен привлекать мягкий чувашский эквивалент. Если искать тюркский прототип, то скорее им могло бы быть Канг. *tyl-yq-* 'говорить с кем-нибудь для получения известий, сведений; обсуждаться, порочиться', что могло бы быть воспринято в виде глагола **tĭlkovati*, от которого могло бы быть образовано вторичное существительное *тълкъ*, но в др.-русск. известно только *тлъкъ*. Тогда как заимствование из тюркских языков совершенно не вероятно, родственные отношения между и.-е. и тюрк. словами, восходящие к ностратической эпохе, кажутся вероятными. Это могла быть и более ранняя эпоха, поскольку слово известно также австронезийскому — *dilah* 'то же' (см.: De m p w o l f f O. Austronesisches Wörterverzeichnis. Berlin, 1923, S. 145).

ТЪМЪТОРОКАНЬ (П Тьмүторскань, П Е Тмүторскань род. п., П Тьмүтораканьскни, Е Тьмүтороканьскни, прил.) встречается в славянском с суффиксом притяжательного прила-

гательного *-io-s, как это обычно для топонимов. Ср. Фасмер, Чижевская. Это место располагалось на восточном берегу Киммерийского Боспора, или Керченского пролива. Выдающийся на запад полуостров называется Таманским по названию небольшого города Тамани на месте древней Тмуторокани и поблизости от классической Φαναγόρεια, которая некогда принадлежала Боспорскому царству. Известно также название этого места τὸ Ταμίταρχα в De administrando imperio;²⁰⁸ согласно Маркварту, существует другая форма τὰ Μάταρχα,²⁰⁹ на итальянских картах дается также Matrica и Matercha.

Как название Астрахани возникло из Hāžžī Tarḫan,²¹⁰ так же *Тьмуторокань*, как полагают, появилась на основе хорошо известного тюркского титула tarḫan, tarqan в качестве второй части композита, которая перешла в *torqan и развила в др.-русском языке полногласие (ср. болг. *Тутракан*), и из тюрк. taman в качестве первой части, она сохранилась в названии Тамани. Вероятно, это название скрывается в др.-русск. *Тьму-* из *тѣмж-* с носовым гласным из taman.²¹¹ Форма taman представляет собою древний тюркский титул, встречающийся в орхонских надписях в качестве первой части сложений с tarqan (Радлов III, 996);²¹² значение титула и функции соответствующего сановника неизвестны. Возможно, он даже не тюркского и не алтайского происхождения; так же и многие другие тюркские титулы оказываются либо иранскими, либо китайскими, либо вообще неизвестного источника. Казах. и тат. taman значит 'впору, в пропорцию' (Радлов). В СС taman значит 'complete, полностью', что можно сравнить с орх. taman, если это не заимствование из араб. tamām, с дистактной диссимиляцией. Этот титул был заимствован киданями и передается в «Ляо-ши» в форме *да-ма (та-ма)* со значением 'лицо, действующее в составе охраны, эскорта'.²¹³ В монг. слово представлено с суффиксом nomen actoris — tamači,²¹⁴ в маньч.

²⁰⁸ В кн. 42, 53. Ср.: Моравчик II, 251.

²⁰⁹ Маркварт. Streifzüge 163.

²¹⁰ Р. Н. Фрай задается вопросом, не могла ли Астрахань быть древним Ас-Тархан, как это встречается у Табари (ср.: Минорский. Худуд ал-'алам, 451). Это мог бы быть непосредственный источник названия города, которое бы понималось тогда как «(город) тархана асов», т. е. осетин.

²¹¹ Якобсон замечает, что как тюрк. Taman, так и написание *Тьмуторокань* в надписи князя Глеба 1068 г. и в Лаврентьевском списке под 1024 г. поддерживают чтение *Тьмутороканьский* в «Слове», как это предлагает вариант Е. Обычно как П, так и М опускают ъ между согласными древней рукописи или заменяют его на ь. Ср. Geste 44, 56, 154, 164, 172, где неправильно читается *Тьму-*.

²¹² Ср. также: Radloff W. Die alttürkische Inschriften der Mongolei, I, S. 71; Thomsen V. Inscriptions. . . , p. 131.

²¹³ См.: «Ляо-ши», гл. 1, 1; 116, 2a; Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society, p. 91, 429, 433.

²¹⁴ См.: Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale. — T'P 26, 1929, 221. Позже Tamači встречается как монг. личное имя сына Арык-Бёке, сына Тулуй-хагана; см. Рашид ад-дин, с. 206 (по изд. Блоше).

имеется *tama* 'наименование должности',²¹⁵ что звучит, однако, не очень определенно. В орхонских надписях *tarqan* является титулом высокого сана (Радлов III, 851—852), но точное его значение неизвестно. Когда он появляется в виде *Aba-Tarqan*, он обозначает высокопоставленного военачальника. Махмуд Кашгарский дает слово в форме *tarhan* 'военачальник' (аргу) у «язычников» и говорит, что это только имя собственное (как, например, и в современном турецком — Радлов III, 854).²¹⁶ Др.-уйг. *tarqan* вместе с *tarhan* 'министр' выводится Бангом и Габен (*Analyt. Index*, 43) вслед за Ханедой из кит. *да-гуань*; ср. также Карлгрен. *Grammata*, 271b: *da* < *d'ât* < **d'ât*, в эпоху династии Тан китайское конечное -t подвергалось воздействию ротацизма (ср. такие заимствования в др.-уйг., как *burqan*, *likžir*, *bursan*),²¹⁷ а также Карлгрен. *Grammata*, 157a: *гуань* < *kuân* < **kwân*; во второй части это также транскрибируется другими буквами,²¹⁸ так что не отражаются частные особенности, касающиеся древних ауслатных согласных (например, см. *ġan*, Карлгрен. *Grammata*, 139a). Данная китайская форма может, разумеется, представлять собою китайскую транскрипцию по способу китайской народной этимологии или так называемую объяснительную транскрипцию, переводящую транскрипцию, часто встречающуюся в китайских текстах, которая не только весьма затрудняет узнавание некитайских форм, но делает это иногда невозможным.²¹⁹ Этот титул, согласно Пельо, «древнее китайское выражение, засвидетельствованное до н. э.».²²⁰ В 117 гл. «Тан-шу» киргизские чиновники разделены на шесть классов, пять из которых носят китайские имена, но шестой назван *tarhan*, *tarqan*. Это слово изучалось Б. Лауфером (*T'P* 17, 1916, 487—488), затем в его «*Sino-Iranica*» (с. 592—595), но производство этого слова от тюркского неудовлетворительно, поскольку в тюркском оно фонологически неустойчиво (*tarqan*, *tarhan*; *tärkän*). Вопреки Дёрферу, нельзя доказать

²¹⁵ См.: Габеленц 196. Это, возможно, один из терминов Ляо, встречающихся в маньчжурском переводе «Ляо-ши», а потому не учтенный Захаровым и Хауером.

²¹⁶ О функции этого слова у некоторых алтайских народов см.: Alföldi A. A tarchan méltóságnev eredete. — *Magyar Nyelv*, t. 28, 1932, p. 205—220; Дёрфер 2, 460—474.

²¹⁷ См.: *Analyt. Index*; Menges K. H. *Das Čayatajische in der persischen Darstellung von Mirzā Mahdī Xān*. Wiesbaden, 1956, S. 16, примеч. 3.

²¹⁸ См.: Laufer B. *Sino-Iranica*, p. 593, сверху.

²¹⁹ См.: Hirth Fr. *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk*, S. 55—56.

²²⁰ См.: *T'P* 37, 1944, 176, примеч. 2. Здесь же дается убедительное опровержение попыток Рамстедта и Рясянена вывести слово из китайско-корейского, так же как возможного **tar*, допускаемого Бангом и Габен. Среди алтайских титулов также и этот встречается в хотанских текстах в формах *ttarkanī*, *ttarkana*, *ttarakana*, в согдийских (Карабалгасун) *pr' tr' n* (=др.-тюрк. *baγa tarqan*) и в текстах из Махрнамата как *trx' n* (см.: Bailey H. W. *Turks in Khotanese texts*. — *JRAS* 1, 1939, 91).

первенство формы с х, поскольку твердый заднеязычный в положении после плавного обычно переходит в спирант ($lq, gq > lx, gx$, например, у Махмуда Кашгарского). У этого слова несомненные признаки заимствования, а географическое распространение его слишком ограничено. Вполне возможно было бы считать, что оно протокиргизского происхождения, хотя до сих пор неясно, был ли протокиргизский древнесамодийским или древнеенисейским языком. Однако ни тут, ни там не обнаружено ни это слово, ни его родственники. Не так давно этот титул был всесторонне рассмотрен Дёрфером (2, 460—474) с интересной попыткой установить его точное значение в данный исторический период, хотя ему совершенно не удалось найти существенное различие между правящей бюрократией этих азиатских обществ и свободной организацией феодальных государств в Европе, древнем Китае или Японии. Неясно отношение формы *tarqaŋ* к др.-уйг., Кашг. *tärkän*, причем в др.-уйг. это титул сановника, «правителя провинции» (ДТС 554), а у Кашг. «титул правящего хакана и княгини» (так!). Несомненно, последняя форма обнаруживается в титуле Ляо *тэ-ли-цзянь* 忒里蹇 или 忒里蹇, ²²¹ возможно, также в монг. *tärigün* 'глава, старший, первый'. Согласно Бартольд, ²²² *tärkän* представляет собою титул или имя, которое пишется мусульманскими историками как *ترکان* и раньше неправильно читалось *Turkän, Türkän*.²²³ Если *tärkän* является женской формой от *tarqaŋ* (у мусульманских историков это всегда титул княгини), мы имели бы в данном случае аблаут а/ä для обозначения грамматического рода, как это регулярно встречается в маньчжурском (ср. *ama* 'отец' ~ *eme* 'мать', *arsalan* 'лев' ~ *erselen* 'львица' и т. д.).²²⁴ Форма *tärkän* также рассматривается Дёрфером (2, 495 и сл.); он пробует вывести ее из формы **tär*, неизвестного, возможно, жуань-жуаньского происхождения, представленной, вероятно, в титуле *tärim* с прибавленным суффиксом *-хап/-kän* < *хап* 'господин'. Невозможно, однако, чтобы существительное *хап* оказалось в этом и подобных случаях (ср., например, *bur-хап* Будда') суффиксом, так что происхождение формы *tärkän* остается темным. Карст сравнивает *tarqaŋ, tarqaŋ* с этрус. *Tarquinius*, арм. *Թագավոր* *t'agavor* 'правитель, император', груз. *t'avi* 'глава, старший' и рассматривает армянскую форму в качестве иберо-

²²¹ См.: Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society, p. 431; Pelliot P. (T'P 37, 1944, 171).

²²² Barthold W. Turkestan down to the Mongol Invasion. London, 1958, p. 337, примеч. 2.

²²³ У многих тюркских народов в этой форме существует личное имя для девушек, например, узб. *Türkän*, тур. *Türkän*; по происхождению это перс. *Türkän* (мн. ч.) от этнонима *Türk* и значит также 'красивая (женщина), прелесть'. Я прочел это имя — или титул — в надписях на стенах одного из чудесных мавзолеев Шах-и Зинда (XIV—XV вв.) возле Самарканда; кажется, они до сих пор не опубликованы.

²²⁴ См.: Harlez Ch. de. Manuel de la langue mandchoue, § 18, p. 19.

протоармянского этимона.²²⁵ Несомненно, это слово очень старое, оно доиндоевропейского и доалтайского происхождения.

В казах. и кирг. это слово начинается на звонкий согласный *darqan* и значит в казах. 'любимец хана, награжденный ханом; свобода (увольнение от обязанности)', в кирг. 'кузнец, художник' (Радлов), *darqan*, *darxan* 'то же; оружейник; знаменитый, почтенный, благородный' (Юдахин). Под чаг. *darxan* Радлов дает отсылку к *tarqan*, но чаг. *darxan*, *tarxan* (ترخان) имеет оба значения: 'мастер, ремесленник' и 'привилегированный класс народа',²²⁶ тогда как в турецком слово сохранилось, кажется, только в составе имени собственного (Радлов III, 854). Формы с *d-* заимствованы из монг., по значению они согласуются с монг. *darxan* 'кузнец (вместе с *temürči darxan*), мастер, ремесленник; тот, кто освобожден от налогов' (Ковалевский); калм. *darxan*, *darxū* означает 'кузнец', эют. 'привилегированный'; ордос. *darxan* 'ремесленник; имя, даваемое тому, кто забивает быка, мясо которого служит питанием зимой', и *darxat* (мн. ч.) 'имя

²²⁵ См.: Karst J. *Geschichte der Armenischen Philologie*. Heidelberg, 1930, S. 75. Кроме того, арм. *t'agavor* имеет хорошую иранскую этимологию; см.: Хюшман. Арм. грам. I, 153, примеч. 243 и Benveniste E. *Études Iranienes*. — In: *Transactions of the Cambridge Philological Society* (London), 1945, p. 74. Возможно, конечно, что форма *t'agavor* обязана народноэтимологическому осмыслению старого доиндоевропейского титула. *Tarqan*, *Tarquinius* и т. п. могут иметь свой источник в имени анатолийского божества *Tarḫunda*. Проф. А. Гётце в письме от 4 дек. 1950 г. обратил мое внимание на книгу Lagroche R. «*Recherches sur les noms des dieux hittites*» (Paris, 1947, p. 89) и заметил: «Это имя относится к одному из слоев анатолийской цивилизации, которая старше, чем клинообразный хеттский. Возможно, оно принадлежит одному из лувийских диалектов. Главный бог, встречающийся в хеттских иероглифических надписях, теперь читается *Tarḫunda*. Связь с этрус. *Tarquinius* весьма вероятна». Затем он назвал работу: Herbig G. *Kleinasiatisch-etruskische Namensgleichungen*. — SBAW. Philos.-philol. Kl., 1914, № 2, S. 20 и сл. Уже Беверидж заподозрила связь между *tarxan* и *Tarquinius* (см.: JRAS, 1917, 834). Высокомерное, но поверхностное замечание Дёрфера относительно этих древних связей — «тезис, который не нуждается в опровержении» (2, 469), — не заслуживает внимания, поскольку оно показывает полное отсутствие у автора глубокого восприятия сложных и многосторонних аспектов культурного взаимодействия. На своем пути на восток, к алтайским языкам, прототип форм *darqan*, *tarqan* мог, естественно, пройти через тюркские языки. Скифам слово было известно в форме *Ταρχίταος*, имени их первого царя, по которому скифские цари, его потомки, назывались *Ταρχίταις* (см.: Геродот. История, кн. 4, гл. 5). Переводчик этого сочинения Геродота на немецкий язык Г. В. Хаусиг предполагает, что *kitan-jū* является записью слова, на базе которого явилось *Ταρχίταος* (изд. 1955 г., с. 683 и сл.). Однако это предположение может быть справедливо лишь в случае объяснительной китайской транскрипции, а не фонетической. *Ταρχίταις* — греч. форма имени древнего римского царя Л. Тарквиния Сутерба, VI в. до н. э.

Арм. *t'agavor* и варианты возрождаются в тур. *täkfür* (араб. написание *تکفور*), как например *Täkfür Saraj(y)*, дворец Комнинов в Константинополе, или *Täkfür Dağ(y)* / *Täkür Dağ(y)* — гора Текирдаг.

²²⁶ Ср.: Радлов III, 854 и, например, *ترخان* в «Бабур-наме» (по изд.: Beveridge A. S. *The Bābar-nāma*, I. Leyden—London, 1905, л. 30, 36 и сл.).

монголов, надзирающих за культом Чингис-хана у ордосцев'.²²⁷ Из монг. слово заимствовано в маньч. *darhan* 'свободный от налогов; ремесленник, художник' (Хауер 181), эвенк. (Баргузин, Зей) *darkan*, (Верхняя Лена) *darkal* 'кузнец' (Василевич), негид. *darkan* 'кузнец' (Широкогоров I, 57). Относительно этого заимствования в персидском, тибетском и кавказских языках см. Дёрфер. Ибн Баттута называет *tarqan* 'местом (так!)', где тюрки свободны от налогов'.

В «Ляо-ши» титул встречается в форме *ḡa-la-ḡan*,²²⁸ обозначая второго высшего чиновника у киданей и, если прав Хань Жу-линь, обозначает сан у жуань-жуаней в эпоху западной династии Вэй (VI в.).²²⁹ Это могло бы относиться к той же эпохе, в которую слово в форме *тархан* было известно Менадру Протиктору. В русском оно известно по довольно поздним источникам как *торханъ* 'вотчинник, освобожденный от повинностей' (Срезневский, у Фасмера это слово опущено и дается только *тархан*). Судя по начальному *т-*, оно является заимствованием из тюркского. В форме ТАРКАНОЕ этот титул известен протобулгарским надписям.²³⁰ Арм. *t'arhan* 'освобожденный от налогов' было точно так же заимствовано непосредственно из тюркского и нет нужды рассматривать его как заимствование из персидского и/или арабского, как это делает Хюбшман. (Арм. грам. I, 266, примеч. 50). Тюрк. *tarhan* является общим источником для всех трех языков.

В качестве топонима Таман—Тархан будет эллипсисом. Мы можем восстановить слово со значением 'город' — либо тюрк. *baluq*, либо перс. *šahr*, либо — для кочевников — *ordu*, т. е. соответственно Таман—Тархан *baluḡu/šahry(šähri)/ordusy*, ср. притяжательный суффикс в русской форме *Тъмutorокань* и полное выражение *града Тъмutorоканя*. Эта же форма с южнославянской метатезой в группе *tort* выступает в названии болгарской деревни Тутракан. А. Грегар некогда высказал предположение, что *Тархатарха* представляет собою позднее развитие более старой формы, которая первоначально обозначала определенный сорт рыбы, вылавливаемой и засаливаемой (*ἐταρχεύετο*) там и вывозимой в больших количествах. Он намеревался изложить этот вопрос в специальной работе. И хотя предположение Грегара не кажется вероятным, остается открытым вопрос, не является ли

²²⁷ См.: Mostaert P. A. Textes Oraux Ordos. Pei-p'ing, 1937, p. 635; Mostaert. Dict. Ordos, p. 121.

²²⁸ Глава 46, 2а; Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society, p. 433; Menges K. H. Tungusen und Ljao, S. 30.

²²⁹ Суй-бэй-ди цзи-гэ ди-мин [«Несколько терминов из северной части Суй-юань»]. — Юй-Гун, 7, № 8/9, Пекин, 1937, с. 86.

²³⁰ См.: Бешевлиев В. Първобългарски надписи. Уводъ, текстъ и коментаръ. — Годишник на Софийския ун-т, I. Ист.-филол. фак., 1935; Menges K. H. Altaic Elements in the Proto-Bulgarian Inscriptions, s. 85—118.

развитие от Тарáтарха к Таман—Тархан и Тьмуторокани обязанным воздействию тюркской народной этимологии,²³¹ толкующей этот топоним как «город Таман—тархана». Др.-русская форма также указывает на наличие русской народной этимологии. Совершенно неверную этимологию Тьмуторокани от *Tuman—Tarqan предложил Г. Вернадский;²³² Г. Г. Литаврин описал политическое положение города на границе XI—XII вв.²³³

ХАРАЛЪТЪ (xaralut, местн. п., ед. ч., основа на *-o), «сталь» и **ХАРАЛЪЖЫНЪ**, прил. (xaralужныи, им. п., мн. ч., с. р., xaralужными, тв. п.). Ср. Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 294—295; 10, 2, 88—89); Корш (ИОРЯС 8, 4, 47—54; 11, 1, 285—295); Фасмер, Чижевская. Возможно, конечно, понимать слово как именное производное от тюрк qaqa 'черный', однако тогда немедленно встает вопрос о тюркском суффиксе. Русская форма позволяет говорить о суфф. -luy/-lig и т. п., участвующем в образовании отыменных имен, которые обычно употребляются адноминимально, т. е. — в терминологии индоевропеистики — как прилагательные. Поскольку qaqa является именем, обычно употребляемым адноминимально, т. е. в функции прилагательного — кроме того, что оно может значить 'черный цвет, чернила, континент, просто-народье, чернь' (Радлов II, 132—142), — образование от него с суфф. -luy не очень вероятно. Более вероятно образование имени на -luy с функцией и.-е. существительного, и qaraluy существует в действительности: крым., тат. 'мрак, темнота, чернота'. Радлов отметил слово только в этих двух языках; оно содержится также в СС, на что указывают Мелиоранский, Корш, Грэнбек, в значении 'atramentum, nigredo, calamarium'. Оно могло бы, конечно, встретиться с губным гласным в суффиксе, как например в др.-уйг., совр. уйг. или др.-тюрк., но едва ли с -y в конечной позиции, на что указывает постоянство русского написания. Но это слово нигде не имеет значения 'черный металл > сталь', как утверждают Мелиоранский, Бернекер и другие, а за ними недавно еще Фасмер и Кипарский.²³⁴ Следовательно, совершенно не обоснованно Стендер-Петерсен отвергает значение 'франкский', (Word 4, 1948, 154).

Уже С. А. Геденов произвел *xaraluy* от Karleg-, Korleg- 'карولينгский', т. е. 'франконский, франкский',²³⁵ что встреча-

²³¹ Тюркские топонимы, насаждающиеся на иранские, кавказские, анатолийские и балканские или вытесняющие их, дают хорошие примеры такой народной этимологии.

²³² Vernadsky H. Toxar, T'ma, T'mutorokan. Three Notes. — In: For R. Jakobson. The Hague, 1956, p. 590. См. также мои замечания по этому поводу (ZfslPh 29, 1960, 128 u. f.).

²³³ Litavrin G. G. A propos de Tmutorokan. — Byzantion 35, 1965, 221—234.

²³⁴ См.: Kratylos 11, 76 и сл. Ср. также замечания Менгеса (UAIb. 31, 1959, 181).

²³⁵ Мнение С. А. Геденова излагает Орлов, с. 105.

ется в летописях и «Молении» Даниила Заточника в форме *корулязи* (им. п., мн. ч.). Все эти формы восходят к др.-в.-нем. Karling, Charoling, Charling и т. п.; *харалугъ* происходит из более старой *Karalogъ, что предполагает в др.-в.-нем. suffixum originis или ethnikon -ung вместо -ing, т. е. *Carolung, *Charolung. В современном немецком языке топонимы образуются с помощью тех же суффиксов, причем наблюдается предпочтение суфф. -ingen (старый им. п., мн. ч.) суфф. -ungen, зато -ungen более употребителен на границе между франконским и тюрингским диалектами. Но в образовании nomina originis или gentis употребляется суфф. -ung, например: Amelungen, Nibelungen (мн. ч.).²³⁶ В употреблении эпитетов плема в «Слове» наблюдается определенный параллелизм: *шеломы Оварьскыя, шеломы Латыньскыи*. Имя франков стало нарицательным для стали, как франконского (или франкского) по преимуществу металла, так что *копья, шеломы и мечи* определяются эпитетом *харалужн-* 'каролингский' как синонимом к 'римский'. Интересную параллель представляет имя кавказского племени Χαλυβες, тождественное с греческим нарицательным наименованием стали — χαλυβ. Небезынтересно отметить, что из мечей, находимых при раскопках древнерусских курганов, в особенности так называемых «дружинных курганов», все мечи IX—X вв. — каролингские, один меч XII—XIII вв. — капетингский. Но все мечи самой ранней эпохи Древней Руси — каролингские, на их лезвиях находится знак, обнаруживающий их происхождение из Северной Франции. Мечи, изображенные на новгородских миниатюрах XIV в., все еще каролингские.²³⁷

После этого гипотеза Зеки Валиди Тогана о возможной связи этого слова с племенным именем тюрков-карлуков Qarluq (Xarlux, Hallux) в районе реки Или и Тянь-Шаня не заслуживает поддержки.²³⁸

ХОРИУГЪБЪ (им. п., ед. ч., ж. р., основа на *-и), «знамя». Ср. Срезневский: *хоругы(-тъвъ), хорюгъвъ*; цсл. *хоржы*, ср.-болг. *хоржва* (фонетически *хоръгва*); Микл. Л., Фасмер, Чижевская, Как видно из соответствующего места «Слова»: «*чрьленъ стягъ*».

²³⁶ В. Кипарский (Neuphilologische Mitteilungen, Bd 50. Helsinki, 1949, S. 45—47) приводит написание Koninc zu Karlungin 'король Франции', собственно 'король каролингов' из ср.-в.-нем. поэмы XII в. и видит образец для *харалугъ* в баварской или алеманской форме с начальным kh- или sh- и анапиктическим гласным. Однако последний обязан латинизированным формам carolus, carolingi и т. д.

²³⁷ См.: Рабинович М. Г. Из истории русского оружия IX—XV вв. — В кн.: Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер., т. I, 1947, с. 80 и сл. Ср. также ценные наблюдения В. В. Арифта «К вопросу о мечах харалужных „Слова о полку Игореве“». — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 335—342.

²³⁸ См.: Zajączkowski A. Związki, 53. Что же касается Карлывича из Ипатьевской лет. под 1183 г., необходимо отметить, что следует различать *Карлывичъ* и возможную форму **Карлуковичъ*.

бѣла хорюговъ, чрьлена чолка, сребрено стружие» — это слово не идентично *стягу*, который определяется Чижевской точно так же 'знамя'. Если *хорюговъ* означает 'знамя', — в древности 'военное знамя', но позже и в совр. русск. 'церковное знамя' — интересный поворот в семантическом развитии, ждущий своего объяснения, слово *стягъ* < др.-сканд. *stǫng* (ж. р.), др.-швед. *stang* 'флагшток' имело в др.-русском языке значение 'флагшток с вымпелом или жестким значком', иначе 'боевое знамя', как поясняет Фасмер. Происхождение слова, содержащегося в большинстве славянских языков (Бернекер), от монг. *огоуа* из **hогоуа* 'знамя' (Ковалевский) установлено уже Мелиоранским (ИОРЯС 7, 2, 295). Поскольку древние монгольские тексты были в то время неизвестны, Мелиоранский объяснил начальное *х-* из древнего монгольского фарингального спиранта, позже утерянного, но находимого в нескольких примерах в арабско-монгольских словарях, например в «*Muqaddimat al-'adab*» Замахшари,²³⁹ где в арабских словах имеется начальное *h-*. Этот важный факт монгольской фонологии получил убедительное толкование со времени статей Рамстедта и Пельо.²⁴⁰ Др.-монг. начальное *h-* было замещено *х-* в праславянском.²⁴¹ В то время др.-монг. начальные *q-*, *k-* еще не перешли в спирант *х-*, как это случилось позже, но не раньше эпохи древнейших письменных памятников XIII—XIV вв. Форма **hогоуа* не может быть извлечена из текстов этого древнейшего периода, поскольку она не встречается в «Юаньчао би-ши», составленном около 1240 г., где есть лишь производные от той же основы **hog-* с суфф. *-či-* *hog-či-* > совр. монг. *огчи-* 'поворачиваться (кругом)', отсюда имя на *-n* *horčín* 'кругом' (семантическая аналогия в др.-уйг. *tägirmi*) и имя на *-m* *horim* 'окольный путь'.²⁴² От этой же основы образовано письм.-монг. *ог-ija-* 'обязывать, завертывать, мотать, наматывать; вертеться; смешиваться, смущаться' (Лессинг) > ордос. *огō-* 'поворачиваться'. Др.-монг. начальное *h-*, отражающее протоурало-алтайский начальный глухой губной смычный согласный, хорошо засвидетельствовано древнейшими текстами XIII—XIV вв.;²⁴³ оно, однако,

²³⁹ См. издание Н. Н. Поппе; ср. рецензию Менгеса (JAOS 63, 21 и сл.).

²⁴⁰ Pelliot P. Les mots à h-initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIII—XIVe siècles. — JA, 1925, 193—263; Ramstedt G. J. 1) Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Sprache. — JSFOu 20, 2, 1916; 2) Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft, II. Lautlehre. — MSFOu 104, 1, 1957; См. также: Aalto P. On the Altaic Initial *p. — CAJ 1, 9—16.

²⁴¹ В позднейших заимствованиях монг. *h-* могло, видимо, замещаться слав. *g-(γ-, h-)*. Ср.: Menges K. Altaic Loanwords in Slavonic. — Language 20, 1944, 62 и сл.

²⁴² См.: главы 57, 103, 145, 192, 245 (ср.: Козин. Сокр. сказ., 591; Хениш, 77, но лучше изд. Пельо, с. 12, 41, 67, 98). Ср.: Поппе N. Vergleichende Grammatik. . ., I, S. 11, 98.

²⁴³ См.: Поппе N. N. On the initial *h* in the Yüan-Ch'ao Pi-shih. — The Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica, v. 39, 1969, p. 267—275.

имело сильную тенденцию к исчезновению уже в самых ранних текстах и полностью исчезло во всех монгольских языках за исключением монгорского (в провинциях Ганьсу и Цинхай [оз. Кукунор]), где оно представлено либо х-, либо f-, как в чжурчжэньском и маньчжурском (где f-) и других южнотунгусских языках (где p-, f-, х-), ср. монгор. furo-, хуго- 'завертывать, перевязывать, свертывать'.²⁴⁴ Эта же основа существует в тунг., как маньч. fого- 'то же' (переходн. и непереходн.), 'разматывать, прясть, связывать речь' (Габеленц, Захаров) и производные; в эвенк. hórol- (< *hogo-l-), hōrol-, ogo- (и множество производных) 'ходить кругом, ездить кругом, обойти; поворачиваться, крутить' (Василевич 1958, см. её же «Эвенкийско-русский диалектологический словарь». Л., 1934, с. 50), (Нерча) ogo- 'то же' (Титов). Другие тунгусские языки имеют: эвен. êrêl- 'ехать кругом, миновать', ульч. hêrêli-, уд. pongoli- < *pogo-n-γo-li-, заимствование из южнотунг. языков с p-, 'поворачиваться кругом', нан. rogo- 'то же'. В тюркских языках алтайский корень *rog-/*xog-/*for- представлен в виде чаг., таранч., казах., шор., койб., кач. oга-, кирг., алтайск., тел., кюэр. ого- 'связывать, завертывать, обертывать' (Радлов), дериватов очень мало, ср. кирг. oγunγaly 'кругом' < *og-un-γa-ly (но не от oγun 'место', как это готов допустить Радлов, а от медиума глагольного корня og-, и не от итератива основы og-a-; ср. ого- и многочисленные дериваты у Юдахина), от того же корня и с той же семантикой, что др.-монг. hogčîn («Юань-чао би-ши»). Этот алтайский этимон имеет родственное гнездо в уральских и дравидийских языках, ср. венг. forog-/forg-, морд. puvfa/puvəfa- 'то же' (перех.), удм. porjal- 'то же' (неперех.), манс. roger- 'то же' (неперех.) (см.: Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. Stockholm, 1955, p. 78, 148; но тюрк. гнездо bur-/pur- 'вить, крутить, сверлить' представляет собою другой этимон и не относится сюда); тамил. pugaḷ-/piḡaḷ- 'перекатываться, ворочаться, опрокидываться, соскальзывать, катиться (как волны), разливаться, разрушаться или меняться (об эпохах, обычаях, законах), ниспровергаться (о государстве), отказаться от своего слова, опровергаться, умирать', малаялам pugaḷuka- 'катиться', pugaṭṭuka- 'поворачиваться', piḡaḷuka- 'валяться, качаться, поворачиваться, мазаться, переливаться', каннада rogaḷ-, riguḷ- 'качаться, барахтаться, валяться', телугу rog(a)lu- 'качаться, катиться по земле, переливаться', кота roḡḡ-, rōḡ- 'катиться туда и сюда', тода rūḷ- 'падать', тулу pureluni-, poraduni-, purejuni-, poreluni- 'катиться, поворачиваться' с многочисленными производными в большинстве названных языков (см. Dravidian etymological dictionary, № 3516). Значение основы *hogo-, вероятно, указывает, что *hogoγa 'знамя' является табуистическим описанием знамени по его свойству извиваться, стру-

²⁴⁴ См.: Smedt A. de, Mostaert A. Le dialecte Monguor. . ., III. Dictionnaire Monguor-Français. Peiping, 1933, p. 111, 185.

иться, крутиться на ветру. Мягкость второго слога в той форме, которая встречается, например, в «Слове», остается необъясненной. Если это древняя черта, которая не возникла на славянской почве, можно допустить, что форма *hofoŋŋo произошла от *horinŋo, возникшей из вторичной основы *hog-i- с последующей ассимиляцией *i* гласному следующего слога.

Тюркский этимологический и семантический эквивалент слова известен в настоящее время из др.-тюрк. (тюркютского) источника — первой рунической надписи в долине реки Элегест, в 7 км выше ее слияния с Улуг-хемом — *oɣuŋu* 'знамя' (ДТС 372, 615) и из одного др.-уйг. источника — «*Säkiz Jükmäk*» — «Сутры о восьми накоплениях (благоволениях)», где он встречается в виде именного деривата *saɣuŋu oɣuŋuluɣ* 'несущий желтое знамя, имеющий желтое знамя', строка 93 (ДТС, 488), как метонимическое обозначение планеты или ее духа, возможно, Сатурна (т. е. в данном случае *oɣuŋu-luɣ* или *oɣuŋu-luɣ* представляет собою форму *nomēn comitativum* на -*luɣ*, что предпочтительнее формы имени на -*luq*, как позже предложила Габен в словаре к ее «*Altürkische Grammatik*». Leipzig, 1950, S. 322), как это правильно прочтено издателями сутры, которые взяли за основу монгольскую параллель, хотя ни само слово, ни какие-либо производные не были до того известны в тюркских языках. Это значение поддерживается китайской и монгольской версиями сутры. Издатели ДТС, 'поместив в словаре с отсылкой слово с о-, отдали предпочтение второму чтению с и-. Это неверно, поскольку и этимологически родственные слова, и монгольская, и славянская формы поддерживают оккак гласный корневого слога. Удивительно, что слово так мало засвидетельствовано тюркскими и древними монгольскими текстами. Вероятно, повинен в этом первоначально значительный, исключительно шаманистский смысл этого обозначения «священного знамени», бывшего вместилищем духов-защитников (см. ниже), точно так же как в буддийской переводной литературе и в особенности в мусульманской среде слова этого рода избегались там, где это только было возможно. Это дает интересную параллель к резко отрицательному отношению в древней славянской переводной письменности к терминологии собственного языческого прошлого. Др.-тюрк. и др.-уйг. *oɣuŋu* имеет, кажется, лишь одну параллель в позднейших тюркских языках, а именно кыпчакское *oɣa* 'знамя' (XIII—XIV вв.) с полной редукцией среднего слога в «*Kitābu-'l-Idrāki li-lisāni-'l-Atrāki*» Абу Хайяна (цитата у Рясненена, но *oɣuŋu* все же отсутствует). В качестве названия этого предмета могли использоваться еще три слова, даже в шаманистском смысле: *baɣraq* (> *bajraq*), *tuɣ* и скорее как *pars pro toto* с другим по происхождению значением *bunɕuq*/*munɕuq* 'подвеска, жемчужина', откуда русск. *бунчук* из огузских языков (см.: Фасмер).

Бернекер правильно определяет *xoɣɣu* как монгольское заимствование в правосточнославянском, не высказываясь, однако, о

возможных путях проникновения др.-монг. слова в древнеславянский или даже в праславянский. Вопрос этот, действительно, сложный, поскольку до монгольского нашествия славяне и монголы, по всей видимости, никогда не были соседями, их языки не использовались в областях с общей границей, эти области всегда разделялись финно-уграми, тюрками и иранцами. Можно предположить, что слова вроде *телѣги* или *хоругви* были заимствованы через посредство тюрков, как это допускает Фасмер для последнего слова из-за его начального х-. Но в тюркских языках не находится никаких следов протоалтайского *р-, за исключением спорадически сохраняющегося h- в издавна изолированных огузских наречиях в Иране. Тюркский эквивалент формы *horoŋa — др.-тюрк., др.-уйг. oŋuŋu с регулярной утратой начального протоалтайского губного *р- — не дает никакого основания считать древнетюркское слово заимствованием из монгольского. Исходя из этого, допустимым представляется только прямое заимствование из монгольского в славянский язык. Слово *телѣга* впервые засвидетельствовано в др.-русском языке в вводной части Начальной летописи, в рассказе о насилиях, производимых аvarами над женщинами из славянского племени дулебов: «Си же Обри. . . примучиша Дулѣбы. . . и насилие твораху женамъ Дулѣбскимъ; аще поѣхати будаше Обьрину, не дадаше въпрачи кона ни вола, но велаше въпрачи три ли, четири ли, пать ли женъ въ телѣгу и повести Обрина». ²⁴⁵ Это единственное, но очень важное указание, что к тому времени слово вошло в употребление у славян, причем непосредственно от монголоязычного народа. Единственным историческим народом из засвидетельствованных в эпоху до нашествия монголов Чингис-хана, языком которого, если судить по сохранившимся следам, был монгольский язык, являясь, как это всеобщее принято со времени работ Маркварта и Пельо, аvarы или по крайней мере правящие, «внутренние» племена той могучей кочевой конфедерации, которая известна под именем аvarов. Эта была единственная монголоязычная исторически засвидетельствованная группа, которая зашла так далеко на запад прежде походов Чингис-хана. Судьба аvarов может быть прослежена вглубь до конфедерации жуань-жуаней дотанских китайских хроник, в которых они с определенностью изображаются тесно связанными с сяньбийцами и, таким образом, принадлежащими к монгольской (или протомонгольской) семье. Это значит, что было какое-то аvarское племя или союз правящих племен или кланов, которое говорило на языке своих сородичей

²⁴⁵ Ср.: Срезневский; Лаврентьевская летопись, с. 11. Это событие имело место, по мнению Шафарика (изложено Марквартом. Streifzüge, 146 и сл.), в 563 г., в год аvarского вторжения в Венгрию, или через пять лет после аvarского опустошения страны антов. Ср. также заметки Фредегера по поводу отношения завоевателей аvarов к народу «винидов» (обычно понимается, что это западные славяне), приведенные в кн.: Z e u s s K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837, S. 736.

жуань-жуаней и своих предков сянбийцев и которое принесло это монгольское слово покоренным славянам, принужденным позже принять участие в аварских походах.²⁴⁶ Несомненно, не все авары или те, кто считается аварами в хрониках, пришедшие на запад — часто называемые также псевдо-аварами (Маркварт. *Komanen*, 71—74) — еще пользовались своим родным монгольским языком; они могли говорить на каких-нибудь тюркских языках тех племен, которые были вовлечены в их длительное движение на запад. Некоторая примесь гуннов или по крайней мере участие в аварских походах гуннских групп ни в коем случае не исключена. Но «имперское племя» аваров, племя хагана — *χαγάνος*,²⁴⁷ все еще говорило по-монгольски, хотя, возможно, и еще на каком-нибудь другом языке, как это было с чингизидами, подданные которых — за исключением Монголии — говорили на разных языках. «Внутренние племена», т. е. правящие кланы протобулгарских племен, держались своего алтайского булгарского языка и обычаев до обращения в христианство в 863 г., может быть, даже дольше, тогда как большинство народа уже говорило по-славянски. Такое же положение сложилось у киданей, или ляо, где имперский клан говорил не только по-китайски, но также говорил и писал по-киданьски, для чего использовалось два вида письменности (см. также при слове *оварьский*). Слово *хоржэ* прошло тот же путь миграции и завоеваний от востока на запад. Монг. -он- в положении перед согласным перешло в носовой звук о, как это обычно для славянских языков дописьменного периода. Конечное -ы предполагает в монг. -о, которое образуется по закону лабиальной аттракции, регулярному в большинстве современных монгольских языков, но с ясностью проявившему свое действие и в раннюю эпоху: **horoŋa* > **horoŋo*. Так же как герм. -о (-ō), это монг. -о дало -ū > -ы, и слово получило в славянском основу на *-ū.

Исходя из того факта, что в монгольском языке до сих пор не найдено форм с h- (**horoŋa*/**horoŋa*), Дёрфер в своей упо-

²⁴⁶ Об аварах см.: *Zeuss K.* Указ. соч., с. 727—742; Маркварт. *Streifzüge*, 43 и др.; *Komanen*, 73 и др.; кроме того: Шахматов А. А. Древнейшие судьбы, с. 15—27; *Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng.* History of Chinese Society, p. 85, 105 и сл., 433; *Kollautz A.* Die Awaren. — *Saeculum*, v. 5, 1954, p. 129—178; *Haussig H. W.* Theophylakt's Exkurs über die skythischen Völker. — *Byzantion* 23, 1954, 275—462 (работа снабжена снимками и картами). К сожалению, целый ряд выводов этих последних авторов остается сомнительным в той степени, в какой он был получен на основе не всегда приемлемых этимологических комбинаций. Подробную библиографию см.: *Sinor D.* Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale. Wiesbaden, 1963. Ср. также новейшую работу об аварах: *Miyakawa H., Kollautz A.* Geschichte und Kultur eines Nomadenvolkes in Europa. Die Jou-Jan der Mongolei und die Awaren des Karpatenbeckens, Bd 1—2. Klagenfurt, 1968 (т. 3 в печати).

²⁴⁷ Греч. «хи» не доказывает начального х-, оно может передавать алтайской q-; см. статью Менгеса (*Byzantion* 17, 1944—1945, 261, 264, 269).

минавшейся уже рецензии на мою работу «Tungusen und Ljao» приписывает реконструкцию *hogoŋa моей безосновательной и предвзятой идее о том, что авары были монголами и что, «следовательно, славянское слово является монгольским», поскольку я произвольно предполагаю др.-монг. h-(< *p-) во всех тех случаях, где это позволяет удобное мне сравнение.²⁴⁸ Но я допускаю др.-монг. *hogoŋa не из-за монгольской природы аварского языка, а из-за корня *rog-, общего алтайским, уральским и дравидийским языкам, из которого я вывел *hogoŋa, письм.-монг. ogoŋa и тюрк. oɣu(ɣ)u. Следовательно, я вывожу др.-монг. *hogoŋa, и по этой и по многим другим причинам, уже изложенным Марквартом, Пельо и другими, я полагаю, что авары были монголами. Если в связи с этим Дёрфер спросит, как может быть установлено, что монгольский этимон имел исконный начальный гласный или начальное h-, то ответ будет таков: не через «атомистическое» рассмотрение одного единственного слова, но на базе интералтайского сопоставления, иногда также этому может помочь экстраалтайское сопоставление. Существуют, конечно, такие этимоны, для которых до сих пор нельзя подыскать ни интер-, ни экстраалтайских параллелей, но в случае с *hogoŋa это не так. Далее, Дёрфер обнаружил в «Хуа-и и-юй» (1389 г.) форму ogaŋa и заявил, что это слово не имело в др.-монг. начального h-, но имело начальный гласный, что могло бы говорить и за совершенно другой этимон, нежели предполагаю я. Ничуть не бывало! В действительности — и этого не упоминает Дёрфер — не только в «Хуа-и и-юй», но и в «Юань-чао би-ши» так же типичной оказывается начинающаяся лениция h-, так что, возможно, в некоторых др.-монг. диалектах XIII—XIV вв. начальное h- полностью исчезло (см.: P o r r e N. N. On the initial h. . .). Таким образом, только этимологическое сравнение, а не взятое изолированно слово обеспечивает надежную опору. Наконец, Дёрфер полностью пренебрегает тем фактом, на который я указал в своем месте, что гипотеза о монгольской природе аваров находит сильную поддержку в антропологических и археологических данных.

Дёрфер совершенно неправ, приписывая мне аргументацию, которую он изображает в таком виде: 1) в славянском существуют слова *хорюгъвь* и *телѣга*, 2) эти слова аварского происхождения, 3) но их формы — монгольские, 4) следовательно, авары были монголами (с. 592). Но в действительности я рассуждаю следующим образом: 1) существуют два слова алтайского происхождения, 2) при этом их нет в тюркском, 3) но они засвидетельствованы в монгольском, 4) как они попали в пра- и древнеславянский? 5) где и когда древние славяне были соседями монголов? 6) авары были родичи жуань-жуаней и потомки сяньби, протомонгольской конфедерации, 7) они вступили в тесное общение со славянами в VI в., 8) авары или по крайней мере их правящие племена были

²⁴⁸ См.: Oriens 23/24, 1970/71, p. 593.

монголы, 9) так что от них монгольские слова и были восприняты славянами. Это совсем не похоже на то, что говорит Дёрфер. Поскольку до сих пор, как кажется, не было прямых исторических доказательств принимаемой пока что гипотезы о монгольской природе аваров, эти два несомненно монгольские слова в пра- и древнеславянском служат заметной поддержкой данной гипотезы. Вероятно, что кроме этих двух слов и другие слова были приняты древними славянами от аваров, но либо они были позже забыты и брошены, либо оказались созвучны родственным монгольским и тюркским словам, попавшим в славянские, в частности в восточнославянские языки, и потому не могут быть определены как достаточно ранние заимствования. В связи с этим я хочу подчеркнуть еще раз, что немалое число алтайских этимонов, преимущественно тюркизмов, стало известно только через их заимствование славянами, а не через доступные материалы этих алтайских языков.

По мнению Дёрфера, я вступаю в противоречие с самим собой, когда утверждаю, что др.-монг. *р- сохранилось в киданьском языке, и в то же время произвожу слав. *χοργου* от др.-монг. **ho-γouγa*, хотя временная разница между аварским и киданьским от четверти до полутысячелетия; он спрашивает, почему отсутствует слав. форма **roγouγ*. Но, во-первых, аварский язык не есть киданьский; во-вторых, нет необходимости полагать, что в монгольском киданьском было то же фонетическое развитие, что и в монгольском аварском (т. е. *р- > h-); в-третьих, если киданьский язык был, как представляется, по ряду признаков весьма архаичным, то он, очевидно, не получил единообразного с протомонгольским развития, при том что протоалтайское *р- было в этом отношении очень сходно с монгорским (*р- > f- или х- соответственно) или тунгусским чжурчжэньским, где имеются примеры из «Цзинь-ши» с р- и h- (последние, по мнению Лигети, не киданьские, а сяньбийские формы; см. АОН 10, 237), тогда как тексты, опубликованные Грубе, имеют типичное южнотунг. f-. Очевидно, что в аварском языке было h-, как в др.-монг. языке «Юань-чао би-ши» и словарях того времени.

Дёрфер не согласен с моей этимологией кидан. *wa-li* 'подразделение племенной единицы',²⁴⁹ которое я рассматриваю рядом с маньч. *falga*, тюрк. *aγul*, венг. *fálu* (основа *fálv*- 'деревня') и для которого я предполагаю др.-монг. **hajil*. Дёрфер указывает на др.-монг. *ajil* из «Юань-чао би-ши» и монгор. *ajur* 'то же', которые, по его мнению, восходят к **ajil* — заимствованию из тюрк. *aγul*. Если бы это было так, монг. форма этого тюркизма могла бы иметь только начальный гласный, но не h-, поскольку *р- не оставило никаких следов в тюркском; следовательно, моя

²⁴⁹ См.: Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society, p. 432; но не 'подданные', как непоятно почему приводит Дёрфер.

этимология с реконструкцией протомонг. **hajul* может быть успешно защищена. Дравидийские параллели обнаруживаются в тамил., малаялам *ralli*, тода *poli*, каннада *ralli*, *halli*, тулу *ralli*, *halli*, телугу, парджи *ralli* 'деревушка, пастушеская деревня; храм; мастерская; хижина; небольшое поселение; мечеть, и т. п.', откуда санскр. *ralli*, *rallikā* 'то же' (Dravidian etymolog. Dict., № 3309). Это ностратический этимон.

Первые стычки между аvaraми и славянами происходили в 558—562 гг., когда анты после героического сопротивления кочевым ордам потерпели окончательное поражение.²⁵⁰ В эту эпоху славяне анты должны были жить между Днепром и Днестром. После этого события многие славянские племена надолго оказались под аварским владычеством. Они даже были принуждены принимать участие в грабительских походах на земли обеих Римских империй вплоть до самого конца аварской державы, полностью уничтоженной двумя грандиозными походами Карла Великого в 791 и 795—796 гг., а также в последующие годы. Монгольское слово, обозначающее столь важный для шаманистской традиции предмет, как знамя, — оно рассматривалось как вместилище духов-покровителей, впоследствии называвшихся *sülde(s)*,²⁵¹ — было заимствовано в середине VI в. и может рассматриваться как заимствование, попавшее к славянам до конца праславянского периода. Небезынтересно привести одну параллель к **hogoŋŋo* > *hogoŋŋu*, слово, которое также оценивается как заимствование праславянского периода, — имя Карла Великого, ставшее у славян нарицательным для обозначения монарха, короля, князя, кагана, хана в том смысле, какой придают этим фигурам на Западе, ср.: *Karl* > **Korlǝ* > цсл. *кралъ*, русск. *король*, чеш. *král*, польск. *król*, сербохорв. *краљ* и т. д. (см. Бернекер, Фасмер, Шахматов А. А. Древнейшие судьбы, с. 26—27, а также в 1 части книги). Это слово не могло быть заимствовано до правления Карла (768—814) и, возможно, до уничтожения аварской державы в последнем десятилетии VIII в., но в нем полностью выразились признаки праславянской метатезы плавных. Более чем вероятно, что протомонг. аварское **hogoŋŋo* было заимствовано славянами гораздо раньше имени Карла Великого. Однако у слова *telǝga* не было такого единообразного развития в славянских языках, и поскольку позднее заимствование почти наверняка исключено, оно было осуществлено некоторыми славянскими племенами из числа восточных славян в более поздний период, а от них через некоторый промежуток времени

²⁵⁰ См. у Менаандра Протиктора по цитатам у Маркварта (Streifzüge 147, 504; Chronologie, 78, 80 и сл.); ср. Шахматов А. А. Древнейшие судьбы, с. 19.

²⁵¹ См., например, о роли знамени и барабана в империи Ляо: Wittfogel К. А., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society, p. 142, 167, 214, 217, 272 и сл., 374; особенно о жертвоприношении знаменам и барабанам под 980 г. — p. 258.

пришло — снова как заимствование, отчасти через неславянское посредство — в другие славянские (но не во все) языки.²⁵² Это производство слов *телѣга* и *хорюгъвь* от аваро-монгольского существенно поддерживается археологическими свидетельствами из аварских находок в Венгрии о которых в особенности см.: F e t t i c h N. Zum Problem des ungarländischen Stils, II. — Eurasia Septentrionalis Antiqua, v. 9. Helsinki, 1934, S. 308—322, особенно 319 и сл.

Антропологическими данными не следует пренебрегать, они обеспечивают достаточные свидетельства о «северо-восточноазиатическом, монголо-сибирском» происхождении одного из двух главных расовых компонентов в природе аваров, как это может быть установлено после краниологического обмера аварских черепов из захоронений в Мошонсентъяноше, Улло и Кишкёрёше в Венгрии.²⁵³

²⁵² Миккола (MSFOu 30, 33, 12, примеч. 1) в согласии с Мелиоранским придерживается мнения, что *хоргу* было заимствовано из монгольского через тюрко-бугарское посредство. Не говоря о том, что это было бы поздновато для заимствования, Миккола не объясняет, каким образом монгольское слово такого позднего времени могло попасть в протобугарский. Источник остается один и тот же — авары. Ошибочный разбор того и другого слова находим, между прочим, у Брауна (ЖМНП, 1911, № 5, с. 166), он производит *хоргу* от got. *hrugga* 'древко, шест'. (Ср.: F e i s t S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939; S c h r a d e r O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, I. 2. Aufl., 1917). Однако нет никаких оснований, чтобы готское начальное сочетание звуков *hr-* развилось бы в славянском в *хог-*, тогда как *хг-* возможно и обычно в славянском, суффикс же в германском слове не дает повода для возникновения основы на **-ŋ[-y]*. Ложная этимология дана также и у Младенова, см. *тáлѣга, хорѣва*. Позже Л. Лигети (L' *étymologie mongole du slave chorogu* «*drapreau*». — *Études Slaves et Roumaines*, 2. Budapest, 1949, p. 46—56) отверг вместе с германской также и монгольскую этимологию *хоргу* из-за постулируемого отсутствия таковых форм в монгольско-китайских источниках, например в словарях и глоссариях эпохи Мин (1368—1644) и позже, которые бы подтвердили наличие начального *h-*. К тому же он не связал **хоргуа* с алтайским корнем **por-/xog-/for-/hor-/or-* и т. п. Ошибка Лигети была переписана Л. Садики и Р. Айцельмюллером в «*Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*» (Heidelberg, 1955, S. 243); вообще в этимологическом разделе этого словаря, в особенности в восточных этимологиях, ошибки не редкость. Н. Н. Поппе-мл. (A Survey of Studies of Turkic Loanwords in the Russian Language, p. 287—310) делает несколько неточных замечаний о *хоргу/*хоргуа* и утверждает, что «других прямых заимствований из монгольского в восточнославянский» не засвидетельствовано (там же, 303) — и это при наличии слов *телѣга* и *Сурожь*. Либо он не читал, либо не понял соответствующих мест в первом издании этой работы.

²⁵³ См.: B a r t u c z L. 1) Die körperlichen Merkmale des heutigen Ungartums. — UJb. 19, 1939; 2) Die Rasselemente des ungarischen Volkskörpers. — Ibid.; 3) Die Geschichte der Rassen in Ungarn und das Werden des heutigen ungarischen Volkskörpers. — Ibid., см. в особенности с. 206 и сл., 277 и сл., 279, 302 и сл., 307 и сл., 310 и соответствующие иллюстрации в конце тома; к сожалению, в третьей статье нумерация иллюстративного материала перепутана редакторами.

ХОТЬ (хоти, род. п., ед. ч., с хотию, тв. п., ж. р.)²⁵⁴ 'любимая, супруга, жена'. Ср. Срезневский, Бернекер, Фасмер, Чижевская. Если с формальной точки зрения нет серьезных сомнений в отношении производства этого слова от слав. корня *хот-/ *хѣт- 'желать, хотеть', то все же неясно, как и когда возникло это особое вторичное значение 'любимая, супруга, жена', известное кроме русского чешскому языку, даже если это произошло в дохристианскую эпоху в языческой среде, что как будто бы подсказывается таким его значением в «Слове». Оно могло бы пойти по линии семантического развития слова роухѣс 'распутник', своего рода параллели к ἐπιθυμία 'вожделение', как, например, в Супрасльском сборнике, и словен. hotívica, полаб. хѣот-һейса 'блудница', но существует громадный семантический разрыв между последним значением и значением 'любимая, супруга'. Развитие, которое обнаруживается в литер. нем. Dirne 'блудница' рядом с верхненемецким австро-баварским dirndl 'девочка, девушка', представляет собою типичную уценку, которой подвергаются многие выражения и термины «политеса», но «восхождение» от 'любовницы' и 'блудницы' к 'любимой, супруге' совершенно невероятно (см., например, ниже семантические оттенки слова *лада*). Если предполагать в данном слове славянский этимон, то здесь можно было бы видеть семантическое развитие, аналогичное развитию от и.-е. *dēva* к нов.-перс. *dēv* (> **ДИЕВЪ**, см. ниже), допуская, что в «Слове» представлено еще его языческое значение и употребление, а, например, в западнослав. языках пейоративное развитие под влиянием христианских взглядов. Но есть и другая возможность решения.

Семантическое развитие такого типа легче представить себе как результат контаминации славянского этимона с алтайским (тюркским, монгольским) *qatun*, *xatun* 'женщина, жена, дама', употребляемого у многих алтайских народов для выражения уважения, а у некоторых древних алтайских народов этим словом обозначали только первую жену кагана, т. е. императрицу. Ср.: Кашг. *qatun* 'принцесса', куман. *qatun*, *xatun* 'женщина; жена, в особенности у знати, дворян' (Грэнбек 196), орх. *qatun* 'жена хана' (Радлов), ДТС 436, куман., караим. (Луцк, Тракай), тат., казах., кирг. *qatun* 'супруга, жена', бараб., тур. *qadun* 'то же', тур. 'дама, почтенная дама', в современном языке 'дама, женщина', но тур. *xatun* 'дама из высших классов, принцесса', таранч., новоуйг. *hotun* 'женщина, жена', тел., куманд, *qāt*, шор., сар., койб., кач., кюэр. *qat* (со вторичным развитием из *qatty* < *qadun*-у, посессив, 3 л.) 'женщина', як. *xatyn*, *hotun* 'домохозяйка', письм.-монг. *xatun* 'дама, принцесса, королева;

²⁵⁴ Исходя из реконструкции текста «Слова», сделанной Р. О. Якобсоном, автор не учитывает еще одного употребления в выражении «Ольгова когана хоти», на месте которого Р. О. Якобсон читает *хотя*. — *Примеч. переводчика.*

жена (почтительно)' (Лессинг), маньч. qatyn 'королева, императрица', эвенк. (Верхняя Лена, Зея, Алдан, Учур, Урми, Сахалин) katun 'супруга героя (в легенде)', (Урми, Сахалин) 'королева, фигура в картах', (Алдан, Урми) xatun (из як.) 'домохозяйка' (Василевич), katukan (уменьш.) 'молодая дама обращение' (Широкогоров). В якутский и тунгусский это слово проникло из монгольского.

В случае со славянским словом прототипом послужила менее ассимилированная тюркская форма с х-: ведь в конце концов слово восходит к ср.-ир. согд. xwatēn 'дама; женщина; жена', несмотря на то что в алтайском табгачском языке оно засвидетельствовано китайскими летописями эпохи Вэй раньше, чем согдийский прототип. Синкопа второго слога в славянском обязана тюркским формам посессива 3 л. с полной редукцией промежуточного слога: xatun-y 'его супруга' > xatny. Формы с дальнейшей ассимиляцией хатту или қатту 'его жена', как в современных тюркских языках Сибири, видимо, не существовали в столь раннюю эпоху. Наличие в чешском того же оттенка может говорить о довольно раннем алтайском влиянии, возможно, эпохи аварского господства. Из тюркских языков или персидского xatun было заимствовано в грузинский хат'уни 'супруга, госпожа'.

ХЫНЬ (Хинови, дат. п., ед. ч.; Хинова, им. п., мн. ч. вместо исконной формы на -ове; Хиновъскыя, прил., вин. п., мн. ч., ж. р.). Слово встречается также в «Задонщине». Ср. Фасмер, Чижевская. Установлением значения слова занимались Бутков, Лонгинов, Потебня, Соболевский, Миллер, Шамбинаго, Расовский; библиографические сведения об этих работах и их краткий пересказ даны Расовским (SK 8, 301—306). Бутков, Срезневский, Лонгинов, Потебня и особенно Соболевский и Кипарский рассматривали слово хынъ как обозначение гунов.²⁵⁵ Название этого племени в кит. хун-ну из ср.-кит. хіуно-нуо (Карлгрен, Grammata, 1183а, 94, 1, см. выше). В византийских источниках гунны известны как Οὔννοι, а также Χιόνιται и Οὐαρχονίται (см. выше, с. 72). Греч. Χιόνιται и нем. Hüne, более старое Heune²⁵⁶ ближе к кит. формам. Имя гуннов из восточноевропейских равнин живо помнили и на берегах Рейна. Такая этимология подтверждается наличием этой основы в чешской и словацкой топонимике, например,

²⁵⁵ См.: K i p a r s k y V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934, S. 136 и сл.

²⁵⁶ Ср.-нем. hiune, др.-в.-нем. Hûn (в нем. и ср.-нем. значение 'гигант', ср. *обръ.*), также встречается в многочисленных немецких топонимах, ср., например, H o o r s J. Hunnen und Hünen. — In: Germanistische Abhandlungen (Paul-Festschrift). Strassburg, 1902, S. 167—180; M u c h R. Der germanische Himmels-gott. Festgabe für Heinzel. 1898, S. 210, примеч. 1. Если основа Hûn- появляется в др.-герм. личных именах до времени прихода гуннов в Германию, она восходит к др.-норв. hûn 'детеныш, медвежонок', согласно объяснению Клюге.

Chýnov (возле г. Табора), упоминаемый уже в XII в., Chuyava, Chuporany²⁵⁷ и т. д., так же как и в сербохорватской, например, холм Хина Глава в Герцеговине.²⁵⁸ В «Слове» этот этнонимический пережиток, очевидно, обозначает венгров.²⁵⁹ Цсл. *хына* 'fraus', *хынити* 'desipere' (Микл. Лекс.) представляются производными от того же самого племенного имени.²⁶⁰

Чижевская определяет, и, пожалуй, с несколько чрезмерной уверенностью, что слово *хынъ* «обозначает Венгрию, Terra Hungarorum», в связи с чем она подверглась критике И. Г. Добродомова и И. С. Улуканова в рецензии на ее «Словарь» (ВЯ, 1966, 6). Исходя из того факта, что венгры в отличие от аваров не упоминаются летописями, рецензенты склоняются к мнению, что *хынъ* обозначает половцев. Вряд ли это верно, ведь половцы как таковые достаточно ясно обозначены в «Слове», но, вероятно, не в каждом отдельном примере слово *хынъ* обозначает венгров; иногда оно употреблялось в том же самом смысле, что и этноним гуннов хун-ну, Нипа, Οὔνοι, Ниппи или даже Σκόδαи и позже Τοβροκ, Σαρακηνοί, как это встречается в ряде исторических сочинений оседлых народов, имевших дело с гуннами, чтобы подчеркнуть дикость этих степных варваров.

Но производство *хынъ* от формы *Qūn, как предложили рецензенты Словаря Чижевской, ошибочно, поскольку, во-первых, в противоположность их предположению общетюрк. q- характеризовалось в кыпчакских языках лишь *тенденцией* к спирализации, но нигде не подверглось закономерному переходу в х-; более того, этот процесс в древних языках находился лишь in statu nascendi, как показывает соотношение исконно тюркских слов с q- и х- в СС; во-вторых, передача неславянского ū через -ы- в заимствованных и иностранных словах уже не осуществлялась после периода IX—XI вв., а в то время предки куманов-половцев (или *Qūn) были еще заметно удалены от восточных славян.²⁶¹ Тем самым отпадает другой вывод рецензентов о том,

²⁵⁷ Ср. Geste 339.

²⁵⁸ См.: Ћоровић В. Хисторија Босне. Београд, 1941.

²⁵⁹ См.: Geste 123, 131, 143 и сл., 305 и сл., 339.

²⁶⁰ Иначе Бернекер 413, не давая определенной этимологии. Он склонен связать эту основу с хуль, хупq, хупqti, известными албанскому и слав. языкам. Не упоминая о приведенном мнении, Фасмер в общем согласен с Бернекером. Однако эти слова в свою очередь могут восходить к племенному имени гуннов.

²⁶¹ Добродомов и Улуканов, должно быть, исходили в своем утверждении о переходе q- > х- в кыпчакском из довольно неясного и неопределенного положения А. Габен в ее статье о языке СС о том, что «древнетюрк. q- сохраняется или переходит в х» (PhTF I, 54), причем это не поясняется никакими примерами; они также — и на первом месте — ссылаются на книгу Н. А. Баскакова «Тюркские языки» (М., 1960, с. 144), которого они при этом не понимают, поскольку он ясно упоминает только о спирализации q/k в положении перед смычным. [Ср., однако: Добродомов И. Г. О половцев этнонимах в древнерусской литературе. — Тюркологический сборник. 1975. М., 1978, с. 102—129. — *Примеч. редактора*].

что *хынъ* обозначало одну, а *половцы* — другую группу куманов.

Равенство венгров с гуннами в «Слове», так же как в венгерских и в ряде западных источников, убедительно подтверждено Ю. Моравчиком (IJSLP 3, 1960, 69—72; Byzantinoturcica, II, 2. Aufl., S. 231—237).

У **ЧАГА** 'девушка-пленница, девушка-рабыня', встречается также в Ипатьевском списке летописи под 1170 г. См. Срезневский, Фасмер (ударение на первом слоге, вероятно, опечатка, поскольку слово известно только из др.-русского источника; ожидаемое ударение должно быть на последнем слоге), Чижевская. Мелиоранский установил его происхождение из тюрк. *šaḡa*. Ст.-тур., чаг., куман. (отсутствует в СС, но допускается Радловым в связи с наличием в «Слове») *šaḡa* 'дитя, детеныш животного, особенно цыпленок', чаг. *šaḡa* 'дитя', нов.-уйг. *bala-šaḡa* (Хами) 'то же',²⁶² кирг. 'то же' (Юдахин). Тув. *šaḡa* 'медвежонок' (Радлов) — табуистическое выражение, не может рассматриваться как непосредственный эквивалент тюркского слова, как это предложено Радловым и, как кажется, вслед за ним Мелиоранским, поскольку общетюрк. *š-* выступает как *š-* в восточных языках Южной Сибири. Но тув. *šaḡa* должно рассматриваться как заимствование из монг., где оно также встречается, ср. письм.-монг. *saḡa* < **šaḡa* (Ковалевский, Лессинг), халх. *с'ахх* 'младенец'.²⁶³

В тур. *šaḡa* известно начиная с турецкого перевода «Futūḥi 's-Šām» [«Завоевание Сирии»] Мухаммада ибн Омар Вакиди (1388—1392 гг.) со значением 'птенец, не имеющий оперения' (см.: TS 2, 1965, 786); в современном турецком оно известно по диалектам Анатолии, кроме ее восточной части, со значением 'дитя' как синоним слова *balaḡa* (см. DD 1, 1939, 291; DS 3, 1968, 1003 и сл.).

Аналогично рассматривает слово *šaḡa* Зайончковский (Zwiazki, 54—55). В противоположность моим прежним утверждениям (см.: Менгес. Glossar 27) я больше не вижу оснований рассматривать *šaḡa*, *šaḡa* как заимствование из монгольского.

ЧОЛКИ «кисть на знамени; развевающийся хвост лошади или яка; кусок ткани, сходный с таким хвостом» ('бунчук'), Срезневский. Вероятно, возможно производство этого слова от *чело* 'лоб, перед' с более старой формой *челька*, цсл. 'tonsio, quae fit in fronte' (Микл. Лекс.), у Фасмера лишь значение 'волосы на лбу, род прически', у Чижевской *челька* 'кайма с бахромой'. Однако особое значение слова и, возможно, раннее появление

²⁶² См.: K a t a n o v N. — M e n g e s K. Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan, I, 1933, S. 103 (2. Aufl., Leipzig, 1976); Menges. Glossar 27. Форма *šaḡa*, приведенная Фасмером вслед за Мелиоранским как «кирг.», т. е. как казахская, отсутствует у Радлова и в современных словарях; ср., однако, в композите тат., крым. *bala-šaḡa*, туркм. *bala-šaḡa*, кирг. *bala-šaḡa* (Юдахин), казах. *bala-šaḡa* 'дети, детвора'.

²⁶³ О функции этого слова в «Слове» см. Geste 310 и сл.

ние в корне *о* позволяет говорить о заимствовании, которое было изменено народной этимологией по связи слова со слав. *челѣка* и *чело*. Слово могло выйти из следующего алтайского гнезда: тур. *çalqa-* 'привести в движение, трести, бить' (Радлов) и многочисленные производные, казах. *şalqu-* 'отклоняться по ветру (листья, ткань), колыхаться (о пламени); волноваться' (Радлов) и многочисленные производные с отглагольным образованием на *-la-*: в сар. *salγyla-* (< **çalqu-la-*) 'волноваться' (Радлов), монг. *calgi-* (< **çalγu-*) 'забрызгать грязью, обрызгивать, орошать, поливать; разливаться, переливаться' (Ковалевский, Лессинг) и множество производных; ордос. *č'algi-* 'то же' (Mostaert. Dict. Ordos 750), маньч. *čalgi-* 'волноваться, бить в берег; выливать' (Габеленц 29), а также в непреходящем значении (Захаров) — это заимствование из монгольского. В куман., как и в тур., должно было быть начальное *č-*, так что *čolka* окажется производным от причастия наст вр. на *-γ/-g-*: *čalqa-γ*. Конечный согласный в славянском подвергся такой же интерпретации, как это было в случаях со словами *Каяла* и *Сула*.

ШАРОКАНЬ (Шароканю, вин. п., ед. ч., ж. р.), притяжательное прилагательное от имени *Шарокань*. Ср. Чижевская, не отмечено Фасмером. Как имя собственное встречается несколько раз в летописи: под 1107 г. в Лаврентьевском и Ипатьевском сп., под 1096 г. там же названы два брата Шарукана, в Ипатьевском сп. под 1111 г. отмечается «придоша ко граду Шаруканю», а в I Новгородской летописи сказано «яша Шарокана». Грузинские хроники упоминают *Aṭraḳa* (в армянской версии *Aṭraḳ*), чья дочь стала женой царя Грузии Давида II, и этот *Aṭraḳa* назван «сыном Шарагана».²⁶⁴

Начальный звук представляет для объяснения некоторые трудности. По церковнославянским и венгерским свидетельствам, в волжскобулгарском и в современном ему протовенгерском в этом положении был звук *š-* < общетюрк. *ş-/s-*, как это известно для исторического состояния чувашского языка. Если мы допустим, что именно в таком виде был представлен тюркский начальный *š-*, то имя можно объяснить как *saγuṭ qaṇ* (или *saγuṭ qaṭaṇ*) 'желтый правитель'. Хотя Радлов не дает собственных имен, у него встречается тел. *saγuṭaṇ* — название шаманистского идола, у которого одна нога короче другой. Это имя тождественно с сар., койб., кач., кэюр. *saγuṭ-gaṇ*, конечно, из *saγuṭ qaṇ* 'желтый правитель, князь'. *Saγuṭ* в *saγuṭ qaṇ* может иметь символическое значение 'правитель земли', очень древнюю параллель к чему находим в кит. Гуань-ди (*гуань* < *γwān* < **g'wān*, Карл-

²⁶⁴ См.: Brosset M.-F. Histoire de la Géorgie, p. I. St.-Pb., 1849, p. 362. Этот Атрака, очевидно, тождествен с Отрокъ в Ипатьевском сп. под 1201 г. в рассказе о событиях первой четверти XII в. Этим указанием я обязан моему покойному другу Дмитрию Расовскому (ум. в 1941 г.).

греч. *Grammata*, 708a-c; *du* < *tiei* < **tieg*, 877a-d) 'желтый господин', мифический или легендарный правитель древнекитайской истории. 'Желтый' в данном случае является символическим цветом центра, т. е. Земли, так что 'желтый господин' это 'правитель Земли'. В карачаевском языке отмечено *sarubek* 'дракон, крокодил', в балкарском — *saruwek* 'дракон, змей', образованные по народной этимологии на базе *Saru-Qān* через замену *qān* на *beg*.

В византийских исторических текстах встречается имя *Σαρχάνης*. Это — Тюркский князь Сарухан-Огуллары (1300—1345) и его наследники в том же столетии (см.: Моравчик. *Byzantinoturcica* II, 230; 2-е изд., II, 269 и сл.). Очевидно, что это огуз. *saru-xān* < *saryū-xān* (< *qaṣan*) 'желтый правитель'. Начальное *š-* предполагает некуманское и неогузское посредство, для которого нет данных данных. Урал-алтайское слово, обозначающее желтый цвет, представлено тюрк. *saryū* < **šaryū*, монг. *širga*, *šira*, яп. *široi*, нган. (Тавгы) *sera'a*, камас. *siri*, ненец. *sear*, энец. *sifoi* и селькуп. *ser*,²⁶⁵ сохранилось в чув. *šurā* 'белый', в венг. *šārgā* (*sārga*) как древнее заимствование из волжскобулгарского.²⁶⁶

В связи с этим возникает вопрос, не может ли слово восходить к венг. *šārkāñ* (*sárkány*) или его древневенг. форме, имеющей значение 'дракон'.²⁶⁷ Согласно Bárczi 266, слово встречается впервые в 1193 г., затем как личное имя в 1329 г., как нарицательное в XIV в. в *Besztercei Szójegyzék*.²⁶⁸ Поппе сравнивает венг. *šārkāñ* с тур., крым., куман. *sazaṣan* 'дракон, змей' (Будагов I, 686, не отмечено у Радлова, Редхауза, куман. форму см. у Грэнбека 216; у Рясненна без этимологии), откуда он реконструирует **šagaṣan* 'дракон' с закономерным прото(волжско)булгарским -*r*.²⁶⁹ Слово *sazaṣan* или **šagaṣan*, видимо, является производным, возможно, как табуистическое выражение со значением 'долгожитель' от того же корня **sāz*, что и до сих пор не объясненное тат. *saza-* (Радлов) 'долго жить'; нет у Рясненна. Тур., казах. *sazan* 'карп', откуда русск. *сазан* 'то же' (Фасмер), туркм. *řāṣan* 'карп, сазан',²⁷⁰ чаг. *sazar* 'угорь' (Радлов) являются производными от тюрк. **sāz*, куман., тур. (Радлов), чаг. и т. д., сиб. *saz* 'болото, грязь', чему соответствует венг. *šāg* 'грязь, трясина' (глагольное производное *šārañni* 'мазать грязью') из прото(волж-

²⁶⁵ См.: Castrén A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St.-Pb., 1855, S. 302.

²⁶⁶ См.: Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. — MSFOu 30, 1912, 114.

²⁶⁷ О слове *šārkāñ* см. указ. работу З. Гомбоца.

²⁶⁸ См. также: Nyelvőr 41, 68; Magyar Nyelv 3, 312.

²⁶⁹ Ропре N. N. Altaisch und Urtürkisch. — UJb. 6, 112. П. А. Будберг любезно обратил мое внимание на венг. *šārkāñ* и статью Н. Н. Поппе.

²⁷⁰ Ряснен (StOF 25, 1, 1960, 10) приводит по Русско-туркменскому словарю (Ашхабад, 1929); в Туркменско-русском словаре (М., 1968) не отмечено.

ско)булгарского *šār, что подтверждается чув. šug 'то же' (ср: Гомбоц 113, Егоров 339). В туркм. имеется как будто бы только производное řädly 'тинистый, (пруд) заросший водорослями' (Рясянен 10, у Хамзаева 572 только 'камышовые заросли'); русск., укр., болг. шаран, сербохорв. ша́ран, польск. szagan, чеш. šagan, соответствующие тюрк. sazan, были заимствованы из прото(волжско)булгарского *šāgān.²⁷¹ Вероятное венг. соответствие *šāgān или *šāgāñ не обнаружено. Нет оснований предполагать, что два тюрк. корня *sāz тождественны по происхождению.

В обоих случаях на месте тюркского начального š- находится др.-русск. ш-, венг. š-, что с дополнительной поддержкой венгерского материала указывает на древнечувашское — иначе прото(волжско)булгарское — посредство. В примерах этого рода В. М. Иллич-Свитыч предполагает для протоалтайского другой звук s, возможно *ś-, что подтверждает чув. и маньч. ś-, монг. šī-, а в срединной позиции это *ś- дает в чув. -ś- и в других тюркских языках -š-.²⁷² Дальнейшего рассмотрения в настоящее время этот вопрос не получил. Невозможно установить, отражает ли Шароканъ, Шаруканъ древнее Saγuγ Qaγan (Qan) 'Желтый господин' или же это имя первоначально обозначало дракона, почитавшегося 'великим духом' или тотемным животным, чье имя могло быть не только 'желтый господин', но также и 'старый', поскольку в «ротацистической» среде древних волжских булгар два слова, а вместе с ними два понятия могли подвергнуться смешению. Производство sazaγan, *šaraγan от saza-/ *šaga- 'долго жить' вполне приемлемо, поскольку в сказках почти всех народов драконам приписывается значительный возраст.²⁷³

В уже упоминавшейся статье Н. А. Баскакова о личных именах в «Слове» делается заключение о том, что тесная связь этого имени с аналогичным именем современных кыпчакских языков «более вероятна», чем мои этимологические предложения (с. 40). Баскаков предпочитает видеть в этом имени имя Чора (Чора-хан, Чора-батыр, Шора-батыр). Это имя хорошо известно эпосу тюр-

²⁷¹ См. Фасмер; M a c h e k V. Einige slavische Fischnamen. — ZfslPh 19, 1944, 65 и примеч. 1; Фасмер, учитывая «ротацистическое» соотношение между шаран и sazan, предполагает волжскобулгарский источник. Другой веский аргумент, не использованный Фасмером, в пользу того же источника — начальное ш-. Однако остается открытым вопрос о том, является ли слово заимствованием праславянского периода, как полагает Махек. Возможно, оно заимствовано из протобулгарского лишь в конце праславянского периода или в самом начале исторической эпохи.

²⁷² И л и ч - С в и т ы ч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, с. XIV и сл.

²⁷³ О драконе šarkan, šarkāñ (из венг.) в словацких народных сказках см.: P o l í v k a J. Du surnaturel dans les contes slovaques. — RÉS 2, p. 269 и сл. В русских народных песнях встречается шарк-великан (возможно, из более старого *велик шаркан), ср.: Рыбников П. Песни, т. 2. М. 1910, с. 697 и сл. О šarkāñ в венгерском фольклоре см.: A magyarászág néprajza, 4, 372 и сл.

ков, особенно северо-западных тюрков, т. е. кыпчаков, но предлагаемая этимология обнаруживает свою несостоятельность при сопоставлении с фактами тюркской исторической фонологии: не говоря о вокализме, нет никаких свидетельств о типичном восточнокыпчакском переходе $\check{c} > \check{s}$ в XII в. Едва ли он имел место до XVI в., так что гипотеза о сохранении в эпическом имени Чора- (Шора-)батыр половецкого личного имени Шароканъ полностью ошибочна. Ту же ошибку допускает А.И. Попов в упомянутой статье о Мелиоранском, где без колебаний выводит имя (или титул?) половецкого великого хана Басты (ср. в Ипатьевском сп. под 1224 г.: «тогда же великий князь Половецкий крестися Басты»; то же в Лаврентьевском сп. под 1223 г.) от тюрк. *bas-tu* из *baš-luγ* 'главный, глава', как если бы источником был казахский язык, где переход $\check{s} > s$ произошел через пятьсот лет после исчезновения половцев. Если Басты рассматривать как тюркское слово, его можно выводить только от тюрк. *bas-* 'давить, жать, сжимать и т. п.'

ШЕЛЪБИРЪ (Е Шелъбиры, П Шелъбиры, тв. п., основа на *-о), название клана в племени ковуев. Ср. Фасмер, Чижевская. Корш (ИОРЯС, 8, 4, 39 и сл.) предлагает связывать слово с тюрк. *čulbug*, алтайск., тел., леб. 'длинная веревка для привязывания лошади', тат. 'цепь, особенно маленькая цепочка в качестве женского украшения' (Радлов), ср. чаг., таранч., вост.-тюрк. *čilbur* 'узда' (Радлов) и казах., шор. *šulbug* 'то же' (Радлов); слово было заимствовано в русский язык в форме *чумбур* (род. п. -а), *чембур* 'то же' (теперь устарелое, Фасмер). Тюркское слово, однако, предполагает позднее заимствование из монг. *čilbuγur* 'то же' (Ковалевский), откуда *čilbūr*, халха *čulbūr* 'то же'. В маньч. имеется *čilburi* 'то же; шейный ремень вьючного скота' (Габеленц, Захаров). Этимология слова не поддается ясному анализу на алтайской почве. Корш указал также на калм. *šilbūr* 'кнут', производным от которого является монг. *šilbura-* 'получать шрамы' (Ковалевский), а также *selbigür* 'весло' (Ковалевский), но признал, что название степного племени по этому слову маловероятно. В последнем случае имеются также фонологические трудности, поскольку стяжение группы *VγV* или *VgV* в \bar{V} происходило в монгольском лишь в эпоху, последовавшую за древнейшим литературным периодом письменности XIII—XIV вв.

Словари Даля и Ушакова и др. помещают слово *шалбер* и многочисленные производные, определяя его значение 'бездельник, повеса и т. п.', причем Ушаков связывает его с тюркским источником, т. е. тел., куманд., леб. *šalbug*, сарт. *šalpar* 'то же' (Радлов), что, очевидно, имеет некоторое родство с чаг. *šalpaγ* 'вислоухий' и фонетически совпадало или было очень близко к алтайск., тел. *šalbug*, казах. *šalbar*, таранч. *šalbur*, тур., крым. *šalvar* 'широкие, большие, мешковатые штаны' (Радлов), откуда с дистактной ассимиляцией русск. *шаровары*, являющееся по своему про-

исхождению заимствованием из персидского; тат. *ǰalbar* 'то же' (Радлов), тур. диалектное *ǰalpa*, *ǰalapa*, *ǰalpapa*, *ǰalpaz* 'неловкий; неспособный, непригодный к работе' (DS 3, 1968, 1060 и сл.). За исключением тур. и тат. форм. в тюркских языках отсутствуют формы с начальным *ǰ-*, что указывает на относительно недавнее заимствование слова из монгольского, причем вначале оно попало в язык, которому известен переход *ǰ > ǰ̣*, каков, например, казахский, откуда проникло в другие тюркские языки. Ср. монг. *calantaj* 'глупый, придурковатый, простак, невежа' (Ковалевский), *calaǰaj* 'лентяй, бездельник, тот, кто небрежно выполняет работу' (там же), *calaǰar*, *calaburi* 'ошибка' (там же) — все это производные от *cala-* < *ǰala-*, не отмеченного Ковалевским; ср., однако, *calaj-* 'разделиться, чтобы пропустить, раствориться', *cal-maj-* 'стать сильнее разделенным' (Ковалевский) и маньч. *ǰala-* 'быть различным, совершить ошибку' (Захаров, Габеленц). В действительном родстве к этим словам с основой *ǰal-/ǰala-* в тюркском оказываются лишь *ǰala* кирг., тат., тоб., алтайск., тел., леб., куманд. 'неполный, неготовый, ошибочный' (Радлов), тур. *ǰalpapa* и т. д., тат. *ǰalbar*, производных от них не отмечено. Поскольку имеются серьезные основания полагать,²⁷⁴ что казахский язык — по крайней мере его фонологические черты, такие как переход *ǰ > ǰ̣*, *ǰ̣ > s*, — развился через некоторое время после монгольского нашествия и поскольку нет сведений о переходе такого рода в каком-нибудь другом тюркском языке или группе языков (сибирские языки все относительно молоды), никоим образом нельзя предположить казахское посредство при заимствовании этого племенного имени из монгольского в тюркский язык. Предположение Корша о тюрк. *ǰylbug* в качестве источника также не устраняет трудности в отношении начального *ǰ-* на месте *ǰ̣-*, хотя совсем по другой причине. Принимая во внимание распространение слова и гласный *e* во втором слоге, Фасмер признает тюркскую этимологию «менее вероятной», чем свое происхождение от ср.-нем., нем. *schallbar* или ср.-нем. *schalchære* 'коварный, свирепый' через польск. *szalbierz* 'обманщик, мошенник; отъявленный, одиозный'.

Здесь может быть предложена другая этимология. Звук *ш-* в этом слове может отражать тюрк. *ǰ-*, как и в словах *Шароканъ*, *шаран* и т. п., после этого согласного гласный подвергся палатализации, что могло произойти или в славянском, или уже в тюркском языках; конечное *-p* будет тогда остатком второй части композита — тюрк. *ǰr/er* «человек» (ср. *олбѣры*). Таким образом, можно было бы реконструировать форму **ǰelbir̥* (им. п., мн. ч.) из **ǰalbir* < **ǰalbi-ǰr* < *ǰalib ǰr-i* или *ǰalibi ǰr*,²⁷⁵ что может быть тюркской передачей араб. выражения *'Ahlu-ǰ-ǰalib*, *'Aǰhābu-ǰ-*

²⁷⁴ См. заключительную главу в моей *Qaraqalpaq Phonology*.

²⁷⁵ В арабском *ǰalib* является существительным, а *ǰalibi* производным числа [прилагательным] 'крест'.

ṣalīb «люди креста, обладатели креста», обозначавшего христиан, а также крестоносцев (ср. Редхауз, 1184). С этим именем могла связываться живая тюркская традиция или рассказ о храбрых «людях креста», так что некоторые христианизированные тюркские племена и роды в причерноморских степях могли использовать это известное имя для обозначения своих объединений.²⁷⁶

Наконец, С. Е. Малов (ИОРЯС 5, 2, 134—135) предложил, может быть, более приемлемую этимологию: производя *Шельбирь* из čäläbi+är, он предполагает в čäläbi фонологическое и семантическое совпадение араб. žälāb 'товары (скот, рабы)' и тюрк. čäläbi 'бог, господин, принц крови, старший сын в семье; благородный, воспитанный, тонкий и т. п.'. Таким образом, из формы *čäläbi-är, *čäläbir в протобулг. (древнечув.) образовалось *šelebir, *šelbir. Оставив в стороне араб. žälāb, можно допустить существование титула *čäläbi+är или, даже с большей вероятностью, собирательной формы или соответственно формы мн. ч. *čäläbi-r > *čälbir, которая в протобулг. (древнечув.) должна была дать *šälbir, *šelbir. Таким образом, этот случай окажется в полном согласии с априорной гипотезой С. Е. Малова, о том, что все рассмотренные им термины обозначают достоинства, т. е. являются титулами. Однако тюрк. čäläbi вовсе не тюркское слово, а его этимология совершенно не ясна. Из тюрк. языков это слово отмечено только в тур., гаг., азерб. и чаг. В последнем оно, несомненно, заимствовано из турецкого. Распространение слова ограничивается юго-западной группой, но и здесь оно, очевидно, неизвестно туркменскому языку, т. е. ограничено Балканами, Анатолией и Закавказьем. Слово представляет собою производное на -i, вероятно, по образцу арабской нисбы или новоперсидских производных прилагательных на -i — судя по тому, что это сугубо книжное слово (см. ниже), — от основы čälāb, имеющей также велярный вариант čalab. В небольшой заметке П. М. Мелиоранского рассмотрены оба эти слова,²⁷⁷ их употребление раннеосманским мистиком Юнусом Эмре, однако без каких-либо определенных выводов. Мелиоранский сравнивает эти слова с тур. (из перс.) čäliṛa 'крест' и предположительно указывает на общий источник этих двух слов в сир. ṣalīḫa 'крест' (= араб. ṣalīb).²⁷⁸ Мелиоранский предположил, что временем заимствования слова были два века правления сельджукидов в Анатолии между 1100 и 1300 г. Все это, как признал сам Мелиоранский, не проясняет вопроса по существу. В статье «Celebi» в «Энциклопедии ислама»

²⁷⁶ Ср., например, традицию крестоносцев у хевсуров и пшавов Центрального Кавказа, находящую отражение в оружии и эмблемах, употребляемых этими отважными горцами.

²⁷⁷ П. М. Мелиоранский (ЗВО РАО 15, 041 и сл.) приводит мнение В. Розена о том, что перс. čäliṛa образовано по модели нисбы (ЗВО РАО 5, 305). Рясänen (с. 103) не дает этимологии.

²⁷⁸ В. Б. Хеннинг обратил мое внимание на то, что Нёльдеке уже установил эту этимологию (Persische Studien, II. — SWAW 126, 1892, S. 36).

(т. I, с. 831—833) В. В. Бартольд повторил эту гипотезу. Слова загадочны и в историческом, и в семантическом отношении: Радлов приводит тур. *čälāb* 'Бог; мягкий, нежный, маленький', тур.-чаг. *čälābi* 'Божество, господин, принц крови', тур. 'землевладелец', чаг. 'писатель, ученый; хорошо воспитанный', — это последнее заимствовано в чаг. из тур.: тур. *čalab* 'Бог' (здесь Радлов повторяет сомнение Редхауза, сопровождая слово заметкой, что «по мнению некоторых ученых, это испорченное сирийское *clībā*, т. е. *ṣelībā*). Согласно «*Tarama sözlüğü*», тур. *čalab* со значением 'Бог, Господь' известно со времени Шайяда Хамзы (XIII в.) и Юнуса Эмрэ (XIII—XIV в.), например в *Xuršid vā Fārahšād* и *Sühajl-u Nāvbahār* (оба XIV в.); слово, однако, не приводится здесь в форме *čälāb*, между тем как на возможность такого чтения указывает рифма (см. TS 2, 1965, 804—806). По данным Радлова, то же самое значение 'собственник, господин' ('*ṣāhib, āfāndi*') известно у формы *čälābi* в XIV в., также в составе композита *Čalab-Taṅrı* (или *Tāṅrı*), например, в *Qyşaṣ-i Ānbijā*, но значение 'образованный, воспитанный' отмечено впервые в «Диване» Атаи в первой половине XVII в. (TS 2, 1965, 853). Главное и исконное значение должно быть, вероятно, 'господь, бог', с которым слово употреблялось начиная от великого Джебеля ад-дина Руми (XIII в.) до XVIII в.; см. TS 2, 1965, 804—806; X. К. Кадри «*Türk Lügati*», 2, 391—392 и 426 под *čalab, čälāb* и *čälābi*, где приводится мнение Ахмеда Вэфик-паши («*Lähžā-i 'Osmānī*», I, 482), о том, что это слово связано с *čälipā 'ṣalib'* и что исконным является значение 'воспитанный, образованный, любезный человек', потому что «татары и восточные турки в эпоху Чингис-хана обучались чтению у христианских священников». В «Словаре» Б. З. Карапетяна *čalab* приведено со значением 'бог, господь', *čälābi* со значением 'господин', а также как титул высшего наставника мевлевийских дервишей в Конье.

Византийскими источниками слово засвидетельствовано довольно поздно в грецизированной, обладающей склонением форме *τσελεπής* с объяснением *ἐξ ἐδύενων καταγόμενος* 'происходящий из благородных'; в основном оно встречается у Георгия Франдзы (1401—1478?) в описании исторических событий 1258—1477 гг. В других, более поздних, текстах слово встречается в форме *τσελαπής*, которая известна также по греко-булгарской надписи 1408 г. В XV—XVI вв. слово встречается гораздо чаще (Моравчик. *Byzantinoturcica* II, 262). Современные турецкие диалекты дают следующий материал: *čalap* 'бог, создатель, господь' в Карахисарсахиб, вил. Нигде (*Anadilden Derlemeler* 63) — у юрюков только *čalab* употребляется для обозначения бога;²⁷⁹ *čalap* известен также в вил. Болу со значением 'огонь' (DD 1, 295; DS 3,

²⁷⁹ См.: Фоу К. *Studien zur osmanischen Syntax*. — MSOS II, 1899, 2, 124, примеч. 1; Бартольд В. В. Челеби. — Соч. т. V. М., 1968, с. 611—614.

1968, 1049, ср. здесь следующий пример: *baḡuma čalap düštü* 'огонь напал на мою печень; моя печень горит', вероятно, это табуистическое обозначение огня является пережитком древнего культа огня, может быть, даже маздаизма,²⁸⁰ но обычно *čäläbi* является термином родства, сформировавшимся, несомненно, как воспретительное обозначение шурина), ср. также варианты формы: *čälba*, *čäläba*, *čäliba* (?), *žälba*, *žäläbä*, *čäläbi-aḡa* (DD 1, 317, 319; DS 3, 1118; Anadilden Derlemeler, 69 'брат жены'); формы *čälba*, *čäläba*, *žälba* и пр. явились путем стяжения из *čäläbi-a* < *čäläbi*+*aḡa*, где *aḡa* значит 'старший брат, господин'. Далее, *čäläbi* значит 'купец-христианин' (Бафра, вил. Самсун), 'начальник станции' (Сютляч, Динар, вил. Афьон) и 'гомосексуалист' (Анталья, вил. Хатай), см. DS 3, 148. Кажется, именно это слово представлено в стяженной форме *čälä* 'старший брат' (Стамбул; Пул, вил. Элязыг). Гаг. *čäläbi* значит 'щеголь, фат' (Дмитриев 274), являясь, таким образом, вероятно, заимствованием из турецкого. Все словари турецкого литературного языка приводят слово *čälirä* (пишется всегда چلیپا) 'крест' (ср. Радлов, Карапетян *لوش* 'хаџ', крест', Келекиан производит из перс.; Редхауз со значением 'распятие, крест; виселица' от сир. *saliba* [следует читать *šalibā*]), тогда как оно отсутствует в «*Tarama sözlüğü*» или в диалектных словарях. Вуллерс (Lexicon persico-latinum etymologicum, I, 1855, 588) и Штайнгасс 398 рассматривают слово как заимствование из персидского — тогда как в действительности оно заимствовано из сирийского — с типичной для ранних заимствований из семитских в тюркских и иранских языках заменой семит. *š* через *č* и наоборот: семит. *š* замещает иран., тюрк. *č*,²⁸¹ тогда как глухой губной согласный должен объясниться, как сообщил мне В. Б. Хеннинг, ошибкой в пунктуации. В «*Farhang-i Nafisī*» (2, с. 1176) нет отсылок к арабскому или сирийскому языкам. Эта или подобные формы не отмечены ни Махмудом Кашгарским, ни в древнеуйгурских текстах.

В отличие от В. Р. Розена и Ахмеда Вэфик-наши К. Фоллерс не видит достаточных исторических свидетельств, подтверждающих точку зрения этих авторов, и выводит сир. *šalibā* из перс. *čälirä* как из источника.²⁸² Но перс. *čälirä*, т. е. *čälibā*, не имеет иранской этимологии, тогда как сир. *šalibā* является общеарамейским образованием,²⁸³ вовсе не изолированным, — это производное от очень продуктивного семитского корня: сир.-арам. *šalaḥ* 'повесить, распять

²⁸⁰ О пережитках различных верований в сельджукидской Анатолии см.: Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941 (гл. VII) и рецензию на эту книгу И. Меликовой (Сайар) (Journal of Near Eastern Studies, 1951, p. 268—280).

²⁸¹ Небезынтересно отметить, что в речи детей и взрослых, в родном языке которых отсутствуют звуки *č* и *s*, они замещаются через *š*.

²⁸² V o l l e r s K. Beiträge zur Kenntnis der lebenden arabischen Sprache in Aegypten. — ZDMG 50, 1896, 614; 51, 1897, 307—308.

²⁸³ См.: Horn P. Neupersische Schriftsprache, S. 6.

и т. п.', араб. *šlb* 'то же', оно хорошо засвидетельствовано источниками досасанидской эпохи. В персидском слово является особым христианским термином. Далее на восток оно не пошло, в согдийском крест обозначается через *pšng*.²⁸⁴ Проникновение этого слова от несториан к «татарам», т. е. в Центральную Азию, о чем, например, вероятно, вслед за А. Вэфик-пашой говорит Редхауз, вследствие этого исключено. Если *čalāb*, *čalab*²⁸⁵ и *čalābi* восходят к перс. *čalibā* и сир. *šalibā* или, скорее, прямо к сир. *šalibā* — что, однако, не может быть доказано — и если никаких тождественных или родственных форм не будет обнаружено в древнеуйгурском, то местом и временем проникновения их в тюркские языки нужно будет признать область Эдессы и сирийских монастырей на Турабдин в эпоху завоевания Северной Сирии и Восточной Анатолии огузами и сельджуками в конце XI в. (приблизительно так полагал Мелиоранский). Однако родственные связи этих слов не могут быть установлены с полной определенностью без сведений о промежуточных формах между перс., сиро-арам. или араб. словами и об их значениях, с одной стороны, и турецкими словами, с другой. Более того, загадка их семантического развития — независимо от их происхождения — не будет решена до тех пор, пока мы не получим подробных сведений о множестве синкретических сект, сохранившихся и ведущих подпольную жизнь в Анатолии, и о их различных еретических предшественниках. Тур. *čalab*/*čalāb* и *čalābi* остаются до сих пор изолированными в тюркских языках. Не имеют ли они кавказское происхождение? М. Мансуроглу рассмотрел *čalābi* и *čalab* и их окружение, но также не пришел к какому-либо выводу, хотя был склонен признать эти слова тюркскими (UAJb. 27, 97—99). Вопреки М. Мансуроглу, я хочу указать, что ни случаи первого свидетельствования этих слов древнеогузскими источниками Анатолии, ни их плохая представленность в турецких диалектных словарях, которых всего два и они неполны, не противоречат тезису о их происхождении из сирийского. Мансуроглу должен был бы обратить внимание на то, что одновременное существование в языке фонетических разновидностей одного и того же этимона является обычно верным признаком его иноязычного происхождения.²⁸⁶ Дёрфер (3, 94) отвергает все предложенные до сих пор этимологии, но не предлагает своей. Н. Я. Марр, вероятно, пытался связать этот этимон с кавказским, но запутался в курдском языке (см.: ЗВО РАО 20, 99 и сл.; ср.: Дёрфер), однако следовать за ним нельзя, поскольку эта этимология неудовлетворительна и лингвистически, и исторически.

²⁸⁴ Об этом сообщил мне В. Б. Хеннинг в письме от 6 II 1951.

²⁸⁵ Необходимо ответить отрицательно на вопрос Мелиоранского (ЗВО РАО 15, 042, примеч. 2) о том, не может ли *čalab*, *čalāb* восходить к тюрк. *čal*+ара 'седовласый отец', подобно тому как форму *bajat* 'бог' у Камг. он объяснил из *bai*+ата 'богатый отец'. О *bajat* см. выше при слове *бояринъ*.

²⁸⁶ См. также мою рецензию (Oriens 11, 1958, p. 269—278 (особо 272)).

Як. *čalban* 'бог', приведенное Локочем под *čäläbi*, не существует на самом деле, как уже указал Дёрфер. Источником Локоча явилась названная работа Фоллерса (ZDMG 51, S. 307, примеч. 3), в которой отсутствует ссылка на источник. В якутском имеется глагол *čalban-*, *čabylan-* 'хвастать' (Пекарский, Бётлингк, 120), находящийся, вероятно, в известном родстве с русск. *чалб́ан* 'дурак, болван' (Даль, по псковским данным; не отмечено Фасмером), алтайским заимствованием в русском языке; оно может выступать также в форме *чурба́н* (по Далю, распространено на юге, востоке, отмечено в Тамбове; Фасмер рассматривает слово как вариант к *чурка* и *чурак* и приводит германскую и несколько балтийских параллелей). Начальное *č-* в якутском указывает на иноязычный источник.

Из тур. *čäläbi* заимствовано болг. *челебия* 'джентельмен', сербохорв. *челѣбија* 'молодой господин' (слегка уничижительное, Вук 849), *Челѣбић* 'сын челебия' употребляется как топоним (Вук), венг. *cselebi* 'образованный', рум. *celebiu* 'элегантный, тонкий' (Локоч 33, № 407). Существует як. топоним *Säläbir* — название деревни на севере Якутии между 132 и 134° в. д. и 68 и 70° с. ш.,²⁸⁷ которое может восходить к **Čäläbir*, **Jäläbir* или **Säläbir*.

О. Прицак в своем докладе на упомянутой конференции славистов в Банфе (сент. 1975 г.) определил это слово как отдаленную реминисценцию протомонгольского этнонима для шивэй, прототипом которого он выдвигает форму **Särbi* (докладчик не упомянул, что такое предположение выдвигал П. Пельо). О шивэй, одной из главных протомонгольских племенных конфедераций, см. выше. Это отождествление ставит целый ряд сложных вопросов, особенно исторического характера; оно могло бы представить интересную параллель к *k'uo-muo-γiei*, которые, возможно, были протокуманами (см. выше).

ШЕРЕШИРЪ (шерешеры, тв. п., мн. ч., основа на *-о), слово это встречается в тексте однажды. Срезневский приводит лишь этот случай употребления без перевода; ср. Фасмер, Чижевская. Несомненно, это самое загадочное слово во всем тексте. Однако обозначает оно вполне недвусмысленно какое-то метательное орудие, род катапульты, стреляющей тяжелыми снарядами, и, по-видимому, снарядами, начиненными греческим огнем.²⁸⁸ Должно

²⁸⁷ См.: Krueger J. G. *Yakut Manual*. Bloomington, 1962, p. 354.

²⁸⁸ Как представляется, в византийской литературе не существовало никакого технического термина для обозначения такого важного тайного оружия; несомненно, это было следствием специальных распоряжений. Константин Багрянородный говорит описательным образом о *pūr ūgrón* 'влажном огне' и убеждает своего сына хранить секрет этого огня (De administrando imperio, кн. XIII, ср. кн. XLVIII); Феофан называет его *pūr θαλάσσιον* 'морским огнем' (под 6165/657 г.; ср.: Ниме Н. W. L. *The History of Artillery*. Б. м., б. г., р. 25). Так же называет его император Лев VI Мудрый

быть, поэтому Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 296—301) производил древнерусское слово от перс. *tir-i čarx*. Это выражение из персидского словаря *Burhān-i Qāṭi'* (с. 204) привел Вулперс (*Lexicon persico-latinum etymol.*, I, 488) и поясняет его «*missile pyrium bellicum in Hindustān usitatum, ubi bān dicitur*», а персидский словарь указывает: «Нечто похожее на *tir-i havā'i* (то есть стрелу или снаряд, летящий по воздуху, что-то вроде ракеты), сделанное из железа и наполненное порохом; его поджигают огнем и затем мечут во врага».²⁸⁹ Здесь два персидских слова: *tir* из авест. *tiγri-* 'стрела' и *čarx* 'круг, колесо' = санскр. *čakra-*, греч. *κόχλος*, лат. *circus*.²⁹⁰ В тур. засвидетельствовано выражение *čarxatir* (*čarxa-tir*), которое Редхауз поясняет 'колесная ось'. Едва ли этим исчерпывается значение выражения, которое, несомненно, служило военным техническим термином; это видно из того, что перс. *čarx* значит в турецком 'поперечина или катапульта' (Редхауз), а также из тюркского производного *poimen actoris čarxažy*, которое в «*Tağama sözlüğü*» (1, 1943, 148) поясняется: «авангард, который в известное время занимает позицию впереди армии и первый вступает в столкновения с неприятелем», или же просто 'авангард' (там же, 2, 1965, 832 и сл., подобным образом у Радлова). Из многочисленных случаев употребления слова, отмеченных с XV в., интересно место из Эвлия Челеби (XVII в.), где встречаются формы *čarxa* 'авангард' и *čarxa-žy* 'воин в авангарде' и говорится о том, что *čarxa* произвел опустошающее действие на кавалерию неверных, выстрелив залпом свинца (TS 1, 148, пример отсутствует в т. 2, 1965). Слово употреблено также в «*Aksu-l-'Irab*», турецком переводе XVIII в. знаменитого руководства по арабскому языку «*Muqaddimat 'al-'Adab*» Замахшари,²⁹¹ со значением 'авангард' как перевод араб. *muqaddima* مقدمه и перс. *piš-i laškar* پیشی لشکر.

в своем «*Taxt-i-khvān*» (ср. по изд.: Migne. *Patrologia Graeca*, t. CVII, ст. 717, внизу, 893, 992, 1005 — в двух последних случаях говорится о морском сражении, 1008), однако это ничего не проясняет. См. также: Gréhier L. *La marine de Byzance du VIII-me au XI-e siècle.* — *Byzantion* 19, 9 и сл.; Haldon J., Byrne M. *A possible solution to the problem of Greek fire.* — *Byzantinische Zeitschrift* 70, 1, 1977, 91; Davidson H. R. E. *The secret weapon of Byzantium.* — *Ibid.* 66, 1973, 61—74.

²⁸⁹ Этой буквальной цитатой я обязан проф. Б. Гейгеру. Турецкий перевод «*Burhān-i Qāṭi'*», выполненный в 1798 г. и напечатанный в Египте в 1835 г., почти буквально повторяет это место (с. 193, внизу). Ср. также Мелиоранский (указ. соч., с. 299 и сл.), он приводит довольно много примеров употребления этого выражения мусульманскими историками, главным образом Ала ад-дином Джувейни и Рашид ад-дином. Наибольший интерес представляет место из описания Джувейни взятия Самарканда монголами, где упомянут *tir-i čarx*.

²⁹⁰ См.: Hogn P. *Grundriss der neupersischen Etymologie*, N 406, 437.

²⁹¹ О списке с др.-монг. подстрочным переводом см.: Поппе Н. Н. Монгольский словарь «*Мукаддима-ал-адаб*», т. 1—3. Л., 1938; Менгес К. Н. (*JAOS* 63, 17 и сл.).

Оба слова проникли в тюркские языки: *tir* как иностранное слово через влияние персидской поэзии на турецкую, ср. тур. *tir* (Радлов), и *ṣaḡx* в качестве иностранного слова (главным образом в турецкой и чагатайской поэзии), но также заимствования. Об этом свидетельствуют тур., крым, *ṣaḡq*, тур. *ṣaḡx* 'колесо, токарный станок' (Радлов), а также тур. *ṣuḡuq*, крым. *ṣuḡuq* 'токарный станок; род прялки' (Радлов), в тур. диалектах *ṣuḡuq*, *ṣuḡuq*, *ṣuḡux*, *ṣuḡuq* (DS 3, 1968, 905, 1163, 1168). представляющие собою уменьшительные формы либо от основы с метатезой **ṣuḡuq*, которая может указывать на довольно древнее заимствование из перс. *ṣaḡx*, либо от древней формы, основанной на санскр. *ṣakra-* или на другой древне- или среднеиндийской форме, близкой к древнеиндийскому прототипу; наконец, без уменьшительности ср. тат. *ṣuḡu* 'колесо (колодезное); водяная машина', какие обычно употребляются при ирригации на Востоке (Радлов). Слово известно также в узбекском *ṣiḡ* с тем же значением, т. е. 'большое колесо, к которому прикреплены ведра, для переливания воды из ниже расположенного водного источника в канал, расположенный выше', — устройство, подобное *na'irā* в Сирии или *ṣaduf* в Египте. Это вторичное семантическое развитие от формы **ṣuḡuq*. Слово *ṣuḡu* 'круг, колесо, небесная сфера' у Капг. является, как правильно предположил Брокельман, прямым заимствованием из санскр. *ṣakra-*,²⁹² проникшего в тюркские языки через Восточный Туркестан.²⁹³

Очень трудно объяснить переход перс. *tir-i ṣaḡx* в тюрк. **ṣi-riṣaḡ* с потерей конечного -х. Здесь обнаруживаются две трудности. Во-первых, до сих пор в тюркских языках не известно слово с ассимиляцией такого рода или даже без нее, оно должно было бы продемонстрировать переход группы **ti*, **di* в *ṣi*, *ṣi*, что обычно в монгольских языках, но и там такое слово не отмечено.²⁹⁴ Во-вторых, как это видно из вышеприведенных заимствованных

²⁹² Издатели ДТС неправы, когда предполагают в качестве источника для *ṣuḡu* реконструированное иран. **saḡha*.

²⁹³ В русский язык *ṣiḡ* проникло в форме *чиḡыр* 'то же'. Производство Фасмера не очень точно из-за отсутствия источников. Слово отмечено в диалектах Астрахани и в Крыму, а потому вряд ли происходит из чаг. *ṣuḡu* 'водоворот', как это, конечно, ошибочно показал Кунош. Затем Фасмер приводит тат. *ṣuḡu* 'блок у двери', 'колесо у колодца, которым поднимают воду' (по Радлову), тогда как здесь под прикрытием омонимии скрываются два этимона. Но Радлов, кроме того, приводит чаг. *ṣiḡi* и чаг. (вслед за Вамбери, т. е., скорее всего, из узбекского диалекта Хивы) *ṣiḡi*, точно так в современном узбекском, и уменьшительное образование чаг. *ṣiḡiḡi*. Следует предположить, что русские диалекты Астрахани и Крыма заимствовали слово из тюркских волготатарских или крымских говоров соответственно, но не из чагатайского, казахского или ногайского. Наконец, Фасмер заключает: «источник — персидский», но в свете вышеизложенного он мог бы быть также индийским.

²⁹⁴ Такая дистантная ассимиляция может происходить в иностранных словах, заимствованиях, но также и в исконно тюркских. Ср., например, у Капг. *ṣatır* 'шатер' рядом с *ṣaṣır* и «гузской» формой *ṣaṣır* из перс. *ṣatr* (=санскр. *ṣ'attra-*, сущ.), тогда как перс. *ṣadar*, *ṣadīr* является обратным

форм *šurğur*, *šurur* и т. д., конечное перс. -х вовсе не потеряно. Согласно Мелиоранскому, в древнерусском языке произошло дальнейшее развитие от *čirīčāg к *шереширь*. Для этого ему пришлось допускать особое развитие в этом слове, поскольку, как это отмечалось выше при слове *Шарокань* и как сам Мелиоранский указал Коршу (ИОРЯС 10, 2, 67—68), переход *č > š*, известный казахскому и каракалпакскому языкам, не был известен куманскому и другим северо-западным языкам в тот ранний период. В дополнение к приведенной Мелиоранским форме *tir-i čagx* Корш предложил, чтобы была также учтена сартская (городская узбекская) форма *čirčir* 'чесальная машина, гребень для чесания шерсти' (Корш. Слово, с. XXVIII), представляющая собою звукоподражательное образование, едва ли уместное в этом случае. Радлов приводит только тур. *čirčir* 'короткий валик кондитеров', 'гребень для чесания шерсти' (это значение в тур. диалектах представлено формами *žuržur* и *čirčir*, см. DS 3, 1968, 927), а также «пресс для раздавливания семян». Существует еще одно слово *čirčir*, но оно, безусловно, звукоподражательное, так как значит 'сверчок', 'чириканье' (Радлов), ср. в тур. диалектах *čurčur*, *žuržur* 'то же; болтун' (DS 3, 1968, 926, 1186).

Проф. Р. О. Якобсон спросил меня, не может ли при рассмотрении древнерусского слова быть чем-нибудь пригодно перс. *siriš* 'клей, тесто, крахмал', заимствованное в куманский со значением 'смола, битум' (СС *siriš*, по изд. Грэнбека, с. 220). Исконное значение персидского слова, имеющего варианты *siriš* и *sirišām*, это 'смесь', откуда развились значения 'клей' (Вуллерс 277 и сл.) и 'тесто, крахмал' (Штайнгасс 674); глагол *sirištān* 'мешать, смешивать; творить, строить' (Horn P. Grundriss der neupersischen Etymologie, N 732) из авест. корня *sraēš-* = санскр. *śrēṣ-/ślēṣ-*. Семантика куманского слова, как она представлена в СС, не кажется достаточной, чтобы обозначать нефть, необходимую

заимствованием из тюрк. *čadur*, *čadur* 'то же, зонтик'. Кстати сказать, отсюда происходит цсл., др.-русск. *шатъръ*, *шатеръ*, *шаторъ* (Микл. Л., Срезневский, Фасмер; Менгес. Glossar; Дёрфер 3, 16 и сл.; Дмитриев 592, не вполне точно), *шаторъ* (в этом значении не отмечено Срезневским) через протобулг. (чув.) или протовенг. (или др.-венг.) посредство; исходное *šatyr/*šator — не *čatyr, как полагает Гомбоц 115, — откуда *šator*, основа *šatr-*, засвидетельствованные в венг., *šator* [šator] и топонимы, начиная с XII в., перечисленные в *Besztercei Szójegyzék*, ср. *Bárczi* 267. Далее, случаи ассимиляции в тюркских словах: орх., др.-уйг., чаг., тур., крым. *sač* 'волос' (Радлов) и алтайск., тел., леб., тарапч., кирг., тоб., караим. (Тракай) *čač* 'то же' (Радлов); тел. *čürmäs* 'девичьи косы, локоны', леб. *sürbäs*, койб. *sürbäd'i*, шор. *sürmäs*, шор., кач., тел. *šürmäs* 'то же', саг. *sürbäs*, *sürmäs* 'то же' (Радлов) (ср.: Ванг W. VI. Türkologischer Brief. — UJb. 12, 1932, 90 и сл.). Неожиданная форма у Капш. *čilkü at* 'гнедая, рыжая лошадь, рыжак' может быть объяснена как результат целенаправленного изменения под влиянием табу на слово *čilkü* 'лиса', необходимом в этом случае. Переход *ti > či* отмечен лишь в монг. и некоторых тунг. языках. Ср. также *šilgi at* 'то же' (Образцы 9, в тувинских текстах) из *čilkü*. Таким образом, форма *čirīčāg могла возникнуть и без влияния монгольской фонологии.

для греческого огня, хотя слово *siriš* употреблялось также в своем исконном значении 'смесь' и в этом случае — особой смеси химических веществ, из которых состоял греческий огонь. Можно также принять во внимание перс. *sirišk* 'капля; слезы; искра; летящие вверх (искры); фонтан' (Штайнгасс, 675; Хорн, № 733, источник неизвестен), но в этом случае мог бы иметься в виду только греческий огонь. Однако я бы предпочел слово *siriš* 'смесь'. Все формы, правда, оказываются недостаточными, чтобы объяснить последний слог этого трудного слова. Его прототип можно искать в перс. *sirišägär*, приведенном Вуллерсом (с. 294), 'ferment, subactor', т. е. 'тот, кто prepares закваску, смесь'. Трудности в отношении вокализма остаются те же самые, что и в случае с *tir-i šarx*, но трудности в отношении консонантизма меньше, поскольку нет нужды предполагать дистактную ассимиляцию и вторичное развитие $*čiričär(x) > *šVrVšVr$. В своем переходе к *шереширь* форма *sirišägär* должна была бы пройти через стяжение двух последних слогов, известное в тюркских языках, но закономерное в монгольском, дистактную ассимиляцию и перестройку вокализма, предположенную уже для исходной формы *tir-i šarx*. На стороне последней семантическое преимущество и факт употребления в качестве военного термина также и тюркскими источниками. Мы, однако, ничего не знаем о том, как в тот исторический период называли огнеметы те различные державы, которые пользовались ими.²⁹⁵

Исходя только из славянского материала, Р. О. Якобсон предложил также другое толкование этого слова. В различных языках существует целый ряд одинаково построенных звукоподражательных глагольных образований, представляющих собою повторение слога, построенного по образцу CVC, с плавным согласным на конце. В ходе развития от праславянского к современным восточнославянским языкам в этих образованиях возникло полногласие, ср., например, русск. *тороторить* из $*tor-tor-i-ti$, глагольное образование от основы $*tor-tor$ (ср. Фасмер). В морфонологических вариантах с гласными переднего ряда происходили изменения в соответствии с законами смягчения согласных в славянских языках. Так, *шереширь* вначале могло восходить к форме $*šerešerъ$, которая под действием полногласия возникла из $*šer-šer$, являющейся удвоением основы $*šer$. Эта основа представляет собою палатальный вариант основы $*xog$, которая сохранилась, например, в русск. *хорохориться*, а также в *шерохориться*, возникшей из $*šer-xog$ с палатальным вариантом в качестве первой части основы и с последующей ассимиляцией или диссимиляцией второго слога. С сокращением второй части двусложного образо-

²⁹⁵ В комментариях на описание Азербайджана в «Худūd ал-'āлам» Минорский привел отрывок из сочинения Ибн Мискавейха «Eclipse» об употреблении дейламиитами (X в.) в военных целях нефти, ввозимой из Баку. Эти снаряды назывались *mažāgīq an-naft wa 'n-nīgān* 'копья нефти и огня' (Минорский, 411, примеч. 41; 145).

вания могут возникать формы *хог-х или *šeg-š, от которых имеется целый ряд образований с основным значением 'быть грубым, ломким, хрупким, измельченным' и 'издавать звук трения, ломания и т. п. (о ломких, хрупких, грубых и т. п. предметах)'. Ср., например: *шёрбишь* (ж. р.) 'тонкий мелкий лёд', *шерёшь* 'замерзшая грязь, кал', *шёрбх*, *шброх*, *шерёшь* (ж. р.) 'грубая поверхность и соответствующий звук', 'лёд, плывущий осеью по реке, и звук, производимый им'; глагольные образования *шёрби́ть*, *шёрбхнутъ*, *шерши́ть* 'производить звук трением неровной, шершавой поверхностью (вроде шершавой кожи, осколков льда и т. п.)', *шёрбхий*, прил., 'грубый, шершавый, неровный'.²⁹⁶ От продленной ступени палатального варианта *xĕg > *šĕg > *шар* можно привести следующие образования (здесь встречаются только образования сокращенного типа *хог-х-, *хег-х-, *хĕг-х-, *хĕг и соответствующие варианты): *шарáшь*, *шёрбишь*, *шарбишь* (ж. р.), *шариш* 'первый лёд на реке', *шарáхатъ*, *шарáхнутъ*, *шарáшить* 'бить, ломать чем-либо тяжелым, кидать что-либо тяжелое', *шáришатъ* (у Даля *шари́шатъ*) 'шуршать, издавать шорох', *шарбишь*, *шарб́ха* 'род крупной картечи' *шарб́ша* 'оружие, в котором используется такая картечь', наконец, *шар* (и *шари́ш* 'шарики?').²⁹⁷

Введение таких образований на основе чисто славянских звукоподражаний не лишено трудности из-за гласного *и* во втором слоге там, где ожидалось бы *е*: *шер-шер*-. Это *и* могло возникнуть на месте *е* после *ш*, где качество этого последнего гласного могло измениться в его безударном положении, если, конечно, ударение падало на первую часть основы. С точки зрения фонологии эта трудность вовсе не так велика, как та, которую приходится преодолевать при допущении, что источником является перс. *tīr-i šāḡh*, но в семантическом отношении персидский прототип обладает преимуществом четко определенного значения.

Как последнюю попытку решения вопроса, может быть, следовало бы принять в расчет народную этимологию, усвоившую не-

²⁹⁶ См.: Павловский И. Русско-немецкий словарь. Рига, 1875, с. 1314 и сл. Даль включает также *шброхий*. Фасмер при слове *хорохориться*, кажется, выражает сомнение о связи путем чередования основ *хор-хор*-и *шер-шер* и склоняется к тому, чтобы рассматривать их раздельно.

Подобные изобразительные слова, построенные на основе повтора слогов, отмечаются в самых различных языках, ср., например, груз.: *ქბქბ* 'бегать; пыхтя', *ფუფუფ* 'суетливо бегать туда-сюда', *ღუღღღ* 'блестание, сверкание (об огне)', *ღღღღ* 'сиять, быть раскаленным докрасна', *ღაღაღი* 'раскаленность, сильный жар', *ღაღაღე* 'светить, сиять (красным)', *ჟიჭჟიჭი* 'говорить гортанным голосом', *ჟღაჟღა* 'звук глотания', *შლაპაშლაპი* 'шлепание', *შმაშმა* 'всхлипывать' (пшавское наречие), *ჩაბუჩუბუბული* 'с размокшими кусками хлеба' и т. п.

²⁹⁷ Отвергая предшествующие попытки, Фасмер оставляет слово *шар* без этимологии. Зайончковский (Związki, 32—54), рассмотрев взгляды Мелиоранского и Корша, упоминает это предложение Якобсона без какого-либо разбора его.

понятное иноязычное слово через уподобление собственным основам как по форме, так и по содержанию. Это могло бы быть усвоение такого рода, как нем. *Hängematte* 'гамак' из юкатанского *hamaka* 'то же'. Тогда трудности, связанные с особым фонетическим развитием перс. *tir-i šaḡh* в др.-русск. *шереширь*, можно было бы преодолеть предположением, что носители древнерусского языка хотели более доступным образом уяснить себе трудное иноязычное слово, обозначающее род ракетного орудия.

ЯПОНЧИЦА (япончицами, тв. п., мн. ч., ж. р., основа на *-ja), 'мантия, плащ, верхняя одежда'. Срезневский приводит пример употребления из «Слова». Ср. Бернекер, Фасмер, Чижевская. Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 301), как и И. Березин уже около столетия назад, вполне точно вывел это слово из тюркских языков. Ср. тур. *jарапџа* 'род плаща грубой работы', *jаруq* 'широкий плащ из войлока, покрытый длинной шерстью против дождя', — то же, что русск. *бурка*, *jарунџа*, *jарунџаq* 'то же' (Радлов), *jарунџа* 'то же' (DD 1418), крым. *jарунџа* 'покрывало, одеяло' (там же), Кашг. *jар-ун-*, чаг. *jар-ип-*, таранч. *jer-ип-* 'покрываться', чаг. *jarinči* 'попона', 'бурка', 'длинная одежда хивинских женщин' (Радлов), туркм. *jарунџа* 'то же', куман. (CC) *jabov* 'покрывало', *jarquč* 'то же, крышка, колпак' (Грэнбек 109, 114).

Форма *япончица* является слав. производным на *-иц-а* и предполагает тюрк. форму **jar-an-ša* с ассимиляцией гласных среднего *-ун-/ип-* и конечного суффиксов. Суффикс *-ša/-џа* отглагольных имен до сих пор не известен; чаг. *jarinči*, как кажется, более старое образование с исчезнувшим промежуточным слогом, т. е. из *jar-ун-yš+у* или *-čy* (но не из *jarin+чи*, как полагает Радлов, ибо суффикс *-чи* исключительно именной). Поскольку кроме тур. *jарапџа* с ассимиляцией гласных существует форма *jарунџа*, можно думать, что исходная форма была *jar-ун-yš-а*, что встречается очень редко,²⁹⁸ а следовательно, маловероятно, или же *jar-ун-yš-ša*. В таком случае чаг. *jarinči* и куман. **jарапša*, **jарунčya* (или **jarunša*, см. ниже) будут старше, чем тур. *jarunџа*, *jарунџа* или крым. *jарунџу* с вторичной соноризацией суффикса (суффиксов).²⁹⁹ Можно полагать, что форма **jar-унša* / **jar-унčya* < *jar-ун-yš-ya* создана по той же малопродуктивной модели, что и, например, Кашг. *jalyučša/jylunčša* 'безвкусный, безвкусное блюдо, блюдо, бедное вкусом и приправами', восходящая к Кашг. *jal-ун-* 'раздеваться' > 'быть без чего-либо', ср. тюрк. *jalyunz* 'один, только', чаг. *jāl* 'голый, нагой, низкий' (Радлов) — разнovidность с аблаутом *jylunčya* семантически склоняется к глаголу *jyl-y-* 'быть тепловатым' —

²⁹⁸ См., например: R ä s ä n e n M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StOF 31, 1957, 114.

²⁹⁹ История этих суффиксов до сих пор неясна. Они не упоминаются Рясняном (указ. соч.).

ср. далее Кашг. *jogunča*, *jogunčʻa* (Брокельман ошибочно помещает их под *jağunčʻa* и *jūğunčʻa*, тогда как Ташкентский индекс 1967 г. дает правильные формы) 'клевер', что равно тур. *jūğunčʻa* (Редхауз), *jūğunčʻa* (Радлов), со стяжением тур. *jönʒa*, туркм. *jogunʒa*, чاغ. *jogunčʻa*, *jönüčʻa*, кирг. *jönügčʻa*, узб. *jönüčʻa*, — все эти формы исходят из **jög-un-uš-ʻa* (*jög-/jör-* 'предсказывать, раскрывать сны, приметы'), при этом формы в другом фонетическом оформлении явились под воздействием табу. Формы *jogunčʻa*, *jogunča* Махмуд Кашгарский приводит как будто из гузского диалекта, т. е. из числа тюркских юго-западных языков, так что в других тюркских языках мы вправе ожидать формы с *γ* в качестве начального звука суффикса *-ʻa*, т. е. **jögünčʻa*; точно так же для северо-западных языков регулярными формами должны быть **jar-unčʻa*, **jar-unčʻa*. Можно, однако, допустить, что тюрк. суффикс *-ʻa* был довольно скоро замещен слав. суффиксом *-ица* на древнерусской почве. Не существует тур. формы *jarönʒa*, которую Бернекер привел рядом с *jaranʒa*, *jarunʒa*, поскольку в юго-западных языках во втором слого — будет ли это основа или же суффикс — никогда не встречается гласный *o* или *ö*. В более отдаленные периоды истории турецкого языка рядом с формой *jarunʒa* можно было встретить форму *jarunʒa*, поскольку тогда часто отдавалось предпочтение лабиализованному гласному в составе суффикса (как это в чاغ. и др.-уйг.). Такую форму приводит Редхауз, но она отсутствует у Радлова и в «*Tağama sözlüğü*». Но если бы даже она оказалась незасвидетельствованной, ее существование в историческом прошлом было бы видно из южнослав. форм: сербохорв. *janŭnce* (засвидетельствована с 1612 г.), *janŭncia* (с 1762 г.), *janunca* (со второй половины XVIII в.), *jepanča* (с 1790 г., — ср.: Stachowski St. *Studia nad chronologią turcuzmów w języku serbskochołowackim*. Kraków, 1967, s. 44), болг. *янунджѣк* (рядом с *янѣнджѣк* — Бернекер).

Русский вариант *епанчѣ* (Фасмер, Срезневский, в употреблении, как кажется, со второй половины XVI в.), с уменьшительной формой *епанѣчка*, показывает палатализацию начального *ja-* (тюрк. *ja-*) в ср.-русск. *je-*, ср. также, например, *есаул* < *ясаул* < тюрк. < монг. *jas-a-γul* 'младший офицер'; *ералаш* < **jaga-la-š* < тюрк. *aralaš*; *ерлык* и *ярлык* < тюрк. *jar-lyq* 'письменный приказ' (> монг. *žarliq*, *zarliq* 'то же', 'приказ хана'); *ермак* 'жернов ручной мельницы' < тюрк. *jar-maq*; *елоза* 'льстец, ябеда, угодник' < тюрк. *jala-z*, отглагольному имени от *jala-* 'лизать' (вопреки Фасмеру) и т. п. В тюркских языках палатализация такого типа обычна для *tat.* и *бараб.*, но встречается также повсеместно. Ср. *tat.* *jäšin*, *бараб.* *jäžin* 'молния' < *jašun*, *tat.* *jäšin* 'спрятаться' < *jaš-un* (med.) (Радлов), *tat.* *jäša-* 'жить, прожить (о возрасте)', *бараб.* *jäžä-* 'то же' (Радлов) < *jaš-a*; *tat.*, *тюр.* *jäšär-*, *бараб.* *jäžär-* 'стать, зеленым, свежим, молодым' (Радлов) < *jaš-a-r*; Кашг., тур., чاغ. *jänč-*, *tat.* *jänči-*, *бараб.* *jänzi-* 'толочь' (Радлов) < *janč(y)-*; Кашг. *järtür-* 'расколоть' < *jar-tur-* (< **jär-tur-*); крым. *jäwrü* 'птенец' <

javgu (Радлов); куман. (СС),³⁰⁰ тат. jāj 'лето' < jāj (Радлов); др.-русск. *ювшанъ* (Ипатьевск. сп., под 1201 г.) 'попынь' < тюрк., ср. Кашг. jabšan, javšan 'вид артемии',³⁰¹ тур. javšan 'то же' (Радлов), чаг. (Вамбери) jaušan 'иссоп' (Радлов), узб. jušan, казах. ĵūsan 'попынь'; Мелиоранский (ИОРЯС 10, 2, 102) без указания источника приводит тюрк. jāušān 'то же', заимствованное в тадж. javšān (Таджикско-русский словарь. М., 1954); СС jāz 'равнина' < jaz 'то же'; тат. jāini < рус. *явно* (Радлов) и т. д. Ст.-польск. jarończa, также более позднее orończa (Бернекер) являются заимствованием из русского, диалектное обоńcza обязано особому развитию (ошибочное народное толкование), подобному в др.-русск. *опонча* и укр. *опанча*, которые, несомненно, сформировались, как это предположил Бернекер, под влиянием исконного слав. *о-пѣна* 'попона', тогда как укр. *опанча* является формой, основанной на полном непонимании иноязычного слова.

ЯРҮГЯ (яругы, имп.-вин. п., мн. ч., основа на *-а) 'овраг' у Срезневского цитата только из «Слова», ср. Фасмер, Чижевская. Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 301—302) правильно объяснил слово как заимствование тюркской производной формы от *jār 'крутой берег, склон'. Ср. Бернекер, s. v. *jar*. Русск. *яруг*, *яруга*, *еруга* значит 'ущелье, лощина, речное русло' (Мелиоранский полагает, что эта же основа в слове *буерак* < *buĵ jar-ak, но при наличии форм *баерак* и более старой *бояракъ* вероятнее ее видеть в тюрк. baĵug-aq, как считает Фасмер, представляющем собою уменьшительное от тур., крым., туркм. baĵug, чаг., туркм. ba'ir [должно бы быть baĵir] 'холм, возвышенное место, склон, крутизна'; неприемлема попытка Дмитриева, (с. 564) вывести слово от чаг. bōkrāk 'изогнутый, кривой, горбатый', которое следовало бы читать būkrāk), по диалектам известно также слово *ерик* 'старое речное русло' (см. Фасмер), укр. *яр*, *ярүга*, *эрик* 'то же'.

Основа слова — тюркская. Ср. Кашг., чаг., таранч., тур., тат., тоб., курдак., алтайск., тел., леб. *jar*, шор., саг. *ġar* 'крутой берег; крутизна (тур.), ущелье' (Радлов); туркм. *jār* и як. *sār* 'то же' служат доказательством пратюркской долготы: *jār.³⁰² По всей видимости, в то время, когда тюрк. слово было заимствовано сербохорв. и словен. языками, пратюркская долгота все еще суще-

³⁰⁰ В а n g W. Rätsel des Codex Cumanicus, S. 344.

³⁰¹ Со вторичным ġ < ģ после смычного, как напр. Кашг. jabġun-, jabġun- рядом с jabšun- 'склеиваться вместе' из jar-yš-un-, cooperativum medium от jar-.

³⁰² Это слово также выступает как чисто глагольная основа *jar-* (Радлов), туркм. *jār-* 'расщеплять'. Кашг. *jar* 'слюна' и тур. *jar* 'слюна' (Радлов), помещаемые в словарях так, как если бы они были тождественны с *jār, являются на самом деле, как это видно из як. sugān 'то же', отражением другого этимона — *jār без пратюркской долготы.

ствовала, ср. сербохорв. *jār*, словен. *jār*.³⁰³ Слав. *jařuga* может быть возведено к тюрк. деривату вроде *jař-uq* с лабиализованным гласным в суффиксе; ср. Кашг., чаг., таранч., тур., алтайск., тел., леб., кюэр., тат., крым. *jařuq* 'щель; расщелина, трещина' (Радлов), т. е. пассивное перфектное причастие³⁰⁴ на -q от *jař-* (**jař-*) 'расщеплять', которое в некоторых языках может иметь в суффиксе лабиализованный гласный, как например чаг. *jař-uq* 'трещина' (Радлов). Далее, в чаг. и вост.-тюрк. имеется форма *jařu* 'то же' (Радлов) — это либо причастие настоящего времени *jař-u*, подобное, напр., тел. *d'arū* 'то, что легко расщеплять' (Радлов), либо отражение написания *ياروغ* вместо *ياروق*, обязанного тому, что конечные -y и -q в чаг., таранч., вост.-тюрк. и новоуйг. совпали в одном звуке -q, при том что в арабской орфографии уже было смешано исконное чаг. -q и вторичное -q < -y. Именно поэтому некоторые чаг. рукописи ввели лигатуру из букв *ق* и *غ*. Слав. *яруга* могло возникнуть либо на основе куман. **jař-u*, либо на основе куман. **jař-uq*. В славянском слове было осмыслено как существительное ж. р. с основой на *-а, как *ногата* или *лачуга* (из тюрк., тат. *alařuq* [Фасмер]; Кашг. *alařu* 'то же' [возможно, форма гузского диалекта], *коврига* из тюрк. *quvruq*, *кърчага* из тюрк. *qarçaq*;³⁰⁵ может быть, также *ватага* из тюрк. *otaq* [ср. Мелиоранский, Фасмер; ср. араб. в Египте *wařāq*, в разговорном языке *wařā*, заимствованное из тюрк.]), болг.-цсл., др.-русск. *тогата* 'βακτηρία, baculum'³⁰⁶ рядом с *тогatz* 'то же', сербохорв. *mđaga* (в Черногории *mълага*) 'дубина' (Вук) и производные из тюрк. *tajaq* 'то же' (Радлов). Эти славянские формы со вторичным -а, возможно, возникли по аналогии с тюркскими формами посессива 3-го лица на -y/-i, -u/-ü, которые имеют определительную функцию и используются достаточно часто. В большинстве языков северо-западной группы конечный глухой смычный согласный озвончился перед суффиксом с начальным гласным. Ср. в СС *jänčig-im* 'мой карман, мешок', посессив 1-го л. ед. ч. от *jänčik* (В а n g W. Rätzel, 350), *jüreg-inä* 'его сердцу', дат. п., посессив 3-го л. от *jüräk* (там же, 341), *tajaq-i* 'его дубина' от *tajaq* (там же, 342) и т. п. Русск. диалектное (юго-восток) *ерик* и укр. *ерик*, так же как сербохорв. *jāрак* (уменьш.) 'канава, ров', *jāруга* 'то же; русло', словен. *jārak* 'теснина, ров', *jařuga* 'глубокий ров', польск. *jař* 'теснина, ущелье', *jařuga* 'болотистая равнина', не могут быть прослежены, подобно др.-русск. *яруга*,

³⁰³ Ср., однако, сербохорв. *jāрак* (Далмация), синоним к *дрўже*, из тур. *jaraq* (< *jara-q*) 'то же'.

³⁰⁴ См.: В а n g W. Siebenter Türkologischer Brief. — UJb. 14, 1934, 193 и сл.

³⁰⁵ См.: Мелиоранский (ИОРЯС 10, 4, 121). По непонятным причинам Фасмер отклоняет эту этимологию без каких-либо доводов, но и не предлагает ничего другого.

³⁰⁶ См.: Микл. Лекс. Древнейшее употребление, как кажется, относится к XIV в., см. Фасмер.

вплоть до тюрк. *jār, jaruq и т. д. Сербохорв. *jārak*, *jārak*, которое имеет также значение 'ручей; поле определенного размера' (Кнежевич), с очевидностью представляет тюрк. *āruq; aruq 'иригационный канал' (см. ниже), причем древняя тюркская долгота сохраняется в венг. ārok, а в слав. представлено протетическое j, как это обычно в древнейших заимствованиях. Сербохорв. *jāruqa*, представляя одновременно семантику тюрк. jaruq и aruq, является верным свидетелем смешения двух этимонов. Слвц. jaruq и польск. jar сохраняют семантику тюр. jaruq, тогда как польск. jaruga, имея своим прототипом тюрк. jaruq, семантически склоняется к тюрк. aruq, утеряв, однако, очень важную составную часть значения — '(искусственный) канал, ров'. Вопрос о русск. *эрик*, укр. *эрик* значительно сложнее, чем полагают Бернекер и Фасмер: в то время как палатальная форма свидетельствует о заимствовании слова из северо-западного jar после утраты пратюркской долготы, своей семантикой эта форма обязана скорее тюрк. aruq. При этом, однако, остается нерешенным вопрос об ударении, которое могло бы свидетельствовать в пользу славянского уменьшительного на -ик от тюрк. *jār < jar < jār.

Естественно, что для сербохорв. *jārak*, *jārak* и укр. *ярбк* необходимо принять во внимание перекрытие семантических сфер 'канал, ров' и 'лощина, крутой склон, ров', потому что по географическим условиям этих областей из-за их удаленности от районов иригационного земледелия смешение этимонов оказалось чрезвычайно облегчено.

Слвц. jaroq 'ров, канал, желоб, ручей', укр. (в карпато-русских диалектах) *ярбк* 'то же' заимствованы из венг. ārok (ārok) 'ров, канал', которое в свою очередь, как правильно установил Бернекер, заимствовано из тюрк. *āruq, Кашг. aruq 'река, канал', уйг., крым., казах., тат., кирг. aruq 'иригационный канал', тат., крым. 'желоб у водяной мельницы', узб. āruq, туркм. āruq, тур. aruq, arq 'то же' (Радлов), встречающееся в анатолийских диалектах в Геркюке, Ургюпе и на западе и юге Анатолии (см.: Anadilden Derlemeler, 14; DD 113, 114), т. е., в общем, во всех тех районах, где распространено иригационное земледелие. В связи с вышеизложенным не остается места для сомнения в том, что тюрк. aruq не только было заимствовано в украинский и словацкий языки через посредство венгерского, но и оказывало прямое влияние на другие славянские языки, именно на те, которые имеют слова *яруга*, *jāruqa* (из тюрк. jaruq) не только со значением 'ров, траншея', но также и со значением 'желоб, канал, ручей'. Трудно, однако, прийти к определенному заключению, так как в климатических поясах с более высоким уровнем осадков и влажности, чем в засушливых, рвы, траншеи, ямы и другого рода углубления на поверхности земли весьма часто содержат в себе стоячие или проточные воды. Этим увеличивается возможность смешения производных от двух алтайских этимонов — jar, jaruq и āruq, причем последний этимон выявляется

во всех тех примерах, где второе значение — 'русло, ложе реки, водный ток, болотистая равнина' и т. п., так что четкое этимологическое разграничение оказывается здесь почти недостижимым.³⁰⁷

ВОСТОЧНЫЕ СЛОВА НЕАЛТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В этой части рассматриваются слова восточного происхождения в «Слове о полку Игореве», которые не были заимствованы из алтайских языков или через алтайское посредство. Первоначально они были рассмотрены в моей статье, посвященной этимологизированию таких ориентализмов;¹ она с некоторыми изменениями (см., например, слово *туръ*) положена в основу этого раздела; разработки о словах *мечъ* и *сабля*, не имеющих этимологических соответствий в алтайских языках, перенесены сюда из той части, которая теперь составила основу первого раздела.

При словах *сани* и *тисовыи* добавлены краткие дополнительные замечания, поскольку первое из них рассматривается некоторыми исследователями как уральское заимствование в славянских языках, а для второго до сих пор не предложена определенно установленная этимология.

Хотя рассматриваемые в этой главе слова не располагаются в алфавитном порядке и не пронумерованы, разыскать их нетрудно с помощью имеющегося в книге словоуказателя. Вот эти слова: *богъ*, *дивъ*, *касожьскыи*, *лада*, *мечъ*, *сабля*, *сани*, *Стрибогъ*, *тисовыи*, *туга*, *туръ* и *Хърсъ*.

³⁰⁷ О слове *агуц* см. также мою статью «Etymologika» (W. B. Henning Memorial volume. London, 1970, p. 307—325). Севортян. ЭС 187 и сл. хочет связать это слово с корнем **āg-/ar-* 'протекать, впитываться (о воде)', который хорошо представлен в тюркских языках, но с этим корнем вряд ли может быть связано слово, по существу являющееся исконным обозначением искусственного русла, ирригационного канала. На тюркской почве древнее заимствование было включено в круг производных от собственного корня **āg-/ar-*. Значения под номером 4 'лес' и номером 5 'остров', приведенные Севортяном, едва ли относятся к этому этиму. У Рясняева *агуц* отсутствует.

Бесспорным оказывается предлагаемое Севортяном сравнение тюрк. **āg-/ar-* с финно-угорским (или, возможно, уральским) гнездом, состоящим из венг. *ār* 'поток', удм. *šur* 'ручей, поток, река', коми *šor* 'поток и т. п.', манс. *tōr* 'озеро', хант. *jar*, *pār* (но не *paг*, опечатка у Севортяна), южн. *tor* 'небольшое стоячее озеро, затопленный луг, мелкий залив', а также неясное нган. *turku*, *turuku* 'озеро', энец. *tudio*, *tuse'e* (Collinder B. Fenno-ugric vocabulary, 3). Дело в том, что этот этимон имел в протоуральском начальный свистящий **s-* или **š-*, чередующийся с *t-* в самодийских языках. Тюрк. соответствие должно бы быть *saz* < *sāz* < **sār*₂ (или **sār*) 'грязь, тина, болото и т. п.' = монг. *širuṣa* < **syruṣa*, тунг., эвенк. *siruṣi* < **syruṣu*, представленное также и в других тунгусских языках, 'земля, почва, отмель' (но если тунг. слово заимствовано из монг., то это произошло довольно давно) = кор. *hilk* 'земля, глина'; см. Ramstedt. G. J. — Aalto P. (JSFOu 57, 3, 1953—1954, 8); ср. выше *шарокань*.

¹ См.: Menges K. H. Etymological Notes on some Non-Altaic Oriental Words in the Russian Igor'-Song. — Oriens 9, 1956, 86—94.

Я намеренно удержался от подробного рассмотрения названий рек Дънѣпръ, Донъ и Доньць и личных имен Борисъ и Хорсь / Хърсь, поскольку они исследовались неоднократно. Подробный библиографический обзор дан М. Фасмером, к нему можно добавить работу В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» (т. I. М.—Л., 1949, с. 235 и сл.). Я же ограничусь лишь несколькими замечаниями по этому поводу.

Название *Донъ* и славянская уменьшительная форма *Доньць* (Чижевская) имеют иранское происхождение и по форме стоят ближе всего к осет. *don* 'текущая вода, река, ручей' (Абаев ОЭС);² следовательно, их можно рассматривать как заимствование из алано-аорсского источника, тогда как древнее название Дона *Τάναϊς* либо представляет собою другую форму того же корня, как думает Фасмер,³ либо же имеет совершенно иное происхождение, как полагает Маркварт (Streifzüge, 31, примеч. 1). Я охотнее склоняюсь к мнению Фасмера об этимологическом тождестве двух форм. Иран. корень *dānu-* обнаруживается также в кельтском (ср. *Danuivius* 'Дунай') и за пределами и.-е. языков, например, с тем же значением в юкагирском, урализованном палеоазиатском языке, в малайско-полинезийском на Мадагаскаре, в ряде других языков. В словах *Дънѣпръ* и *Дънѣстръ* первая часть с очевидностью представляет тот же корень 'поток, река', что признается всеми, но вторая часть сложения все еще остается темной (см.: Фасмер; V a s m e r M. Untersuchungen. . ., S. 62, 66). Вероятно, Абаев прав, выводя форму **Dan-arp/-arf* (Абаев ОЯФ I, 236), но в согласии с Фасмером следует решительно высказаться против поддержки Абаевым этимологии имени Дънѣстръ, предложенной Соболевским. Не может ли вторая часть сложения Дънѣстръ / *Δήνστρις* восходить к индоир. **ā-srū-* 'обтекать', указывающему на многочисленные изгибы речного русла?

В моей статье об алтайских элементах в протобулгарских надписях (Byzantion 21, 1951, 114 и сл.) отмечается, что имя Борисъ могло бы иметь алтайский источник, происходя из тюрк., монг. *bars* 'тигр'. Другие взгляды приведены Фасмером. Томашек выводит это имя от монг. *boγoγi* 'маленький', однако такой формы в монг. не существует, возможно, это результат неправильного прочтения формы *boγoγi* 'низкий, короткий; подлый, низменный' (Ковалевский, Лессинг).

ДИЕЪ 'дух, демон'. Ср. Geste 279, 342; Чижевская, Словарь. Срезневский определяет 'gryphus'. Бернекер связывает слово с южнослав. словами: болг. *дивъ* 'великан', *дива*, *само-дива* 'злая волшебница', сербохорв. *дѣв* 'великан'; все они, как полагает

² См. также: М и л л е р В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь, т. I. Л., 1927, с. 499.

³ V a s m e r M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923, S. 74; см. также: Фасмер I, 362—363.

Бернекер, заимствованы из турецкого (где они из персидского), а значит, заимствованы в более позднее время и должны рассматриваться независимо от др.-русского слова. В отношении последнего уже Вс. Миллер предположил, что оно отражает перс. *dēv*, *div* < авест. *daēva*, санскр. *dēva* 'бог', древнее и.-е. слово для обозначения бога, с приходом мусульманства ставшее обозначением всех вообще злых духов. И фонетически, и семантически это объяснение согласуется с перс. формой. Мелиоранский (ИОРЯС 7, 2, 287) и Корш (AfsI Ph 9, 497) усомнились в персидском источнике слова, равно как и Преображенский, связавший его с исконным славянским образованием от того же и.-е. корня. Согласно Розадовскому (RO 1, 95 и сл.) и Якобсону (Geste 356 и сл.), слав. *divъ* восходит к и.-е. **deiwos* 'бог, божество', но значение 'злой дух' — так же как значение 'бог' — явилось результатом семантического калькирования иранского образца или по крайней мере параллельного с ним семантического развития.

Фасмер, отвергая мнение Корша и Преображенского, допускает заимствование из пехлеви или перс. *dēv* и возможное посредничество тюрк. языков. Весьма, однако, сомнительно, чтобы при тюркском посредстве не подвергся изменению консонантизм формы *dēv*, в особенности конечный *v*, ведь нужно иметь в виду дописанный характер этого посредства в течение пехлевийского или по крайней мере в самом начале новоперсидского периода.

Не следует связывать — а это пытались делать — слово *дивъ* с южнослав. названием удода *dib*, *deb*, *dijeb* (см. Орлов 96, эти формы отсутствуют у Вука), которое, однако, может быть, находится в родстве с монг. *žib* (< **dib*) 'летучая мышь' (Ковалевский, Лессинг), другое значение формы — 'хитрость, обман, странный обычай'.

БОГЪ. Ср. Чижевская, Бернекер, Фасмер. Это один из славянских этимонов, которые, с лингвистической точки зрения, могут быть или в родстве с иран. и индоиран. формами, или же заимствованы из них. Ср. подобный случай с формой *сѣто* '100' (Фасмер).

СТРИБОГЪ, имя славянского языческого божества. См. форму *Стрибогъ* в Начальной летописи под 6488/980 г. (Фасмер, Чижевская); в «Слове» встречается лишь притяжательное прилагательное от этого имени: *вѣтри, Стрибожи внуци*. Вполне очевидным является сопоставление с индийским божеством женского пола *śrī-dēvī* 'богиня удачи' (исконное значение *śrī* — 'красота'), позже признанным буддийской махаяной, а впоследствии также ламаизмом. *Śrī-dēvī* склонна причинять человечеству разного рода несчастья, на ламаистских иконах она часто изображается в окружении черного ветра, называемого по-тибетски *rlun-nag* རྒྱུན་ནག་⁴.

⁴ Об этом любезно сообщил мне проф. Ф. Д. Лессинг в письме от 6 янв. 1946 г.

Санскр. *śrī-*, употребляемое часто как первая часть сложений в именах богов и людей, точно соответствует слав. **stri* < и.-е. **kṛī*, **krei-* со славянским вставным звуком между начальными *s* и *g*, ср. подобный случай: слав. *struja* = санскр. *śrava* 'река, поток', *śru-* 'течь', греч. *ῥε-*, *ῥη-* < **sre-*, **sruā-*. От этого же и.-е. корня образовано слав. *островъ* < **o-strovъ* < **o-srovъ* (Фасмер) и, вероятно, иран. **ā-srī-* и т. д. Семантически слав. *богъ* точно соответствует санскр. *dēva-*. Слав. форме могла бы точно соответствовать др.-ир. **srī-baça-* или **srī-daēva-* 'всемогущий господин, бог', но таковая не засвидетельствована.⁵ Однако она могла бы встретиться в ср.-иран., как об этом свидетельствует эфталтское *śrībaça* (приведена у Фасмера по данным Г. Юнкера. — SBAW, 1930, S. 647 и сл.), но по географическим причинам последняя не могла быть слав. источником. Таким образом, можно думать, что слав. *Стрибогъ* должно было быть заимствовано из иранского (вообще говоря, часто почти невозможно различить, является ли слав. слово заимствованием из иранского или же находится в родстве со своим иранским соответствием, ср., например, у Фасмера о слове *богъ*), как на это указал Фасмер (*Die Urheimat der Slawen. — Der Ostdeutsche Volksboden. Breslau, 1926, S. 126*).⁶

В «Ригведе» *śrī-* имеет значение 'блеск, свет огня, солнца, рассвета; яркость, украшение; удача' и является атрибутом Индры, Рудры, Пушана, Марутов (ветров!) и Ашвинов. Но в «Ригведе» нет божества *śrī-dēvi-*. Оно могло принадлежать доиндоарийскому пантеону в Индии, а позже найти признание у индоарийцев, как это было, например, с Лакшми, имя которой в качестве супруги Вишну также сопровождалось эпитетом *śrī-*,⁷ или же оно могло иметь распространение лишь в отдельных индоиранских племенах и поэтому не попасть в состав главных литературных текстов индоиранцев.

В др.-русском божестве Стрибогъ мы не должны, конечно, видеть непременно заимствование из индоиранского; скорее нужно предполагать, что представление об этом божестве было общим у всех — или у большинства — племен, говоривших на восточных языках (группы «сатэм») индоевропейской семьи. О роли Стрибога в «Слове» и др.-русской мифологии см. замечания Р. О. Якобсона (*Geste* 354 и сл.).

К таким же по существу результатам пришел С. Пирхеггер в статье «*Zum altrussischen Götternamen Stribogъ*», опубликован-

⁵ Сообщено мне В. Б. Хеннингом.

⁶ Ненадежно производство этого слова от слав. основы *strib-* 'прыгать', как это предложил Л. Нидерле (*Slovanské Starožitnosti. Praha, 1902, c. 119*), а также А. Брюкнер (*Mitologia Słowiańska. Kraków, 1918, c. 99—100*). См. подробнее: *Mañsikka V. J. Die Religion der Ost-Slawen, 1. Quellen. — FFC 10, 43, 1922, 38 и сл., 394; Rozwadowski J. (RO 1, 105 и сл.)*.

⁷ См.: *Grassmann H. Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1926, S. 1425*. Сообщено мне В. Б. Хеннингом.

ной уже после его смерти.⁸ Правда, в некоторых важных деталях с ним нельзя согласиться, например, в том, что слав. (или др.-руссск.) *богъ* и *Стрибогъ* — доказанные или доказуемые иранизмы. Кажется слишком умозрительным его предположение (вслед за Нюбергом, мнение которого он приводит), что иран. *Sri-baṣa (незасвидетельствованное!) использовалось иранцами на юге России как имя божества света и дня — Ахура-Мазда. Такое же впечатление производит упоминаемая Пирхеггером гипотеза А. Клосса о том, что титул *baṣa* восходит к представлению о древнем Подателе пищи в Арктическом мире. Как это ни странно, Пирхеггер не привел отрывок из «Слова», где встречается имя Стрибога.

КАСОЖЬСКИИ, прил. (касожскими, тв. п., мн. ч., ср. Чижевская, Словарь), производное от *Касогъ*, названия адыгейца-черкеса в Древней Руси. Как имя собственное оно отсутствует в словарях. В качестве исторического события в Начальной летописи упоминается под 6530/1022 г. битва русских с касогами и с их предводителем Редедей (ср. замечания Шефтеля, Geste 97—98).

Это имя попало в др.-русский язык либо прямым путем, либо через посредство аланов-аорсов. В языке их потомков осетин слово сохранилось в форме *kāsāg*, обозначая адыгейца (черкеса) или кабардинца (Миллер). Невозможно установить, является ли это слово в осетинском активным причастием настоящего времени *kās-āg* 'глядящий' от *kās-ŷn* 'глядеть' (Миллер) или же народноэтимологическим образованием от имени адыгейцев на осетинской почве. В форме *κάσας* из греческих надписей Ольвии приводят это имя Фасмер (Untersuchungen, S. 42) и Миллер (2, 672). В «Словаре» Фасмер присоединяется к мнению Корша (Jagić-Festschrift. Berlin, 1902, S. 257) о том, что осет. *kāsāg* 'черкес' возникло как сокращение из осет. *s'ārkasāg* (отсутствует в словарях Миллера и Абаева), образованного от *s'ārgās* 'орел' (Миллер) < *čarkas 'то же', и отсылает к русск. *черкес*. Это последнее название адыгейцев и кабардинцев Фасмер совершенно справедливо возводит через тюркское посредство — в этом случае, вероятно, карачаево-балкарское, возможно, и азербайджанское, но не турецкое — к осет. *s'ārgās*. Абаев (ОЭС) приводит *k'āsāg* 'кабардинский народ и страна' как древнее название адыгейских племен, хорошо засвидетельствованных исторически; мнения Корша и Фасмера Абаев не упоминает, этимологии слова не дает, но отмечает, что «происхождение этого термина не установлено». В качестве параллели он приводит *касогъ*, *κασαγία* у Константина Багрянородного (De administrando imperio, гл. 42), форму *kašak*, встречающуюся у ал-Мас'уди, сванское название Северокавказской равнины *K'ašag* и груз. *k'ašagi* 'рослый невольник'. При слове *k'āsŷn* 'смотреть' Абаев упоминает

⁸ ZslPh 19, 1944, 311—316.

«скифское» имя *χάλαρος* как возможное осет. *k'asag* 'смотрящий', тогда как прежде (ОЯФ I, 171, со ссылкой на Фасмера) он уверенно производил это имя от глагольной основы *k'as-*. Слово проникло также в мордовский язык (Bouda. — UJb. 19, 338).

Как хорошо известно, черкесы являются древними обитателями Северо-Западного Кавказа и прилегающих равнин, а позднелатинское отражение их племенного имени *адыг* содержится в греч. *Ζίγχοι*, *Ζίγχοι* и т. д. По данным Страбона, почти точно в этом районе Северо-Западного Кавказа, к северу от Колхиды, т. е. сегодняшней Имеретии, жили *Ἀχαιοὶ καὶ Ζυγοὶ καὶ Ἠνίοχοι Κερκέται* (кн. 2, § 5, 31, кн. 11, § 1, 2, 12, 14). Так же обстоит дело и теперь.

В «Истории потомков Чингис-хана» Рашид ад-дина черкесы упоминаются как соседи русских при описании событий, непосредственно предшествующих 1233 г.: «Джучи-хаган выступает и покоряет все вилайеты на север от Ибира (= Ἰβηρία, т. е. Грузия), именно Сибир, Пулар (= болгар), степи кыпчаков, башгурдов, руси, черкесов вплоть до Ущелья Хазар, которое монголы называют Темюр Кахалка (Temür Qa'alqa⁹ 'железные ворота', т. е. проход у Дербента)» (по изд. Блоше, т. 2, с. 107).¹⁰

Независимо от этого нужно рассматривать груз. ჯაჯაჲ qazaqi как обозначающее северо-восточных соседей Грузии, аваро-лезгинские народы. Вероятно, оно появилось довольно поздно и является известным тюрк. термином и племенным названием Qazaq, которое здесь рассматриваться не будет.¹¹ С другой стороны, согласно П. Услару, лезгины называют (или, возможно, называли) словом qazaq каждого грузина, носящего оружие, причем слово имело «ломаное» мн. ч. quzquł, тогда как в форме «простого» мн. числа qazaqal оно обозначало русских казаков.¹²

Впрочем, в груз. языке существует ჯაჯახი (qazaxi) со значением 'крестьянин' в Гурии и Имеретии, но 'козак' и 'казак' в литературном языке, от этого образовано ჯაჯახობა (qazax-oba) 'крестьянство' и 'разбойники'; как глагольная основа ჯაჯახ — (qazax-) — 'грабительствовать; разбойничать' (Чхенкели. Сл. груз.-нем., с. 1644).

ЛАДА (лады, род. п., ед. ч., ладу, вин. п., ладѣ, дат. п., ладѣ, род. п., мн. ч.; общий род, но в «Слове» всегда ж. р.). Ср. Срезневский (все примеры из «Слова») 'муж, супруга'; Бер-

⁹ В «Юань-чао би-ши» имеется ха'alха 'дверь, проход, ворота' (H a e n i s c h E. Wörterbuch zu Monghol-un Niuca Tobca'an. Leipzig, 1939, S. 54; см. так же при слове *Каялы*).

¹⁰ О народах «черкес», *Ζίγχοι* и *Κερκέται* см. Маркварт (Komanen, 177 и сл.).

¹¹ О сложной и до сих пор нерешенной этимологии этого слова см. Пельо (Oeuvres posthumes, 2, p. 216 и сл.).

¹² Др.-русс. *козакъ* отмечено с 1395 г., укр. *козак*, русск. *козак*, чаще *казак*, см. Фасмер. См. также об этом слове Дёрфер 3, 462 и сл. (нет обоснованной этимологии).

некер: *ladъ* — «ohne sichere Anknüpfung». Ср. Якобсон (Geste 254—255), Фасмер, Чижевская, Словарь. Это древнее общеслав. слово. «Слово» оказалось единственным источником его употребления в др.-русском языке, как и многих других слов, принадлежавших к языческой сфере и вследствие этого изгнанных из литературного языка. Как и многие другие языческие термины, оно сохранилось в богатом славянском фольклоре. Вероятно, слово значило 'супруг, супруга', — возможно, первоначально только 'супруга' (см. ниже) — и в этом специальном значении употреблялось при языческом бракосочетании, а поэтому не было принято церковью.

Слово *лада* с развившейся позже формой м. р. русск., укр. *лаго* (древняя звательная форма имен с основой на *-а, обычная у личных имен, особенно на Украине и у южных славян) необходимо отделять от русск. *лад* 'поперечное деление на грифе струнных инструментов', возможно, также и от русск., укр., чеш., польск. слова со значением 'согласие, мир, порядок' и их соответствующих производных — гл. *лад-и-ти*, прил. *лад-ьн-ъ* и т. д. Бернекер полагает, что это последнее слово *ладъ* можно выводить из **lā-d'o-* и связывать с греч. ἐλάω 'гнать'. Фасмер сомневается в существовании этой связи и говорит о возможном родстве с готск. *lētan* 'позволять, пускать, давать'. Вследствие семантической связанности понятий «любовь, близость» и «согласие, мир, порядок» производные от двух первоначально различных корней могли совпадать, так что теперь трудно разделить их в этимологическом отношении.

Вацлав Поляк связывает слав. *лада* с авар. (т. е. с языком андийско-дидойской группы) *ladī* (буквой *λ* обозначается глухая боковая аффриката) 'госпожа, жена',¹³ которое, как он утверждает, уже известно по урартскому (халдейскому) *lutu-* 'женщина',¹⁴ ликийскому *lada*¹⁵ и эламскому *rutu* 'то же'. Поляк также приводит литературу об этом слове.

В отношении авар. *ladī* Поляк, к сожалению, повторяет старую ошибку. Дело в том, что авар. *λ* восходит к *χ*- (переднеязычному глухому спиранту), поэтому в согласии с компетентным мнением К. Буды¹⁶ сравнение с аварской формой необходимо отвергнуть. Остаются, правда, урартская, ликийская и эламская формы, которые могли бы указывать на родственные связи слова. Как кажется, в армянском параллель отсутствует.

¹³ Polák V. K problému lexikálních shod mezi jazyky kavkazskými a jazyky slovanskými. — Listy Filologické, 70, N 1, 23—31. Этой работой следует пользоваться с некоторой осторожностью.

¹⁴ См.: Friedrich J. Einführung ins Urartäische. — Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, Bd 37, N 3, 1933, S. 39.

¹⁵ См.: Pedersen H. Lykisch und Hettitisch. — Det. Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Hist.-Filol. Meddelelser, v. 30, N 4, 1945, p. 15. Указанием на эту и предыдущую работы я обязан проф. А. Гётце.

¹⁶ Сообщено мне в письме от 15 дек. 1950 г.

Большой временной и довольно заметный пространственный разрыв этих форм не позволяет решить, через какие языки слово *лада* попало в славянский, может быть, праславянский язык. Или же оно принадлежит к загадочному пласту, еще неясно обрисованному, средиземноморско-анатолийско-кавказской стихии в индоевропейском материале? Этот пласт иногда доступен распознаванию в и.е. языках этого региона, но в славянские языки элементы его проникали, как кажется, очень редко, а если и проникали, то в весьма незначительном числе.

Фасмер возражает против разделения слов *лада* и *ладъ* и смотрит скептически на их подобие с кавказскими и анатолийскими формами.

МЕЧЬ (мечь, вин. п., ед. ч., мечемь, тв. п., мечи, им. п. мн. ч., мечи, вин. п. мн. ч. вместо старого мечѣ, мечи, тв. п. мн. ч.; основа на *-jo). В др.-русском с древнейшего времени (Остромирова ев.) слово встречается только в написании через *-е-*, ср. цсл. *мьчь*, сербохорв. *мѣч*. Ср. Срезневский, Бернекер («происхождение неизвестно»), Микл. Лекс. и Этимол. сл. (без замечаний), Шрадер и Неринг (см. Schwert).¹⁷ Фасмер дает длинный список предлагавшихся до сих пор форм для сравнения, но не принимает никакого решения. В моем вторичном рассмотрении этимологии слова *мечь* приняты во внимание эти данные, а также ряд относящихся сюда этимологических вопросов (см.: Oriens 9, 1956, 92—64). См. также Чижевская, Словарь.

У слова заметно значительное сходство с готск. *meki* (вин. п., ед. ч.) и его германскими родственниками: остгот. *mycha* (= *mīxa*), др.-исл. *mōker*, др.-англ. *mēce* (возможно, заимствование), др.-сакс. *māki* 'меч' (см.: Faist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939, S. 266). Это гнездо неиндоевропейского происхождения изолировано в германских языках. Из готск. заимствовано фин. *miekka*. Уже Файст сравнил герм. слово с кавказским дидойск. *таџа* 'то же', ср. затем Кипарский,¹⁸ а К. Буда вывел слав. слово из андийско-дидойских языков:¹⁹ дидойск., капуч. *таџа*, арчин. *таџа* 'мечь', авар. *га-таџ* 'камень', что дальше может быть сравнено с северо-западнокавказскими формами — адыг. *таџе*, *таџе*, кабард. *таџе* 'камень'.²⁰ В связи с этимологическими отношениями между значениями 'мечь' и 'камень' Буда приводит др.-сакс., др.-в.-нем. *sax*, *sahs* 'нож, кинжал, короткий меч' = лат. *saxum* 'камень' и баскскую параллель

¹⁷ Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. 2. Aufl. hgb. A. Nehring. Bd II. Berlin, 1929, S. 362—372.

¹⁸ Kiparsky V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934, S. 138, примеч.

¹⁹ Bouda K. Ein slavisches Lehnwort aus dem Kaukasischen durch osmanische Vermittlung? — ZfslPh 18, 1942, 36 и сл.

²⁰ Trubetzkoy N. Nordkaukasische Wortgleichungen. — WZKM 37, 1930, 83.

haitz 'камень, скала'—haizkora 'топор', haichturr-ak 'пожницы'.²¹ Слово *мечь* является очень ранним заимствованием в славянском, возможно, даже праславянского периода, чем исключается, вопреки Кипарскому, всякое тюркское посредство. Разумеется, возможно, что таща или какой-нибудь другой северокавказский прототип попал к славянам через посредство (иранское, скифское?). Что касается готск. k, оно могло подменить собою иноязычный звук щ, неизвестный ни готскому, ни другим древним германским языкам. Правда, в моем распоряжении нет примеров замены иноязычных свистящих, отсутствующих в готском. По крайней мере буква k в этом готском слове могла служить просто графической передачей — не обязательно совпадающей с живым произношением — слав. ч из кавказского щ или же кавказского щ в случае прямого заимствования.²²

Формы типа готск. akēt, akeit (ср. р.) 'уксус' из лат. acētum ничего не доказывают, поскольку слово было заимствовано в готский, несомненно, в ту эпоху, когда лат. k в положении перед гласным переднего ряда еще не перешло в c или щ; нет очевидных доказательств того, что этот переход произошел до VI в.²³ Швейцарское axiss, exiss (буква x обозначает заднеязычный глухой фрикатив) 'то же' < acētum своей явной фрикативностью доказывает, что герм. слово было заимствовано раньше эпохи смягчения лат. k > c, щ перед гласными переднего ряда.

То же самое относится к готск. aúrkje (род. п., мн. ч.) 'кувшинов' из лат. urceus, готск. faskjam (дат. п., мн. ч.) 'повязкам' из лат. fascia, готск. unkjanē (род. п., мн. ч.) земельная мера из лат. uncia, греч. οὐγκία, — все эти случаи были приведены мне д-ром Р. Фауксом в письме от 13 апр. 1955 г.; он также обратил мое внимание на то, что все древнейшие латинизмы в кимрском — а римляне находились в Уэльсе с I до начала VI в. — точно так же имеют k (на письме передаваемое через c, в середине и конце слова — через g). Ср.: кимр. cengl < лат. cingula, кимр. cell < лат. cella, кимр. ciwdod < лат. civitat(em), кимр. swyn < лат. cēna, кимр. swug < лат. cēra, кимр. cyff < лат. cirrus, кимр. stog < лат. stūs(em), кимр. rug < лат. pic(em).

Таким образом, наличие основ *мечь* и *meki* в расположенных в непосредственном соседстве областях заставляет нас признать их родственными формами, восходящими к одной и той же группе языков, хотя, возможно, к разным подгруппам, и считать, что они могли подвергаться заимствованиям, причем неоднократным, в разные эпохи. Подобное же, очень близкое, мнение Фасмер выражает словами «допустимо заимствование слав. и готск. слов из неизвестного, общего источника» (далее следует ряд ссылок

²¹ Баскские формы даны в испанской транскрипции. См. также в указанной статье В. Поляка.

²² Ср., например, греч. κερχέται с c'argās 'черкес'.

²³ См.: Sturtevant E. H. Pronunciation of Greek and Latin. Philadelphia, 1940, p. 166.

на предшествующие работы), «при этом обязательным в нем было наличие к». Следовательно, он допускает сравнение с груз. тахва 'острый, меч', удин. тех 'серп', лезг. тах 'железо', причем гласные этих форм, по его мнению, вызывают затруднения при анализе, но он склоняется к тому, чтобы отвергнуть вышеприведенные дидойск., капуч. таџа 'меч, сабля', поскольку не может быть объяснено готск. к. Фасмер даже думает, что дидойск. и капуч. формы могли быть заимствованы из слав. *мечь* через тюрк. посредство. Правда, последнее предположение должно быть отвергнуто уже потому, что не может быть и речи о том, чтобы в языке народов, известных во все эпохи своими работами по металлу и изготовлением оружия, для обозначения того предмета, который они производят и который имеется у них во всех своих разновидностях, использовалось бы заимствованное иноязычное слово. Возникает вопрос: как могло передаваться кавказское џ в языках, вообще не имеющих џ или имеющих его. Славянский передает с помощью своего џ, по существу того же самого звука, но не имеющего глотальной смычки, тогда как готский не располагает средствами, чтобы изобразить его на письме, даже если готы знали истинное его произношение или по меньшей мере его произношение через славянское џ. Точно так же такой способ рассуждения будет действителен и для любого другого, неславянского, языка-посредника между готским и кавказским. Прямые соприкосновения между готами и жителями Кавказа не могут быть исключены, хотя они должны были быть редки и более или менее случайны. Груз. тахва, удин. тех и лезг. тах в сравнении с андийско-дидойским таџа семантически слишком неопределенны, более того, содержат звук х, который перед гласным переднего ряда в славянском перешел бы только в š, но не в џ. Однако нет и оснований для допущения I палатализации в этих словах при их заимствовании славянами. С этим этимолоном скорее должны быть связаны греч. μάχα¹⁹, евр. מַכְלָח²⁰ тѣхегоф 'кинжал, меч' (кн. Бытия, 49,5) и айнское makirí, makíri 'нож, кинжал'.²¹

Тур. mǎṣ (Радлов и Редхауз — «из слав.») изолировано в тюрк. языках и редкое в турецком; видимо, оно довольно недавнее здесь заимствование через посредство славян. «Tarama sözlügü» (4, 1957, 569) приводит его в форме mǎṣ из довольно позднего источника — турецкого словаря к «Шах-наме» 1721 г., где им переводится перс. dahra 'iki jüzlü kılıç, обоюдоострый меч'. Для последнего Штайнгасс дает, между прочим, 'небольшой обоюдоострый серповидный острый кинжал'. Монг. mese 'меч, всякое режущее оружие', встречающееся уже в «Юань-чао би-ши» (Ковалевский, Лессинг; Хениш приводит meses xurčatan 'они имеют острое оружие'), калм. эют. mes³ 'короткий меч' (Рамстедт) заимствовано в тув. mǎzi (Тувинско-русский словарь. М., 1968); казах. mes' at

²¹ См.: Hattori Sh. и др. An Ainu Dialect Dictionary. Tokyo, 1964, p. 120, N 42—45.

‘выносливая лошадь’ тождественно калм. элут. *mes^o mörḡ* ‘то же’ (но койб., тел., куманд. *mis* ‘лезвие’ [Радлов] от тюрк. **biz*, ср. туркм. *biḡ* ‘то же’, но не от *mese*, как полагает Рамстедт), — все эти формы, возможно, восходят к той же кавказской основе — дидойск. *maṣa* и т. п.

Нем. *Messer* по своей форме и близкой семантике кажется относящимся сюда же, но Ключе показал,²⁵ что оно восходит к др.-в.-нем. *mezzirahs* < *mezzi-sahs*, где вторую часть сложения составляет уже упоминавшееся *sahs*, а первая часть *mezzi-* должна быть связана с готск. *mats*, др.-сканд. *matr*, *mata*, др.-в.-нем. *maṣ* ‘пища’, этимологически равно англ. *meat*. Таким образом, значение композита — «меч для еды», если германские формы не развились под влиянием древней народной этимологии из какого-нибудь иностранного слова; однако невероятно, чтобы то же кавказское слово *maṣa* было заимствовано еще раз (когда и через какое посредство?) помимо вышеприведенной герм. формы — готск. *mekī*.

От предыдущего должны быть отделены перс. *mis*, мазандер. *mis*, *mers*, курд. *mys* ‘медь’ (отсутствует в словаре Хорна), др.-тур. *mis* (Редхауз, отсутствует в TS), узб. *mis* ‘медь’, при этом *quzyl mis* ‘медь’ (см. Русско-узбекский словарь. Ташкент, 1941, с. 230), ново-уйг., таранч. *mis* ‘медь’.²⁶ О. Шрадер предложил связать этот этимон с греч. *Μοσσίνοιχος Χαλκός* ‘бронза моссинойков’ (‘обитателей башен’),²⁷ племени на северо-востоке Анатолии, описанного в «Анабазисе» Ксенофонтom как крайне примитивное по своим обычаям, тем не менее через это племя классический мир познакомился с употреблением бронзы. Из Византии слово пришло к германским народам, ср. ср.-в.-нем. *messinc* (засвидетельствовано ок. 1100 г.), англос. *mæs(t)ling* (ок. 950 г.), *mæslen(n)* и нем. *Messing* (вопреки Ключе и Шрадеру. *Realexikon*, 2, 62; ср. также варианты др.-сканд. *mersing*, мазандер. *mers*, ср.-в.-нем. *messe*, в диалектах Швейцарии *möš* ‘бронза’), а от них к славянам: польск. *mosiądz*, чеш. и н.-луж. *mosaz* ‘желтая медь’, эти формы предполагают др.-слав. **mosędъ* и праслав. **mosing-*. Судьба сочетания *-ing-*, отраженная во втором (и третьем) слоге славянского слова, такова же, какова обычная судьба в славянской среде германского суффикса *-ing-*; это значит, что слово нужно рассматривать как заимствование из германского (вопреки Шрадеру и Ключе, который спорит с Фасмером, *ZfslPh* 19, 450), но не греческого. Об этом также говорит и то, что слово отмечено лишь у западных славян и отсутствует в цсл., других южнослав. языках и у восточных славян.

²⁵ См.: K l u g e F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache 12—13. Aufl. Berlin, 1943, S. 388.

²⁶ Радлов, см. также: K a t a n o v N. — M e n g e s K. Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan, I, 113 (SPAW 32, 1933); J a r r i n g G. An Eastern Turki-English Dialect Dictionary. Lund, 1964, p. 196; *mis*, *mis* ‘медь, бронза’.

²⁷ S c h r a d e r O. Sprachvergleichung und Urgeschichte. 3. Aufl. Jena, 1907, S. 75.

С этимоном «бронза», «желтая медь» можно сравнить формы *mas*, *maḥ* 'драгоценный металл, деньги', встречающиеся в языках Индокитай и Индонезии.

Самая большая трудность при исследовании заимствований названий металлов, металлических изделий и оружия, происходящих преимущественно с Кавказа, состоит в том, что эти явления совершались очень давно, задолго до начала письменности или каких-нибудь форм письма почти во всех наших языках.

САБЛИ (*саблямъ*, дат. п., мн. ч., *саблями*, тв. п., основа на *-ja). Слово встречается уже в древнейших др.-русских текстах. Ср. Срезневский, Микл. Лекс., Микл. («широкораспространенное слово неизвестного происхождения»), Фасмер («За источник принимают венг. *száblya* 'сабля' от *szabni* 'резать'»), Чижевская. В других слав. языках начальный звук *с-* или *ш-*: сербохорв. *са́бља* (с одним производным, Вук), словен. *sablja*, укр., белор. *шабля*, укр. *шабля́ка*, чеш. *šavle*, польск. *szabla*. Лит. *šoblė*, *šoblis* заимствованы из славянских. Венг. *szablya* (т. е. *sábl'a*, *sábjá*), очевидно, заимствовано из сербохорв. или словен. (аналогично *Bárczi*, 278), а не является производным от *sáb*-(*szab-ni*), приводимого Фасмером и Ключе, поскольку *sáb* со значением 'резать' является термином портняжного дела. В нем. имеется *Sabel*, *Sebel*, *Säbel*, *Seibel*, впервые слово появилось в 1428 г. в форме *sewel* и до 1505 г. отмечено употребление лишь в областях, граничащих с Польшей, в форме *schebel* < польск. *szabla*, ошибочно производимого Ключе от венг. *száblya*, которое он рассматривает как источник всех слав. и ром. форм. Герм. слово, вполне очевидно, пришло со славянского востока. Романские формы обычно выводятся из герм.: фр. *sable* и *sabre* (откуда англ. *sabre*, *saber*), исп. *sable*, ит. *sciabola* (см.: Мейер—Любке, № 7480, нем. *sabel* характеризуется здесь как ср.-нем., что вряд ли уже допустимо). Ит. *š-* представляет трудности, поскольку в то время в.-нем. *s-* уже не чередовалось с *š-* и не имело этого качества, как это видно из др.-в.-нем. заимствований в слав. и венг., так что ит. форма могла бы указывать на польск. или чеш. влияние (возможно, в ходе или после гуситских войн, как думает В. Поляк). Первоисточник славянских, а с ними и всех других форм, семитский — араб. *saif*, араб. *saḡrā* 'меч, сабля', восходящий к егип. основе *šf-t* (ж. р.), при вокализации, вероятно, *šefet* 'каменный нож', отсюда исследователи выводят также греч. *ξίφος*.²⁸ В этом случае

²⁸ См.: Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grécque. Heidelberg, 1907, p. 678; Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Bd 1. Berlin, 1901, S. 748 (с отсылками к Muss-Arendt. — In: Transactions of the American Philos. Assoc., v. 23, p. 141); Lewy H. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen. Berlin, 1895, S. 176. М. Козн (см. BSL 31, 1931, 40—41) придерживается в основном того же мнения, делая лишь несколько оговорок относительно заимствований и обратных заимствований.

перед нами, вероятно, предстает семантическое развитие, параллельное развитию материальной культуры, как это видно по лат. *saxum* = др.-сакс. *sax*, др.-в.-нем. *sahs*, англос. *seax*, др.-сканд. *sax* 'камень' > 'нож, кинжал' (см. выше при слове *мечь*). Трудно угадать, как и через каких посредников семито-хамитское слово попало к славянам. Посредником был не греч. язык Византии, но другие языки, а среди них, вероятно, уже на самом последнем этапе перед слав. алтайские языки (протобул., печенежск., куман., хотя слово и не отмечено в СС!). Вполне разумно допустить, что у слова были промежуточные формы на его долгом пути от арабов — возможно, через Кавказ и Хазарию — к алтайцам и славянам. У тюрков араб. *sajf* фигурирует как прямое литер. заимствование в тур. и чаг. (Радлов дает только тур., а для чаг. приводит лишь производное *säjfi* 'особый вид сокола', оно есть и в тур., см. Редхауз); разумеется, слово должно быть известно всем тюркам-мусульманам. Благодаря палатальной природе араб. *sajf* оно было включено у славян в имена с основой на *-ja, причем закономерно развился вставной звук l. В алтайском и в слав. губной спирант обязательно замещается смычным. Герм. *Seibel* (встречается, например, в нач. XVII в. у Ганса Сакса) выглядит как прямое заимствование через Венгрию (после 1526 г.) из тур. *säjf* (должно полагать, что народной тур. формой было **säjp*) с нем. суффиксом -el. Отсутствует исконная тюрк. (или алтайская) основа, от которой можно было бы вывести слав. форму. Тюрк. *sar* (Кашг., Радлов) значит только 'ручка, рукоятка, стебель', а глагольная основа *sar-* означает 'вставить, приставить и т. п.; починить, привить, окулировать' (см. выше при слове *сапогъ*). Эти слова попали также в русский, см. у Даля *сап* (2), *сана* (3) и *саповать*, которые Фасмер неоправданно рассматривает как заимствования из фр. *sape* 'мотыга', не упоминая вовсе *сап* (2) (рум. *sară*, приведенное Фасмером, со знач. 'мотыга' может иметь как романский, так и тюрк. источник).²⁹ Рассматривая слово *сабля*, Р. ван дер Мюлен пришел, к сожалению, к ошибочным выводам,³⁰ потому что строил их на материалах этимологического словаря Вамбери, где в данном случае были смешаны две тюркские основы: *sar-* и *šar-* 'бить, разбивать, резать' (в абак. группе *šar-* перешло в *sar-*, но это относительно недавнее развитие, которое не наблюдалось до монгольского нашествия). Единственным алтайским языком, имеющим производное от основы *sar-* со значением 'сабля', остается, видимо, казахский, где форма *sary* значит 'род кинжала, шашка' (Радлов). В алтайских языках

²⁹ Относительно русск. *сап*, *сана* см. более подробно: M e n g e s К. Н. *Altajische Wörter im Russischen und ihre Etymologien*. — *ZfslPh* 37, 1973, 10 и сл.

³⁰ M e u l e n R. van der. Over her woord Sabel. — *Mededeelingen der Nederlandsche Akademie van Wetenschappen*. Nieuwe Reeks. Deel 3, p. 207—250.

это слово изолировано и этимологически неясно, оно может происходить от *sar-yŭ, но может иметь и другое происхождение (заимствование?). Однако прототип казах. *sary* никак нельзя считать источником слав. *сабля*. Можно также иметь в виду народную этимологию, связавшую в некоторых древних тюрк. языках араб. *saif* с основой *sar*, *sar-*, что могло отразиться и на прототипе слав. слова, но, судя по имеющимся источникам, не существует тюрк. слова, созданного на этой основе.

В соседствующих с Монголией тюрк. языках имеется казах. *seläbä* 'сабля, меч' (Радлов), кирг. *säläbä* (в эпосе, Юдахин), литер. тув. *sälämä* 'то же', с двумя синонимами *хулуш* (общетюрк. *quluš*) и *mäzi*. Формы *seläbä*, *sälämä* могут оцениваться как заимствование русск. *сабля* с последующей слоговой метатезой, если, конечно, в этих языках слова относительно недавнего происхождения. Однако этому противоречит их присутствие в эносе и характер устарелости в современном языковом употреблении. Более того, непосредственный источник этих слов находится в письм.-монг. *sälämä*, *sälmä* 'сабля, меч' > халх. *selem* 'то же' (Лессинг, Ковалевский). В монг. этот этимон изолирован и не имеет производных. Он известен также тунгусскому — маньч. *seleme* 'охотничий нож' (Габеленц 174) — и оказывается здесь производным по *men qualitativum* на *-ma/-mä* от *sêlê*, общетунг. слова со значением 'железо'. Для чжур., однако, Грубе приводит по данным «Цзинь-ши» форму *šjä-ljä* (= *sälä*, *sêlê* 'железо') в значении 'меч', как *pars pro toto*, ср. лат. *ferrum*; нигде больше в тунг. языках слово *sêlê* не значит 'меч' (Василевич, Цинциус 321, Широкого-ров). В прилегающих к маньч. и монгольскому эвенкийских диалектах Широкого-ров указывает *sêlêmä* (у мергенов и у бирарченгов), *sêlimêl* (нерчинский говор) 'небольшой меч, сабля, меч с широким лезвием'. Древний семито-хамитский этимон проник в алтайские языки, несомненно, довольно рано, но не получил широкого распространения в других алтайских семьях; тюркские языки утратили его еще до того, как он передавался дальше на восток. Монг. язык сохранил его в качестве изолированной формы, а в тунг. оно немедленно и прочно объединилось с «природным», т. е. в этом случае уже существующим общим словом *sälä*, *sêlê* 'железо'. Трудно сказать, было ли монг. *sälämä* заимствовано из тунг. или же маньч. *seleme* из монг., но этот вопрос несуществен, поскольку этимон пришел с запада уже задолго до того. Судя по восприятию исконного семито-хамитского этимона в тунг. *sêlê*, *sêlê-mê*, пожалуй, можно именно монг. слово расценить как заимствование из тунгусского. Р. А. Миллер полагает,³¹ что монг. *seleme* и маньч. *selemu* в древности были заимствованы в др.-яп. **söröfi* и что в результате смешения с двумя собственными этимонами **söröfi* 'устройство, прибор' и **jösöfofi* 'наряд, одежда, экипировка' дало **jöröfi* 'оружие, латы, панцирь'. Воз-

³¹ Miller R. A. The Japanese Language. Chicago, 1968, p. 78.

можно, что из этого ряда не следует исключать фин. *säilä* 'меч', хотя, как любезно сообщил мне проф. П. Аальто в письме от 5 сент. 1969 г., в этом значении оно встречается на очень ограниченной территории, а в живых диалектах значит 'щепка' и относится к тому же кругу, что *säle, säliä* 'то же'; значит, и здесь древнее заимствованное слово скрестилось с исконно финским этимолоном.

САНИ (сани, им. п., мн. ч., основа на *-i, *pluralia tantum*, возможно по происхождению двойств. ч.), слово известно др.-русск. и цсл. языкам, является общеславянским. См.: Микл. Лекс., Фасмер, Чижевская. Некоторые расценивают общеслав. этимон как заимствование из уральских языков, что позволяет включить слово в настоящее рассмотрение. Однако Фасмер отрицает заимствование слова и в этом, видимо, прав. Как показано в моей статье,³² существовал древний единый северо-ностратический термин, отражением которого являются родственные формы слав. *сани*, урал., саам. *šyenne*, манс. *šun, sun*, тюрк., монг. *šana*.

ТИСОБЫИ, прил. (*тисовѣ*, местн. п., ед. ч., прил. качеств., краткая форма), «сделанный из тиса, то есть *πέβκη, pinus*», собират. *тисіе* «*πεβκη, хѣдро, terebinthus*», ср. Микл. Лекс., Срезневский, Фасмер приводит *тис, тиса*, Чижевская. Семантика этого этимона обнаруживает неустойчивость даже внутри слав. языков. Значение 'тис' отмечено лишь в современных слав. языках, тогда как для др.-русск. и цсл. Фасмер в согласии со Срезневым дает значение 'кедр, сосна', далее он приводит болг. *тис*, сербохорв. *тис* 'тис, лиственница', словен. *tis* (м. р.), *tisa* (ж. р.) 'тис', чеш., слвц. *tis* 'то же', польск. *cis*, в.-луж. *čis*, н.-луж. *šis* 'тис, можжевеловый'. От славян слово было заимствовано в рум. *tişă*, алб. *tis*.

Среди и.-е. материала следующие слова как будто родственны слав. этимону: лат. *taxus* 'тис', греч. *τόξον* 'лук (оружие)', мн. ч. 'стрелы', санскр. *takṣaka-* 'название какого-то дерева'. В связи с расхождением в огласовке корня Фасмер выражает сомнение в существовании родства у формы *тис* с лат. и греч. и склоняется к тому, чтобы допустить «заимствование из неизвестного языка». Если с точки зрения семантики родство формы *τόξον* с *taxus* и *takṣaka-* сомнительно (ср., напр., Бузак 975), два другие слова — очевидные родственники и, более того, находятся в родстве с урало-алтайским этимолоном. Ср. в уральских языках: удм. *susy-pu* 'можжевеловый' (*pu* 'дерево'), коми *sus-pu* 'сибирский кедр', манс. *tyt, tēt*, хант. *jygəl, lygəl*, южн. *tegət*, ненец. юрак. *tydē*, ненец. лесн. *tytyn, tyty(j)*, селькуп. *tyty*, камас. (производное) *tēden*

³² Menges K. H. On the Etymology of Slavic *sani*, Uralic **šona*, Altaic *šana* 'Sledge'. — *Orientalia Suecana*, 18, 1969, p. 153—162.

‘то же’.³³ Другие формы и варианты, в особенности из селькупских диалектов, см. у Кастрена.³⁴ Б. Коллиндер реконструировал протоурал. форму этимона *sêksz; в угорских и самодийских языках на месте урал. *s- закономерно выступает t-, особое развитие имело и промежуточное -ks-.³⁵ В алтайских языках имеются следующие формы: общетюрк. tyt, як. tît, в Сибири отмечены, кроме tyt, согласно Кастрену, в койб., карагас. töt, в карагас. также döt < пратюрк. *týt ‘лиственница’. В тунгусских языках имеется эвенк. takty-kān (уменьш.) ‘сибирский кедр’, маньч. takta-mō ‘красная сосна’ (Хауер, мо ‘дерево’). Монг. эквивалент не обнаружен. Протоалтайскую форму можно предполагать в виде *taqty / *tyqty / *tikti, древняя внутренняя группа согласных -qt-/-kt- редуцируется в тюркских языках в -t-.³⁶

Урал. *sêksz и алт. *tyqty / *tagty и т. д. — генетически соотносимые родственные формы, причем одна из них развилась под действием дистактной ассимиляции из более раннего протоурало-алт. **taqsa / **taqsy / **tyqsa / **tyqzy / **tiksi и т. д. с известными колебаниями корневого гласного, точно так как это наблюдается в и.-е. эквиваленте *taks-/*tik-.³⁷ Принимая во внимание это древнейшее родство, термин можно рассматривать как древний северо-постратический этимон, обозначающий определенный вид хвойного дерева вроде лиственницы и тиса, а в некоторых местах можжевельника. Следовательно он будет принадлежать к тому же древнему историческому пласту, что и *сани*.

ТАГІ ‘печаль, скорбь, досада’. Ср. Срезневский; Микл. Лекс. цсл. *тжга* «θλιμός afflictio». В корне также чередуется гласный е: tēg-nq-ti и т. д. Слово имеет целый ряд параллелей в и.-е. языках и поразительное соответствие в тюрк.: Камг. tuḡa ‘тоска, меланхолия’, др.-уйг. toḡa (можно читать tuḡa) ‘болезнь, тошнота’ (ДТС 571, 584). Слово отсутствует у Радлова, у Рясянена остается без этимологии. Является ли оно слав. заимствованием в тюркских языках? Или же это результат древних родственных связей?

ТАРЬ ‘бык, буйвол’. Ср. Срезневский, Микл. Лекс., Фасмер, Чижевская. Употребляется как устойчивый эпитет героя — *буй туръ Всеволодъ*. Как и многие названия домашних животных, это слово оказывается общим для целого ряда языков. Это

³³ Ср.: Collinder B. 1) Comparative Grammar of the Uralic languages. Stockholm, 1960, p. 100; 2) Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala, 1955, p. 58.

³⁴ Castrén A. Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen. St.-Ph., 1855, S. 211 (см. Ceder).

³⁵ См.: Collinder B. Comparative Grammar, § 57, 157, p. 409.

³⁶ См.: Poppe N. N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, I. Wiesbaden, 1960, § 67.

³⁷ См.: Menges K. H. On the Etymology of Slavic *tisa*, *tisъ*... «pinus, terebinthus; taxus». — Orbis 19, 1970, 520—525.

не восточное заимствование,³⁸ и, как правильно указал Фасмер, оно генетически связано с такими и.-е. словами, как лит. *taĩgas* 'буйвол, тур', греч. *ταῦρος*, лат. *taurus*, и со словами, имеющими «префикс» s-: авест. *staβra-* (м. р.) 'крупный скот', готск. *stiur*, англ. *steer*, нем. *Stier* и т. д. Оно находится в родстве с общесемит. **ṣaṣr* 'бык', как это в евр. *שׁוֹר* *šōr*, араб. *ثور* *ṭaur* (откуда тур. иноязычное слово *sevr*, *sevir* 'бык', употребляемое лишь как астрономический термин или в поэзии, см. Редхауз). А. Шотт выводит протоиндоевропейско-семитскую основу ***ṛ-d-g-*.³⁹ А. Вальде и Гофмани, конечно, по ошибке выводят протосемит. **!auḡu*, рассматривая его как заимствование из и.-е.⁴⁰ Бузак склонен рассматривать и.-е. слово как заимствование из семит. или же и семит., и и.-е. формы выводить из третьего (неизвестного) языка-источника. Вальде и Гофмани указывают этрус. *ṛevḡu-*. В качестве индоевропейско-семитского заимствования слово проникло в алтайские языки. Ср. в тюркских — тур. *tur* 'маленький бык, козел' (Радлов), 'юноша, храбрый юноша' (в говоре Доманича, вил. Кютахия — DD 1398), чаг. *tor* (можно читать *tur*) 'козел', перс. *gusāla* (Радлов), тогда как тур. *tor* 'дикий, неприрученный, нетронутый, неопытный', не засвидетельствованное, как кажется, вплоть до Караджы-оглана (XVII в.) (TS 1, 695), и его производные *toraman* и *tortman* 'молодой, дикий, жирный, обильный', *tor taj* 'дикий неприрученный жеребенок' (Редхауз, встречается во всех тур. диалектах, см. DD 1343 и сл. — пагинация неправильная: должно быть 1383!) должны рассматриваться совершенно отдельно. Далее сюда же относится казах. *toḡaj* 'молодой кабан' (Радлов). Опосредованная связь имеется с этой группой слов у сибирских тюрк. слов — алтайск., тел., леб. *ṣar*, шор., кач. *ṣar* 'вол', матур. *ṣar* 'молодой медведь, детеныш' (Радлов), последнее в качестве слова-табу заимствовано из алтайск., тел., леб. *ṣar* 'молодой вол', а эта последняя в свою очередь была, вероятно, заимствована из др.-ир. *staβra-* или родственной или более поздней формы с *st-*. Ср. также эвенк. *ṣar* 'вол' (Титов, Василевич; Широкогоров приводит *ṣar*, *car*; заимствование из монг.), бур. *ṣar*, *ṣar* (Селенга) 'то же' (Кастрен).

ХЪРСЪ. Имя солнечного божества (Фасмер, Чижевская). Р. О. Якобсон (*Geste* 355 и сл.) рассматривает в связи с иранским влиянием на древневосточнославянскую религию и убедительно связывает с авест. *hvarə-xšaēta-*.

Абаев (ОЯФ I, 595 и сл.) думает, что производство С. П. Обнорским русск. *хороший* из *Хърсѣ*, а этой формы из осет. ирон. *horz*,

³⁸ См.: Menges K. H. *Etymological Notes...* — *Oriens* 9, 1956, 94.

³⁹ Schott A. *Indogermanisch—Semitisch—Sumerisch.* — In: *Germanen und Indogermanen (Hirt-Festschrift)*, 1936, S. 79, примеч. 167a.

⁴⁰ Walde A. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch.* 3. Aufl. von Hofmann J. B. 2. Bd, 2, Heidelberg, 1954, S. 651.

дигор. *xvarz* 'хороший' (Обнорский не первый предложил выводить *хороший* от осет. *xorɣ*, см. у Фасмера), причем последняя рассматривается как эпоним божества, может быть поддержано так же параллелями, которые он приводит из осет. дигор. *Xvarz Nikkola* — обычный эпитет св. Николая и из сван. *žgəgāg* — имя св. Георгия, наиболее популярного святого на всем христианском Кавказе; его он убедительно объясняет из мегрел. **žgəga-Gege* 'добрый Георгий' < *žgəga*, *žgiri*, *žgəgi* 'добрый'⁴¹ с прибавлением сильно стяженной формы *Gege*, вариантом которой будет *žege*, *žerge* < Γεώργιος. Если Фасмер (см. *хороший*, *Хорс*) отвергает производство *Хорс* от осет. *xorɣ*, *xvarz* по фонологическим причинам, то производство *Хърсѣ* от ир. авест. *hvarə-xšaēta-* и т. п. должно получить поддержку, в частности, по соображениям семантики, поскольку *Хърсѣ* является именем «солнечного бога». Но ни одна из древне- или среднеиранских форм, известных как в восточной (северной), так и в западной (южной) иранских группах, не была непосредственным образцом древневосточнославянского слова.

⁴¹ В. Эркерт приводит мегрел. *zgiro* 'здоровый' (E r s k e r t V. Die Sprachen des Kaukasischen Stammes. Wien, 1895, S. 165).

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ
ОСНОВНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ОРИЕНТАЛИЗМОВ
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Составили И. Г. Добродомов, Г. Я. Романова

Абаев В. И., Баскаков Н. А., Бертагаев Т. А., Бокарев Е. А., Добродомов И. Г., Лыткин В. И., Ожегов С. И., Ижакевич Г. П. Развитие и обогащение русского языка за счет заимствований из языков народов СССР. — В кн.: Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969, с. 49—63.

Абаев В. И. Из истории слов. I. — ВЯ, 1958, № 1, с. 117—121. [*абрек, слам*].*

Абаев В. И. Из истории слов. Древнерусское *кърчий* 'кузнец' и топоним *Керчь*. — ВЯ, 1959, № 1, с. 96—99.

Абаев В. И. Из истории слов. К скифо-европейским лексическим связям. — В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, с. 246. [*варзатъ*].

Абаев В. И. Из истории слов. Русское *гривенка*, персидское *gīrvānka*. — ВЯ, 1958, № 4, с. 96—98.

Абаев В. И. Несколько замечаний к славянским этимологиям. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. И. Борковского. М., 1971, с. 11—15.

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л., 1949 [рассматриваются связи русского языка с восточными языками].

Абаев В. И. Русское (диал.) *аланец* 'непоседа'. — В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, с. 244—245.

Абаев В. И. Русское и украинское *лудан*. — В кн.: Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963, с. 116—119.

Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Абдулманова А. К. Военная и иноязычная лексика исторической повести «Казанский летописец». — Учен. зап. Бийск. пед. ин-та, 1958, вып. 2, с. 313—328.

Алфавитный указатель некоторых слов (арабских, татарских, армянских, грузинских и др.), встречающихся в этнографическом и историческом материале II отдела. — В кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 9. Тифлис, 1890, с. 211—224.

Алхазраджи С. А. Арабизмы в русском языке. — Народы Азии и Африки, 1977, № 1, с. 151—158.

* В квадратных скобках указываются рассматриваемые в данной работе слова или отдельные проблемы связей восточных языков и славянских.

Амиров Г. С. Тюркские лексические элементы в произведениях С. Т. Аксакова. — ТВСЯ, с. 160—179.

Амиров Г. С. Тюркизмы в языке русских писателей. — В кн.: Рус. языкознание. Вып. 2. Алма-Ата, 1973, с. 22—31.

Андреева Ф. Т. Лексическая синонимия говора села Таштып Таштыпского района Хакасской автономной области. АКД. Новосибирск, 1970.

(Андреева Ф. Т. Тюркские заимствования в русском говоре Таштыпского района Хакасии. — Учен. зап. Казанск. НИИ языка, лит-ры, истории. Сер. филол., № 2, 1973, вып. 18, с. 43—51.

Антонович А. К. Восточные слова в так называемых китабах. — ТЛЭ, с. 3—5.

Антонович А. К. До питання про татаризми, що увійшли до білоруської мови з татарсько-мусульманських пам'яток. — А. Ю. Кримський, с. 148—149.

Апажеев М. Л., Текуев М. М. К проблеме исследования тюркского вклада в русский язык. — В кн.: Сборник науч. работ аспирантов Кабард.-Балкар. ун-та. Вып. 2. Нальчик, 1968, с. 239—253. [1. Семантическая классификация тюрк. заимствований; 2. Некоторые вопросы их ассимиляции].

Аракин В. Д. Тюркские лексические элементы в русских былинах. — ТЛЭ, с. 5.

Аракин В. Д. Тюркські лексичні елементи в давньоруських повістях і сказаннях. — А. Ю. Кримський, с. 143—148.

Аракин В. Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода. — ТВСЯ, с. 112—148.

Аракин В. Д. Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII—XV вв. — Сов. тюркология, 1973, № 3, с. 28—37.

Арендт В. В. К вопросу о *мечах харалужных* «Слова о полку Игореве». — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 335—343. [*харалужный*].

Асланов Г. Н. Заимствования из азербайджанского и армянского языков в говоре села Русские Борисы Шаумяновского района Азерб. ССР. — Учен. зап. Азерб. пед. ин-та языков. Сер. филол., 1963, вып. 3 (Рус. и з.-европ. языкознание и литературоведение), с. 53—73.

Асланов Г. Н. Заимствования из азербайджанского языка в русском островном говоре. АКД. Баку, 1967.

Асланов Г. Н. Лексические заимствования из азербайджанского языка, связанные с названием одежды, в русских говорах на территории Азербайджанской ССР. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 128—142 [*архалук, башлык, папак, чадра, чуха*].

Асланов Г. Н. Тюркизмы в первых академичних словниках російської мови. — А. Ю. Кримський, с. 151—155.

Асланов Г. Н. Тюркская лексика, связанная с наименованием лиц в говорах русских поселенцев в Азербайджане. — ТВСЯ, с. 213—229.

Ахметьянов Р. Г. О некоторых тюркских заимствованиях в русском языке. — В кн.: Взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969, с. 228—231. [*барабан, товар, серьги, батрак, каблук* и др.].

Ахметьянов Р. Г. Принципы этимологических исследований в области татарской лексики. — Учен. зап. Казанск. пед. ин-та, 1970, вып. 74 (Вопросы тюркологии), с. 93—101.

Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968. [с. 347—360, обстоятельная библиография].

Ашмарин Н. И. Болгары и чуваш. — Изв. О-ва археологии, истории и этнографии, т. 18, вып. 1. Казань, 1902 [с. 112—114, слова чувашского языка, сходные со славянскими].

Аюпова Л. Л. Из истории изучения тюркских заимствований в русском языке. — В кн.: Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1975, с. 191—207.

А ю п о в а Л. Л. Из тюркских лексических заимствований в русских говорах Башкирии. — В кн.: Исследования по семантике. Межвузовский науч. сб. Вып. 1. Уфа. 1975, с. 144—150.

А ю п о в а Л. Л. Лексические тюркизмы в русских говорах Башкирии (на материале Диалектологического атласа русского языка). — В кн.: Сопоставление по вопросам диалектологии и истории языка. Тез. докл. и сообщ. М., 1971, с. 9—12.

А ю п о в а Л. Л. Особенности развития лексики русских говоров БАССР в условиях межязыкового общения. — В кн.: Лингвогеография, диалектология и история языка. Кипинев, 1973, с. 246—248.

А ю п о в а Л. Л. Тюркские лексические заимствования в русских говорах Башкирии (опыт социолингвистического исследования). АКД. М., 1975.

Б а б а е в К. Р. К истории изучения лексических заимствований тюркского происхождения в русском языке. — Учен. зап. Горьковск. ун-та, Сер. лингв., 1970, вып. 114, с. 3—16.

Б а б а е в К. Р. Семантические изменения тюркизмов при их заимствовании. — Сов. тюркология, 1972, № 2, с. 47—53.

Б а б а е в К. Р. Семантичні зміни тюркізмів при їх запозиченні російською мовою. — А. Ю. Крымский, с. 170—173.

Б а б а е в К. Р. Тюркизмы в лексико-семантической системе современного русского литературного языка. АКД. Горький, 1974.

Б а б а е в К. Р. Тюркизмы как один из источников русской научной терминологии. — В кн.: Лексика. Терминология. Стили. Межвузовский сборник. Вып. 1. Горький, 1973, с. 81—91.

Б а й к о в а Н. Б. О некоторых взаимоотношениях в сфере русской и среднеазиатской торговой терминологии. — Общественные науки в Узбекистане, 1963, № 3, с. 45—48. [лексические параллели: русск. *юфть* — тадж. *джуфт*; русск. *гривна* — тадж. *гирванка*; русск. *рубль* — узб. *сом*].

Б а н з а р о в Д. О восточных названиях некоторых старинных русских вооружений. — Зап. СПб. археол.-нумизм. о-ва, 1850, т. 2, вып. 5—8, с. 352—358. [Перепечатано в кн.: Б а н з а р о в Д. Собрание сочинений. М., 1955, с. 161—166] [*бахтерец, куяк, тегилляй, джид, сайдак, тохтуй* и др.].

Б а н з а р о в Д. Пайзе или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов. — Зап. СПб. археол.-нумизм. о-ва, 1850, т. 2, вып. 5—8, с. 72—97 [Перепечатано в кн.: Б а н з а р о в Д. Черная вера или шаманство у монголов. СПб., 1891, с. 47—64; Б а н з а р о в Д. Собрание сочинений. М., 1955, с. 140—160].

Б а р а ш к о в И. И. О взаимоотношении языков русских старожилов и якутов. — Соц. строительство. Якутск, 1941, № 6, с. 36—42.

4. Б а р а ш к о в И. И. О якутских географических терминах русских карт. — Там же, № 4, с. 65—70.

Б а с к а к о в Н. А., Б о л д и р е в Р. В., Д о б р о д о м о в И. Г., С у п р у н А. Е. Інструкція для укладання історико-етимологічних словників тюркізмів східнослов'янських мов. — А. Ю. Крымский, с. 116—136.

Б а с к а к о в Н. А., Д о б р о д о м о в И. Г., С у п р у н А. Е. Проблематика словарей тюркизмов восточно- и западнославянских языков. — ТЛЭ, с. 6.

Б а с к а к о в Н. А. К вопросу о происхождении этнонима «кыргызы». — Сов. этнография, 1964, № 2, с. 92—93.

Б а с к а к о в Н. А. К этимологии половецких собственных имен в «Слове о полку Игореве» (*Шарокань, Кончак, Газь, Кобак, Овлур*). — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. И. Борковского. М., 1971, с. 38—45.

Б а с к а к о в Н. А. О происхождении слова *колчан*. — Рус. речь, 1974, № 4, с. 119—120.

Б а с к а к о в Н. А. Половецкие отблески в «Слове о полку Игореве». — УАЖ. 48, 1976, с. 17—31.

Б а с к а к о в Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. [Серия статей, опубликованных в кн.:] 1) Ономастика. М., 1969, с. 5—26; 2) ИСЛЯ.

1969, т. 28, № 4, с. 356—364; 3) Ономастика Поволжья. Матер. первой конф. по ономастике. Ульяновск, 1969, с. 28—33; 4) Сов. этнография, 1969, № 4, с. 14—27; 5) Антропонимика. М., 1970, с. 98—103; 6) Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 176—209; 7) Этнография имен. М., 1973, с. 93—99; 8) Рус. речь, 1970, № 6, с. 85—90; 9) Ономастика Поволжья, 3. Уфа, 1973, с. 145—151; 10) Рус. языкознание, 3. Алма-Ата, 1975, с. 104—114; 11) ТВСЯ, с. 238—285.

Баскаков Н. А. Тюркизмы — социальная терминология в «Слове о полку Игореве». — В кн.: *Turcologica*. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 225—234. [жоган, быля, боярин, салтан, чага, кощей, котора, кур].

Бахмутова Е. К. Иранские элементы в деловом языке Московского государства. — Учен. зап. Казанск. пед. ин-та, 1940, вып. 3, с. 40—71.

Бахтияев Ш. З. К этимологии названия «Жигули» и некоторых терминов судоходства тюркоязычного происхождения. — Сов. тюркология, 1974, № 2, с. 62—65.

Беляев И. Д. О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках. — Архив ист.-юр. сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. М., 1850, кн. 1, отд. 1-е, с. 97—110.

Березин И. Н. [Заметка о слове *очаг*]. — Москвитянин, 1852, январь, № 2, кн. 2, отд. VII, смесь, с. 53.

Березин И. Н. Замечания о восточных словах в областном великорусском языке. — В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, [т. 1]. СПб., 1854, стб. 186—192, 323—332. [Первоначально напечатано в Прибавл. к ИОРЯС, т. 1, 1852, стб. 186—192; т. 2, 1853, стб. 323—332].

Березин И. Н. [Рец. на кн.:] Игорь, князь Северский. Поэма. Пер. Николая Гербеля. — Москвитянин, 1854, ноябрь, № 22, кн. 2, отд. IV, с. 68—71.

Березин И. Н. Несколько замечаний об определении иностранных слов в русском языке. — Москвитянин, 1852, август, № 15, кн. 1, отд. III, с. 106—109.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. [о тюркизмах с. 78, 101].

Бигаев Р. И. Восточная лексика в русской художественной литературе. — Звезда Востока. Ташкент, 1948, № 7, с. 88—97.

Бигаев Р. И. Восточные лексические заимствования в языке Пушкина, Лермонтова и Л. Толстого. — Учен. зап. Ташкент. пед. и учит. ин-та, 1947, вып. 1, с. 69—80.

Бигаев Р. И. Некоторые приемы введения заимствованных слов в язык художественного произведения. — Учен. зап. Ташкент. вечерн. пед. ин-та, 1959, вып. 1, с. 17—28.

Бірыла М. В. Цюркізмы у сучасных беларускіх прозвішчах. — ТЛЭ, с. 7—9.

Благова Г. Ф. Историко-этимологические заметки о словах *басурман* — *мусульманин* и *магометанин* — *мухаммеданин* (*мохаммеданин*). — В кн.: Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969, с. 312—337.

Благова Г. Ф. Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах*. — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 143—159.

Благова Г. Ф. Опыт ареального изучения тюркизмов (*орду/орда*, *сарай*, *кёшк/киоск* в тюркских языках, в русском, украинском). — Сов. тюркология, 1975, № 4, с. 37—45.

Благова Г. Ф. О русском наименовании тюрков и тюркских языков (Композиты и становление тюркской этнонимно-лингвистической терминологии в русском языке). — Сов. тюркология, 1973, № 4, с. 11—23.

Благова Г. Ф. Розпад лексичного мікрополя внаслідок неодночасного запозичення (*орду/орда*, *сарай*, *кёшк/киоск* у тюркських мовах, в російській та українській). — А. Ю. Кримський, с. 166—169.

Благова Г. Ф. Топонимическое использование слов «сарай» и «орду»/«орда» (К вопросу о внедрении заимствования в топонимию). —

В кн.: Диалекты и топонимия Поволжья. (Матер. и сообщ.). Вып. 1. Чебоксары, 1972, с. 9—19.

Б л о м к в и с т Е. Э. К вопросу о двуязычии и тюркских заимствованиях в говоре «уральцев» Амударьинского оазиса. — В кн.: Из культурного наследия народов России. Л., 1972, с. 265—301. (Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. 28).

Б о б р о в н и к о в А. А. Областные великорусские слова, заимствованные от монголов и калмыков. — В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, [т. 1]. СПб., 1854, стб. 193—197. [первоначально напечатано в Прибавл. к ИОРЯС, т. 2, 1853, стб. 193—197].

Б о б р о в н и к о в А. А. О восточных подписях на русских актах. (Письмо к В. В. Вельяминову-Зернову). — Изв. Рус. археол. о-ва, 1861, т. 3, вып. 1, с. 19—23.

Б о г а т о в а Г. А. Золотая Орда. — Рус. речь, 1970, № 1, с. 70—77.

Б о г д а н о в В. Н. Алтайские элементы в лексике русского говора. (По материалу говора сел Талицкого сельсовета Усть-Канского района Горно-Алтайск. АО). — Зап. Горно-Алтайск. НИИ истории, языка и лит-ры, 1964, вып. 6, с. 113—124.

Б о г д а н о в В. Н. Лексика мараловодства как составная часть лексической системы местного говора (На материале говора сел Талицкого сельсовета Усть-Канского р-на Горно-Алтайск. АО). АКД. Горно-Алтайск, 1965.

Б о г о р о д и ц к и й В. А. Из области лингвистической археологии. Слово *хомут* в индоевропейских и урало-алтайских языках. — Изв. О-ва археол., истории и этнографии. Казань, 1893, т. 11, вып. 2, с. 139—146.

Б о г о р о д и ц к и й В. А. Общий курс русской грамматики. Изд. 3-е. Казань, 1911, с. 489—494; изд. 5-е. М.—Л., 1935, с. 351—354. [перечислены по памятникам древнейшие тюркизмы].

Б о г о р о д с к и й Б. Л. К истории судебных терминов *шайка* и *чайка*. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сб. статей, посвящ. памяти Б. А. Ларина. Л., 1969, с. 147—156.

Б о г о р о д с к и й Б. Л. Об одном мореходном термине из «Повести временных лет» (*лимень* — 'гавань'). — Учен. зап. ЛГПИ, 1958, т. 173, с. 149—167.

Б о г о р о д с к и й Б. Л. Об одном морском термине из «Хожения за три моря» Афанасия Никитина (*фурстовина* — 'бура'). — Учен. зап. ЛГПИ, 1957, т. 130, с. 149—173.

Б о г о р о д с к и й Б. Л. Об одном термине из «Слова о полку Игореве» (*насадъ* — *носадъ*). — Учен. зап. ЛГПИ, 1955, т. 104, с. 227—258.

Б о г о р о д с к и й Б. Л. Терминология моряков Средиземно-Черноморского бассейна. — Учен. зап. ЛГПИ. Кафедра рус. яз., 1948, т. 69, с. 97—157.

Б о л д и р е в Р. В. Деякі тюркські елементи українського словника. — В кн.: Беларуская лексікалогія і этымалогія (Праграма і тэзісы дакладаў міжрэспубліканскай канферэнцыі па беларускай лексікалогіі і этымалогіі, 19—23 лютага 1968 г.). Минск, 1968, с. 15—18.

Б о л д ы р е в Р. В. Некоторые вопросы историко-этимологического изучения тюркских лексических элементов украинского языка. — ТВСЯ, с. 44—61.

Б о н д а л е т о в В. Д. Тюркські елементи в складі аргю. — А. Ю. Крымский, с. 155—159.

Б о р о в к о в А. К. Опыт филологического анализа тарханских ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам. — ИСЛЯ, т. 25, вып. 1, 1966, с. 13—24.

Б о я р ш и н о в а З. Я. О происхождении и значении слова Сибирь. — Науч. доклады высшей школы. Ист. науки, 1959, № 3, с. 101—110.

Б у д а е в А. Ж. Скифо-балкарские лексические схождения. — Вестн. Кабард.-Балкар. НИИ. Нальчик, 1970, вып. 2, с. 173—176.

Б у д а е в А. Ж. Скифо-карачаево-балкарские лексические схождения. — В кн.: Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972, с. 127—134.

Булакаева-Баранникова А. А. Лексическое взаимодействие русского и татарского языков. — Учен. зап. Бурят-Монг. пед. ин-та, 1957, вып. 11, с. 167—183.

Булахов М. Г. Древнерусская письменность как источник изучения лексики тюркского происхождения. — ТЛЭ, с. 11—14.

Булахов М. Г. З історії семантичних змін тюркізмів у білоруській мові. — А. Ю. Кримський, с. 149—151.

Булыгин В. О происхождении наименования *боярин* или *болярин*. — ЖМНП, 1834, ч. 3, июль, с. 58—71 [Рец.: Венелин Ю. О слове *боярин*. — ЧОИДР, 31 мая 1847 г., 1847, № 1, отд. 1, с. 1—29].

Булыка А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972.

Булыка А. Н. Освоение старобелорусским языком тюркизмов на словообразовательном уровне. — ТВСЯ, с. 97—111.

Булыка А. М. Словаўтваральная здольнасць цюркізмаў у стара-беларускай мове. — ТЛЭ, с. 14—16.

Бурганова Л. С. О родовой адаптации тюркизмов в русском языке (на материале памятников русской деловой письменности XIV—XVII вв.). — В кн.: Гуманитарные науки и их закономерности. Ч. II. Казань, 1978, с. 9—15.

Буслав Ф. И. Иностранные слова в славянских наречиях. Die Fremdwörter in der slavischen Sprachen. Von Dr. Franz Ritter von Miklosich. Vorgelegt in der Sitzung der philosophisch—historischen Classe am 6. Juni 1866. Wien, 1867. (Отд. оттиск из ЖМНП, 1867, ч. 135, август, отд. II, с. 540—560). [с. 19—20, о тюркском, по терминологии автора — монгольском, вкладе].

Бутенко Н. П. Тюркские географические термины в составе топонимов. — ТЛЭ, с. 16—17.

Бутков П. Г. О имени *козак*. — Вестн. Европы, 1822, декабрь, № 23, с. 182—204.

Вакуров В. Н. Из прошлого русской терминологии (на материале деловых памятников XIV—XVI вв.). — В кн.: Очерки по стилистике русского языка. М., 1959, с. 127—152. [*булатник* (с. 140), *топор* (с. 142—143), *кирпич* (с. 145—146), *векша* (с. 146—147), *чеботник* (с. 150), *сапожник* (с. 149—150)].

Ванюшечкин В. Т. Историко-этимологические заметки (о происхождении слова *ковыль* в русском языке и о топониме *Ветчань*). — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 8. М., 1976, с. 49—54.

Ванюшечкин В. Т. Ковыль. — Рус. речь, 1971, № 2, с. 132—135.

Вельтман А. Ф. Несколько этимологических наведений. — ЖМНП, 1840, ч. 26, май, отд. 7, с. 16—28. [*болярин*].

Венелин Ю. О слове *боярин*. — ЧОИДР, год третий, 1847, № 1, с. 1—29.

Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. Под ред. Н. А. Баскакова и др. М., 1969.

Виноградов В. В. Великий русский язык. М., 1945. [о тюркизмах с. 83, 115—117].

Вольскі В. Ф. Цюрска-татарскія элементы у беларускай мове. — Узвышша. Мінск, 1929, № 6, с. 112—115.

Гаврилова Т. П. Набат. — Рус. речь, 1970, № 4, с. 84—86.

Галиуллин К. Р. Из материалов для историко-этимологического словаря тюркизмов. — В кн.: Гуманитарные науки и их закономерности. Ч. II. Казань, 1978, с. 24—28.

Галиуллин К. Р. Тюркские лексические элементы в этимологических словарях русского языка (тюркологическая и историко-хронологическая часть словарных статей). — Учен. зап. Казанск. пед. ин-та, 1976, вып. 161 (Вопросы теории и методики изучения русского языка), с. 210—215.

Гальченко И. Е. Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975.

Гальченко И. Е. Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1976.

Г а р и б я н Д. А. Несколько лексических уточнений. — Изв. АН АрмССР. Обществ. науки, 1956, № 11, с. 97—101. [*ахреян (ахреян), тюфак, дуген, зипун, юрта* в Азовских повестях XVII в.].

Г а р и п о в Т. М. Взаимодействие языков и башкирский язык. — В кн.: Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969, с. 152—156.

Г е б г а р т д т И. Алмаз. — Сев. пчела, 1839, № 14, с. 55—56.

Г и у н а ш в и л и Дж. Ш. О происхождении слова *стакан*. — В кн.: Иранское языкознание. История, этимология, типология. (К 75-летию проф. В. И. Абаева). М., 1976, с. 186—189.

Г л а г о л е в А. Красивая Мечь. (Из памятных записок 1823 г.). — ЖМВД, 1835, ч. 15, кн. 2, с. 308—316. [*журган*].

Г о р д е е в Ф. И. К истории этнонима черемис. — Тр. Марийск. НИИ языка, лит-ры и истории. Йошкар-Ола, 1964, вып. 18 (Вопросы диалектологии и истории марийского языка), с. 207—213.

Г о р д л е в с к и й В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — ИОЛН, т. 6, вып. 4, 1947, с. 317—337.

Г о р н а я П. Г. Изучение заимствованных слов в отечественном языкознании XX в. — Учен. зап. Вятницк. пед. ин-та, 1962, т. 20, с. 70—79. [частично учтены работы по тюркизмам].

Г о р я е в Н. В. К сравнительному этимологическому словарю русского языка (издания 1896 г.). Дополнения и поправки. Тифлис, 1901.

Г о р я е в Н. В. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. Тифлис, 1892.

Г о р я е в Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

Г о р я е в Н. В. Этимологические объяснения наиболее трудных и загадочных слов в русском языке. К сравнительному и этимологическому словарю русского языка. Тифлис, 1896 г. Новые дополнения и поправки. Тифлис, 1905.

Г о т ь е Ю. В. Ясы-Аланы в ранней русской истории. — Изв. Таврич. о-ва истории, археол. и этнографии (бывш. Таврич. учен. архивн. комиссии), т. 1 (58-й). Симферополь, 1927, с. 46—47.

Г р и г о р ь е в В. В. Областные великорусские слова восточного происхождения. Замечания к «Опыту областного великорусского словаря». — В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. Т. 1. СПб., 1854, с. 14—21. [первоначально напечатано в Прибавлениях к ИОРЯС, т. 1, 1852].

Г р и н к о в а Н. П. Областные слова в словарном составе современного русского языка. — Учен. зап. ЛГПИ, 1955, т. 111, с. 118—120. [*кош — корзина*].

Г. Ф. К. О слободских полках. — Современник, 1840, т. 17, с. 61—104 (разд. паг. второй нумерации). [с. 69: мнение о происхождении и первоначальном значении слова *казак*].

Д а л г а т У. Б. Элементы дагестанской народной лексики и фразеологии в языке повести Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат» (в различных ее редакциях). — В кн.: Лев Николаевич Толстой. М., 1955, с. 166—187.

Д а н и л о в В. В. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и статей. М.—Л., 1950, с. 204—208 [*жовылие*, с. 204—205].

Д а ш к е в и ч Н. П. Болоховская земля и ее значение в русской истории. — Тр. III Археол. съезда, 1874. Т. 2. Киев, 1878, с. 69—129. [*жозак, отоман*, с. 110, 114].

Д ж а ф а р о в Г. Заметки по этимологии слова *харалуг*. — Изв. АН АзССР. Сер. лит-ры, языка и искусства, 1966, № 1, с. 84—92.

Д. З. Исторические справки. — Вестн. Европы, 1825, июнь, № 11, с. 187—217. [*денъги, алтын*].

Д л о ж е в с к и й С. С. Вопрос о происхождении слова *шапка*. — Зап. Одесск. о-ва естествоиспытателей, 1928, т. 44, с. 281—287.

Дмитриев Л. А. Глагол «каяти» и река *Каяла* в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 9, 1953, с. 30—38.

Дмитриев Н. К. Мектебэ и медресэ. — В кн.: Очерки по методике преподавания русского и родных языков в национальной школе. М., 1954, с. 3—6.

Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря. — Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958, с. 3—47. [перепечатано в кн.: Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 503—569].

Дмитриев Н. К. Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича. — ДАН СССР. Сер. В, 1926, янв.-февр., с. 13—16.

Дмитриев Н. К. Турецкие элементы в русских аргю. — Язык и литература (НИИ речевой культуры), 1931, т. 7, с. 159—174. [перепечатано в кн.: Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 483—502].

Дмитриев Н. К. Ударение в русских словах тюркского происхождения. — В кн.: Сборник статей по языкознанию памяти заслуж. деятеля науки проф. М. В. Сергиевского. М., 1961, с. 96—104.

Добродомов И. Г. Атаман и гетман. — Рус. речь, 1972, № 5, с. 110—114.

Добродомов И. Г. Бродячие слова. — Рус. речь, 1971, № 1, с. 129—137.

Добродомов И. Г. Булгарский характер древнейшего тюркского вклада в славянскую лексику. — В кн.: Тыпалогія славянскіх моў і ўзаемадзеянне славянскіх літаратур. Тэзісы дакладаў III Рэспубліканскай канферэнцыі 2—3 снежня 1977 г. Мінск, 1977, с. 134—135.

Добродомов И. Г. Веселая этимология. Таракан в этимологическом аспекте. — Рус. речь, 1970, с. 96—100.

Добродомов И. Г. Вопросы хронологии тюркских заимствований в славянских языках. — Сов. тюркология, 1976, № 6, с. 24—37.

Добродомов И. Г. Географический аспект в изучении тюркизмов славянских языков. — В кн.: Сопещение по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тез. докл. и сообщ. (Нальчик, 21—24 сентября 1977 г.). М., 1977, с. 23—25.

Добродомов И. Г. Два булгаризма в древнерусской этнонимии. — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 160—164.

Добродомов И. Г. Два гапакса из «Лексикона вокабулам новым» (*Шомуралук, балахай*). — Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1969, вып. 39 (филология), с. 234—235.

Добродомов И. Г. Два чебота — пара. — РЯШ, 1968, № 4, с. 39.

Добродомов И. Г. Две венгерские этимологии. — Сов. финно-угроведение, 1974, 10, № 1, с. 41—44.

Добродомов И. Г. Дрофа — дудак. Этимологические заметки. — Рус. речь, 1968, № 4, с. 100—104.

Добродомов И. Г. Еще раз о *казначее*, а также о *трубачее*. — Рус. речь, 1967, № 5, с. 116—117.

Добродомов И. Г. Загадочная параллель: *бур* (*бор*) орхонских рунических надписей и *боръ* ~ (<**бъръ*) «Повести временных лет». — В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 241—246.

Добродомов И. Г. Из булгарского вклада в славянских языках. I. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 252—270. [*бамог*].

Добродомов И. Г. Из булгарского вклада в славянских языках, II. — В кн.: Этимология. 1968. М., 1971, с. 189—196.

Добродомов И. Г. Из булгарского вклада в славянских языках, III. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 103—115.

Добродомов И. Г. Из булгарского вклада в славянскую антропонимию (к этимологии имени *Борисъ*). — В кн.: Антропонимика. М., 1970, с. 229—236.

Добродомов И. Г. Из древнерусской этнонимии. Древнерусское *Сорочиниѣ* и греческое *Σαραχινός*. — Сов. этнография, 1966, № 3, с. 122—128.

Добродомов И. Г. Из истории восточноевропейских культурных терминов (*яндова, чомровое платье*). — В кн.: Вопросы русской и чувашской филологии. Вып. 1. Чебоксары, 1971, с. 156—171.

Добродомов И. Г. Из половецкой ономастики. Тазъ Бонякъ. — ИСЛЯ, 1964, т. 23, вып. 3, с. 256—258.

Добродомов И. Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). АКД. М., 1966.

Добродомов И. Г. К вопросу о болгарских элементах в белорусском языке. — В кн.: Проблемы беларускай філалогіі. Тэзісы дакладаў рэспубліканскай канферэнцыі прысвечанай 50-годдзю БССРі КНБ. Мінск, 1968, с. 37—40.

Добродомов И. Г. К вопросу о венгерском *sz-*, соответствующем тюркскому *j-*, в старых болгаризмах. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 112—125. [*сыворотка*].

Добродомов И. Г. К истории культурных терминов тюркского происхождения. — Сов. тюркология, 1970, № 3, с. 67—70. [*жилет*].

Добродомов И. Г. К историографии изучения тюркизмов в русском языке. — Сов. тюркология, 1974, № 5, с. 72—75.

Добродомов И. Г. Книга. — Рус. речь, 1971, № 5, с. 83—91.

Добродомов И. Г. К ареальному изучению цветообозначений. — В кн.: Русский язык в Среднем Поволжье. Сб. статей. Вып. 2, Чебоксары, 1977, с. 30—34.

Добродомов И. Г. Колчан. — Рус. речь, 1974, № 4, с. 115—119.

Добродомов И. Г. К периодизации болгаро-чувашского вокализма (о хронологии *уканья—оканья*). — Тез. докл. и сообщ. совещания по вопросам диалектологии и истории языка. (Кишинев, 10—12 ноября 1971 г.). М., 1971, с. 59—62.

Добродомов И. Г. К этимологии русского слова *верига*. — В кн.: Вопросы филологии. К 70-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности проф. А. Н. Стеценко. М., 1974, с. 55—58.

Добродомов И. Г. К этимологии слова *вор*. — В кн.: Диалекты и топонимия Поволжья. Вып. 2. Чебоксары, 1973, с. 75—86.

Добродомов И. Г. К этимологии украинского *таркач* и т. п. — Учен. зап. МГПИ, 1969, № 341 (Вопросы филологии), с. 89—91.

Добродомов И. Г. Лексика тюркского происхождения в белорусском языке. — В кн.: Беларуская лексікалогія і этымалогія (Праграма і тэзісы дакладаў міжрэспубліканскай канферэнцыі па беларускай лексікалогіі і этымалогіі, 19—23 лютага 1968 г.). Мінск, 1968, с. 42—43.

Добродомов И. Г. Мавзолей, музей, мазар. — Рус. речь, 1972, № 2, с. 158—160.

Добродомов И. Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке. — Учен. зап. МГПИ, 1967, № 264 (Вопросы лексики и грамматики русского языка), с. 364—374.

Добродомов И. Г. Некоторые соображения о болгарском вкладе в славянских языках. — Учен. зап. МГПИ, 1970, № 403 (Проблемы русского языкознания), с. 41—53.

Добродомов И. Г. Н. И. Ашмарин как этимолог. — В кн.: Н. И. Ашмарин — основоположник чувашского языкознания. Сб. статей. Чебоксары, 1971, с. 141—147.

Добродомов И. Г. Новая одежда старых слов. — Рус. речь, 1972, № 2, с. 67—72.

Добродомов И. Г. Об одном финно-угорском названии кармана (на фоне других языков Европы и Азии). — В кн.: Вопросы финно-угроведения. Языкознание. (Тез. докл. и сообщ. на XIV Всесоюз. конф. по финно-угроведению). Саранск, 1972, с. 14—15.

Добродомов И. Г. Полтина. Алтын. — Рус. речь, 1968, № 4, с. 119—120.

Добродомов И. Г. О методах исследования древнейших тюркизов в составе русского словаря. (К истории слова *жемчуг*). — ИСЛЯ, 1966, т. 25, вып. 1, с. 57—64.

Добродомов И. Г. О некоторых русских словах, заимствованных из греческого языка через тюркское посредство. — В кн.: Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966, с. 255—262. [*Корсунь, корабль, лимень (лиман, Ильмень), логань*].

Добродомов И. Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. — В кн.: Тюркологический сборник. 1975. М., 1978, с. 102—129.

Добродомов И. Г. О сравнительно-историческом изучении тюркизов русского языка. — В кн.: Вопросы грамматики и лексики русского языка. М., 1973, с. 566—578.

Добродомов И. Г. Отражение двух разновидностей ротацизма в болгарских заимствованиях славянских языков. — ВЯ, 1974, № 4.

Добродомов И. Г. Половцы и поле. — Рус. речь, 1968, № 6, с. 105.

Добродомов И. Г. Принципы изучения истории звуковых изменений в трудах Е. Д. Поливанова. — В кн.: Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Т. 1. Самарканд, 1964, с. 18—20.

Добродомов И. Г. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках. АДД. М., 1974.

Добродомов И. Г. Про болгарські елементи української мови. — А. Ю. Кримський, с. 165—166.

Добродомов И. Г. Происхождение названия *Тьмутаркань*. — В кн.: Диалекты и топонимия Поволжья. (Материалы и сообщения). Вып. 1. Чебоксары, 1972, с. 38—39.

Добродомов И. Г. Пути проникновения болгарских элементов в славянские языки. — ТВСЯ, с. 26—43.

Добродомов И. Г. Слова-путешественники. Магазин, казна, казначей. — Рус. речь, 1967, № 1, с. 74—79.

Добродомов И. Г. Східнослов'янське *корх*. — Мовознавство, 1973, № 5 (41), с. 67—70.

Добродомов И. Г. Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков. (К вопросу о развитии так называемого протетического согласного *v*- в тюркских языках). — Сов. тюркология, 1974, № 2, с. 34—43.

Добродомов И. Г. Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков (соответствие *s* ~ *š*). — Сов. тюркология, 1971, № 2, с. 81—92.

Добродомов И. Г. Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках. — Сов. тюркология, 1970, № 3, с. 131—134.

Добродомов И. Г. Українське акання *i* болгарсько-чуваські запозичення. — В кн.: XIII Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей (Київ, квітень 1969 р.). Київ, 1969, с. 147—149.

Добродомов И. Г. Этимологическая страничка. Карий. — РЯШ, 1970, № 4, с. 105.

Добродомов И. Г. Этимологическая страничка. Муар, мухояр и мохер. — РЯШ, 1967, № 2, с. 73.

Добродомов И. Г. Этимологическая страничка. Шлык, жилет. — РЯШ, 1968, № 3, с. 90.

Добродомов И. Г. Этимология, контекст, значение. — В кн.: Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974, с. 274—284. [*сапог, каган*].

Dobrodow I. G. Słowiańskie nazwy książki. — Studia o Książce. Wrocław, 1975, t. 5, s. 53—63.

Д-ский Фр. О торговле крымскою мерлушкой (смущками). — Сев. пчела, 1860, № 184, с. 759—760. [*смущки, мерлушка, малич, гунтуки*].

Думка Л. Звідки пішла назва *бандура*. — Жовтень. Львів. 1965, № 1, с. 108.

Елкина Н. М. К этимологии слова *товар*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2. М., 1962, с. 116—129.

Емельченко И. Р. В. И. Даль и восточные языки. — ТВСЯ, с. 164—179.

Еремеев Д. Е. К семантике тюркской этнонимии. — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 133—142.

Ефремов Л. П. Заимствованное слово и прототип. — В кн.: Русское и зарубежное языкознание. Вып. 3. Алма-Ата, 1970, с. 19—22.

Ефремов Л. П. Экзотизмы. — В кн.: Рус. языкознание. Вып. 2. Алма-Ата, 1973, с. 165—171.

Жаримбетов А. Аир. — Рус. речь, 1975, № 3, с. 107—111.

Жаримбетов А. Лебеда. — Рус. речь, 1976, № 3, с. 102—105.

Жаримбетов А. Тюркизмы в русских названиях бахчевых культур. — В кн.: Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков. М., 1973, с. 85—96.

Жаримбетов А. Тюркизмы в русских названиях болотных растений. — Вестн. Каракалпак. фил. АН УзССР, 1974, № 4, с. 79—85.

Жаримбетов А. Тюркизмы в русских названиях растений. АКД. М., 1976.

Жаримбетов А. Тюркизмы в русских названиях фруктовых деревьев и кустарников. — Сов. тюркология, 1974, № 4, с. 32—44.

Житков Б. М. О происхождении слова *соболь*. — Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. Отд. биол., 1940, вып. 3—4, с. 131—136.

Жураўскі А. І. Адамант, дыямент, алмаз. — Вестн. Беларус. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка, 1963, № 3, с. 71.

Журавский А. И. Лексика тюркского происхождения в старобелорусском языке. — ТВСЯ, с. 79—97.

Жураўскі А. І. Некаторыя пытанні падрыхтоўкі слоўніка цюркізмаў беларускай мовы. — ТЛЭ, с. 23—24.

Завадовский Ю. Н. К вопросу о восточных словах в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (1466—1472 гг.). — Тр. Ин-та востоковедения АН УзССР, 1954, вып. 3, с. 139—145.

Здобнова З. П. О заимствованиях русскими диалектами Башкирии слов тюркского происхождения. — В кн.: Расцвет, сближение и взаимобогащение культур народов СССР. Вып. 2. Уфа, 1970, с. 296—303.

Здобнова З. П. Судьба тюркизмов в русских говорах Башкирии. — Учен. зап. Башкирск. ун-та. Сер. филол., 1972, вып. 50 (Языковые контакты в Башкирии), с. 225—235.

Зимин А. А. К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве» (опыт исторического анализа). — Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чувашск. АССР, 1966, вып. 31, с. 138—155.

Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.

Золотницкий Н. И. Лингвистическая заметка о названиях булгар, бияр и морквашы. Казань, 1879.

Зурна. Закавказский альманах. Изд. Е. А. Вердеревского. Тифлис, 1855. [в предисловии толкование слова *зурна*].

Иакинф. Историческое обозрение волжских калмыков. — ЖМВД, 1833, ч. 9, № 7, с. 279—325; № 8, с. 381—448. [*шертъ, шертная запись, шертовать* (с. 294), *черные калмыки* (с. 310), *бязъ* (с. 432)].

Изъяснение слов: «алаф», «ярлык» и «сайгат», встречающихся в некоторых наших летописях. — Казанск. вестн., 1829, ч. 25, февраль и март, с. 204—208.

Иллич-Свитыч В. М. Русск. диал. *пигва*, слав. **pygu* 'айва, Cydonia' — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2. М., 1962, с. 75—77.

Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916. [с. 43, славяне и турки (§ 41)].

Иностранцев К. А. К вопросу о «басме». — ЗВО РАО, 1908, т. 18 (1907—1908), с. 0172—0179.

Исполатов Е. «Куманика» или «комоника»? — Бюл. Сев.-Вост. обл. бюро краевед., 1926, вып. 3, с. 26—27.

Иссерлини Е. М. История слова *баран*. Очерки по истории слов в русском языке. — РЯШ, 1940, № 4, с. 20—23.

Исхакова С. М. Тюркские (татарско-казахские) заимствования в русской топонимии Западной Сибири. — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1976, с. 250—254. (Западносибирский сборник. Вып. 12).

Казембек А. К. Записка профессора А. К. Казембека. — ИОРЯС, 1852, т. 1, вып. 3, с. 125—128.

Казембек А. К. Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков. — В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. [Т. 1]. СПб., 1854, стб. 22—37, 71—80, 385—390 [первоначально напечатано в Прибавл. к ИОРЯС, т. 1, 1852, стб. 22—37, 71—80; т. 2, 1853, стб. 385—390].

Казембек А. К. Об этнографическом исследовании русских слов, усвоенных местными тюркскими наречиями в России. — Вестн. Рус. геогр. о-ва, 1852, ч. 4, кн. 1, отд. 6, (Смесь), с. 1—6.

Казембек А. К. Примечания [к тексту «Хождения Афанасия Никитина»]. — В кн.: ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853, с. 354—358.

Караулов Н. А. 1-й. Говор гребенских казаков. Слова, заимствованные с турецко-татарских наречий. — В кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 37, отд. 3, Тифлис, 1907, с. 103—109.

Каримходжаев Ш. Особенности освоения русским языком каракалпакских заимствований. — Сов. тюркология, 1976, № 5, с. 28—35.

Карпенко Ю. А. Давня слов'янська назва десяти тисяч — *тьма*. — В кн.: Научный ежегодник [Черновицк. ун-та] за 1957 г. Черновцы, 1958, с. 160—162.

Катанов Н. Ф. Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialects. — Изв. имп. АН, 1888, т. 32, стб. 25—49.

Кац С. Д. Слова азербайджанского происхождения в говорах русских переселенцев (на материалах сел Славянки и Ново-Саратовки Недабекского р-на Азерб. ССР). — Учен. зап. Азерб. пед. ин-та языков. Сер. филол., 1963, вып. 3 (Русское и западноевропейское языкознание и литературоведение), с. 33—51.

Кац С. Д. Тюркизмы как источник пополнения экспрессивных средств русских говоров Азербайджана. — Тез. докл. и сообщ. Сопещения по общим вопросам диалектологии и истории языка. Ереван, 2—5 окт. 1973 г. М., 1973.

Качалкин А. Н. Слово *майдан* в истории русского языка. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 7. М., 1972, с. 86—92.

Кельсиев В. И. Заметки о татарском влиянии на великоруссов. — Гражданин, 1873, № 44, с. 1178—1180; № 45, с. 1204—1207.

Киш Л. О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 68—70.

Киш Л. Происхождение слов *бекеша*, *кучма*, *шалаш* и *шишак*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 4. М., 1963, с. 48—65.

Киясбейли Р. З. Тюркизмы и их место в современном русском языке (на материале БАС). — В кн.: Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972, с. 140—151.

Клетнова Е. Н. Опыт объяснения слова «*Oium*». — Изв. Таврич. о-ва истории, археол. и этнографии (бывш. Таврич. учен. архивн. комиссии). Т. 1 (58-й). Симферополь, 1927, с. 106—107.

Клюева В. Н. Взаимные связи словарного состава двух языков. (Русские слова в монгольском языке и монгольские в русском). — Учен. зап. 1-го Моск. пед. ин-та иностр. языков, 1957, т. 11, с. 45—62.

Ключевский В. О. Терминология русской истории. — Сочинения. Т. 6. М., 1959, с. 129—275.

Книга сеунчеи 123 года. — Временник ОИДР. Кн. 4, отд. II, М., 1849, с. I—X, 1—8. Предисловие И. Д. Беляева (I—X) [Рец.: Сын отечества, 1850, октябрь, кн. 10, отд. 6, с. 19—20]. [с. III, *сеунч*, *сеунщик*].

Ковалевский И. М. Список слов, находящихся в «Опыте областного великорусского словаря», заимствованных из монгольского. — В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. [Т. 1]. СПб., 1854, стб. 377—380. [первоначально напечатано в Прибавл. к ИОРЯС, 1853, т. 2, с. 377—380].

Кодиров М. Рус тилидаги туркизмларни ўрганиш тарихидан. — Тошкент давлат университетининг илмий ишлар, 1970, 395 чиқиш (Ўзбек филологияси масалалари), с. 116—131.

Козырев И. С. К вопросу изучения тюркизмов в русском и белорусском языках. (Пути проникновения тюркизмов в русский и белорусский языки). — ТЛЭ, с. 28—29.

Козырев И. С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке. — ТВСЯ, с. 9—25.

Козырев И. С. Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков. Орел, 1970. [штаны (с. 78), карман, зепь (с. 86) и др.].

Козирев И. С. Тюркізми у лексико-семантичних системах східно-слов'янських мов. — А. Ю. Крымский, с. 141—148.

Кокков Дж. Н. К истолкованию топонима «Черкаassy» и слова «казак». — Учен. зап. Кавказ.-Балкар. ун-та. Сер. филол., 1965, вып. 25, с. 3—6.

Кокков Дж. Н. О названии «Нальчик». — Там же, с. 7—9.

Колесников Н. И. К этимологии слова *карандаш*. — В кн.: Лексикографический сборник. Вып. 5. М., 1962, с. 169—172.

Колесов В. В. Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI—XVII вв. (К вопросу об акцентологической адаптации заимствованной лексики). — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 1. Л., 1972, с. 8—45.

Кононов А. Н. Еще раз об этнониме «кыргыз». — В кн.: Тюркологические исследования. Сб. статей, посвящ. 80-летию акад. К. К. Юдахина. Фрунзе, 1970, с. 16—22.

Кононов А. Н. Заметки тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров». — ИСЛЯ, 1966, т. 25, вып. 3, с. 226—229; 1969, т. 28, вып. 6, с. 531—538. [справки по тюркизмам к вып. 1—3 Словаря].

Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972. [с. 251—253, изучение тюркизмов в русском языке].

Кононов А. Н. К этимологии этнонимов *кыпчак*, *куман*, *кумык*. — УАЖб. 48, 1976, с. 159—166.

Кононов А. Н. Опыт анализа термина *түрк*. — Сов. этнография, 1949, № 1, с. 40—47.

Кононов А. Н. От чайки до шайки. — Рус. речь, 1972, № 2, с. 153—154.

Кононов А. Н. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии. — Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1954, № 5, с. 83—85.

Кононов А. Н. Показатели собирательности—множественности в тюркских языках. Сравнительно-исторический этюд. Л., 1969.

Кононов А. Н. Тюркско-русские этимологические этюды. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 256—260.

Кононов А. Н. Этимологические заметки. О слове «карашеваться». Еще раз о Бабе-Яге. — Рус. речь, 1973, № 1, с. 116—119.

Коноплев Н. Г. О сходстве между русскими и восточными обычаями и о начале их в России. — Вестн. Европы, 1828, февраль, № 4, с. 249—264. [*амбар*, *сундук*, *куртка*, *харч*, *кафтан*, *казна*, *теньга*, *парча*, *аманат*].

Корнев А. И. Происхождение и семантическое развитие слова *баран*. — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 1. Л., 1972, с. 62—71.

Корнилаева А. М. Русские заимствования касимовско-татарского говора как источник истории русского языка. АКД. М., 1970.

Корнилов Г. Е. К этимологии русского диалектного *векша* 'белка обыкновенная, *Sciurus vulgaris* Linnaei'. В кн.: Этимология. 1971. М., 1973, с. 191—194.

Корнилов Г. Е. К этимологии русского диалектного летописного *оушь*. — В кн.: Вопросы русской и чувашской филологии. Вып. 1. Чебоксары, 1971, с. 172—173.

Коротенко Г. И. Киргизские слова в говоре русских старожилов северного Прииссыккуля. — Учен. зап. Кирг. жен. пед. ин-та. Сер. филол., 1963, вып. 7а, с. 15—23.

Корш Ф. Е. Несколько лингвистических данных для исторической этнографии Восточной Европы. — В кн.: Сборник в честь 70-летия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913, с. 523—529 (резюме на нем. яз., с. 528—529).

Корш Ф. Е. О некоторых бытовых словах, заимствованных древними славянами из так называемых урало-алтайских языков. — В кн.: Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909, с. 537—546. (Зап. Рус. геогр. о-ва по отд. этнографии, т. 34).

Корш Ф. Е. О некоторых славянских словах иноязычного происхождения. — В кн.: Почест. Сборник статей по славяноведению, посвящ. проф. М. С. Дринову. Харьков, 1908, с. 52—62. (Сб. ист.-филол. о-ва при Харьков. ун-те, т. 15).

Корш Ф. Е. Об этимологии слова «ногата». — Древности восточные, 1913, т. 4, с. 96. (Тр. Восточ. комис. Моск. археол. о-ва. Юбилейный вып. по случаю истечения 25-летия существования Восточной комиссии, посвящ. ее председателю-основателю акад. Ф. Е. Коршу).

Корш Ф. Е. Опыты объяснения заимствованных слов в русском языке. — Изв. АН. Сер. 6, 1907, т. 1, № 17, с. 755—768.

Корш Ф. Е. По поводу второй статьи проф. Мелиоранского о «Турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“». — ИОРЯС, 1906, т. 11, кн. 1, с. 259—315.

Корш Ф. Е. [Рец. на кн. Miklosich Fr. Die türkische Elemente in den südost- und ost-europäischen Sprachen (griechisch, albanisch, rumunisch, bulgarisch, serbisch, kleinrussisch, grossrussisch, polnisch). Wien, 1884]. AfslPh, 1885, Bd 8, N. 4, S. 637—651. 1886, Bd 9, N. 3, S. 487—520; N. 4, S. 653—682.

Корш Ф. Е. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». (Заметки к исследованию П. М. Мелиоранского: ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 2, с. 273—302). — ИОРЯС, 1903, т. 8, кн. 4, с. 1—58.

Костыга Ф. О происхождении слова *баскак* (Филологическое исследование). — Маяк, 1845, т. 23, кн. 45, гл. 3, с. 1—19.

Котков С. И. Из истории некоторых диалектных слов. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Нов. сер., т. 3. М., 1962, с. 156—164. [*беговуля*, *борошно*, *бугор*, *кулига* и др.].

Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970. [*лошадь* (с. 86—93), *бирюк* (с. 122—126) и др.].

Коткова Н. С. Кумач. — Рус. речь, 1975, № 5, с. 117—121.

Кравчук Р. В. Тюркологические мифы (мнимые тюркизмы в славянских языках). — ТЛЭ, с. 29.

Кримський А. Е. Тюрки, їх мови та літератури. I. Тюркські мови. Вип. 2. Київ, 1930, с. 202—209. [перепечатано: А. Ю. Кримський. Твори в п'яти томах. Сходознавство. Т. 4. Київ, 1974, с. 574—583].

Кубанова Л. А. Диалектизмы тюркского происхождения, обозначающие лицо. — ТВСЯ, с. 196—207.

Кубанова Л. А. О лексико-грамматическом освоении некоторых тюркизмов в диалектной лексике русского языка. — Учен. зап. Пятигор. пед. ин-та иностр. яз., [без №] (Рус. яз. и лит-ра), 1976, с. 111—127.

Кубанова Л. А. О некоторых тюркизмах в диалектной лексике русского языка. — Тр. Карачаево-Черкес. НИИ экономики, истории, языка и лит-ры, 1968, вып. 5, с. 273—286.

Кубанова Л. А. О тюркизмах русской диалектной лексики. Черкесск, 1967.

Кубанова Л. А. Словарные тюркизмы и лингвистическая география. — ТЛЭ, 1969, с. 30—31.

Кубанова Л. А. Тюркизмы в диалектной лексике русского языка (по «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля). АКД. М., 1968.

Кудрявцев В. Д. О взаимовлиянии русского и национальных языков народов Сибири. — Тр. Иркутск. ун-та. Сер. ист.-филол., 1948, т. 3, вып. 2, с. 3—13.

Кулаковский А. О происхождении слова «якут». — Якутские зарницы, 1926, № 4, с. 53.

Кумач и китайка. — Сев. пчела, 1838, № 177, с. 705. [перепечатано: Моск. губ. вед., 1843, № 6. Прибавл., с. 75—76; Влад. губ. вед., 1843, № 23, с. 94—95. [тук, даба, кумач, китайка].

Кушлина Э. Н. Из истории формирования среднеазиатского пласта лексики в русском языке. — Учен. зап. Душанб. пед. ин-та, 1965, т. 33. Сер. филол., вып. 18 (Вопросы русск. и общего языкознания), с. 29—38.

Кушлина Э. Н. Лексические заимствования в русском языке из языков народов Средней Азии. — Учен. зап. Душанб. пед. ин-та. Сер. филол., вып. 14 (Филол. сб.), 1962, т. 31, с. 59—74.

Кушлина Э. Н. Некоторые вопросы ареальности тюркизмов в русском языке. — ТЛЭ, с. 31—32.

Кушлина Э. Н. Орфографирование среднеазиатских слов в русском языке. — Учен. зап. Душанб. пед. ин-та, Сер. филол., вып. 18 (Вопросы русск. и общего языкознания), 1965, т. 33, с. 39—46.

Кушлина Э. Н. О фонетико-грамматическом освоении среднеазиатской лексики в русском языке. — В кн.: Некоторые вопросы методики преподавания русского языка в таджикской школе. Душанбе, 1963, с. 72—85.

Кушлина Э. Н. Семантическое освоение среднеазиатской лексики в русском языке. — Учен. зап. Душанб. пед. ин-та, Сер. филол., вып. 16 (Вопросы филологии), 1963, т. 40, с. 3—31.

Кушлина Э. Н. Среднеазиатская лексика в русском языке. (На материале газет Узбекистана и Таджикистана). АКД. Душанбе, 1964.

Кушлина Э. Н. Таджикские и узбекские слова в русском языке. Душанбе, 1968.

Кушлина Е. М. Тюркізми російської мови мешканців Середньо-азійського ареалу. — А. Ю. Крымський, с. 159.

Кушлина Э. Н. Тюркские лексические элементы в речи русских жителей Средней Азии. — ТВСЯ, с. 180—191.

Кызласов Р. Л. К этимологии термина «кыштым» русских документов XVII в. — Учен. зап. Хакас. НИИ языка, лит-ры и истории. Абакан, 1960, вып. 8, с. 182—184.

Лавров Л. И. «Обезы» русских летописей. — Сов. этнография, 1946, № 4, с. 161—170.

Ларин Б. А. Из истории слов. 1. *Лютый зверь*. 2. *Семья*. 3. *Кавардак*. — В кн.: Памяти акад. Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 191—200. [перепечатано: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977, с. 45—56].

Ларин Б. А. Об архаике в семантической структуре слова (*яр — юр — буй*). — В кн.: Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии. Л., 1963, с. 78—89. [перепечатано: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977, с. 89—100].

Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря. — В кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977, с. 116. [русские и немецкие ориентализмы].

Ледяева С. Д. К истории слова *сынъ* — башня. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 4. М., 1963, с. 24—32.

Леопольдов А. Большая или Золотая Орда. — Сов. пчела, 1855, № 207, с. 827—828; № 208, с. 831—832. [с. 827, орда].

Летгола Ю. Письмо к г. поселянину уезда Мариампольского (Chłop z powiatu Mariampolskiego). — Виленск. вестн., 1860, № 78, с. 809; № 79, с. 823. [лошадь].

Лопатин В. В., Шварцкопф Б. С. Книгъчи — книгочей. — Рус. речь, 1968, № 2, с. 86—91.

Лопатинский Л. Г. Суффиксы русского языка. Влияние кавказских языков на образование. — Гр. XII археол. съезда в Харькове в 1902 г. Т. 2. М., 1905, с. 437—445.

Лутовинова И. С. Из истории названия *сорочинское пшено*. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сб. статей, посвящ. памяти Б. А. Ларина. Л., 1969, с. 188—195.

Лыткин В. И. К этимологии слова *угры*. — Вестн. АН СССР, 1948, № 6, с. 118—119.

Любомиров П. Г. Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв. — Учен. зап. Саратов. ун-та, 1923, т. 1 (10), вып. 3, с. 5—38. [с. 10, *ногата*; с. 11—12, *бисер*, *жемчуг*].

Львов А. С. Две русские этимологии (*багрец*, *сапог*). — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 4. М., 1963, с. 66—86.

Львов А. С. Значение чувашского языка в определении этимологии некоторых слов старославянского языка. — Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чувашск. АССР, 1965, т. 28, с. 47—54.

Львов А. С. Из лексикологических наблюдений. — В кн.: Этимология. 1965. М., 1967, с. 189—195. [жумиръ].

Львов А. С. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). — В кн.: Славянское языкознание. М., 1973, с. 211—228.

Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

Львов А. С. Славянские слова с корнем *chal-/chol-*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М., 1960, с. 27—38.

Львов А. С. Старославянское ли слово *мечникъ*? — В кн.: Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972, с. 180—184.

Львов А. С. Старославянское *печатъ* — *печатльѣти*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2. М., 1962, с. 93—103.

Львов А. С. Тюркизм ли старославянское *тъло*? — В кн.: Этимология. 1973. М., 1975, с. 61—64.

Львов А. С. Этимология старославянского *книзи* — *книгъчи*. — Балканское языкознание. XV, 2. София, 1971, с. 21—31.

Львова Э. Л. Азербайджанская лексика в современной русской речи в республике. — Учен. зап. Азерб. ун-та. Сер. языка и лит-ры, 1969, № 5—6, с. 18—26.

Макаров М. Несколько историко-филологических заметок к Словарю г. Линде по букве К. — ЧОИДР, № 4 (за 27 апр.), 1846, отд. IV, с. 37—42. [балалайка, калач].

Макарушка О. Словар українських виразів, перенятих з мов туркських. — Зап. Наук. тов. ім. Т. Г. Шевченка, 1895, т. 5, с. 1—14 разд. паг.

Малов С. Е. Тюркизмы в старорусском языке. — ИОЛЯ, 1951, т. 10, вып. 2, с. 201—203.

Малов С. Е. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, 1946, т. 5, вып. 2, с. 129—139.

Маркон И. Ю. Страна Шабат в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. — Гр. Белорус. ун-та в Минске, 1922, № 2—3, с. 304—325.

Мартынов В. В. Об одном гипотетическом белорусском булгаризме. — ТЛЭ, с. 33—34. [канішча].

Махмудов Х. Х. Тюркизмы в языке русских памятников XI—XIV вв. Канд. дис. Алма-Ата, 1943.

Мацевский В. А. О начале и развитии силы козаков. — Денница, 1842, ч. 1, № 12, с. 149—157. [козак].

Мгеладзе Д. С. Лингвистические заметки. 4. К этимологии слова *шипак*. — Тр. Тбилис. ун-та, 1948, т. 33б, с. 171—172.

Мелиоранский П. М. Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 2, с. 66—92.

Мелиоранский П. М. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. — ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 4, с. 109, 109—134.

Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 2, с. 273—302.

Мелиоранский П. М. Слова «чатыхулъ» и «сынъ» в «Сказаниях о 42 аморийских мучениках». — ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 4, с. 430—432.

Мелиоранский П. М. Что такое «басма» золотоордынских послов хана Ахмата? — ЗВО РАО, 1907, т. 17, с. 0129—0140.

Мельничук О. С. Етимологічні розвідки. 2. *Юрба — гурба — юрма — гурма*. — В кн.: Слово і труд. Київ, 1976, с. 163—167.

Меркулова В. А. Мелкие заметки по истории и этимологии слов. — В кн.: Этимология, 1971. М., 1973, с. 183—190. [морышка, бирюльки].

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы, грибы, ягоды. М., 1967. [чакан, айр, бодран, емурка и др.].

Микиртун А. Я. Азербайджанские элементы в лексике русских говоров на территории Азербайджанской ССР. — Учен. зап. Владимирск. пед. ин-та, 1958, вып. 4, с. 123—134.

Миллер В. Ф. Значение собаки в мифологических верованиях. — Древности Тр. Моск. археол. о-ва, 1876, т. 6, вып. 3, отд. 1, с. 193—210.

Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892. [с. 211—214, о лексических заимствованиях из половецкого языка].

Мирзакеримова Ў. Рус тилидаги туркий сўзлар ҳақида. — Ўзбек тили ва адабиёти. Ташкент, 1963, № 6, с. 60—62.

Миртов А. В. К вопросу о грамматическом усвоении русским языком заимствованных слов. — Учен. зап. Горьковск. ун-та, 1954, вып. 26, с. 213—220.

Миртов А. В. К истории проникновения в русский язык восточных лексических элементов. (Стилистическая заметка). — Учен. зап. Горьковск. ун-та, 1960, вып. 59, с. 15—22. [о месте восточных лексических элементов в высоком стиле языка русской поэзии].

Миртов А. В. Лексические заимствования в современном русском языке из национальных языков Средней Азии. Ташкент—Самарканд, 1941. [На обл. загл.: Лексические заимствования в русском языке в Средней Азии].

Михайлов М. С. Л. Н. Толстой и языки тюркской семьи. — В кн.: Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому. М., 1953, с. 196—208.

Могилевский И. О древности и самобытности южнорусского языка. — В кн.: Кулиш П. Записки о Южной Руси. Т. 2. СПб., 1857, с. 257—279.

Могилевский Р. И., Ройзензон Л. И. Узбекские заимствования в русском литературном языке. (Опыт статистического анализа по материалам русских газет советского периода). — ТЛЭ, с. 34—36.

Моисеев Б. А. Казахские термины животноводства в оренбургских говорах. — Учен. зап. Оренбург. пед. ин-та, 1962, вып. 15, с. 133—142.

Моисеев Б. А. Тюркские названия пищи в оренбургских говорах. — В кн.: Материалы итоговой научной конференции за 1960/61 учебный год (Оренбург. пед. ин-т). Оренбург, 1962, с. 83—84.

Моисеев Б. А. Тюркские слова в оренбургских говорах. (Тематические группы слов). — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского

языка. Тр. 7-й науч. конф. кафедр. рус. яз. пед. ин-тов Поволжья. Саратов, 1965, с. 273—281.

Мокиенко В. М. К этимологии слов *бочага, мочага, корчага*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 7. М., 1972, с. 147—155.

Монеты Золотой Орды. — Сев. пчела, 1844, № 30, с. 117. [*деньги*].

Морошкин Ф. Л. Исторические розыскания о дворянском сословии. Отрывок из истории законодательства. — Телескоп, 1835, ч. 25, № 1, с. 5—33; № 2, с. 159—187. [*боярин*].

Мудрая Т. А. Некоторые дополнения к этимологии русских названий *малахай* и *тумак*. — В кн.: Исследования по русскому языку и языкознанию. М., 1974, с. 324—328.

Мудрая Т. А. Одно тюркское название в русском языке («сорока»). — Сов. тюркология, 1974, № 6, с. 48—52.

Мудрая Т. А. Таркич. — Рус. речь, 1975, № 6, с. 79—82.

Мукминова Р. Г. Несколько слов о терминах *тамга* и *бадж*. — Обществ. науки в Узбекистане, 1969, № 11, с. 65—69.

Муратов С. Н. Некоторые наименования сухопутных средств передвижения и их деталей в алтайских языках. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 337—352.

Мураяма С. Этимология русского слова *чай*. — В кн.: Этимология. 1975. М., 1977, с. 81—83.

Мурзаев Э. М. Местные географические термины. — В кн.: Транскрипции географических названий. (Тр. совещ., состоявш. 28—31 января 1959 г.). М., 1960, с. 69—77.

Мурзаев Э. М. О происхождении термина *тайга*. — Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз., 1940, № 6, с. 911—915.

Мухамеджонов Г. Рус тилидаги туркий сўзлар. — Гулистон, 1967, № 7, с. 18, 24.

Мухамедова З. Б. Некоторые тюркские заимствования в русской лексике и отражение их в туркменских словарях. — Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, 1972, № 4.

Muchliński A. Źródłoŝłownik wyrazów, które przeszły wprost czy pośrednio do naszej mowy z języków wschodnich tudzież mających zobopólną analogię co do brzmienia lub znaczenia. Petersburg, 1858.

Мухсинова К. З. Новые данные о хараджке. — Обществ. науки в Узбекистане, 1969, № 11, с. 69—72.

Мысли и заметки. — Журн. для чтения воспитанникам воен.-уч. завед., 1840, т. 25, № 98, с. 255—263. [*лошадь, баран, безмен, алтын, кафтан, халат*].

Мышкин З. Ф. Лексические заимствования из чувашского языка в русском языке. — В кн.: Русский язык в Среднем Поволжье. Сб. статей. Вып. 2. Чебоксары, 1977, с. 11—23.

Назаров И. И. Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности. — Учен. зап. Казанск. пед. ин-та, 1959, вып. 15, с. 233—273.

Нафасов Т. Туркий тиллардан рус тилига ўзлаштирилган лексик элементлар ҳақида. — Қарши давлат пед. ин-ти. Илмий асарлар. Қарши—Ташкент, 1965, вып. 17, с. 133—156.

Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. Статья пятая, XVI. — Отеч. зап., 1849, т. 66, сент., отд. 8 (смесь), с. 51—77. [с. 52—55, замечание о слове *казак*].

Неболюбов В. В. Особенности русской лексики и фразеологии в Астраханской колонии XVII века. — Учен. зап. Свердл. пед. ин-та, 1939 [на обл.: 1940], вып. 2, с. 297—315.

Немет Ю. Происхождение русского слова *карандаш*. — В кн.: Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. Л., 1966, с. 105—114. [В расширенном виде: Németh J. Das russische Wort карандаш 'Bleistift'. — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1967, t. 17, fasc. 3—4, p. 211—221].

Н і к о л а е н к о З. Г. Закарпатські прізвиська від слів тюркського походження. — Доповіді та повідомлення Ужгор. ун-ту. Сер. філол., 1961, № 7, с. 63—65.

Н и к о л ь с к и й С. Ямская слобода при г. Владимире. — Влад. губ. вед., 1877, № 9, часть неофиц., с. 2—4. [ям].

Н и к о н о в В. А. Поиски системы. — В кн.: Этимология. Исследования по русскому и иным языкам. М., 1963, с. 217—235.

Н и к о н о в В. А. Против наглядных этимологий. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. 2. М., 1962, с. 90—92.

Н о м и н х а н о в Ц. Д. Происхождение слова *калык*. — Вестн. АН Каз. ССР, 1958, № 11, с. 99—103.

Н о р м а н Б. Ю. Русский язык как «передатчик» тюркизов. — ТЛЭ, с. 36.

О в о д М. Еще о тюркизмах. — Belem, Уфа, 1930, № 3, с. 60—63.

О в о д М. О тюркизмах в русском и украинском языках. — Belem, Уфа, 1930, № 1, с. 51—56; № 2, с. 69—73. [Рец. Юлдаш-Рашид. — Там же, 1930, № 5—6, с. 79—81].

О г и е н к о И. И. Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык. Киев, 1915.

О д и н ц о в Г. Ф. Аргамак. — Рус. речь, 1972, № 2, с. 156—158.

О д и н ц о в Г. Ф. Бахмат. — Рус. речь, 1970, № 6, с. 94—96.

О д и н ц о в Г. Ф. Два ногайских заимствования в русском языке. — В кн.: Этимология. 1971. М., 1973, с. 195—204.

О д и н ц о в Г. Ф. Еще раз к этимологии слова *лошадь*. — В кн.: Этимология. 1972. М., 1974, с. 114—128.

О д и н ц о в Г. Ф. Из истории названий *тул*, *колчан*, *сайдак* (и его вариантов) в русском языке. — В кн.: Этимология. 1973. М., 1975, с. 98—108.

О д и н ц о в Г. Ф. Из истории русской гишпологической терминологии (к этимологии слова *лошадь* в русском языке). — Учен. зап. МГПИ, 1970, № 353 (Вопросы языкознания и русского языка), с. 434—468.

О д и н ц о в С. А. [Б е р н ш т е й н С. Б.] Turco-slavica. К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII—XVIII вв. — Тр. Моск. ин-та истории, философии и лит-ры. Филол. фак-т, 1941, т. 7 (Сб. статей по языковедению), с. 24—40.

О к а р а г а с с а х. — В кн.: Этнографический сборник. Вып. 4. СПб., 1858, с. 1—18. [*тайга*].

О л ь г о в и ч С. И. Заимствования в лексической системе сибирских старожильческих говоров. (На материале акающих говоров Томской обл.). — Учен. зап. Краснояр. пед. ин-та, 1963, т. 25, вып. 3, с. 165—189.

О л ь г о в и ч С. И. Из наблюдений над усвоением заимствованных слов в акающих говорах Сибири. — Учен. зап. Томск. пед. ин-та, 1964, т. 21, вып. 1, с. 24—42.

О л ь г о в и ч С. И. Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна реки Оби. АКД. Томск, 1964.

О происхождении названий тканей. — Сев. пчела, 1829, № 67. [критика предложенных во французском «Журнале мод» этимологий названий материй: *лен*, *тафта*, *дамá*, *штоф* и *мусселин*].

О р а з о в а О. С. К истории изучения тюркизов в русском языке. — Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, 1976, № 5, с. 73—79.

О р л о в Л. Л. Чабан. Овчар. Пастух. — Рус. речь, 1977, № 2, с. 77—82.

О р л о в а Т. И. Хакасские заимствования в русском говоре Бейского района Хакасской АО. — Вопросы языка и лит-ры (Новосиб. ун-т), 1968, вып. 2, ч. 1, с. 101—113.

О т і н Е. С. До этимології слова *товарищ*. — Мовознавство, 1969, № 5, с. 58—62.

О т и н Е. С. Из этимологических исследований донской гидронимии. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 230—241.

О т и н Е. С. К истории и этимологии слова *харч(у)*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 6. М., 1968, с. 114—133.

О т и н Е. С. К этимологии слова *разгильдай*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 7. М., 1972, с. 166—168.

О т к у п щ и к о в Ю. В. О происхождении названия озер *Ильмень* и *Селигер*. — В кн.: Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя. Тез. докл. Л., 1961, с. 10—11.

О т к у п щ и к о в Ю. В. О происхождении слова *баралло*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 5. М., 1966, с. 73—79.

О т к у п щ и к о в Ю. В. Тюркское ли заимствование слово *штаны*? — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 4. М., 1963, с. 103—110.

П а л ь ц е в Г. В. О белорусском названии выпя. — ТЛЭ, с. 37—38.

П а р х о м е н к о В. А. Следы половецкого эпоса в летописях. — В кн.: Проблемы источниковедения. 3. М.—Л., 1940, с. 391—393.

П е т р о в К. И. К этимологии термина «кыргызы». (Цветовая древнетюркская топо-этнонимика Южной Сибири). — Сов. этнография, 1964, № 2, с. 81—91.

П е т р о в П. И. К вопросу о термине *кабала*. — Народы Азии и Африки, 1965, № 1, с. 113—115.

П е т р о в П. Я. Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными. — В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. [Т. I]. СПб., 1854, стб. 81—92. [первоначально напечатано в Прибавл. к ИОРЯС, 1852, т. 1, стб. 81—92].

П л а т о н о в а К. Якутская лексика в рассказах В. Г. Короленко. — Полярная звезда. Якутск, 1965, № 3, с. 168—172.

П о г о д и н М. П. [Рец.] Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. Сочинение Павла Савельева. — Москвитянин, 1848, ч. I, № 1 (Критика), с. 74—82. [о происхождении слова *товар* и о цитате из книги о восточных словах в русском языке].

П о г о р е л е н к о Г. М. Иноязычная лексика в произведениях деловой письменности XVIII в. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. II. Воронеж, 1966, с. 67—78.

П о г о р е л о в В. Образование имен существительных с окончанием *-чи* в древнеболгарском языке. — Варшавские ун-тские изв., 1914, кн. 9. [Рец.: Соболевский А. И. Рус. филол. вестн., 1915, т. 73, с. 402—403].

П о л е в о й Н. А. [Рец.]. История Малой России (Сочинение Д. Н. Бантыш-Каменского). — Московский телеграф, 1830, № 17, с. 79—97; № 18, с. 224—257. [*берендеи, торки, казаки*].

П о н о м а р е в А. И. Куман-половцы. — Вестн. древней истории, 1940, № 3—4, с. 366—370.

П о п о в А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы. [Л.], 1957.

П о п о в А. И. Кипчаки и Русь. — Учен. зап. ЛГУ, Сер. ист. наук, вып. 14, 1949, № 112, с. 94—119.

П о п о в А. И. Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. Л., 1973.

П о п о в А. И. Некоторые вопросы исследования лексики русских народных говоров. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966, с. 5—18.

П о п о в А. И. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 119—128. [*бахмур, табанит, толковин, сайгат, кощей*].

П о п о в А. И. П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке. — В кн.: Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 36—50.

П о п о в А. И. Русские народные говоры и влияние иноязычных соседей (этимологические этюды). — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика. 1971. Л., 1972, с. 5—13.

П о п о в А. И. Татары. Монголы. — Рус. речь, 1973, № 1, с. 119—123.

П р о н и н И. О происхождении слова «товарищ». — Просвещение Среднего Поволжья. Самара—Москва, 1929, № 1, с. 71.

Прохорова В. Н. Замечания к истории и этимологии слова *ражманий*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 5. М., 1966, с. 94—103.

Пушкарев И. Симбирск. — Сев. пчела, 1837, № 81, с. 322—324. [*базар, шабр, айда*].

Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. St.-Pbg., 1887. (Mémoires de l'Académie Impériale de Sciences, VII série, t. 35, N° 6).

Радлов В. В. О языке куманов. По поводу издания Куманского словаря. — Зап. АН, 1884, т. 48. Приложение, № 4, с. 1—53, разд. паг. [с. 6, об этимологии рус. *деньги*].

Ратшин А. Берлюковская пустынь. — Моск. губ. вед., 1844, № 33, прибавл., с. 363—366. [*бирюк*].

Рачева М. К этимологии слова *бисер*. — Сов. тюркология, 1978, № 1, с. 78—84.

Ржиг В. Ф. Восток в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сб. статей под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947, с. 169—189.

Р[ихтер] А. [Ф.] Исследования о влиянии монголо-татар на Россию. — Отеч. зап., 1825, ч. 22, № 62, июнь, с. 333—371.

Р[ихтер] А. [Ф.] Нечто о влиянии монголов и татар на Россию. — Тр. Вольного о-ва любит. российск. словесности, 1822, ч. 17, с. 249—270.

Р[ихтер] А. [Ф.] О влиянии монгольского владычества на Россию. — Журн. для чтения воспитанникам воен.-уч. завед., 1846, т. 61, № 243, с. 205—225. [с. 219, этимология сочетания *тарханная грамота*; с. 223, перечень около 70 русских слов тюркского происхождения].

Рогаль М. С. Тюркські лексичні запозичення в українських літописах кінця XVII—початку XVIII ст. — В кн.: З історії української та інших слов'янських мов. (36. статей). Київ, 1965, с. 171—192.

Рожкова М. П. Лексика довших говорів. (На матеріалі говорів Романовського району Ростовської області). — Учен. зап. Шахтинск. пед. ин-та, 1958, т. 2, вып. 5, с. 217—230.

Романова Г. Я. Из истории русской метрологической лексики (*локоть, аршин*). — В кн.: Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974, с. 226—245.

Романова Г. Я. К истории термина *косая сажень*. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974, с. 234—244.

Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975. [*алдан, аршин, батог, корх* и др.].

Романова Н. А. О судьбе тюркизма *урос* в русских говорах. — В кн.: Дialeктная лексика. 1974. Л., 1976, с. 220—226.

Романова Н. П. Алтайские заимствования в русском говоре Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области (к проблеме лексического заимствования в условиях билингвизма). АКД. Новосибирск, 1966.

Рот О. М. Питання східнослов'янсько-тюркських та західнослов'янсько-тюркських мовних контактів і особливості взаємодії мов та діалектів Карпатського ареалу. — А. Ю. Крымський, с. 136—140.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи, М., 1963.

Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. — Сов. археология. 1953, вып. 18, с. 128—150.

Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев. — Материалы и исследования по археологии СССР, 1969, № 169. (Древности Восточной Европы), с. 189—196.

Сабенина А. М. Толмач и переводчик. — Рус. речь, 1971, № 5, с. 91—95.

Сабинин С. О происхождении наименований: *боярин* и *болярин*. — ЖМНП, 1837, ч. 16, № 10, отд. II, с. 42—85.

Сагдуллаев Д. С. Тюркизмы в творческом контексте С. П. Бородин. (На материале трилогии «Звезды над Самаркандом»). АКД. Алма-Ата, 1975.

Сагдуллаев Д. С. Тюркские заимствования в трилогии С. П. Бородин. — В кн.: Русское языкознание. Вып. 3. Алма-Ата, 1975, с. 34—38.

Самойлович А. Н. К вопросу о наследниках хазар и их культуры. — Еврейская старина. Т. 11. Л., 1924, с. 200—210.

Самойлович А. Н. К истории культурных и этнических отношений в Волго-Уральском крае. — Новый Восток, 1927, № 18, с. 210—217.

Самойлович А. Н. *Тийиш* (*тишь*) и другие термины крымско-татарских ярлыков. — Изв. Рос. АН. Сер. 6, т. 6, ч. II., № 15. Пг., 1917, с. 1277—1278.

Самойлович А. Н. Турун-Тудун. Еще пример турко-булгарского ротаизма. — Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 5, вып. 1. Пг., 1918, с. 398—400.

Самчевский И. А. Торки, Берендеи и Черные Клобуки. — Архив ист.-юрид. сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым, 1855, кн. 2, ч. 1, отд. III, с. 83—106.

Свенцицкий И. С. Русь и Половці в староукраїнському письменстві. Львів, 1939.

Светов В. П. Некоторые общие примечания о языке российском. — Академ. изв. на 1779 год, ч. 3, с. 77—91.

Севортян Э. В. О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера. — В кн.: Лексикографический сборник. Вып. 5. М., 1962, с. 11—29.

Селимов А. А. Иноязычные (тюркские) элементы в системе русских говоров Дагестана. (На материале говора станицы Александрийской Кизлярского района ДАССР). АКД. Л., 1966.

Селимов А. А. Кинжал. — Рус. речь, 1970, № 4, с. 89—91.

Селимов А. А. Некоторые тюркизмы русской речи жителей Дагестана. — ТВСЯ, с. 208—212.

Селимов А. А. Некоторые фонетико-морфологические процессы, связанные с освоением кумыкских слов русскими говорами Дагестана. (На материале данных станицы Александрийской Кизлярского района ДАССР). — В кн.: Сборник статей молодых ученых. Махачкала, 1969, с. 77—79.

Селимов А. А. Термины орудий труда и животноводства тюркского происхождения в говоре станицы Александрийской Кизлярского района ДАССР. — Учен. зап. Ин-та истории, языка и лит.-ры. Дагест. фил. АН СССР. Сер. филол., 1964, т. 12, с. 91—106.

Семенов А. А. К вопросу о золотоордынском термине «баскак». — ИОЛЯ, 1947, т. 4, № 2, с. 137—147.

Сенковский О. И. [Рец.]. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. I. Плано-Карпини; II. Асцелин. СПб., в типографии Департамента народного просвещения, 1825, вып. 4, с. XXI, 306. — Сев. пчела, 1825, № 151 и 153. [№ 153, *бусурман*].

Сергеев И. Т. К этимологии русского диалектного *нохрок* «боров». — В кн.: Диалекты и топонимия Поволжья. (Материалы и сообщения). Вып. 2. Чебоксары, 1973, с. 87—90.

Сергеев И. Т. Об одном забытом чувашском названии старинной единицы земельной меры. — Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чувашск. АССР, 1970, вып. 49, с. 221—222. [*ярм*].

Сергеев И. Т. По поводу одной этимологии М. Фасмера. — Тр. НИИ при Совете Министров Чувашск. АССР, 1976, вып. 66, с. 176—178. [То же под названием: Об этнониме *Чуваш* и русском диалектизме *чува́ша* (полемика с М. Фасмером). — В кн.: Русский язык в Среднем Поволжье. Сб. статей. Вып. 1, Чебоксары, 1976, с. 20—22].

Сергеев И. Т. Чувашизмы в русских говорах Поволжья. — В кн.: Диалекты и топонимия Поволжья. (Материалы и сообщения). Вып. 1. Чебоксары, 1972, с. 63—69.

Сергеев И. Т. Чувашизмы в русской областной лексике. — ТВСЯ, с. 191—196.

Сердюкова О. К. Архаическая лексика в говоре казаков-некрасовцев. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. II. Воронеж, 1966, с. 120—125.

Серебрянников Б. А. Этимологические заметки. — В кн.: Этимология. 1968. М., 1971, с. 207—214. [с. 210—211, *лошадь*].

Сетаров Д. С. Тюркизмы в російських назвах хижих тварин. — А. Ю. Кримський, с. 161—164.

Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях грызунов. — В кн.: Вопросы теории и методики русского языка и литературы. Вып. 20. Самарканд—Карши, 1970, с. 51—52.

Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях животного мира. АКД. Алма-Ата, 1971.

Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях птиц. — Сов. тюркология, 1970, № 2, с. 86—94.

Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях рыб. — В кн.: Вопросы теории и методики русского языка и литературы. Вып. 20. Самарканд—Карши, 1970, с. 20—24.

Сетаров Д. С. Тюркизмы в русской коневодческой терминологии. — ТВСЯ, с. 229—238.

Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях домашних животных. — Сов. тюркология, 1978, № 1, с. 38—54.

Сетаров Д. С. Этимологические заметки. (Русские названия *бык*, *кабарга*, *кабан*). — Тр. Самарканд. ун-та, 1976, вып. 287 (Исследования по русск. яз. и слав. языкознанию, № 7), с. 63—68.

Скибина М. П. Заимствования из казахского языка в русских говорах Казахстанского Прииртышья. АКД. Алма-Ата, 1971.

Скирдов В. Д. Среднеазиатская лексика в речи русского населения северных областей Киргизии. — Тр. Пржевальск. пед. ин-та, 1956, вып. 4, с. 347—359.

Смирнов В. Д. К объяснению значения слова *кандалы*. — ЗВО РАО, 1912, т. 21, вып. 1, с. 01—03.

Смирнов В. Д. Что такое Тьмутаракань? — Византийский временник. Т. 23 (1917—1922). Пг., 1923, с. 15—73.

Смирнова Е. М. Башкирская лексика в сказовом творчестве П. П. Бажова. — Учен. зап. Стерлитамак. пед. ин-та, Сер. филол., 1963, вып. 12, № 2, с. 55—68.

Соболевский А. И. Из истории русской моды. — Изв. Таврич. о-ва истории, археологии и этнографии, 1927, т. 1 (58), с. 144—148. [рассматриваются тюркские названия одежды].

Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве». — Изв. по русск. яз. и словесн. АН СССР, 1929, т. 2, кн. 1, с. 174—186. [*босый*].

Соболевский А. И. Κουλίγγοι и Ταλμάτσιοι — Византийский временник. Т. I, вып. 2. СПб., 1894, с. 460—461. [по поводу статьи Неймана в Byzantinische Zeitschrift, III (1894)].

Соболевский А. И. Русские заимствованные слова. СПб., 1891.

Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI—XVII вв.). Л., 1970 [*баскак*, *улан*, *есаул*, *сеунч*, *чеуш*, *янычар*, *улубий*].

Спасский И. Г. Алтын в русской денежной системе. — Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР. Вып. 66. М., 1956, с. 12—20.

Спасский И. Г. Из истории древнерусского товароведения. — Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. Вып. 62. М., 1956, с. 45—50.

Спирина И. Т. Некоторые семантические процессы при заимствовании и освоении тюркских слов в говоре уральцев. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Вып. 2, ч. 1. Новосибирск, 1971, с. 208—209.

Спирина И. Т. Фонетическое освоение заимствований из тюркских языков говором уральцев. — ТЛЭ, с. 41—42.

Стасов В. В. Происхождение русских былин. — Вестн. Европы, 1868, т. 4, кн. 7, с. 292—345. [с. 308—309, этимология слова *богатырь* (рец.: Голос, 1869, № 198); с. 292, тюркизмы русского языка].

Стрижак О. С. Тиверці (таємниче літописне плем'я). — Мовознавство, 1969, № 4, с. 47—56.

Субаева Р. Х. Из истории русско-тюркских языковых взаимоотношений. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 135—141.

Субаева Р. Х. К вопросу о взаимодействии тюрко-татарской и русской топонимики на территории Тат. АССР — Учен. зап. Казан. ун-та, 1959, т. 119, кн. 5 (Памяти В. А. Богородицкого), с. 372—378.

Субаева Р. Х. К проблеме русско-тюркского языкового взаимодействия. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения. Казань, 1960, с. 26—28.

Субаева Р. Х. Тюрко-татарские элементы в «Атласе русских народных говоров Волго-Камья». — В кн.: Вопросы русской диалектологии Волго-Камья. Казань, 1971, с. 101—119.

Сулейменова Б. А. Некоторые вопросы русских лексических заимствований в казахском языке. — В кн.: Қазақ тілінің тарихы туралы зерртеулер. Алматы, 1965, с. 58—90. [примеры взаимных заимствований].

Сулейменова Б. А. «Шана» сөзі орыс тілінен енген бе? — Қазақстан мектебі, 1963, № 11, с. 71—726.

Сум П. Ф. Историческое рассуждение об уцах или половцах. — ЧОИДР, 1848, № 8, ч. 4, с. 13—49.

Сум П. Ф. Историческое рассуждение о пачинаках и печенегях. — ЧОИДР, 1846, № 1, ч. 4, с. 1—IV, 1—48.

Сумцов Н. [Рец.]. Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. 1884, Bd. XXXIV—XXXV (Памятники императорской академии наук в Вене, 1884 год). — Киевская старина, 1885, т. 11, апр., с. 755—760. [тюркизмы украинского языка].

Супрун А. Я. Да пытання пра татарызмы у беларускай мове. — ТЛЭ, с. 43—44.

Супрун А. Я. З беларускіх цюркізмаў [*тулун, кораш*]. — Вестн. Беларус. ун-та. Філалогія. Журналістыка, 1969, № 3, с. 69—70.

Супрун А. Е. К вопросу о среднеазиатской лексике в украинском языке. — Учен. зап. филол. фак. Киргиз. ун-та, 1957, вып. 3, с. 84—111.

Супрун А. Е. Некоторые киргизские элементы среднеазиатской лексики в русском языке. — В кн.: Тюркологические исследования. Сб. статей, посвящ. 80-летию акад. К. К. Юдахина. Фрунзе, 1970, с. 37—47.

Супрун А. Е. Не просто слово (Из заметок лингвиста о среднеазиатской лексике у русских писателей). — Киргизстан, 1956, № 1 (28), с. 65—70.

Супрун А. Е. Системность лексики и этимологии. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 88—97.

Супрун А. Е. Среднеазиатская лексика в русском языке. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 4. М., 1963, с. 145—159.

Супрун А. Е. Экзотическая лексика. — Науч. доклады высшей школы. Филол. науки, 1958, № 2, с. 51—54.

Тагиев М. Т. Наблюдения над употреблением слов тюркского происхождения в русских письменных памятниках XVI—XVII вв. — ТВСЯ, с. 148—160.

Татищев В. Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. Ч. 1—3. СПб., 1793.

Творогов О. В. О воскрешении некоторых неоправданных предположений О. Сенковского. — ИСЛЯ, 1963, т. 22, вып. 5, с. 432—434. [*блѣвань*].

Творогов О. В. Тюркизмы в древнерусском языке. — В кн.: Филология и история тюркских народов. Тез. докл. Л., 1967, с. 37—38.

Терегулова Р. «Хождение Афанасия Никитина» как памятник русского литературного языка XV века. (Лексика). — Учен. зап. Тамбов. пед. ин-та, 1941, вып. I, с. 136—157.

Титаренко Н. А. Восточная лексика в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. — Изв. Воронеж. пед. ин-та, 1972, т. 126 (Вопросы грамматики и лексики русского языка), с. 152—170.

Тихонов Д. И. Значение терминов *тутук* и *кадаш*. — Народы Азии и Африки. 1965, № 5, с. 92—94.

Тихонова Э. В. Узбекская лексика в произведениях русских писателей Узбекистана. АНД. Ташкент, 1970.

Томилина Г. Я. Клобук и колпак. — Рус. речь, 1977, № 4, 97—101.

Топоров В. Н. О происхождении нескольких русских слов. (К связям с индо-иранскими источниками). — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 21—45. [*пансура*, *парень*, *паз*, *пазуха*].

Тошьян С. Б. О заимствованиях в говорах русских переселенцев в Армянской ССР. — В кн.: Тезисы докладов об изучении русских и украинских говоров Дона и Северного Кавказа, прочитанных на IV Межобластном совещании диалектологов в г. Ростове-на-Дону (21—28 апр. 1958 г.). Ростов/Д., 1958, с. 55—58.

Третье письмо с Анатольского берега Босфора. [В конце подпись: Русский солдат]. — Сев. пчела, 1833, № 159, с. 634—636. [с. 635, примеч.: *кушак*, *таз*, *кавун*, *алтын*, *базар*, *башмак*].

Трубачев О. Н. Заметки по старославянской этимологии (*боляринъ*, *врачъ*). — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 4. М., 1963, с. 160—168.

Трубачев О. Н. Из истории названий каш в славянских языках. — Slavia, гоѣн. 29 (1960), seš. 1, s. 1—30.

Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений. — В кн.: Этимология. 1965. М., 1967, с. 3—81.

Трубачев О. Н. К этимологии слова *собака*. — Краткие сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1955, № 15, с. 48—55.

Трубачев О. Н. О племенном названии *уличи*. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961, с. 186—190.

Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.

Трубачев О. Н. [Рец. на кн.:] И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. I. Хельсинки, 1959. — Краткие сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. Славянское языкознание. М., 1962, вып. 35, с. 99—101.

Трутовский В. К. Алтын, его происхождение, история, эволюция. Экскурс в историю русских древностей. — Тр. секции археологии Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН, 2, 1928, с. 131—137.

Трутовский В. К. Ногата, ее происхождение и ее место среди ценностей древней Руси. — Древности восточные. Тр. Вост. комиссии Моск. археол. о-ва, т. 4, 1913, с. 15—98 разд. паг.

Туркин В. Н. Из истории слов *болярин* и *ябедник*. — В кн.: Запорізьк. пед. ин-та Наук. конф., присвяч. підсумкам наук.-дослід. роботи за 1956 р. Доповіді та повід. Секція мовозн. Тези. Запоріжжя, 1957, с. 39—41.

Тюркская лексика в русских говорах Башкирии. Сост. Л. Л. Аюпова, Э. П. Здобнова. Уфа, 1973, с. 1—27.

Урусилов А. У. Хотон. — Рус. речь, 1978, № 2, с. 116—118.

Урусилов А. У. Чабан. — Рус. речь, 1976, № 3, с. 95—98.

Фасмер М. Р. Лингвистические заметки по славянским языкам. — Живая старина, 1908, ч. 17, вып. 2, с. 141—149. [*лошадь*, *слон*].

Феллер М. Д. Тюркизм печатного дела. — ТЛЭ, с. 44.

Филин Ф. П. Заметки о термине *алты* и о так называемом антском периоде в древней истории восточных славян. — В кн.: Проблемы сравни-

тельной филологии. М.—Л., 1964, с. 266—270. [гипотеза о тюркском (аварском) происхождении имени].

Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. (По материалам летописей). Л., 1949 (Учен. зап. ЛГПИ, т. 80).

Филоненко В. И. Восточные заимствования в русском языке. — В кн.: Вопросы изучения русского языка. Ростов/Д., 1962, с. 44—45.

Филоненко В. И. Анализ тюркских лексических элементов в древнерусском литературном языке. Духовные грамоты XIV в. — ТЛЭ, с. 45

Филоненко В. И. К вопросу о происхождении и значении слова «тат.» — Изв. Таврич. о-ва истории, археологии и этнографии, 1928, II (59), с. 130—132.

Фрейман А. А. Ирано-славянские заметки. — ДАН СССР, Сер. В, 1924, апрель—июнь, с. 47—50.

Хабичев М. А. Вагт, багот. — Сов. тюркология, 1975, № 4, с. 46—48.

Халимоненко Г. И. Слова *товар, табор и товарищ* в староукраинском языке. — В кн.: Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков. М., 1973, с. 26—43.

Хаустова Ю. Ф. Базар и рынок. — Рус. речь, 1973, № 2, с. 145—148.

Хитрова В. И. Слово «бильдюга» в воронежской письменности XVII века. — Изв. Воронеж. пед. ин-та, 1972, т. 126 (Вопросы грамматики и лексики русского языка), с. 149—151.

Хороших А. Из дорожных заметок. — Рус. инвалид, 1868, № 112, с. 3—4. [*журган, таз, деньги, алтын*].

Цельникер С. С. Некоторые дополнения к этимологии русск. *барсука*. — В кн.: Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963, с. 120—123.

Цомакион Н. А. Из истории мангазейской лексики. Заметки о названиях тканей. (По материалам мангазейских деловых документов XVII—первой четверти XVIII в.). — В кн.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии и русской лексикологии. (Материалы 8-й зон. конф. вузов Сибири и Дальнего Востока). Красноярск, 1968, с. 131—142. [*байберек, дороги, вендень, изюбрь, кармазин, лаудан, кумач, настрафиль, таусинка*].

Чайкина Ю. И. Из истории слов *починок и хутор*. — Учен. зап. ЛГПИ, 1969, т. 370, с. 169—186.

Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956.

Чернышевский Н. Г. [Рец.]. О сродстве языка славянского с санскритским. Сост. А. Гильфердинг. — Отеч. зап., 1853, т. 39, № 7, отд. V, с. 16—24. [*амбар, якшаться*].

Чернышова Ю. И. Лексические заимствования из киргизского языка в языке местной русской периодики. АКД. Фрунзе, 1971.

Чертков А. О переводе Манассиной летописи на славянский язык. — Рус. ист. сборник. Т. 6, кн. 1—2. М., 1843, с. IV, 1—183. [с. 25, примеч.: *башня, торьма*].

Чуйко Н. П. Заимствованные названия диких животных в русском говоре Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области. — Зап. Горно-Алтайск. НИИ истории, языка и лит-ры, 1967, вып. 7, с. 39—44.

Чуйко Н. П. Место алтайских слов в лексической системе русского говора Онгудайского района. — В кн.: Вопросы языка и литературы. Тематич. сб. гуманитар. фак. Новосиб. ун-та, вып. 1, ч. 1. Новосибирск, 1966, с. 155—176.

Чуйко Н. П. Семантическое освоение алтайских слов в русских говорах Горно-Алтайской области. — Там же, 1966, с. 177—195.

Шакирова Н. М. О некоторых тюркских заимствованиях в русском языке. — Науч. тр. Ташкент. ун-та, 1964, Нов. серия, вып. 268. Филол. науки, кн. 26, с. 174—184 с табл.

Шамсиева М. В. Иранизмы в языке Афанасия Никитина («Хождение за три моря»). — В кн.: Современный русский язык и методика его преподавания. Душанбе, 1971, с. 77—92.

Шамсиева М. В. Персидские слова в «Хождении купца Федота Котова в Персию». — В кн.: Вопросы русского языкознания. Душанбе, 1973, с. 55—63.

Шамсиева М. В. Фонетическая структура слов иранского происхождения в русском языке. АКД. М., 1973.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Шахматов А. А. Заметка об языке волжских болгар. — Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 5, вып. 1. Пг., 1918, с. 395—397.

Шегрива А. М. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных. — В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. [Т. 1]. СПб., 1854, стб. 145—165. [первоначально напечатано в прибавл. к ИОРЯС, 1852, т. 1, стб. 145—165].

Шеломенцева З. С. К вопросу об изучении тюркских лексических заимствований в русском языке. — В кн.: Сборник трудов аспирантов и соискателей (Кирг. ун-т). Сер. обществ. и гуманитар. наук. Вып. 5. Фрунзе, 1970, с. 161—164.

Шеломенцева З. С. Некоторые замечания о тюркской лексике в русском языке. (На материале названий жителей Средней Азии). — Там же, с. 200—203.

Шеломенцева З. С. Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971.

Шеломенцева З. С. Словник тюркізмів у російській мові мешканців Киргизії. — А. Ю. Кримський, с. 160—161.

Шестаков П. Д. Заметка о влиянии русского языка на языки инородческие. — Тр. четвертого археол. съезда в России, бывшего в Казани 31 VII—18 VIII 1887. Т. 2. Казань, 1891, с. 1—4 разд. паг.

Шировский А. Н. Из истории слова *боярин* и некоторых его производных в русском языке. — Наук. зап. Дніпропетр. ун-ту. Мовознавство. Харків, 1958, т. 63, вып. 14, с. 57—62.

Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

Штейниц В. К. Финно-угорско-тюркско-русские этимологии. — В кн.: Язык и человек. Сборник статей памяти проф. П. С. Кузнецова. М., 1970, с. 279—283. [*касаться* 'кочевать', *тамар* 'стрела', *алак*, *алык* 'оленья и собачья ляжка'].

Штернбах Л. К толкованию терминов в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. — Народы Азии и Африки, 1964, № 6, с. 75—77. [*ишьени*, *кичирисъ*].

Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 82—172.

Эрдман Ф. И. Деньги, кабак, набат. Новгород, 1855. [перепечатано из Новг. губ. вед., 1855, № 16].

Эрдман Ф. И. Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский. — Тр. и летописи ОИДР. Ч. 5, кн. 1. М., 1830, с. 245—245.

Эрдман Ф. И. Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский. — Казанск. вестн., 1828, ч. 24, сент., с. 33—53 [то же: Отд. отт. Казань, Унив. тип., 1828]. [*охабень*, *кафтан*, *кинжал*, *купол*, *алков*].

Эрдман Ф. И. Следы азиатизма в «Слове о полку Игореве». — ЖМНП, 1842, ч. 36, окт., II отд., с. 19—46.

Эфендиева А. Д. Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI—XVII вв.). АКД. Л., 1975.

Эфендиева А. Д. К вопросу об ориентальной лексике в русском языке Петровской эпохи. — Учен. зап. Азерб. пед. ин-та языков. Сер. 12 (Язык и лит-ра), 1969, № 1, с. 90—97.

Эфендиева А. Д. К истории семантического освоения ориентализма *чулан* в русском языке. — Там же, 1973, № 3, с. 66—73.

Эфендиева А. Д. К истории слова *аманат* в русском языке. — Там же, 1972, № 4, с. 50—54.

Эфендиева А. Д. К проблеме ориентализмов в русистике и тюркологии. — Тез. докл. VI Республ. межвуз. науч.-метод. конф. по актуальным вопросам обучения русскому языку в азербайджанской аудитории. Баку, 1975.

Эфендиева А. Д. Теоретические основы проблемы заимствования применительно к ориентализмам в средневековом русском языке. — Учен. зап. Азерб. пед. ин-та языков. Серия 12 (Язык и лит-ра). 1974, № 3, с. 15—22.

Юналеева Р. А. Диалектные тюркизмы как источник изучения междиалектных и межъязыковых контактов. — Тез. докл. и сообщ. совещания по общим вопросам диалектологии и истории языка. Ереван, 2—5 окт. 1973 г. М., 1973.

Юналеева Р. А. Историко-семантическое развитие русских слов с тюркским элементом *кан-*. — В кн.: Грамматическая лексикология русского языка. Казань, 1978, с. 149—162.

Юналеева Р. А. О некоторых тюркских словах в русских говорах северо-восточной Башкирии. — Учен. зап. Казан. ун-та, 1961, т. 121, кн. 3 (Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья), с. 254—274.

Юналеева Р. А. О татаризмах в Кратком этимологическом словаре. — В кн.: Очерки грамматики и лексикологии русского языка. Казань, 1977, с. 188—196.

Юналеева Р. А. Структурно-семантический анализ русских слов с тюркским элементом *баш*. — Учен. зап. Казан. пед. ин-та, 1976, № 161 (Вопросы теории и методики изучения русского языка), с. 202—209.

Юналеева Р. А., Галиуллин К. Р. К истории слова «кирпич» в русском языке. — Учен. зап. Азерб. пед. ин-та языков. Сер. 12 (Язык и лит-ра), 1974, № 2, с. 40—45.

Языков Д. И. Опыт к истории хазаров. — Тр. Росс. Акад., 1840, ч. 1, с. 155—240. [*хан, куртка*].

Языков Д. И. Сартак. Батый. Мангу-Хан. — Там же, ч. 3, с. 126—186. [*ям, ямщик*].

Яковлева Г. А. Заметки о лексических и словообразовательных особенностях русских говоров терского казачества. — Учен. зап. Кабард.-Балкар. ун-та, 1965, вып. 25, с. 33—68. [*мечты, цэбури*].

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. [тюрк. элементы в др.-русс. языке, с. 346—350].

Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв. — Кратк. сообщ. Ин-та истории материальной культуры АН СССР. М., 1956, вып. 66, с. 21—30.

СПИСКИ СОКРАЩЕНИЙ

Обозначения источников и библиографические сокращения

Абаев ОЭС	— Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I. А—К'. М.—Л., 1958; II. Л—Р. Л., 1973
Абаев ОЯФ	— Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.—Л., 1949
АДД	— Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук
АКД	— Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук
АН	— Академия наук
Ашмарин	— Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. I—II. Казань, 1928—1929; вып. III—XVII. Чебоксары, 1929—1950
Бартоломэ	— Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904
БЕР	— Георгиев Вл., Гълъбов Ив., Займов И., Илчев Ст. Български етимологичен речник. София, 1962
Бернекер	— Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913
Брюкнер	— Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927
Буазак	— Boissacq É. Dictionnaire étymologique de la langue grèque. Heidelberg, 1907
Будагов	— Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II. СПб., 1869—1871
Василевич 1934	— Василевич Г. М. Эвенкийско-русский диалектологический словарь. Л., 1934
Василевич 1940	— Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1940.
Василевич 1958	— Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958
Вук	— Karadžić V. S. Lexicon serbico-germanico-latium. Белград, 1898

- Вуллерс — V u l l e r s J. A. Lexicon persico-latinum etymologicum, I—II. Bonnae, 1855, 1864
- ВЯ — Вопросы языкознания. М.
- Габеленц — G a b e l e n z H. C. von der. Mandschu-deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1864
- Голстунский — Г о л с т у н с к и й К. Ф. Монгольско-русский словарь, I—III. СПб., 1893—1895
- Гомбоц — G o m b o c z Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. — MSFOu 30, 1912
- Грөнбек — G r e n b e c h K. Komanisches Wörterbuch. København, 1942
- Грубе — G r u b e W. Die Sprache und Schrift der Jučen. Leipzig, 1896
- Даль — Д а л ь В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 3, I—IV. СПб., 1903—1909.
- ДАН — Доклады Академии наук СССР, серия «В».
- Дёрфер — D o e r f e r G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, I—IV.. Wiesbaden, 1963—1975
- Дмитриев — Д м и т р и е в Н. К. Строй тюркских языков. Сборник статей. М., 1962
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969
- Егоров — Е г о р о в В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964
- ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- Зап. — Записки
- Захаров — З а х а р о в И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875
- ЗВО РАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
- ИОЛЯ — Известия Академии наук. Отделение литературы и языка. М.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.—Пг.—Л., 1896—1927; Известия по Отделению . . . , т. I—X, 1852—1863
- ИСЛЯ — Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка
- Карлгрэн. Dict. — K a r l g r e n B. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923
- Карлгрэн. Grammata — K a r l g r e n B. Grammata Serica. Script and Phonetics in Chinese and Sino-Japanese. Stockholm., 1940
- Кашг. — 1) B r o c k e l m a n n C. Mitteltürkischer Wortschatz nach Maḥmūd al-Kāṣṣārīs Divān lūḡāt at-Turk. Budapest—Leipzig, 1928; 2) Divanü lūgat-it-türk tercümesi. Çeviren B. Atalay. I—III. Ankara, 1939—1941; 3) Divanü lūgat-it-türk. Tıpkıbasımı. «Faksimile». Ankara, 1941
- Клюге — K l u g e F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. von A. Götze. Berlin, 1951; 17. bearb. Aufl. von W. Mitzka. Berlin, 1957
- Кнежевич — K n e ž e v i ć A. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan, 1962
- Ковалевский — К о в а л е в с к и й О. М. Монгольско-русско-французский словарь, I—III. Казань, 1844—1849

- Козин. Сокр. сказ. — К о з и н С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Moŋγol-un niγuṣa tobγiyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник, т. I. Введение в изучение памятника, перевод, текст, глоссарии. М.—Л., 1941
- Корш. Слово — К о р ш Ф. Е. Слово о полку Игореве. СПб., 1909 (Исследования по русскому языку, т. 2, № 6)
- А. Ю. Крымский — А. Ю. Крымский — україніст і орієнталіст (Матеріали ювілейної сесії до 100-річчя з дня народження). Київ, 1974
- Лессинг — L e s s i n g F. D. (general Editor) *Mongolian-English Dictionary*. Berkeley and Los Angeles, 1960
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
- Локоч — L o k o t s c h K. *Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavischen) Wörter orientalischen Ursprungs*. Heidelberg, 1927
- Маркварт. Chronologie — M a r q u a r t J. *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften*. Leipzig, 1898
- Маркварт. Komanen — M a r q u a r t J. Über das Volkstum der Komanen.—In: B a n g W., M a r q u a r t J. *Osttürkische Dialektstudien*. Berlin, 1914, S. 25—238
- Маркварт. Streifzüge — M a r q u a r t J. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts*. Leipzig, 1903
- МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Пг.—Л.
- МГПИ — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина
- Мейер-Любке — M e y e r L ü b k e W. *Romanisches etymologisches Wörterbuch*. 3. Aufl. Heidelberg, 1935
- Менгес. Glossar — M e n g e s K. H. *Glossar zu den volkskundlichen Texten aus Ost-Türkistan*, II. Mainz, 1955
- Миклошич||Микл. — M i k l o s i c h F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886
- Миклошич. Л.||Микл.Л.|| — M i k l o s i c h F. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Wien, 1862—1865
- Минорский. Худūd ал-‘алām||Минорский — Ḥudūd al-‘Alām. ‘The Regions of the World’. *A Persian Geography* 373 A. H.—982 A. D. Transl. and expl. by V. M i n o r s k y. London, 1937
- Младенов — М л а д е н о в С. *Етимологически и правописен речник на българския книжовен език*. София, 1941
- Моравчик — M o r a v c s i k Gy. *Byzantinoturcica*, I. *Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türk-völker*, II. *Sprachreste der Türk-völker in den byzantinischen Quellen*. Budapest, 1942—1943; 2. Aufl. Bd. I—II. Berlin, 1958 (Berliner Byzantinischen Arbeiten, X—XI)
- НИИ — Научно-исследовательский институт
- Образцы — Р а д л о в В. В. *Образцы народной литературы тюркских племен, ч. I—X*. СПб., 1866—1907
- ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка

- Орлов
Пекарский — Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М., 1938
— Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, вып. I—XIII. СПб—Л., 1907—1930; фототип. т. I—III, 1959
- Преображенский — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, т. I—III. М., 1910—1914, 1949
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб—М.—Л.
Радлов — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911
- Рамстедт — Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- Редхауз||Redh. — Redhouse J. W. A Turkish and English Lexicon. New impression. Constantinople, 1921
- Рясянен — Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969
- РЯШ — Русский язык в школе. М.
- Словарь — Виноградова В. Л. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1—5. М.—Л., 1963—1978
- Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903
- СТ — Советская тюркология. Баку
- ТВСЯ — Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974
- Титов — Титов Е. И. Туингусско-русский словарь. Иркутск, 1926
- ТЛЭ — Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках. Тезисы докладов второго симпозиума (25—27 ноября 1969 г.). Минск, 1969
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
- Тр.
Учен. зап.
Фасмер — Труды
— Ученые записки
— Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I—III. Heidelberg, 1953—1958,
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева, т. I—IV. М., 1964—1973
- Хауер — Haueer E. Handwörterbuch der Mandschusprache, I—III. Wiesbaden, 1952—1955
- Хюбшман. Арм. грам. I — Hübschmann H. Armenische Grammatik. I. Theil: Armenische Etymologie. Leipzig, 1895
- Ценкер — Zenger J. Th. Dictionnaire turc-arabe-persan, I—II. Leipzig, 1866—1876
- Цинциус — Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949
- Чижевская — Čizevská T. Glossary of the Igor' Tale. The Hague, 1966 (Slavistic Printings and Reprintings, 53)
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
- Штайнгасс — Steingass F. A comprehensive Persian-English Dictionary. 2 impression. London, 1930

- Широкогоров — *Shirokogoroff S. M. A Tungus dictionary, I—II. Tokyo, 1944*
- Юань-чао би-ши||Сокровенное сказание — *Юань-чао би-ши (Секретная история монголов) 15 цзюаней. Т. I. Текст. Изд. текста и предисловие Б. И. Панкратава. М., 1962 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия, VIII)*
- ABAW — *Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-philol. und histor. Kl. München*
- AfslPh — *Archiv für slavische Philologie. Berlin—Leipzig*
- AOH — *Acta Orientalia (Academiae scientiarum Hungaricae). Budapest*
- APAW — *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin*
- Bárczi — *Bárczi G. Magyar szófészótár («Этимологический словарь венгерского языка»). Budapest, 1941*
- BSL — *Bulletin de la Société linguistique de Paris*
- BSOS — *Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London*
- Byzantion — *Revue internationale des études byzantines. Paris—Brussel*
- CAJ — *Central Asiatic Journal. Wiesbaden*
- DD — *Türkiye'de halk ağzından söz derleme dergisi, I—VI. Istanbul—Ankara. 1939—1952*
- DS — *Türkiye'de halk ağzından derleme sözlüğü, I—III. Ankara, 1963—1968*
- FFC — *Folklore Fellows communications. Helsinki*
- FUF — *Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki*
- Geste — *Grégoire H., Jakobson R., Szef-tel M. Le Geste du prince Igor.' — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, VIII. New York, 1948*
- HJAS — *Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Mass.*
- IF — *Indogermanische Forschungen. Berlin*
- IJSLP — *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*
- JA — *Journal asiatique. Paris*
- JAOS — *Journal of the American Oriental Society. Baltimore*
- JRAS — *Journal of the Royal Asiatic Society. London*
- JSFOu — *Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki*
- KCsA — *Kőrösi Csoma Archivum. Budapest*
- KSz — *Keleti Szemle (Revue orientale). Budapest*
- KZ — *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Berlin*
- Language — *Journal of the Linguistic Society of America. Baltimore*
- Mostaert. Dict. ordos — *Mostaert A. Dictionnaire ordos, I—III. Pe-king, 1941—1944*
- MSFOu — *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.*
- MSOS — *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin*
- PhTF — *Philologiae turciae fundamenta, t. I. Wiesbaden, 1959*
- RÉS — *Revue des Études Slaves. Paris*

RO	— Rocznik Orientalistyczny. Kraków—Warszawa
SBAW	— Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München
SK	— Seminarium Kondakovianum. Praha (Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый институтом им. Н. П. Кондакова)
Slavia	— Časopis pro slovanskou filologii. Praha
SPAW	— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin
StOF	— Studia Orientalia Fennica. Helsinki
SWAW	— Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien. Philos.-hist. Kl., Wien
T'P	— T'oung Pao. Leiden
TS	— XIII. yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan tanıklariyle tarama sözlüğü. 2-е изд., I—VI. Ankara, 1963—1972 (1-е изд., I—IV. Ankara, 1943—1957).
UAlb.	— Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden
UJb.	— Ungarische Jahrbücher. Berlin—Leipzig
WZKM	— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig
ZfslPh	— Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig—Heidelberg

Сокращения названий языков и диалектов

абаз.	— абазинский	болг.	— болгарский
абак.	— абаканский (=хакасский)	будух.	— будухский
абхаз.	— абхазский	булг.	— болгарский
авар.	— аварский	бур.	— бурятский
авест.	— авестийский	варкун.	— варкунский
адыг.	— адыгейский	венг.	— венгерский
азерб.	— азербайджанский	в.-луж.	— верхнелужицкий
аккад.	— аккадский	в.-нем.	— верхненемецкий
алан.	— аланский	волжскобул.	— волжскобулгарский
алб.	— албанский		
алт.	— алтайские языки	вьет.	— вьетнамский
алтайск.	— алтайский (=ойротский)	гаг.	— гагаузский
		герм.	— германские языки
англ.	— английский	голл.	— голландский
англос.	— англосаксонский	готск.	— готский
андийск.	— андийский	греч.	— греческий
араб.	— арабский	груз.	— грузинский
арам.	— арамейский	дагур.	— дагурский
арм.	— армянский	дат.	— датский
арчин.	— арчинский	джек.	— джекский
атт.	— аттический	дигор.	— дигорский
афг.	— афганский	дидойск.	— дидойский (=цезский)
балкар.	— балкарский		
бараб.	— барабинский	долг.	— долганский
башк.	— башкирский	дравид.	— дравидийские языки
белор.	— белорусский		
бельт.	— бельтирский говор хакасского языка	др.-англ.	— древнеанглийский
		др.-болг.	— древнеболгарский
		др.-булг.	— древнебулгарский

др.-венг.	— древневенгерский	кашг.	— кашгарский диалект уйгурского языка
др.-в.-нем.	— древневерхненемецкий	Кашг.	— см. сокращения Источников
др.-герм.	— древнегерманский	кет.	— кетский
др.-инд.	— древнеиндийский	кидан.	— киданьский
др.-ир.	— древнеиранский	кимр.	— кимрский
др.-ирл.	— древнеирландский	кирг.	— киргизский
др.-исл.	— древнеисландский	кит.	— китайский
др.-кит.	— древнекитайский	копт.	— коптский
др.-монг.	— древнемонгольский	койб.	— койбальский (по Радлову)
др.-н.-нем.	— древненижненемецкий	кор.	— корейский
др.-норв.	— древненорвежский	кот.	— коттский
др.-перс.	— древнеперсидский	крым.	— крымско-татарский
др.-сакс.	— древнесаксонский	кубач.	— кубачинский
др.-сканд.	— древнескандинавский	куман.	— куманский (по «Кодексу Куманикусу»)
др.-русск.	— древнерусский	куманд.	— кумандинский
др.-тюрк.	— древнетюркский	кумык.	— кумыкский
др.-уйг.	— древнеуйгурский	курдак.	— курдакский
др.-чжур.	— древнечжурчжэньский	кыз.	— кызыльский диалект хакасского языка
др.-чеш.	— древнечешский	кюэр.	— кюэрикский (= чулымский)
др.-чув.	— древнечувашский	лаз.	— лазский
др.-швед.	— древнешведский	лакск.	— лакский
др.-яп.	— древнеяпонский	лат.	— латинский
евр.	— еврейский	леб.	— лебединский (тюркский)
занск.	— занский	лезг.	— лезгинский
зап.-арм.	— западноармянский	лесн.	— лесной диалект ненецкого языка
и.-е.	— индоевропейские языки	лит.	— литовский
илимп.	— илимпийский говор эвенкийского языка	лтп.	— латышский
имб.	— имбатский диалект кетского языка	мазандер.	— мазандеранский
индонез.	— индонезийский	макед.	— македонский
ир.	— иранские языки	манс.	— мансийский
ирл.	— ирландский	маньч.	— маньчжурский
исп.	— испанский	мар.	— марийский
ит.	— итальянский	матур.	— матурский (= шорский)
ишим.	— ишимский (тюркский)	мегрел.	— мегрельский
кабард.	— кабардинский	могол.	— могольский
каз.	— казанскотатарский	монг.	— монгольский
казах.	— казахский	монгор.	— монгорский
кайт.	— кайтакский	морд.	— мордовский
калм.	— калмыцкий	нан.	— нанайский
камас.	— камасинский	нган.	— нганасанский
капуч.	— капучинский	негид.	— негидальский
карагас.	— карагасский (= тофаларский)	нем.	— немецкий
караим.	— караимский	ненец.	— ненецкий
каракалп.	— каракалпакский	нерч.	— нерчинский говор
карач.	— карачаевский	нидерл.	— нидерландский
картв.	— картвельские языки	н.-луж.	— нижнедуцкий
кач.	— качинский	н.-нем.	— нижненемецкий

норв.	— норвежский	сой.	— сойонский (=тувинский)
нов.-в.-нем.	— нововерхненемецкий	сол.	— солонский
нов.-перс.	— новоперсидский	ср.-в.-нем.	— средневерхненемецкий
нов.-уйг.	— новоуйгурский	ср.-ир.	— среднеиранский
общегерм.	— общегерманский	ср.-кит.	— среднекитайский
огуз.	— огузские языки	ср.-лат.	— среднелатинский
олыч.	— =ульчский	ср.-монг.	— среднемонгольский
ордос.	— ордосский	ср.-перс.	— среднеперсидский
орок.	— орокский	ст.-польск.	— старопольский
ороч.	— ороцкий	ст.-слав.	— старославянский
орх.	— орхоно-енисейский	ст.-тур.	— старотурецкий
осет.	— осетинский	ст.-фр.	— старофранцузский
осм.	— османский	сым.	— сымский говор
остгот.	— остготский	табасаран.	— табасаранский
перс.	— персидский	тамил.	— тамильский
пехлев.	— пехлевийский	таранч.	— таранчи = уйгурский язык
печенеж.	— печенежский	тат.	— татарский
п.-монг.	— монгольский старо-	тел.	— телеутский диалект алтайского языка
письм.-монг.	письменный	тоб.	— тобольский
полаб.	— полабский	тоф.	— тофаларский
польск.	— польский	тохар.	— тохарский
порт.	— португальский	туба	— туба-диалект алтайского языка
праслав.	— праславянский	тув.	— тувинский
пратюрк.	— пратюркский	тунг.	— тунгусский-эвенкийский или тунгусские языки
протобуд.	— протобулгарский	тур.	— турецкий
прототунг.	— прототунгусо-маньчжурский	тур. анат.	— анатолийские говоры турецкого языка
ретором.	— ретороманский	турал.	— туралинские говоры
рум.	— румынский	туркм.	— туркменский
русс. рус.	— русский	тюрк.	— тюркские языки
русс.-цсл.	— русский церковно-славянский	убых.	— убыхский
саам.	— саамский	уд.	— удэйский
саг.	— сагайский диалект хакасского языка	удин.	— удинский
сак.	— сакский	удм.	— удмуртский
салбин.	— салбинский диалект	узб.	— узбекский
санскр.	— санскрит	уйг.	— уйгурский
сарт.	— сартовский (городские говоры узбекского языка — по Радлову)	укр.	— украинский
сван.	— сванский	ульч.	— ульчский
селькуп.	— селькупский	урал.	— уральские языки
семит.	— семитские языки	урм.	— урмийский
серб.	— сербский	фин.	— финский
сербохорв.	— сербохорватский	фин.-уг.	— финно-угорские языки
сиб. (тюрк.)	— тюркские языки Сибири	фр.	— французский
сир.	— сирийский	хакас.	— хакасский
скифск.	— скифский	халх.	— халхаский
слав.	— славянские языки	хант.	— хантыйский
слвц.	— словацкий	хет.	— хетский
словен.	— словенский	хив.	— хивинский
совр.	— современный		
согд.	— согдийский		

хорв.	— хорватский	шор.	— шорский
цахур.	— цахурский	шумер.	— шумерский
цезский	— цезский	эвен.	— эвенский
цсл.	— церковнославян- ский	эвенк.	— эвенкийский
чаг.	— чагатайский	энец.	— энецкий
чеш.	— чешский	эстон.	— эстонский
чжур.	— чжурчжэньский	этрус.	— этрусский
чуван.	— чуванский диа- лект юкагирского языка	эфиоп.	— эфиопский
		элют.	— элютский говор калмыцкого языка
чув.	— чувашский	юрак.	— юракский (= ненецкий язык)
швед.	— шведский	як.	— якутский
шапс.	— шапсугский	яп.	— японский

Прочие сокращения

афф.	— аффикс	направ.	— направительный па- деж
безл.	— безличный	нареч.	— наречие
будд.	— буддийский	наст.	— настоящее
букв.	— буквально	нескл.	— несклоняемый
возвр.	— возвратный	неперех.	— непереходный
вопр.	— вопросительный	образн.	— образное слово
вост.	— восточный	однокр.	— однократный
вр.	— время	п.	— падеж
гл.	— глагол	пассив.	— пассивный залог
грамм.	— грамматический	парн.	— парное слово
дат.	— дательный	перен.	— переносный
двойств.	— двойственное число	перех.	— переходный
деепр.	— деепричастие	побуд.	— побудительный
ед.	— единственное число	прил.	— прилагательное
ж.	— женский	притяж.	— притяжательный
зал.	— залог	прич.	— причастие
зап.	— западный	р.	— род
зват.	— звательный	разг.	— разговорный
знач.	— значение	род.	— родительный
изобр.	— изобразительный	с.	— средний
им.	— именительный	сев.	— северный
интенсив.	— интенсивный	сл.	— слово
ист.	— исторический	сиб.	— сибирский
исх.	— исходный падеж	собир.	— собирательный
качеств.	— качественное прил.	собств.	— собственный
книжн.	— книжный (-ая)	совр.	— современный
колич.	— количественное числи- тельное	страд.	— страдательный
косв.	— косвенный	суфф.	— суффикс
л.	— лицо	сущ.	— существительное
ласк.	— ласкательный	тв.	— творительный
литер.	— литературный	увел.	— увеличительный
личн.	— личный	уменьш.	— уменьшительный
м.	— мужской	ф.	— форма
мест.	— местоимение	ч.	— число
местн.	— местный падеж	числит.	— числительное
мн.	— множественное число	южн.	— южный
многокр.	— многократный	яз.	— язык языки

Знаки

< заимствовано из, перешло из, про-
изошло из

> перешло в, развилось в, стало

~ или, вариант

* предполагаемая форма, реконструи-
руемая форма

ИНДЕКС

В индекс включены только те слова и словоформы, которые подвергаются этимологическому истолкованию или связаны с этимологизированием других слов.

Сначала даются слова в транскрипции кириллицей, затем в латинской транскрипции и в греческом написании; в конце приложены индексы аффиксов.

Слова расположены в порядке букв соответствующих алфавитов. Буквы с диакритическими знаками для согласных звуков следуют в общем порядке букв без этих знаков. Гласные буквы условно не имеют своих алфавитных мест и также даются в общем порядке алфавитов.

аварец 121
Аварикос 43
адыг 196
Алакозъ 114
алпаутъ 122
апанча 188
**аррада* 144

ба- 82
баерак 188
бай 89
байбэй 89
балама 91
балбан 89
балбера 91
балбес 91
балбешка 91
балбук 91
балван 91
балда 90
балобан 90. 91
баловатъ 91
бан 81
банъ 81

бархан 24
бахила 79
бахилки 79
бахмаки 79
бахоры 79
башка 97
башмаки 79
**баш-ь* 97
Баян 80
баянъ 82
баяньникъ 82
бајати 82
белегъ 139
бельмес 91
блѣванъ 65
богъ 191.193.194.195
боз 66
болван 87.91
бо-люэ
боляр 84
боляре 84
боляринъ 85
бо(л)яринъ 92
боляринъ 84.91

боларинъ 85
Бонякъ 115
босой волк 80
босми 79
босми вѣлкъ 79
босый волк 65
бохай 70
боютисѧ 82
Боян 80
баянъ 65.66.80.81
Боянъ 80
бояракъ 188
боярин 83
бояринъ 65.83.84.91.179
боаринъ 83
буга 128
бугай 128
буерак 188
буй тур 65
бунчук 160
бумага 79
бурка 186
бус 65
бусови врани 86

бусовъ 80.86
бусый 86
бълванъ 87
быль 91
быля 92.136.137
быть 92
бэй 89
бэй-вэнь 88
бэй-мэнь 88
бѣла хорюговъ 158
бѣлѣзъ 139
бѣкъ 65

ватага 79.189
велик шаркан 173
Влуръ 92
волотъ 117
вэнь 89
ватъ 31
ваць 31
ватици 31

гаочъ 62
Гардики 43
Гза 114
Гза(к) 66
Гзакъ 114.115.126
голова 97
градъ 117
градъце 43
гуанъ 152.171

да 152
да-гуанъ 152
да-ма 151
деньга 120
дивъ 192
дивъ 167.191.192.193
Дивъ 66
дйвъ 192
дива 192
Донъ 192
Доньцъ 192
Дѣнѣпръ 192
Дѣнѣстръ 192
дѣнѣува 97
дѣнѣува 97

Езериты 43
елоза 187
ѣндиѣ 97
ѣпанѣчка 187
ѣпанча 79.187
ералашъ 187
ѣрикъ 188.189.190
ерлыкъ 187
ермакъ 187
еруга 188
есаулъ 187
ѣвшанъ 188
ерикъ 190

Ждан 80
жемчугъ 95
женьчугъ 65
женьчюгъ 94
жѣнчугъ 94
жѣньчугъ 94.99
жѣньчугъ 94.96
*жѣчугъ 94

засапозжъникъ 129
земчугъ 96
зепъ 139
зѣпъ 139

инчи 95
истъба 126
истъба 126
итбаракъ 124
Итопа 116

јапѣнча 187
јапѣнда 187
јапѣнде 187
јѣр 189.190
јаракъ 189.190
јѣракъ 189.190
јѣруга 189.190
јѣпанча 187

каепичи 61
кавыла 105.107
каганъ 67
каганъ 108
казакъ 196
кал 101
калакъ 102
Калка 101.102
канъ 108.110
канину 65
каракалпакъ 63
Каракобякъ 102
*Карлуковичъ 157
Карлыевичъ 157
Касогъ 195
касожьскыи 191.195
Каяла 66.171
Каялы 100.101.102
каяти 101
Кза 114.115
кинѣсъ 94
князь 89
кобель 104.105
кобѣл 104
Кобякъ 66.102
Кобяка 116
Кобяковичъ 112
Кобяково 102
Кобякъ 115
Кобякъ 102

ковати 105
коврига 79.189.
ковуи 61.62
ковыла 105.107
ковылие 75.105
ковыль 105.107
ковылять 107
коганъ 65.67
коганъ 107.108
Кога 114.115.126
козакъ 196
Козьмъ 115
Козей-Ногай 114
Козя 114
комонъ 65
кончакъ 66
Кончака 111.112
Кончакъ 111.115
Коньчакъ 111.112
король 50.165
королязи 157
Корсунъ 116
костить 114
кость 114
Котянъ 116
кошеваць 113
кошчи 113.114
кошъ 113
кощей 65.114
кощи 113
кощиево 113
краль 50.165
краля 50
крѣлятъ 50
крѣль 50.165
крантъ 97
куманы 62.67
кумоси 71
Кунуи 73
кунъ-и 72
куръ 65
курганъ 65
Къза 114
кѣнмъ 94
Кѣрсоунъ 116
кѣрчага 79.189

Лаворъ 93
Лавъ-ръ 93
ладъ 197
лада 167.191.196.197.
198
лад-и-ти 197
ладо 197
ладъ 198
лад-ьн-ъ 197
лачуга 79.189
лебедь 61
лошадь 65
Ляо 71

магыт 117
 мач 198
 мечь 191.198.199.200.203
 мечк 198
 мог- 117
 могу́т- 117
 могут- 118
 могутай 117
 могутъ 117.136.137
 могуты 66.118
 могыт 117
 морда 120
 мордка 120
 мост 87
 мостовая 87
 Мугулюй 70
 Мъста 126
 Мъста 126
 мъчь 198

 нога 120
 ногата 65.66.118.120.189

 обръ 168
 объре 120
 объринъ 120
 обръ 123
 оварьскыи 120
 Овлур 65.66
 Овлуръ 92.93
 Ольбер 65
 Ольбкръ 122.127
 олбкры 175
 олббкры 66
 олббкръ 122
 олбкръ 123
 онглос 49
 опа 116
 опанча 188
 Оперълювее 123
 о-пбн-а 188
 орт- 126
 ортъма 125
 брѹжѹе 189
 ортъмами 125
 ортъма 65
 ортъма 127
 островъ 194

 плавъ 73.75
 плавыи 73
 половци 65
 половый 73
 половъци 73.74.127.170
 половъчинъ 127
 пырей 133

 рев- 128
 рев 128
 реветъ 128

реву́гъ 127. 128
 Реву́гы 66.118
 роуь 55
 Русь 55
 рѹс 55
 руськыи 55

 сабля 191.202.203.204
 сѣбля 202
 сагадакъ 136
 сагайдак 136
 сазѣн 172.173
 саизать 135
 сайдак 136
 салтѣны 65
 салтанъ 128
 само-дива 192
 самъпсонъ 94
 самъфиръ 94
 самчи 94
 сани 191.202.205.203
 сан'тъ 94
 санишь 94
 сао-хуа 135
 сан 203
 сапа 203
 саповать 203
 сапог 129.131
 сапогъ 129.203
 саракининъ 74
 си 71.72
 слов-ес- 33
 слово 33
 словѣнинъ 33
 словѣне 33
 собака 103
 Солданы 129
 солтанъ 128
 сорочининъ 74
 сорочины 74
 сра- 74
 сракининъ 74
 срацине 74
 сребрено стружѹе 158
 Стоян 80
 Стрибогъ 191.193.194.195
 Стрибожи 193
 стягъ 158
 Суда 171
 Судак 136
 судак 132
 сука 103.104
 Сула 131
 суланъ 128
 Сулы 101
 сунъ-ну 72
 Сура 132
 Сурожъ 60.132.133.134.
 166
 съто 193

сьр-а 74
 сюн-ну 70
 сяньби 71

 табгач 62
 талиги 142.143
 тѣлига 142
 тѣлига 166
 тѣлѣгъ 142.143
 тѣлига 143
 та-ма 151
 тао 141
 тарелка 143
 тархан 155
 татар 136
 Татранъ 136.137
 телега 81
 те-ле-гъ-ту-и 138
 те-ле-цзянь 138
 те-ле-цзянь-ту-эр 138
 теленги 143
 тѣлѣга 60.70.120.136.137.
 139.140.145.161.163.
 165.166
 тѣлига 143
 телингар 143
 терпугъ 97
 те-эр-ганъ 138
 те-эр-гъ 138
 те-эр-гъ-ти 138
 тивер- 148
 тиверьци 76.147.149
 тиверцы 148
 тис 205
 тѣс 205
 тиса 205
 тисовыи 191.205
 тлака 149
 тлакъ 149
 тѣковинъ 146
 тлѣка 149
 тлѣкъ 146.150
 тлѣковати 146
 тлѣковин 65
 тлѣковъникъ 146
 тлѣковинъ 146
 толковины 146.148
 толбѣка 149
 тѣдлага 189
 Тонузона 116
 топчак 65
 топчакъ 118.145
 Топчаки 66
 тороторитъ 184
 торханъ 155
 торъци 150
 тоуга 206
 тоуръ 206
 тоыг 189
 тоыга 189

тѡјага 189
 туга 191
 тундра 22
 турѣки 61
 туръ 191
 турѣси 147
 Тутраканъ 151
 тузвѣк 79
 тѣлк- 150
 тѣлкъ 150
 тѣлковини 76
 тѣлковинъ 146.149
 тѣлковины 66.126.150
 Тѣму- 151
 Тѣмutorоканъ 150.151.
 155.156
 Тѣмutorоканьскыи 88.
 151
 тѣмж- 151
 тѣлковины 126
 Тѣмутакаканъ 65
 тѣ-ли-гянь 153
 тюфѣк 79
 тѣжа 206

 уйгуры 62
 урус 62
 утюгъ 97

 фунт 97

 хаганъ 108.110
 ханъ 108.110
 харалуг 66
 харалугъ 156.157
 харалужн- 157
 харалужны 65
 харалужнъ 156
 Херсон 116
 хиа 76
 хиновы 65
 хоа 75
 хозяин 115
 хороший 207.208
 Хорс 208
 хорѣва 166
 хоругвѣ 161.163.166
 хоругы(-ѣвъ) 157
 хор-хор- 185
 хорохориться 184.185
 хорѣва 157
 хорюгов 65
 хорюгѣвъ 60.81.120.136.
 139.140.157
 хоржѣва 157
 хоти 118
 хотѣ 167
 хотъ 167
 хоу 62

хоумочѣнь 62
 хуау 62
 хун-ну 168.169
 хунт 97
 хунъ-и 72
 хунъ-юэ 73
 хунцзе 62
 Хърстъ 191
 Хърстъ 207.208
 хына 169
 хынити 169
 хыновскыи 66
 хынъ 66.168.169.170
 хынъ 73

 ци-ванъ-чжѣнь 147
 циданъ 71
 цйпела 130
 цѣта 94

 чага 65.66.120.170
 чалбан 180
 чаторъ 183
 чебот 130
 чѣмбуръ 174
 Чечера 132
 челѣбѣя 180
 челѣбѣя 180
 Челѣбѣйъ 180
 чело 170.171
 челѣка 170.171
 черкес 195
 чжао 141
 чжѣнь 95
 чжѣнь-чжу хуа-эр 95
 чжу 95
 чигиръ 182
 чобот 130.131
 чолка 170
 чрьлена чолка 158
 чрьленъ стягъ 157
 чумбуръ 174
 чурак 180
 чурбан 180
 чурка 180
 чърнии клобуци 62.63
 цинцувѣе 97

сабля 202
 саблюка 202
 шалбер 174
 шар 185
 шарѣн 173.175
 шарахатъ 185
 шарахнутъ 185
 шарашить 185
 шарашъ 185
 шарииши 185
 шаръ-великанъ 173
 шаровары 174

Шароканъ 171.173.175
 Шароканъ 66.70.79.183
 шарѡха 185
 шарѡша 185
 шарошь 185
 Шаруканъ 173
 шарш 185
 шаршить 185
 шатеръ 183
 шаторъ 183
 шатъръ 183
 шерешеры 65.66
 шереширъ 180.183.184.
 186
 шерѡх 185
 шерохий 185
 шерохнутъ 185
 шерохориться 184
 шерѡшитъ 185
 шерѡшь 185
 шер-шер- 185
 шершйть 185
 шельбиры 65.118
 шельбиръ 174.176
 шивѣй 71
 шорох 185
 шѡрохий 185

ерик 189

юанъхо 62
 юоръць 43
 Юцзюлюй 70

явно 188
 явор 43
 япончица 65.186
 япунджѣк 187
 япнджѣк 187
 ярлык 187
 ярѡк 190
 яр тур 65
 яруг 188
 яруга 65.79. 188.189
 ясаул 187

Жгль 49

-ар- 84
 -гирь 40
 -гуры 40
 -еръ 122
 -ик 190
 -инъ 84.85
 -ица 187
 -иц-а 186
 -ич-ъ 61
 -ка 97

-к-а 103
 -ла 131
 -л-а 101
 -xe 98
 -кpъ 122
 -бк-а 97
 -бyъ 147.148

 ab 93
 aba 61.93
 aba- 121
 A-ба 121.122
 Abači 93
 aba-r 121
 *Abar 121
 Aba-Tarqan 152
 A-bo 121.122
 acetum 199
 ačyq qumran 76
 adaq 134
 'af'ā 104
 aya 178
 ayla 93
 *ayla- 93
 aylaq 93
 *aylaur 93
 ay-la-ur 93
 *ay-lür 93
 ayl 164
 'Ahlu-'ş-şalıb 175
 Ajači 93
 ajan 93
 ājana- 93
 ajil 164
 *ajil 164
 ajran 116
 akeıt 199
 akēt 199
 alaču 189
 alačyq 189
 Ala-köz / Ala-göz 115
 alan 77
 albayun 122
 albayut 122
 albiž 62
 albus 62.73
 *Albyr 123
 *Albyraq 123
 *Albyryq 123
 alp 122
 alp-a-yut 122
 alp är 122.123
 alp-arlı 123
 Alperli 123
 alqys-ly 101
 al-t 126
 Alvan 42
 Alvannk' 42
 alyp 122

ama 153
 Ama-y-Qurqan 118
 Am-yu-Qurqan 118
 āntas 31
 āntzas 31
 apa 61.179
 āpa 61
 āpār 121
 āpar 121
 Apar 121.122
 āpar(i)šn 121
 āpartan 121
 āp-erlı 123
 aplayut 123
 āpurtan 121
 aqča 119
 Aq-Köbök 103
 aqt 119
 ār 191
 *ār 126
 ar- 191
 aralaš 187
 arjan 116
 ārok 190
 arq 190
 'Arrān 42
 arsalan 153
 art 126
 art- 126
 ārt 126
 *ār-t 126
 artma 126
 artmaq 126
 artyq 126
 aryq 190
 āryq 190.191
 *āryq 190
 *ā-srū- 192.194
 as-t 126
 'Ašhabu-'ş-şalıb 175
 at 38
 atlı 100
 at-ly 97.100
 Atrak 171
 Atrakā 171
 atta 38
 attū 97
 auara 121
 *aula 93
 aulaq 93
 aürkje 199
 av 93
 av- 121
 āv 93
 avar 121
 ava-r 121
 avarem 121
 *avla- 93
 avlaq 93
 *av-la-ur 93

av-lür 93
 āwār 121
 awara 121
 awarā 121
 āwarā 121
 axiss 199

 āfāndi 177
 āmāgi 84
 ānā 83
 *ār 85.148
 ār 76.83.85.122.127.148.
 175.176
 ārā 85
 ār-ān 76
 *ar-bügā 127
 ārli 123
 ārli 123
 ārli 123
 āv 121

 ba- 82
 ba 121
 baccu 121
 bači 121
 badraq 160
 b'aga- 82
 bagda-čān 62
 bagda-kan 62
 bagda-ri 62
 bagdavki 62
 bagdā-kā 62
 baça 195
 baçana 82
 baça tarqan 152
 baçdarki 62
 baçu 82
 bai 179
 ba'ir 188
 bā'it 82
 baj 81.82.83
 baj 83
 bāj 81.82.83
 *bāj 81
 baja 82.83
 bāj-a 83
 *bājaçan 83
 bajagaj 83
 bajan 81.82.83
 bajān 82
 bajānaj 83
 bajaq 82
 bajaqy 82
 bajar 83.84.85
 bajat 82. 83.179
 bajir 188
 baj-jan 83
 bajnaq 115
 hajraq 160
 baju- 82

bajy- 82
 bajyanaj 83
 bajyr 82
 bajyr 188
 bajyr-aq 188
 bajyşy 82
 bal 121
 bala 90
 bala- 90
 balaban 89.90
 bala-čäya 170
 balada 90
 bala-γ 90
 balaman 90
 balapan 90
 bala-q 90
 bala-r 90
 bala-r-t 90
 bala-şaya 170
 bala-x 90
 bala-şa 90.170
 balbäčty 89
 balbal 87.89
 balbalsy 89
 bal'baş 89
 bal'bäs 89
 balbätty 89
 bälga 139
 bälgü 139
 balvan 90
 balvonas 91
 balyq 155
 ban 81
 bän 81
 bāna 82
 bañaq 115
 bāñaq 115
 banus 81
 baracco 124
 Barag 124
 barak 124
 barak 124
 baraq 124
 barâq 124
 barâqiş 124
 barmbraccus 124
 bars 192
 barxan 24
 bas- 174
 baş 97.129
 baş-lyγ 100.174
 baş-qa 97
 başli 100
 başmaq 79
 bas-sy 174
 bat 121
 bat 121
 bat'i 121
 bat'u 121
 B'auṭṭa 69

beg 172
 *belge 139
 berčilär 134
 bet 121
 biđ 201
 bilbäs 91
 bilmäs 91
 bilmäz 91
 bi-sauljan 131
 biti 100
 biti-g 100
 bitiv 100
 *biz 201
 bo 83
 bō 128
 Boat-kat 70
 Bod-jul 70
 bodun 62
 bodyn 62
 *bod-lyγ/-luγ 91
 böğ 116
 böğä 128
 böğü 128
 boγa 128
 boγdaj 133.134
 boγoni 192
 boγori 192
 boj 116
 bojan 82
 bojla 84.85.91.92
 böjlä 92
 *bojla äri 84
 bojlar 84
 bojlar 85
 *bojlar 84
 bojlu 91
 bojn' aq 115
 bojnu aq 115
 *bojn(u)aq 116
 boj-un 77
 bök 116
 bökä 127
 *bökkä 127
 bökö 127
 bökräk 188
 bökü 127
 bölä 92
 bolur 93
 bön 116
 *bön-äk 116
 *bonjaq 116
 böñ 116
 *bön-ak 116
 bōrâj 134
 böri 69
 bōrū 79
 bōrū 69
 bos 86
 bot 130
 Bot-kat 70

botte 130
 boz 79.86
 brac 124
 bracco 124
 brach 124
 brachet 124
 Bracke 124
 *b'rag-r-os 124
 brakko 124
 braehen 124
 braq 124
 braque 124
 brēkr 134
 būdaj 133
 budun 62
 budyn 62
 *būdaj 134
 būgä 127.128
 *būgä 127
 būgi 128
 būgü 128
 buγa 128
 buγdaj 133.134
 *buγdaj 134
 buγudaj 134
 buhaj 128
 būj 128
 Bujan 82
 *buj jar-ak 188
 bujla 84.91.92
 būjlä 92
 bujruq 116
 būjü 128
 būjüşü 128
 būkä 127
 būkräk 188
 būkü 127.128
 būlä 92
 buł-ur 93
 bulvāns 91
 bunčaq 160
 buostuk 86
 buqa 128
 bur- 159
 *buraj 134
 Burāq 124
 burjuq 116
 burn-a-z 142
 burqan 152
 burr^{un} 133
 bursaj 152
 bur-xan 153
 bus 86
 būsu 104
 but 121
 B'uṭa 69
 butkuži 133
 buxa 128
 buz 86
 būu 116

cagān xūlar 62
 cala- 175
 calaburi 175
 calaṣar 175
 calaj- 175
 calaṣtaṣ 175
 calgi- 171
 cal-maj- 175
 cangl 199
 canis 103
 ɕapato 130
 c'ārgās 195
 c'ārgās 199
 c'ārkasāg 195
 carolingi 157
 *carolung 157
 carolis 157
 c'ārrgās 195
 caulis 107
 ɕauguate 136
 cavus 107
 caxa 170
 caz 172
 cell 199
 cella 199
 cena 199
 cēnsus 94
 cera 199
 charling 157
 charoling 157
 *charolung 157
 chou 75
 Chyṇava 169
 Chýnov 169
 ciabatta 130
 cingula 199
 cipelló 130
 cipó 130
 cippus 199
 circus 181
 cis 205
 civitāt(em) 199
 ciwdod 199
 clibā 177
 con 103
 crog 199
 crūc(em) 199
 cselebi 180
 cú 103
 cuaille 107
 c'ūan 104
 Cuni 69
 cwyn 199
 cwyr 199
 cyff 199
 ɕaba 170
 ɕabāt 130
 ɕabata 130.131

ɕabylan- 180
 ɕač 183
 ɕačyr 182
 ɕadar 182
 ɕadir 182
 ɕadyr 183
 ɕadyr 183
 ɕaṣa 170
 ɕakra 182
 ɕakra- 181
 ɕal 179
 ɕal- 175
 ɕala- 175
 ɕālā 178
 ɕalab 176.177.179
 ɕālāb 176.177.179
 ɕālābā 178
 ɕālābi 176.177.178.179.
 180
 ɕālābi-ā 178
 ɕālābi-aṣa 178
 *ɕālābir 176.180
 ɕalaṣaj 175
 ɕalap 177
 ɕalapa 175
 ɕālba 178
 ɕalban- 180
 ɕalbar 175
 ɕalgi- 171
 c'algi 171
 *ɕalgy-171
 ɕālība 178
 ɕālīpa 176
 ɕālīpā 177.178
 ɕalpa 175
 ɕalpara 175
 ɕalpaz 175
 ɕalqa- 171
 ɕalqa-γ 171
 *ɕalqy-la- 171
 ɕana 205
 ɕap 203
 c'ap'ula 131
 c'ap'xati 131
 *ɕaqa 170
 ɕaqa 170
 ɕar 188.207
 *ɕarkas 195
 ɕarq 182
 ɕarx 181.182
 ɕarxa 181
 ɕarxatir 181
 ɕarxa-žy 181
 ɕarxžy 181
 ɕašyr 182
 ɕatr 182
 c'attra- 182
 ɕatyr 182.183
 ɕēlxe 150
 ɕeruppu 130

ɕiṣir 182
 ɕilbur 174
 ɕilbuṣur 174
 ɕilburi 174
 ɕilbur 174
 ɕilki 183
 ɕilkū at 183
 ɕinči 95
 ɕiqriq 182
 ɕir 93
 *ɕiričār 182.183
 *ɕiricār(x) 184
 ɕirčir 183
 ɕolka 177
 ɕulbur 174
 ɕūrmās 183
 ɕyenne 205
 ɕyry 182
 ɕyryq 182
 ɕyryx 182
 ɕyryryq 182
 ɕylbyr 174.175
 ɕyqryq 182.183
 *ɕyqyr 182.183
 ɕyrčyr 183
 ɕžzn-ɕžu 99

dā- 148
 dab'un 104
 daeva 193
 da-la-gān 155
 *Dan-arp/-arf 192
 dāng 120
 dān-yuāγ 109
 **dān-ḥuāḥ 109
 dānu- 192
 *d'an-xwa 109
 dār 93
 dārā 102
 darkan 155
 darqan 154
 d'arū 189
 darxan 154.155
 d'āt 152
 *d'āt 152
 de- 148
 deb 193
 decimam 120
 *deiwos 193
 der 93
 dēr 145
 dēv 167.193
 dēva 167.193
 dēva- 194
 *d'ian-giwo 109
 dib 193
 diheb 193
 dikis purē 133
 dilah 150

*d'ilat 112
dime 120
d'ind'i 95
dirham 119
dirndj 167
Dirne 167
div 193
*d'jat 112
Dolmetscher 146
don 192
d'önd 98
d'önd' 96
döšak 79
döt 206
düşak 79
*dyrjun 98
dzündž 98
darxen 154
darxat 154
darxp 154
*dan-qwa 109

elbiž 62
*Elbs 62
eme 153
enži 95
*enži 98
ënt'ë 95
er 148.175
*ër 148
êrêl- 159
erselen 153
erüvig 128
es 89
exiss 199
*ezero 43

falb 75
falga 164
Falones 74
fálu 164
fâlv- 164
falw 75
fascia 199
faskjam 199
ferrum 204
flavus 75
*for- 159.166
forg- 159
fóro- 159
forog- 159
fragräre 124
funt 97
Furi 69
fyrs 133

ğaj 62
gan 512

gaw 62
gax 119
gêci 144
Gege 208
gigir 141
gir 141
*gir-gir 141
goçi 144
*gord-ык-ъ 43
gosixan 144
got 144
*göt 116
got'i 144
Groschen 120
grosso 120
grossum 120
g-r-r 141
goçësi 144
gödän 116
gön 112
gön 112
götän 116
*goti 144
gotuli 144
gözi aq 115
**g-p-' 104
gu 172
guaçi'i 144
güdän 116
gumän 100
gur 141
gusala 207
*g'wän 171
*g'wän-tieg 109
*G'wän-djer 72
gyöngy 96.98

γahan 110
*γaj 71
γāj 71
γašiyun 144
*γau 62
*γen-muo d'ien 62
*γiei 71
γiei 72
γöl 112
γubi 'huan ma 75
γwän 171
γwan-i 72
γwän-tiei 108
hecca 121
hu*han 71
haichturr-ak 199
haitz 199
haizkora 199
haj 71
haj 72.121
*hajil 164
*hajyl 165

halli 165
halqa 101
halqa 101
halqa-la-n 101
han 109
hat'u 121
hawi 105.107
Hažži Tarxan 151
hej 98
hej 98
Heune 168
hewi 105
hêrêli- 159
hêrga 144
hi 71
h'i 72
hiune 168
hja-han 71
*hor 158
*hor- 166
hor-çi 158
horčin 158.159
*hor-i- 160
horim 158
*horinjo 160
*horo- 159
*horoanja 162
hórol- 159
*horo-l- 159
*horoanja 158.159.161.162.
163.164
*horoanjo 160.162.165
hotivica 167
hrugga 166
huan ma 75
huan 70
huan-di 108
Hun 62
hün 168
Hün- 168
hūpa 169
hunds 103
Hüne 168
hünži 95
hu-p'o 75
hvare- 207.208

ime-ngi 99
imohë 99
imu-ksë 99
inčä 95
ingcu 95
*'inguxa 98
inži 95.98
inžu 95.96.98
*'inžuxa 99
inžü 95
irü 144
irü-wün 144

iši 84
 lt 103
 lt-äpa 116
 ltbaraq 123
 itik 129

 jabčan 188
 jabčun- 188
 jabčyn- 188
 jabyu 109
 jabiq 100
 jabov 100.186
 jabšun 188
 jabū 100
 jab-yγ 100
 jaγ 100
 jayan 109
 jaγ-lyγ 100
 jāi 188
 jāl 186
 jala- 187
 *jäläbir 180
 jala-z 187
 jal-a-z 142
 jaly 102
 jal-yn-186
 jalyñčya 186
 jalyñyz 186
 jänči- 187
 jänčig-im 189
 jänčik 189
 jänčü 94
 jänzi- 187
 jänzü 95
 *jan-qū/-yū 109
 jap- 188
 jāp 189
 *japanča 186
 japanža 186.187
 jap-in- 186
 japinči 186
 japoñcza 188
 japonža 187
 japqyč 186
 *japunča 186
 *jap-unčya 187
 japunža 186
 jap-yn 186
 japynčya 186.187
 japynža 186.187
 jap-yn-yš-a 186
 japyq 186
 jap-yš-yn- 188
 jar 188.189.190
 jār 189
 *jār 188.189.190
 *jār 190
 jār 191
 jārak 189

*jara-la-š 187
 jaraq 189
 jar-lyq 187
 jar-maq 187
 jarok 190
 järtür 187
 jaruga 189
 jarúga 189
 jaruγ 189
 jar-uq 189
 jaruq 190
 jaryñčya 187
 jaryq 189
 jāša- 187
 jasa-γul 187
 jāšār 187
 jāšin 187
 jašyn 187
 jāüni 188
 jāušān 188
 jav 100
 javčan 188
 javli 100
 javru 188
 javšan 188
 javšān 188
 jāwrü 187
 jaxša-arta 95
 Jaxšart 95
 jaz- 98.188
 jāz 188
 jāzin 187
 jenčü 94
 jep-in 186
 ji-ir 93
 jincī 95
 jinčü 94.95.99
 jin-čzu 99
 jin-šu-k'o 98
 *jinži 95
 jonučqa 187
 jonurčqa 187
 jonža 187
 jonγičqa 187
 jōr- 187
 *jöröfi 204
 jorunčqa 187
 *jör-un-uš-ya 187
 jorunža 187
 jorynča 187
 jorynčya 187
 *jorynčya 187
 *jösöfofi 204
 *Juk-kjau-ljwo 70
 jun 134
 jünži 95
 jüräk 189
 jüreg-inā 189
 jurunčqa 187
 jurnyčya 187

jušan 188
 Jü-t'jan 109
 jygel 205
 jyl-y-186
 jylynčya 186

kab- 104
 kablai 104
 kábūci 104
 kábylā 104
 k'ábula 104
 kábus 104
 kábys 104
 kada 100
 kadana-sa-l 100
 kadar 100
 kadār 100
 kada-sa-l 100
 kayankān 111
 kälāmürči(n) 147
 kalb 105
 käl-in 77
 kälmar-či(n) 147
 kan 111
 kān 111
 k'an 104
 kanli 100
 Karl 165
 karlar 55
 Karling 157
 'Karren 139
 k'ās 196
 kāsāg 195
 k'āsāg 196
 k'ašag 195
 k'ašagi 195
 kašak 195
 kās-yn 195
 katukan 168
 katun 168
 *kauja- 61
 kaulas 107
 kauls 107
 ke 111
 kelü 97
 kel-üg/-ig 97
 kel-üw 97
 keravu 130
 kerpu 130
 kēj 107
 kévak 149
 kévilgét 80
 kēžen 77
 *k'iet-miwen-t'siēn 147
 kinš 89
 kir 141
 *k'iwēn 104
 *k'iwēn 104
 k'jā-li-ma-č'ě 147

*k'leu 33
 *k'lou 33
 koa 75
 köb- 103.104
 köbäk 112
 köbö 103
 ködön 116
 k'o-han 108.109
 kök 149
 kökän 77
 *k'o-mäg-g'ieg 71
 *k'o-mäg-qaj 71
 kömäk 149
 kön 112
 köncäk 112.113
 Köncög 112
 köñžak 112
 köñ- 107
 köp- 103.104
 köpä 103
 kraan 97
 korlj 165
 köt 116
 *köt 116
 köt-än 116
 köz 115
 köžaj 115
 Köžaj-Notaj 115
 köž-lü(g) 115
 král 50.165
 králj 50
 kran 97
 *krei- 194
 *kri 194
 kröl 50
 kua- 107
 kuan 111
 kuän 152
 *k'uän 112
 k'uan-č'č 112
 kuba- 107
 *küe-n- 104
 Kuən-i 72
 Kumcheg 112
 kün 74.112
 künčak 112
 Kunchegh 112
 kuningas 94
 Künžak 112
 kunnä 107
 k'uo-mo 72
 k'uo-muo-yei 71.72.180
 *kūo-n 104
 kütän 116
 Kutlu 101
 kuvilē 80
 kivil'ga- 80
 kuvu 107
 kūn 69
 kūn-ok 69

kūs 89
 *kwän 152

laban 62
 lada 197
 ladi 197
 *lä-d'o- 197
 ladz 197
 lafz 119
 lafz 119
 łajan 110
 lepäs 119
 lētan 197
 likžir 152
 Lubnän 62
 lutu- 197
 lygəl 205

mā 82
 mača 200
 mača 198.199.200.201
 mäslen(u) 201
 mäs(t)ling 201
 ma-garru 141
 maγu 117.118
 maγus 117
 maγut- 117
 Maγy-Qurγan 118
 mah 202
 majaq 115.116
 māki 198
 makiri 200
 makta- 117
 *mañaq 115
 Maγyγt 118
 maq 117.118
 maq'ad 116
 Mäqūt 118.123
 maqta- 117
 mård 120
 Märgän 82
 Marqa 69.70
 mas 202
 mata 201
 Matercha 151
 matr 201
 mats 201
 max 200
 maxta- 117
 maxva 200
 maz 201
 mäzi 200.204
 māj 200
 *m'ek-lāj 133
 mēce 198
 mes° mörñ 201
 meki 198.199.201

mengü 118
 meñi 118
 meñü 118
 mers 201
 mersing 201
 mes' at 200
 mese 200.201
 mes° 200
 messe 201
 messinc 201
 mex 200
 mēxerop 200
 mezzi 201
 mezzirahs 201
 *m'ek-lāj 133
 mēve 198
 meže 198
 miekka 198
 miñak 116
 miñγan 118
 miñyat 118
 mis 201
 mjuən 89
 *mjuən 89
 mīxa 198
 mo 206
 *mog-ot- 117
 *mog-ut- 117
 Moγ 118
 Mo-ho 70
 möker 198
 mökkö 127
 mökö 127
 möngü 118
 *mongüt 118
 mqrdr
 möš 201
 mosaz 201
 *mosqdz 201
 mosiadz 201
 *mosing-201
 moži/muži 62
 mucie 205
 *Muk-kuet-ljwo 70
 mün 116
 munčaq 160
 *muñ 116
 Murqat 70
 Murqa 69
 myjak 116
 Myñyat 118
 mys 201
 mysha 198

nagt 119
 *naγat 119
 naγyt 119
 nänži 95
 naqd/naqt 119

naqyt 119
 nä'ürä 182
 naxt 119
 niču- 98
 ničuxē 98
 nimaxa 98
 nime-ŋgi 99
 nind'i 95
 niñču 98.99
 niñčuñej 98
 niñun 98
 *niñun 99
 nīru 98
 Noxaj 103
 nuqūd 119
 ñend'i 95
 ñuññ 98
 ñuñgun 98
 ñuñu 98
 ñuñun 98
 *ñuñun 99

oboñca 188
 obr 123
 odun 77
 oγ-a-la 93
 *oγ-a-la-ur 93
 *oγ-lur 93
 oγlyt 93
 *oīnos 84
 oja 77
 oj-un 77
 *olbqdy 61.62
 olbrzym 123
 olerlik 123
 opa 61
 opoñcza 188
 or- 159
 *or- 166
 ora- 159
 oraŋya 163
 orči- 158
 ordu 155
 ördük 125
 orya 160
 or-ija- 158
 orö- 158.159
 orol- 159
 oronya 158.163
 ört- 124.125:
 örtmä 125.126
 *ört-mä 125
 ört-män 125
 ört-ü 125
 ört-üg 125
 örtük 125
 orun 159
 orungu 160
 orunyalı 159

orunyu 161
 orunyu-lyγ / -luγ 160
 orun(γ)u 163
 orunyu 160
 *orūtma 125.126
 *o-strov-ъ 194
 *o-strov-ъ 194
 ot 77
 öt 77
 otaγ 189
 ötüg 97
 otun 77
 *ovlūr 93
 özgä 97

pahlav 87
 pahlavān 87
 pahlivan 87.89.90
 Pajana 83
 palaz 90
 palli 165
 palli 165
 pallikā 165
 Palócz 74
 pälp-ta 89
 paluan 88
 palvan 88
 pareluni 159
 pari 133
 päri 133
 Parpava 87
 p'arak' 124
 p'arag 124
 p'e 121
 pēng 179
 pei 89
 pəri 133.134
 Pfund 97
 pγ' 152
 Phalagi 74
 *piēg 89
 pinus 205
 piral- 159
 pirałuka-
 piš-i laškär 181
 pjie 89
 Plauci 74
 Plavci 74
 pögä 127.128
 poger- 159
 pögo / pögü 127.128
 pökkö 127
 pökkö 127
 polı 165
 pön- 159
 Pons 74
 pongoli- 159
 *por- 159.163.166
 poraduni- 159

poral 159
 poreluni- 159
 pəri 133.134
 porjal- 159
 porp- 159
 poro- 159
 *porqgy 164
 *poro-n-γo-li- 159
 pos 79.86.92
 pu 205
 *puāt-liak 124
 puγa 128
 pul 87
 pulvān 87
 puñja 82
 punt 74
 Puntraziña 74
 pur 133.159
 pural- 159
 purałuka- 159
 pūras 133
 purałtuka 159
 purejuni- 159
 purul- 159
 puvefa 159
 puvfa 159
 pyg 199
 pyl- 159
 *pwäd 89
 pwäj 89

qa'an 109
 qa'alqa 102
 q'u 105
 qab- 104
 qābul 104
 qaba 100
 qadali 100
 qadar 100.119
 *qada 133
 qadyn 167.168
 qadr 119
 qaeni 110
 qaγ 106
 qaγan 71.108.109.110.172
 qaγda 133
 *qaγda 133
 qaγul 106
 q'u 106
 Qaj 69.71.72
 qaj 102
 *qaj 71
 qaja 100
 qaja-liq / -lu / -lyγ 100.
 101
 *qajaly 101
 qajan 100
 Qajy 69

*qal 102
 *qal-čyq 102
 qa-mač 198
 qan 109.110.111
 qan 109.172
 *qan 134
 qančyq 112
 qan-lyy 100
 Qany 71
 *qañy 71
 qaqnus 63
 qara 156
 qara köbäk 102
 qaralyq 156
 qarčaq 189
 qaryä 86
 Qarluq 157
 *qaš 102
 qašaq 102
 qašyun 102
 qasqyr 86
 qät 167
 qatty 167.168
 qatun 167
 qau 75.106
 qav 105.106.107
 qavalaq 106
 qavat 106
 qavčar 106
 qavdan 106
 qavyan 106
 qav-la 106
 qavla 105
 qavlayän 106
 qavlan 106
 qavlaq / qavlyq 106
 qavqaz 106
 qavraq 106
 qavylyq 105.106
 qavut 106
 qavuz 106
 qavžar 106
 qawaltaq 106
 qazaq 115.196
 qazaqal 196
 qazax 196
 qazaxi 196
 qazax-oba 196
 qeeni 110
 qizaqi 196
 *qoba 76
 *qob-a-yaq 106
 qobčai 107
 *qobgal 106
 qobi 107
 *qob-qa-ci-sun 106
 *qob-qa-la 106
 *qob-qa-ra-yul 106
 qöbraq 105
 qoby 105.106.107

*qoby-qu 106
 qoby-ra- 107
 qobyryaj 105.106
 qoça 102
 *qoça-ly 102
 qoçla 105
 qoçu 61.62
 qoj-un 77
 qol 112
 qolčaq 112
 qömsö 77
 qömsöman 77
 qomy- 105.107
 *qom-y-l 105
 qomyryaj 105.106
 qonč 113
 qončaq 111.113
 qonžuq 113
 *Qorsun 117
 *qoš 113
 qoš 113
 qoš-čy 113
 qoššü 113
 *qovu 61
 qow 75
 *qowa 75
 qozy 115
 Qozy Körpöš 115
 qu 61.62
 *qu- 77
 qü 62.75.106
 qūa 75
 quaqgai qyzyl 75
 *qub 77
 quba 72.75.76.77
 quba-yar 75
 *quban 78
 *qu-ba/-wa 77
 qubčiri 110
 qubci'ur 110
 qubi 75
 *qu bodyn 62
 qubu 75
 qubulyan 70.
 qūbuli- 80
 Qubyi 61
 qubyq 76
 qūyaq 105
 quyla 105
 quyu 61.62
 quinta 94
 qulan 77
 qum 76.77
 *qum 77
 Quman 76.77.78
 *Qu-man 62
 *quman 76
 qum-a-n 76
 *qum-man 76
 qumral 76

qumral-lyg 76
 qumran 76
 qumsu 77
 qumsuman 77
 qumsyy 77
 qumtul 76
 Qumux 72
 Qumyq 72
 Qun 62.70
 qūn 74
 *qūn 78
 Qūn 69.76.77.78
 *Qūn 169
 Qun-uj 73
 quqnūs 63
 Qūri 69
 qurt 80.86
 qurt-un 77
 quruš 120
 quščy 113
 Qytai 71
 qut-lyy 101
 qutu-z 142
 quv 75.105.106
 qūva 76
 quvaq 105
 quvala- 107
 *quvu 61
 quwa 76.77
 *quwa 75
 quzqul 196
 *qyan 134
 qybyl 104
 qylyy 102
 qylyč 204
 Qytañ 71
 qyvryq 189
 qyz 115
 qyza 115
 qyz-qyš 115
 qyz-yq 115

rluq-nag 193
 Röpš- 55
 Ruotsi 55
 rutu 197

sâb 202
 saba 130
 sab-a- 129
 sâbađa 130
 sabata 130
 Sabel 202
 Sabel 202
 saber 202
 sâbjâ 202
 sâbl'a 202
 sable 202
 sablja 202

şabō* 104
 sabot 130
 sabqa 129
 sabre 202
 sabsi 129
 şab-(szab-ni) 202
 sabta 129
 sabu 129.130.131
 sa-ḥu 129
 şābūk 130
 sabȳ 100
 sač 183
 sādaq 136
 sādēğ 136
 şaff 129
 sagoada 136
 saguate 136
 *saṛadaq 136
 saṛadaq / -γ 136
 sārādāq 136
 *saṛajdaq 136
 saṛdaq 136
 sārīdaq 136
 *şāhib 177
 sāh-pūh 129
 sahs 198.201.203
 sāifi 203
 saif 202
 sāilā 205
 sajf 203.204
 saṛyat 135
 *saṛyat 135.136
 *sājp 203
 sajrā 202
 sālā 204
 sālāhā 204
 sālāmā 204
 *şalbi-ār 175
 sāle 205
 saṛyyla 171
 sāliā 205
 şalib 176
 saliba 178
 şalib ār-i 175
 şalibi ār 175
 *sam-čy 94
 sanctus 94
 san-čy 94
 *sant- 94
 saoka- 136
 saokā 136
 sap 204
 sap- 129.203.204
 sapā 203
 *sāpa- 131
 *sap-a- 129
 *sap-ā 130
 *sapaga- 131
 *sap-a-γ 129
 *sap-aka- 131

sape 203
 sapogas 129
 sapóq 130
 sapqan 129
 *sap-uγ 129
 sapy 203.204
 *sap-yγ 129.204
 *sār 191
 sār 120
 sara 173
 Saraceni 74
 Saracenorum 74
 Saracēnus 74
 *Sarbi 180
 Sardaya 132
 sárga 172
 *sārgān 144
 sirya 144
 sārī 70
 sarrakine 74
 sarubek 172
 Saru-Qān 172
 saruwēk 172
 saru-xān 172
 sary 70
 *sary-čyn 74
 saryğ-gan 171
 saryγ 70.74
 saryγ 134
 *sāryγ 172
 saryγan 171
 *saryγ-čyn 74.75
 Saryγčyr 75
 Saryγ Čyr 75
 saryγ qayan 171.173
 saryγ qan 171
 saryγ-qyna 74
 sary kūn 74
 saryγ-xān 172
 sátor 183
 saudaq 136
 saugate 136
 sauγa 135.136
 sauγat 135.136
 sauqa 136
 sauqat 136
 sauxa 135
 sav- 136
 sava- 136
 savā- 136
 savah- 136
 savate 130
 *sav-γa-t 136
 sax 198.203
 saxum 198.203
 saz 172.191
 *saz 173
 *sāz 172.173

sāz 191
 saza- 172
 sazaγan 172.173
 sazan 172.173
 sazar 172
 schalcbære 175
 schallbar 175
 schebel 202
 schiavoni 33
 sclaveni 33
 sear 172
 seax 203
 Sebel 202
 Seibel 202.203
 *sēksa 206
 selaba 204
 selbigür 174
 sēlē 204
 selem 204
 sēlēmā 204
 seleme 204
 selemu 204
 sēlimēl 204
 ser 172
 sera'a 172
 sevir 207
 sevr 207
 sewel 202
 sežen 144.145
 şēlab 178
 şēliḥa 176.177.178
 shiaguti 136
 ši 71.72
 *şjēt-giwer 71
 sime-ŋgi 99
 šim-sē 99
 simut-či 99
 šir- 98
 siri 172
 siriš 183
 siriš 183.184
 sirišāgar 184
 sirišām 183
 sirišk 184
 sirištān 183
 siruji 191
 šis 205
 sitoi 172
 šja-han 71
 šja-lja 204
 šjēt-jwēi 71
 šjun-nu 71
 s(k)laven(en) 33
 šlb 179
 šlēš 183
 šōčati 62
 Sodaya 132
 Sogdaq 135
 soγa 134
 sōγa 135

Soʻyad 132.134.135
 soʻyat 134
 soʻyat 134.135
 Soʻyd 132
 Soʻydaq 132.135
 Soldadja 132
 Soldaia 132
 solidum 120
 soltan 129
 *soltanъ 128
 solt'oŋ 129
 solton 129
 *söröfi 204
 sou 120
 söula 131
 soyla 131
 sö-z 142
 spaka- 103
 span- 103
 sraeš 183
 srava 194
 *sre- 194
 sröš- 183
 śri 193
 śri- 194
 śribaŋa 194
 *Sribaŋa 195
 *sri-baŋa 194
 *sri-dašva- 194
 śri-dēvi 193
 sru- 194
 śrū- 33
 *srūā- 194
 śrūtā-33
 stang 158
 staōra- 207
 steer 207
 stier 207
 stiur 207
 stqng 158
 *stri 194
 strib- 194
 struja 194
 su 131
 sū 131
 suarŋa 144
 sub 131
 šučih 62
 sudaq 132.133.134
 Sūdaq 133
 Sūdāq 132
 *Šuydag 134
 Sūdāg 133.134
 s*uyday 134
 Suyday 132
 suuyday 134
 suydaq 133
 sulā 131
 sūlay 131
 sūlay 131

sulaq 131
 sulan 131
 sūldo(s) 165
 sultan 129
 sultān 128
 sūltān 129
 su-luŋ 131
 *su-ly 132
 sun 205
 sūn- 103
 šunah 103
 sunža 144
 sus-pu 205
 susy-pu 205
 *suray 134
 *surāy 134
 sūrbāc 183
 sūrbād'i 183
 sūrbās 183
 sūrmās 183
 sūrmāš 183
 suv 131
 suvlay 131
 *suv-lyŋ 132
 švā- 103
 swyd 134
 szabla 202
 szāblya 202
 szabni 202
 szalbierz 175
 szaran 173
 svr 188
 Syydaq 134
 syydāg 134
 syrŋa 144
 *syruŋa 191
 *syruŋy 191

šabata 130
 šabur 131
 šabur šaqaj 131
 šādūf 182
 šaŋa 170
 šāhār 119
 šāhir 119
 šahr 119.155
 *šālābir 180
 šalbar 174
 šalbyr 174
 *šalbir 175
 šalpan 174
 šalpar 174
 šalqy 171
 šalvar 174
 šan 103
 šan-jū 109.154
 *šāpān 173
 šaqaj 131
 šar 207

šār 172.173
 *šara- 173
 šarayč'in 75
 šārāl'ni 172
 šaran 173
 *šārān 173
 *šaraqan 172.173
 šārgā 172
 šarkan 173
 šārkañ 172
 šarkāñ 173
 šarq 74
 šarqijj 74
 šarqijjin 74
 *šātor 183
 šātr- 183
 *šātyr 183
 šavar 131
 šavar šaxaj 131
 šavle 202
 šefet 202
 *šelbir 176
 *šelbirъ 175
 *šelebir 176
 šer 184
 *šer 185
 *šerešerъ 184
 *šer-š 185
 *šeršer 184
 *šer-xor- 184
 šf-t 202
 ši 72
 ši-ŋa- 131
 šiŋabur 131
 šilbūr 174
 šilbura- 174
 šilgī at 183
 šira 172
 širayč'in 75
 širŋa 172
 široi 172
 širuŋa 191
 šoblē 202
 šoblis 202
 šor 191
 šor 207
 šū 103
 šun 205
 šuñs 103
 šur 173.191
 šurā 172
 šyrā 134
 šūrmāš 183
 šylbyr 174

tā- 148
 *tā- 142
 tabŋac 146
 tabun 141

täg- 140	tärça 142	terge 144
t'agavor 154	tärgä 144	têrgê 144
täg-il- 140	targan 152	t'erge 138
täg-il-gän 141	tärgän 138.139.140.141.	têrgê-ka-kan 144
*täg-il-gän 139	142.145	tergen 139.144.145
täg-ir- 140	*tär-gän 141	t'ergn 138
täg-ir-gän 140	*tărgän 140	tët 205
tägirmi 158	tärgät 138	tër(u) 145
täg-z-in 141	tär-gi-141	têru 145
täy 100	targüm 146	têrû 145
täyüt 119	Tarhunda 154	təliqa 143
tajag-i 189	tärigün 153	ti- 148
tajaq 189	*tär-ik 142	ti- 148
täjigä 142	tärim 153	*tieg 172
täkä 115	tärk 141.142	tiyri 181
täkfur 154	tärkän 152	tiei 172
Täkir 154	tärk-čä 142	t'iêrgê 138.140
*taks- 206	tärkin 142	ti-ir 93
takşaka- 205	tarqan 151.152.153.154.	tijin 120
takta-mō 206	155.156	tijin 120
takty-kän 206	Tarquinius 153.154	*tiks- 206
tal- 145	tarxan 151.152.153.154	**tiksi 206
tälägän 138.139.140.141.	t'arxan 155	*tikti 206
142.143.144.145	tat- 137	til 150
tälägäntür 138	tat-lyy 100	tilgän 145
tälägätü 138.139	tat-ra- 137	*til-kä 150
talamaçi 147	*tat-ra-n 137	tilkü 183
talami 146	tattli 100	tin 120
talaqa 143	tat-y- 137	t'ind'i 95
tälgän 143.145	tatymal 137	tiñ 120
*tălgän 140.141	tat-y-q 137	tir 182
tälgin 143	tat-yr 137	tir 93.181.182
talguşi 145	tat-y-ra 137	tir-i čarx 183.184
taliga 143	tat-yr-yan 137	tir-i čarx 182.185.186
täligä 142	tat-yr-yğ 137	tis 205
taliya 143	tañras 207	tis 205
taliqa 143	*tauru 207	tisa 205
*talmaç 146	tauras 207	tisä 205
talyya 142	tav 100	tit 206
talyiga 142	tävar 150	*t'iu 95
talyqa 142	t'avi 153	tiv 148
tama 152	taxt 119	ti-v 149
tamaçi 151	taxus 205	ti-v 149
taman 151	taxyt 119	*tiv-är 149
tämür 138.139	täz 142	*tiv-är 149
tämür tälägätü 144	tä-z 142	*tiv-är-i 149
tän(ä)kä 120	täzgin- 141	tivrä- 147
tängä 120	täzgün- 141	Tivrä 147
tañka 120	*te- 142	*Tivrä 147
tañkam 120	teccu 112	*tjen 95
täpkän 153	tēden 205	tobiçağ 146
taqavor' 153	teget 205	tobiçaq 145
**taqsa 206	*tegilägan 145	tobuzaq 145
**taqsy 206	tele- 142	tobyçaq 145
*taqty 206	teleagä 142	tobyzaq 145
tar- 141.145	tër 145	tobzaq 145
*tar 152.153	teregen-tur 139	toya 206
tär 142	têrga 144	tolige 143
*tär- 141.145	tergan 138	tolgo- 144
	têrgan 144	

tolgoki 144
 tolgoki 144
 tolmač 147
 tolmács 146
 tólmäč 146
 tolmetsche 146
 Tonuz-äpa 116
 top 145
 topčaq 145.146
 topčaq at 146
 toqi 145
 tor 207
 tör 191
 toraj 207
 toraman 207
 törbä- 97
 törbi- 97
 törbi-gü 97
 törbü 97
 törbüg 97
 torgo 144
 torqaj 86
 torki 144
 Török 150
 törpüg 97
 *torqan 151
 tor taj 207
 tortman 207
 *tor-tor 184
 *tor-tor-i-ti 184
 töšäk 79
 töt 206
 tozun/yn 77
 trx'n 152
 try'n 152
 tsju 95
 ttarakana 152
 ttarkana 152
 ttarkani 152
 tuči 145
 tudio 191
 tug 100
 tuğa 206
 tuki 145
 *Tuman 156
 tunğa 144
 tur 207
 *tür 150
 tūra- 147
 *türik 149
 Turk 153
 Türk 149.150
 Turkän 153
 Türkän 153
 turki 144
 turku 191
 Turla 147
 turuku 191
 tüšäk 79
 tuse'e 191

tuv 100
 *tüz 150
 tydë 205
 tyl 142.146.150
 tylmač 146
 *tyl-qa 149.150
 tyl-yq- 150
 **tyqsa 206
 *tyqty 206
 **tyqay 206
 *Tyragé-tai 147
 Týras 147
 tyt 206
 tyt 205
 *tyt 206
 tyty(j) 205
 tytyñ 205
 tyty 205
 *tylkovati 150
 *tylkъ 149
 *tylk 150

pađan 172
 pađly 173
 pār 191
 paur 207
 paır 207
 pevru- 207
 **p-ı-r 207

üc-äg 97
 üc-äg-ü 97
 üc-äw 97
 üc-äw-ü 97
 ükär 86
 ul- 93
 ula- 92
 ulöp 122
 üli- 93
 ulu 101
 ulu- 92
 uluı 100.101
 ulur 93
 ünčä 95
 unkjanë 199
 unus 84
 ıra134
 urceus 199
 üšöü 97
 üšöü 97
 *üšöüsü 97
 üs-t 126
 ut'o 97
 ut'o(v) 97

Valewen 74
 Valvi 74

Valwen 74
 *vent- 31
 *Vylurъ 92

wa-li 164
 waqt 119
 wafä '189
 wařaq 189
 wax 119
 'w'r 121

xa'alxa 196
 xa'an 109.110
 xabz 104
 xabze 104
 xabz 104
 xač 178
 xada 100
 xadaıa 100
 xadär 100
 xagan 110
 xaıan 108
 xaıalxa 102
 xaj 104
 xaja 100
 xäkän 108
 xak'an 108
 xälıa 102
 Xallux 157
 xan 109.153
 xän 109.111

xaıan 109
 xäqän 109
 xäqän 111
 Xarä Xular 62
 *Xaralqъ 157
 xardışahër 74
 xardjaš 74
 Xarlux 157
 xartëšk' 76
 xartëšk'(n) 74
 xatıy 168
 xatun 167.168
 xat'uni 168
 **xbron-no 70.71
 xe 104
 *xër 185
 *xer-x 185
 *xër-x 185
 xök 98
 xha 104
 *xiwoı-no 71
 xiwoı-no 168
 *xiwoı-no 70.71
 Xiwoı-no 72
 Xjuæn-juk 73
 x'k'n 108
 *xmæk 98

xō 77
 xoa 104
 xoar 104
 xobaɣaj 106
 xobaɣajra 106
 xobira- 107
 xobixi 106
 xobixida 106
 xobhorayul 106
 xobxočisun 106
 xobxol 106
 xobxola 106
 xobxora 106
 xol 104
 xoj 104
 xor 104
 *xor- 159.184
 xoragy 166
 xorogy 166
 xorogy 160.164.165
 *xor-x 185
 xorz 207.208
 xos 113
 xošti 118
 *xot- 167
 xotun 167
 xoža 115
 xšaeta 208
 xšaeta- 207
 xu 104
 xua 75.104
 xuba 76
 xubil- 80
 xubilyan 80
 xumaq 77
 xum^ug 77
 xuoī 104
 xuo-p'āk 75
 xūōtneiča 167
 xura 133
 xuro- 159
 xuwa 77
 xvarz 208
 xve 104
 xvi 104
 xvū 104
 xwatan 109
 xwatēn 168
 xwaža 115
 xylys 204
 xylz 169
 xynq 169
 xynqti 169
 *xzt- 167

za'b 104
 zābaks 129
 zābū 100
 zabzā 104
 zapata 130
 žlān-jū 109
 Zoltān 128
 žderi 208
 žege 208
 žerge 208
 žgəra 208
 *žgera 208
 žgerāg 208
 žgiri 208

ža'an 109
 žayun 141
 žajb^{un} 139
 žalāb 176
 žalābā 178
 žālba 178
 žarliq 187
 ža'un 141
 žib 193
 žinži su 95
 žinži xwār 95
 žinžū 95.96
 žinžū 95.97
 *žiq-ču 98
 *žirmaqa/-ɣaj 98
 žirmaɣaj 98
 žiru- 98
 žiruɣyan 98
 žumān 99.100
 žurče- 121
 žūrčēn 121
 žusan 188
 žyryq 182
 *žyrjun 98
 žyržyr 183

*Blurb 92

-a/-ā 84
 -a-j-83
 -an/-ān 76.77.100.137
 -aq-āk 103.132
 -ča/-čā 113
 -ča/-ža 186
 -čān 62
 -čaq 112.145
 čē 113
 -či 113.186
 -či- 158
 -čy/-či 113.186
 -čyn/-žyn 74
 -el 203

er/ar 123
 -gi 141
 -gir/-ɣyr 40
 -ɣ/-g 72.171
 -ɣa 187
 -ɣan/-gān 137.142
 -ɣar 75
 -ɣu/-gū 149
 -ɣyn/-gin 142
 -i 176
 -il(-a) 38
 -io-s 151
 -ing 157
 -ing- 201
 -ingen 157
 -jo/-ja- 117
 -jz 134
 -ka 150
 -kā 62
 -kan 62
 -kan/-kēn/-kon 98
 -k'o 99
 -kūn/-gūn 74
 -l 105
 -la 171
 -la- 106
 -lā 142
 -la-ɣ 131
 -lap 84
 -la-q 131
 -laq/-laɣ 131
 -lar/-lār 84.135
 -lyɣ/-lig 131.156.160
 -luq 156.160
 -m 158
 -ma/-mā 62.204
 -mān 125
 -n 76.77.82.137.158
 -ont- 117
 -q 123.189
 -qaj/-ɣaj 72.75
 -qan/-ken 98
 -r 83.84.85. 142
 -ri 62
 -rin 62
 -t 82.117.135
 -ta 147
 -t'a 147
 -tul 76
 -uci 104
 -un/-ūn 77
 -ung 157
 -ungen 157
 -us 104
 -ut 118
 -v 148
 -xan/-kān 153
 -xān/-xēn 98
 -y 186
 -y- 105.106

yñy 95
 *yru-w- 144
 yt 103

-yl/-ul 104
-yq 115
-z 84.85.86.142

'Αβαροι 122
αἰγιαλός 102
'Ακάτζιροι 85
άνται 31
ἄρχων 91
'Ατελκούζου 61

βοάνος 81
βοεάνος 81.92
ΒΟΗΛΑ 86
βοηλός 84.91
ΒΟΙΛΑ 86
βοιλάδες 92
βοιλάς 84.91
βοιλάδες 84
Βουλγαρία 48.61
Βούλγαροι 92
ΒΟΥΛΗΑ 86
ΒΩΥΛΕ 92

Γεώργιος 208
γιαλός 102
Γρυναῖοι 69

Δάναστρις 192

'Εξερίται 43
ἐλάω 197
ἐπιθυμία 167

Ζαλτάς 128
ζάμφορος 99
ζάμβυξ 99
ζάμυξ 99
ζέμφορος 99
ζέφυρος 99
Ζίγχοι 196
Ζίχχοι 196

κάσαγος 196
κάσακος 195

κασαχία 195
καυλός 107
κέδρος 205
κερκέται 196.199
κῆγτος 94
κλέος 33
κλέοΦος 33
κλυτός 33
κύγνος 63
κύκλος 181
κύκνος 62.63
κύων 103

Λαῦρος 93
Λεβεδία 61
λευκός 73

Μάταρχα (τὰ) 151
μάχαιρα 200
μεγιστᾶνος 91
μείζων 31
μοιχός 167
Μοττόνκοικος 201
Μούχρί 70

ξίφος 202

'Ογγλος 49
Οὔαρχονίται 168
οὔγκία 199
οὔενέδαι 31
Οῦλτίνοι 147
Οὔννοι 30.34.168.169
Οὔννουγουνδοῦροι 40.72

πέυκη 205
πρόμαχος 87

ρε- 194
ρυη- 194
ῥως (οἱ) 55

Σαμφών 94
σάπφειρος 94
Σαρακηνοί 74.169
Σαρχάνης 172
σθλαβ- 33

Σθλαβηνοί 31.33
σκαφά 130
σκλαβ- 33
Σκλαβηνοί 31.33.55
Σκούθαι 169
σολδανός 128
σολτάν 128
Σουοβηνοί 31
Σουγδαία 132
σουλτάνος 128
στατήρ 120

Τάλματ 146.148.149
Ταμάταρχα 151.155.156
Τάναῖς 192
Ταργίταος 154
Ταρχυναῖοι 154
ταρχάν 155
Τατίκιος 137
Τατούς 137
Τατράνης 137
Τατρός 137
ταῦρος 207
τζελεπής 177
τζερβούλια 130
τόξον 205
τοῦρκοι 60.61.150.169
Τροῦλλος 147
Τυραγέται 147
Τύρας 147
Τυρίται 147

ὕλη 131
ὕποδημα 129

Φαῦνοι 69
Φαῦροι 69
Φοῦνοι 69
Φρῶνοι 69

Χαλκός 201
Χάλυβες 157
Χάλυψ 157
Χιονίται 168
Χερσών 116

-γῆροι 40
-γυροι 40.85

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Предисловие Р. О. Якобсона к первому изданию	13
Предисловие автора к русскому изданию	16
Глава I. ОЧЕРК РАННЕЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН	20
Глава II. ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»	59
Заимствования из алтайских языков	59
Восточные слова неалтайского происхождения	191

П Р И Л О Ж Е Н И Е

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ОРИЕНТАЛИЗ- МОВ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ. (Со- ставили Добродомов И. Г., Романова Г. Я.)	211
Списки сокращений	239
Индекс слов (Составил Чариков С. Л.)	248

Карл Генрих Менгес
ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В «СЛОВЕ
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
АН СССР

Редактор
Д. М. Насилов
Художник
Л. А. Яценко
Технический редактор
Н. Ф. Виноградова
Корректоры
Н. И. Журавлева,
Н. В. Лихарева,
Ф. Я. Петрова
и Т. Г. Эдельман

ИБ № 8666

Сдано в набор 03.11.78.
Подписано к печати 25.05.79.
М-27130. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая.
Печ. л. 16³/₄=16,75 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 21,47. Тираж 3650. Изд. № 7154
Тип. зак. № 756. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164,
Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»**

Адреса и почтовые индексы магазинов:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13
320005 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95
375009 Ереван, ул. Туманяна, 31
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289
252030 Киев, ул. Ленина, 42
252142 Киев, пр. Вернадского, 79
252030 Киев, ул. Пирогова, 4
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28
343900 Краматорск (Донецкой обл.), ул. Марата, 1
660049 Красноярск, пр. Мира, 84
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2
192104 Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57
199164 Ленинград, В-164, Таможенный пер., 2
199004 Ленинград, В-4, 9 линия, 16
220072 Минск, Ленинский пр., 72
103009 Москва, ул. Горького, 8
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
630076 Новосибирск, Красный пр., 51
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22
142292 Пушкино (Московской обл.), «Академкнига»
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

117192 Москва, Мичуринский пр., 12
Магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»

197110 Ленинград, Петрозаводская ул., 7
Магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига»